

Санкт-Петербургский государственный
университет

ПОЛИТИЧЕСКОЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Материалы Всероссийской научной конференции
Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2021 г.

*Под редакцией
Л.В. Сморгунова,
А.В. Курочкина, О.А. Игнатъевой*

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2022

УДК 327
ББК 66.4
П50

Рецензенты

д-р полит. наук, проф. СПбГУ *И.А. Быков*
д-р филос. наук, проф. Кубанского государственного университета
Е.В. Морозова

П50 **Политическое в условиях цифровых трансформаций:** Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Политическое в условиях цифровых трансформаций: философия, наука, технологии», 24–25 сентября 2021 г., СПбГУ, Санкт-Петербург / Под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Курочкина, О.А. Игнатъевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. — 383 с.

ISBN 978-5-7567-1213-1

В сборнике содержатся материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Политическое в условиях цифровых трансформаций: философия, наука, технологии», 24–25 сентября 2021 г., СПбГУ, Санкт-Петербург. В представленных статьях обсуждаются вопросы политической онтологии цифровизации, трансформации политического в условиях цифровизации, рекурсивность публичной политики, влияние цифровизации на публичное управление. Представлены статьи российских и зарубежных участников конференции.

Для специалистов в области политологии, социологии, философии, публичной политики и управления.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-1213-1

© Коллектив авторов, 2022
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2022

Все учебники издательства «Аспект Пресс»
на сайте и в интернет-магазине <https://aspectpress.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Раздел 1

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЦИФРОВАЯ ПОЛИТИКА

<i>Сморгунов Л.В.</i> Политическая онтология цифровизации	10
<i>Щенина О.Г.</i> Топологический ракурс исследования политического	17
<i>Каплуненко А.М.</i> Развитие структуры технополитических возможностей как фактор рекурсивности публичной политики	26
<i>Есенгараев Е.Ж., Таубаев А.А., Пупышева Т.Н., Пунтус Е.А.</i> Субъектность науки в социально-политическом пространстве	37
<i>Шиповалова Л.В.</i> Неизбежная рекурсивность публичной научной коммуникации	49
<i>Виноградова Н.С.</i> Виртуализация современной политики: коммуникационный фактор политико-психологического восприятия	61
<i>Вульфович Р.М.</i> Цифровые инструменты в процессе повышения и выравнивания качества жизни на территории крупных метрополитенских регионов	68
<i>Кольба А.И., Чадаева З.Т.</i> Институциональные основания политического управления региональными конфликтами: сравнительный анализ моделей	83
<i>Sumit Mukerji.</i> The Double veiled Digital Democracy in India	95
<i>Sharma Meenakshi.</i> Digital Governance in India with Special Reference to Punjab: An Overview	105
<i>Sehgal Sh., Singh V.</i> E-Governance in Policing: An Evaluative Study	115

Раздел 2

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

<i>Соловьев А.И.</i> Квазиполитические системы в пространстве современного государства: социальные и политические последствия	130
<i>Ачкасов В.А.</i> Зачем русским статус «государствообразующего народа»? ...	144
<i>Глухова А.В.</i> Перспективы популизма в разделенных обществах	153

<i>Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В.</i> Цифровое поколение: вызов к гражданской идентичности	165
<i>Понеделков А.В., Кудряшов К.В., Санькова А.А.</i> Социальные и политические последствия цифровизации политического управления	176
<i>Твердохлеб А.О.</i> Политическая грамотность молодежи: проблемы взаимодействия власти и молодежи в России	182
<i>Шестакова А.А., Николаева М.В.</i> Как СМИ формируют дискурсивное политическое пространство в Интернете: триггерные точки взаимодействия «партии—электорат» в контексте избирательного цикла 2021	189
<i>Якимец В.Н., Никовская Л.И.</i> О цифровой трансформации муниципальной публичной политики: проблемы, инструменты, стратегия, практика	199
<i>Renu Kapila, Surjit Singh.</i> Social Effects of Digitalization Policy of India with special reference to Higher Education Sector	212
<i>Dakashata Bajpai.</i> Regulating Cyber Space in India: Conflict between the Legal Regime and Privacy Concerns	225
<i>Jach A.</i> Russian model of cooperation as an example of intersectoral synergy in the process of building civil society	236

Раздел 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

<i>Березкина Е.Ю.</i> Платформа «Руссо» итальянской партии «Движение пяти звезд» как популистская попытка разворота в сторону прямой демократии	248
<i>Вдовиченко Л.Н.</i> Влияние общих политических ценностей на сепаратистские настроения	253
<i>Гаспарян Д.А.</i> Кризис политической культуры в Третьей Республике Армения	260
<i>Дмитриева В.Д.</i> К вопросу о цифровизации религии: пример медиаполитики современного католицизма	268
<i>Игнатьева О.А.</i> Легитимация власти посредством цифровых платформ	276
<i>Исаева Е.А.</i> Отсутствие эффективных каналов диалога государства с молодежью в регионах России как глобальный вызов в сфере молодежной политики	282
<i>Королев И.Н., Зуева Е.К., Чабанюк В.А.</i> Участие граждан Российской Федерации в управлении регионом с помощью цифровых технологий: опыт, проблемы и перспективы	288

<i>Кузьмин А.Е.</i> Политическое доверие как фактор эффективного публичного управления	303
<i>Кузьмина А.М.</i> Медиакоммуникационные практики вовлечения граждан в процессы цифрового публичного управления	313
<i>Макаренко К.М.</i> Трансформация публичного пространства протеста в современной России: влияние вынужденной цифровизации	317
<i>Матафонова Ю.А.</i> Политическая субъектность регионов Российской Федерации в условиях пандемии: возможности и реализация	329
<i>Морозова С.С.</i> Электронное правительство в условиях цифровых трансформаций: проблемы функционирования и перспективы развития	317
<i>Неверов К.А.</i> Цифровые платформы на основе открытых данных: рекурсивное понимание цифровой управляемости	337
<i>Плетнев А.В.</i> Эвристический потенциал стратегии Трампа в развитии политической коммуникации	342
<i>Савенков Р.В., Фролов А.А.</i> Использование молодежью диалоговых институтов в современной России (результаты исследования в Белгородской и Воронежской областях)	349
<i>Суслов Е.В.</i> Неоавторитарное прочтение политического как фактор ущемления политической субъектности граждан: цифровой контекст	355
<i>Телин К.О.</i> В поисках управляемости: актуальные проблемы оценивания государственных систем	362
<i>Тумуров Ж.Т.</i> Политическая и экономическая трансформация регионов Дальневосточного федерального округа в условиях пандемии	368
<i>Шашкова Я.Ю.</i> Особенности отношения к патриотическому воспитанию старших школьников СФО в условиях информационного общества . .	374
Заключение	382

Предисловие

Первая четверть XXI в. ознаменовалась бурным ростом информационно-коммуникационных технологий, обновление и новации которых ускоряются с каждым годом. Речь идет теперь уже не только о Всемирной паутине (Интернет), которая превратила весь мир в глобальную деревню, но и об искусственном интеллекте, алгоритмическом управлении на основе больших данных, участии населения в решении региональных проблем при помощи цифровых платформ, о системах цифрового контроля и умных городах. Политическая власть все больше и больше осознает необходимость новых технологий в управлении и использует их как внутри, так и за пределами своих национальных границ. Широким фронтом развиваются исследования цифровых технологий. Примечательно, что эта проблематика является одной из ведущих в политической науке. В последние годы появилось множество журналов с соответствующей ориентацией: *Journal of Information Technology & Politics; Science, Technology & Public Policy; Digital Government: Research and Practice; International Journal of Electronic Government Research; Politics, Government and Technology; International Journal of Electronic Governance* и др. Из этого следует, что представленные в сборнике работы обладают актуальностью как для науки, так и для прикладной сферы.

24–25 сентября 2021 г. на факультете политологии Санкт-Петербургского государственного университета состоялась Всероссийская научная конференция (с международным участием) «Политическое в условиях цифровых трансформаций: философия, наука, технологии». Научные результаты работы данной конференции отражены в предлагаемом вашему вниманию сборнике.

Всероссийская научная конференция явилась результирующим этапом выполнения гранта Российского научного фонда № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных основ цифровых форматов государственной управляемости» на факультете политологии СПбГУ в 2019–2021 гг.

Работы, представленные в настоящем сборнике, направлены на обсуждение достижений участников в сфере социально-гуманитарного знания, связанного с цифровизацией политической и социальной сфер общества. Предлагаемые вниманию статьи охватывают широкий спектр проблем. Это политическое в пространстве современной науки

и философии, политическая онтология цифровизации, цифровая политика и цифровое публичное управление, политические идеологии в современном мире, политический процесс в современной России: глобальные вызовы и национальные особенности.

В конференции приняли участие свыше 140 человек из разных регионов России и из-за рубежа. Это ученые, исследователи и представители политической власти, которые занимаются вопросами цифровизации и связанными с ней социально-политическими проблемами. В работе конференции также приняли участие представители мировой науки из США, Польши, Нидерландов, Индии, Казахстана. Избранные доклады нашли свое отражение в данном сборнике, сфокусировав внимание читателя на освещении вопросов государственного управления в рамках как национальных государств, так и наднациональных структур в условиях цифровых вызовов нового времени.

Российская Федерация была представлена учеными из многих регионов России, таких как Санкт-Петербург, Москва, Краснодарский край, Ярославская, Волгоградская, Воронежская, Свердловская и Читинская области, Республика Марий Эл. В сборнике докладов по результатам конференции вы сможете ознакомиться с исследованиями ученых, представляющих ведущие столичные и региональные академические и образовательные центры в России в сфере политической науки. В статьях затрагиваются разные аспекты цифровизации государственной политики и управления, острые вопросы взаимодействия власти и населения с использованием цифровых платформ, вопросы управляемости с учетом специфики объекта (ряд работ посвящен взаимодействию с «цифровыми аборигенами» — поколением Z). В ряде работ речь идет о проблемах рекурсивности публичной политики как в теории, так и на практике (на примере цифровых платформ). Часть статей, предоставленная учеными из Индии, позволяет заинтересованным специалистам познакомиться с особенностями цифровизации разных направлений политики и социальной сферы в стране-партнере из БРИКС.

Немаловажно, что многие статьи, представленные российскими учеными в данном сборнике, также написаны при грантовой поддержке разных научных фондов. Особенно большой процент работ, поддержанных грантами РФФИ, приходится на ученых, представляющих субъекты Российской Федерации. Их работы также важны, так как раскрывают специфику цифровизации власти на уровне данных регионов, проблемы выстраивания конструктивных отношений с молодежью и другими возрастными группами. При написании работ используются методы статистического и сетевого анализа, что позволяет говорить о прикладной апробации гипотез.

Настоящий сборник докладов по результатам научной конференции «Политическое в условиях цифровых трансформаций: философия, наука, технологии» представляет важные результаты научной работы ведущих исследователей в области политической науки, а также молодых ученых. Материалы могут быть использованы при разработке и корректировке направлений государственной и региональной политики с учетом цифровой специфики среды, а также при разработке лекций и спецкурсов в сфере политической науки и политической социологии.

Раздел 1

**Политическое
и цифровая политика**

Политическая онтология цифровизации

За последние годы были достигнуты новые рубежи в использовании цифровых технологий в публичном управлении. В значительной мере на расширение онлайн-пространства публичного управления повлияла эпидемиологическая ситуация, связанная с *Covid-19*. Так, развиваются цифровые системы персональной идентификации граждан, позволяющие повысить уровень предоставления государственных услуг и доверия граждан к органам власти на основе принципов самосуверенной идентичности и доказательства с нулевым разрешением, распространения идентификационных технологий на идентификацию вещей, развития цифровых технологий подотчетности и оценки эффективности. В России развиваются суперсервисы на базе искусственного интеллекта; создается комплекс финансовых продуктов и сервисов, отвечающих стандартам экологического, социального и корпоративного управления на принципах устойчивого развития (*ESG*-платформа); внедряются современные интеллектуальные системы для создания законов на основе концепции развития технологии машиночитаемого права; цифровые технологии внедряются в проектное управление на базе концепции управления национальными целями; создается Национальная система пространственных данных. Развиваются интерактивные технологии взаимодействия органов власти и граждан путем создания специальных платформ, а также использования современных социальных сетей. Совершенствуется управление политикой цифровизации на основе создания Координационного центра правительства для новой модели государственного управления на базе первичных данных. Разрабатываются этические кодексы цифровых технологий и искусственного интеллекта. Расширение пространства использования цифровых технологий демонстрирует не просто эффективность современных технологических средств, а их трансформационный потенциал для политико-социальных изменений, который не до конца осознан ни общественным сознанием, ни наукой. Поэтому все еще сохраняется необходимость изучения социальной и политической природы цифровых технологий. Имеющиеся исследования раскрывают лишь отдельные стороны социально-политической природы цифровых технологий и носят по преимуществу описательный

и предположительный характер. Исследования рассредоточены между различными отраслями знания, что снижает их эффективность с учетом гуманитарно-технической природы цифровых технологий. В этом отношении значимой является разработка основ нового синтезированного научного направления «цифровой социогуманитаристики». Отсутствие скоординированной общественно-политической концепции находит выражение и в множестве общественных дискуссий о вызовах и угрозах цифровой трансформации многих сторон социальной жизни и публичного управления. Можно предложить ряд идей, составляющих структуру институционально-процедурной концепции цифровой государственной управляемости, основанной на политической онтологии цифровизации. Данная концепция базируется на эмпирических исследованиях как политики цифровизации в ряде стран мира, так и конкретных платформенных решений цифрового публичного управления. В концептуальном оформлении полученных научных результатов необходимо отталкиваться от ряда ведущих теоретических описаний проблем цифровизации, политики цифровизации и цифрового публичного управления, адаптируя, дополняя или изменяя соответствующие концепты в контексте онтологической проблематики цифровизации. Основами разработанной концепции выступают следующие взаимосвязанные теоретические блоки.

Политическая онтология цифровизации (в аспекте публичного управления). Политическая онтология цифровизации описывает ее как виртуальную среду принятия политико-управленческих решений на основе принципа определенной, но невычислимой алгоритмической процедурной справедливости. Данный вывод базируется на ряде идей. *Во-первых*, смысл цифровизации публичного управления состоит в том, что информационно-коммуникационные технологии из инструмента обеспечения эффективности политических взаимодействий превращаются в активных посредников, формирующих искусственную виртуальную среду познания (информация; распределенное знание) и деятельности (решения). *Во-вторых*, в условиях расширяющихся возможностей алгоритмических процедур включаться в политический процесс производства решений путем сжатия информации и открытых пространств коммуникации осуществляется переход от жесткой определенности институциональной структуры публичного управления к подвижной процессуальной организации обсуждения и принятия политических решений. *В-третьих*, алгоритмическое управление, предполагаемое цифровизацией, открывает новый тип организации процесса принятия решений по принципу процедурной справедливо-

сти, основанной на рекурсивности и рефлексивном равновесии. При этом алгоритмизация соединяет в себе определенность динамичных процедур (вычислимость процедур) с неопределенностью (или открытостью, что, конечно, не одно и то же) принимаемых политико-управленческих решений (невыводимость результата процедур). *В-четвертых*, цифровые технологии обладают трансформационной силой, связанной с их включенностью в процессы организации публичного пространства в виде активного контекста технополитики (понятие «текущей технологии»).

Концепт технополитики. Технополитика является процессом организации взаимодействия технических и политических агентов в сложные политико-технические комплексы (ассамбляжи, сборки), конструирующие пространство цифрового публичного управления. Концептуально технополитика раскрывалась в трех взаимосвязанных аспектах: (1) диспозитивы технополитики, базовые векторные характеристики распределенного знания и деятельности (технократические, рыночные, идентификационные, перформативные и др.); (2) политические дизайны внедрения цифровых технологий в публичное управление, следующие диспозитивам (менеджерияльные, гражданско-ориентированные, технократические и адаптационные модели); (3) таргетированные модели цифровизации (рыночная, инклюзивная, технократическая, ненамеренного авторитаризма, цифровой автократии). Концепт технополитики связан с контекстом возникающих в связи с цифровизацией (определенными типами дизайнов и моделей) угроз и рисков чрезмерного контроля (концепты контроля по вертикали и горизонтали), эксплуатации в условиях «капитализма платформ», направляемого поведения на основе больших данных и др.

Концепт цифрового публичного управления в контексте политической онтологии цифровизации и релевантной технополитики заслуживает самостоятельного обсуждения. Цифровое публичное управление — это институционально-процедурная система осуществления перформативных функций государства, организуемая на основе сочетания технополитических принципов рекурсивности, рефлексивной координации, интероперабельности, со-участия и обеспечивающая справедливость решений в сложных (контингентных) контекстах. Данное идеальнотипическое определение цифрового публичного управления раскрыто на основе анализа основных позитивных векторов развития цифровых процессов в публичной сфере. Организационной формой достижения процедурной справедливости, объединяющей процессы познания (информационные потоки), среду взаимодействия (виртуальное публич-

ное пространство) и перформативный результат (решение) выступают коммуникационные сети и сетевое публичное со-управление. Принцип рекурсивности цифрового публичного управления раскрывается как качество системы воспроизводить сложность из повторения простых элементов, развиваться на основе результатов собственной деятельности и адаптации нового, самоидентифицироваться и идентифицировать свои элементы. Принцип рефлексивной координации — это «управление управлением», когда агенты нацелены не только на со-производство совместного представления о возможном решении, но и разработку регламентов его обсуждения. Принцип интероперабельности характеризует гибкую многоуровневую систему публичного управления, способную за счет цифровых потоков коммуникации объединять несколько уровней и горизонтов для одновременного решения задачи.

Принципы рекурсивности, рефлексивной координации и интероперабельности создают техно-политические условия для со-управления, т.е. прямого участия граждан в процессах принятия публичных решений. Цифровое публичное управление, реализующее вышеобозначенные принципы, может быть описано через соотношение рационально-смысловых и рекурсивно-сенсорных систем.

Концепт институционально-процедурной государственной управляемости. Концепт государственной управляемости описывается посредством понятия способности системы со-управления обеспечивать устойчивую жизнедеятельность и развитие общества в сложных и неопределенных (контингентных) условиях на основе институционально-процедурной устойчивости. Содержание рекурсивности государственной управляемости обеспечивается четырьмя способностями сложных систем публичного сотрудничества: (1) способностью обеспечивать свою жизнедеятельность за счет поддержания своего базового кода; (2) способностью систем идентифицировать свои разнообразные элементы (находить место или включать в систему); (3) способностью осуществлять рекурсивный повторный вход в систему (рекуррентная рекурсия) без потери проактивности; (4) способностью системы расширять сетевое пространство гражданского участия в политическом процессе. Важный, однако, вопрос возникает, если мы задумаемся о легитимности соответствующих институционально-процедурных порядков. Технократический взгляд ориентирует на истинность правил, обеспечиваемых ригористической цифровизацией. Но, может быть, сама цифровизация обеспечивается отнюдь не истинностными процедурами, а другим типом доказуемости, где конструктивная коммуникация приобретает определяющее значение.

В политическом отношении сложные социотехнические рекурсивные системы обеспечивают управляемость за счет самоорганизации без вмешательства (децентрализованная автономия), сжатия разнообразия (процедурная открытость), стратегии поддержания изменяющегося баланса (рефлексивное равновесие), сетевого гражданского участия (партиципаторная управляемость) и коммуникационной открытостью (коммуникация как управление).

Неоднозначность использования понятия рекурсивности в политических науках базируется на различных соотношениях рекурсивности и контингентности (непредвиденной случайности событий). Раскрыто два типа описания соотношения: рекурсивная контингентность и рекурсивная причинность. Оба описания базируются на критике детерминизма, прямолинейной связи причины и следствия. Концепция рекурсивной контингентности предлагает переход от управления причинами к управлению эффектами. Концепция рекурсивной причинности включает в себя идею рекуррентной рекурсии с управлением (риск- или стрессо-) устойчивостью (*resilience governance*).

Вместе с тем при описании данных концептуальных идей возник ряд «белых пятен», требующих своего заполнения.

Во-первых, принцип определенной, но невычислимой алгоритмической процедурной справедливости, который включен в понимание политической онтологии цифровизации, получил недостаточное обоснование в проекте. В его основе лежало представление о «текучей технологии», обоснованное эмпирически на ряде цифровых платформ. Вместе с тем более глубокое понимание этого принципа заставляет обратиться к философии математики и процедурно-алгоритмическому мышлению, в центре которых находится проблема соотношения вычислимого и невычислимого. Данная проблема, помимо чистой онтологии цифровизации, затрагивает политические импликации цифровизации, связанные с возможностью/невозможностью математической логики описывать феномены политического мира или лежать в основе организации процессов принятия политико-управленческих решений (действий). Обоснование в последнее время возможности построить алгоритмическое управление на основе определенной процедуры при неопределенности (невычислимости) результата является лишь частичным решением (процедурная справедливость Роулса). Следовательно, необходимо более глубокое исследование проблемы соотношения вычислимости и невычислимости алгоритмического управления и его политических импликаций, которое позволит в определенном смысле более фундаментально определить политическую онтологию цифровизации и доказать со-

циально-политическую трансформационную природу цифровизации и технополитики.

Во-вторых, цифровое публичное управление и его способность обеспечивать управляемость сложными социальными системами посредством более эффективной реализации перформативных функций связано с поддержанием устойчивости таких систем. Однако уже исследование новых рекурсивных механизмов цифрового управления показало ограниченность концепта устойчивости как только подвижного баланса (*sustainability*). Включение в рассмотрение феномена контингентности (непредвиденных обстоятельств), который стал определяющим для рассмотрения современных сложных систем, породило многообразие концептов, связанных с поиском механизмов поддержания новой устойчивости на базе рекурсивной контингентности, контингентной причинности и др. Рассмотренный в предыдущие годы концепт рефлексивной координации вписывается в эту теоретическую конструкцию, однако схватывает лишь адаптационную часть новой устойчивости. В этом смысле общий концепт цифрового публичного управления и управляемости требует дополнительного обоснования с точки зрения его целевой функции обеспечить устойчивость в контингентных контекстах. Устойчивость в контингентных контекстах может быть описана стрессо- или рискоустойчивым управлением (*resilient governance*). Дополнительная концептуальная и эмпирическая проработка такого управления позволит более четко определить границы цифрового публичного управления и его способности обеспечить управляемость за счет надежности, избыточности, изобретательности, быстроты и гибкости цифровых механизмов.

В-третьих, при описании технополитики и возникающих моделей цифрового публичного управления использовался концепт диспозитивов, но в ограниченном смысле направленности формируемых дизайнов политики цифровизации. Вместе с тем данный концепт оказался не просто более широким по смыслу (что было ясно и прежде), но системным для понимания технополитики и обеспечения государственной управляемости. Диспозитивы алгоритмического процедурного управления в сфере политики являются значимыми для понимания и определения соотношения интенциональных и контекстных составляющих неустойчивого институционально-процессуального порядка в условиях контингентности. В этом смысле концептуально следует дополнить исследование, имея в виду понятие диспозитива М. Фуко—Дж. Агамбен, изучением того, как включенные в это понятие процессы субъективации и десубъективации создают возможности и формируют потенциал превращения диспозитивов цифрового управления в пра-

тики насилия или формирования распределенного знания и распределения власти в управлении. Необходимость обращения к концепту диспозитива также обеспечивает более пристальное внимание к интенциональности агентов или конкретике политических интересов акторов в рамках *STS* и акторно-сетевой теории при формировании политико-технических ассамбляжей. Концепт диспозитивов позволяет развить и частично разрешить проблему обращения цифрового публичного управления к координации порядка гетерогенных элементов, возникающих без основания. К последним, как сейчас представляется, относятся политико-управленческие порядки, возникающие в контексте сотрудничества, процедурной справедливости и коммуникации.

В-четвертых, цифровые технологии обеспечили условия для интенсивной коммуникации. В этом отношении исследование цифрового публичного управления содержало в себе коммуникационную составляющую в виде гражданской науки, условий доверия на цифровых платформах, базы партисипаторной управляемости и других коммуникационных компонентов. В какой-то степени все это обеспечивается так называемым социальным компьютерингом как средой формирования современного знания. Вместе с тем описание политической онтологии цифровизации чем дальше, тем больше стало затрагивать коммуникационные эффекты взаимодействия на сетевых платформах. В конечном итоге сформировалось представление об определенном тренде перехода цифрового публичного управления от определенной институциональной организации в область коммуникационных потоков, обеспечивающих не просто доверие к государству, а фиксирующих новый модус публичного управления. Изучение цифрового контроля (процессы *sousveillance/surveillance*) заставило обратить внимание на роль цифровых коммуникационных потоков («многие наблюдают за немногими»), проблематизирующих институциональную систему устойчивой управляемости и повышающих значение в ней процедурных параметров коммуникации. В этой связи возникают явления новой коммуникационной рациональности, включенной в процессы межсекторальной политики управления социумом. Отмечается тенденция выхода современной публичной политики за границы государственной организации. Следовательно, в рамках представленной концепции политической онтологии цифровизации возникает интерес к исследованию такого дополнительного важного параметра публичной управляемости, как создание среды управления посредством сетевой коммуникации.

В-пятых, в основе предыдущего этапа работы по проекту лежал политический процедурализм, не просто обеспеченный цифровыми

алгоритмами, а сформированный ими. Так, технологии распределенных реестров создавали, как свидетельствовал анализ, почти автоматические условия для чистой процедурной справедливости. Вместе с тем в процессе эмпирического анализа электронного голосования и использования технологий распределенных реестров для цифровой идентификации людей и вещей формировались суждения о противоречивом характере цифрового обеспечения взаимодействий в социальной сфере. Критика «капитализма платформ», «технократической политики», «цифрового авторитаризма» и др. ориентировала исследование на поиск социально-политических границ цифровизации. В этом отношении, следуя логике проверки обоснованности результатов научного исследования, возникла потребность критического анализа цифрового процедурализма в публичной политике и управлении в виде границ применимости и действенности выработанных подходов. Следовательно, требуется определенная концептуальная и эмпирическая обоснованность ряда достигнутых результатов, учитывая в том числе и перспективы политики цифровизации в России и других странах.

О.Г. Щенина

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

Топологический ракурс исследования политического

Введение

В политических науках в начале XXI века возрастает исследовательский интерес к феномену политического, которое «представляет собой сложное, многоуровневое, многообразное и вместе с тем динамично изменчивое явление, которое невозможно исследовать с помощью четко очерченной схемы» (Карадже, 2013, с. 6).

В научном дискурсе о политическом все чаще используется концепт сложности для характеристики процессов и явлений политической сферы. Усложнение современного мира в контексте не только технологического характера, рассматриваемое с точки зрения развития техники и технологий, но и в социокультурном плане, а в широком смысле как усложнение социума в целом (Кравченко, 2012), дает основание для его анализа на основе целого ряда парадигм и теорий. Так,

«на стыке последних столетий явно обозначилась тенденция междисциплинарного совмещения научных интересов в виде сложного мышления и междисциплинарного синтеза естественно-научных и социолого-политологических методов» (Политическая..., 2020, с. 9).

Таким образом, в области социальных и гуманитарных наук активно применяются концепты и методология ряда естественных, а также физико-математических наук. Происходит расширение спектра объектов исследования за счет вовлечения в сферу изучения новых нематериальных объектов и субъектов. Следует отметить, что заимствование ресурсов топологии при осмыслении политического позволяет выявить его новые грани и формы.

Топологическая оптика изучения политической реальности

Топологический ракурс исследования политического является одним из множества методологических подходов, применяемых для анализа политической реальности. Он позволяет расширить спектр изучения политического на основе применения основных категорий топологии — пространства, формы, времени.

Трансформационные процессы в современном мире, происходящие на фоне становления информационного, сетевого общества, все в большей мере привлекают внимание социологов, политологов, философов, лингвистов. «Некоторые исследователи описывают эту ситуацию как “топологический поворот” (нем. “topologische wende”, “spatial turn”) — обозначивший в конце 1980-х гг. в Германии новый виток смены парадигм в науках о культуре и обществе, для которого характерно рассматривать географическое пространство как измерение культуры, который выделяется наряду с “лингвистическим поворотом” и “иконическим поворотом” и связывается с работами таких авторов, как Кассирер, Больнов, Бёме, Дёринг и др. Представители самых разных дисциплин всё чаще стали говорить о том, что пространство имеет значение для понимания множества социальных и культурных феноменов. Это сказалось в постоянном увеличении массива публикаций по социальной и культурной географии, исследований пространства в различных его аспектах. Важнейшей особенностью “топологического поворота” является постановка в рамках социально-научных исследований такого рода вопросов и проблем, которые традиционно относятся к ведению философии» (Шалаева, 2016, с. 129).

Быстрыми темпами расширяется топологическая тематика в области социально-гуманитарного знания. Например, Азаренко С.А. раскрывает роль социальной топологии в современном мире в контексте топологической антропологии (Азаренко, 2014). Савчук В.В. обосновывает новый тип рефлексии — топологический (Савчук, 2012), Халина Н.В. предлагает топологический ракурс исследования политического процесса (Халина, 2015).

Полубиченко Л.В. подвергает сомнению возможность формирования парадигмы гуманитарного знания на основе применения топологического подхода «при всем многообразии топологических исследований, ведущихся в настоящее время в гуманитарной сфере вообще и в дисциплинах филологического цикла в частности» (Полубиченко, 2017, с. 112).

Заякина Р.А. использует методологию топологии для анализа социальных сетей, расширяя тем самым проблематику социальной топологии и сетевого подхода. Она предлагает «понимание топологии в качестве символической конфигурации сетевых акторов, наделенных как внутренней размерностью топологической формы, так и размещающихся в многомерном пространстве социальных процессов, отношений, практик и позиций, функционально взаимосвязанных» (Заякина, 2018, с. 128).

Следовательно, топологический поворот в социально-гуманитарном знании представляет собой новое направление исследований в политических науках. Множество ракурсов его применения позволяет предположить, что арсенал топологии может быть шире использован в исследовательских направлениях социально-гуманитарного профиля. «Привлекательность топологических идей для ученых-гуманитариев объясняется прежде всего тем, что топология представляет собой один из разделов так называемой неколичественной (качественной, реляционной) математики, что как нельзя лучше соответствует природе изучаемых гуманитарными науками объектов и явлений» (Полубиченко, 2017, с. 103).

Топологический поворот в политических науках позволяет на основе топологии пространства, формы, времени исследовать количественные и качественные аспекты процессов социально-политической реальности.

Свое развитие топология получает в первой половине XIX века в работах Иоганна Листинга, который в 1847 году предложил следующее определение топологии как нового направления в математике: «Под топологией будем понимать учение о модальных отношениях

пространственных образов, или о законах связности, взаимного положения и следования точек, линий, поверхностей, тел и их частей или их совокупности в пространстве, независимо от отношений мер и величин» (Листинг, 1932, с. 35).

Таким образом, первоначально топология рассматривалась как область геометрии, однако позднее она получила дальнейшее развитие и применение. Ее методы стали использоваться для изучения процессов непрерывности, например, в политических науках для исследования политического пространства, а также анализа изменений конфигураций политических отношений и политических коммуникаций в процессах трансформации общества. Однако особенностью топологии, в том числе и политической, является изучение объектов, процессов, явлений, которые в процессе деформаций сохраняют свои основные свойства. Исследование явления континуальности, то есть непрерывности, и составляет сущность топологического подхода.

Обращение к топологической оптике политической реальности в социально-гуманитарном знании связано с усложнением характера протекания процессов общественного развития в условиях неопределенности, нелинейности, а также сложности их анализа. В настоящее время ведется активный поиск инновационных трактовок процессов и явлений современности на основе синтеза методологий математических, естественных и социально-гуманитарных наук. Например, существенные изменения в процессе цифровизации происходят в политических отношениях и политических коммуникациях, они приобретают цифровой формат, и для характеристики их модификаций в цифру могут быть использованы методы топологии. Или сетевизация политических отношений приводит к изменению формата политического пространства, и его преобразование возможно описать на основе применения основных категорий топологии — пространства и формы. В этой связи необходимо отметить и формирование сетевой онтологии, которая предлагает иную трактовку новой социально-политической реальности (Сморгунов, 2020).

Свойства политического: топологическое измерение

Перейдем к анализу свойств политического на основе топологического подхода. Прежде всего необходимо отметить многообразие трактовок политического в социально-политических науках. Своё развитие этот феномен получает в области политической философии,

ведь именно К. Шмитт «зложил традицию интерпретации политического, позволяющую заглянуть глубже в истоки и сущность политики, по крайней мере, никто из последовавших за ним серьезных политических мыслителей не смог избежать либо критики, либо переосмысления шмиттовских идей» (Алексеева, 2005, с. 155).

Большинство исследователей в процессе анализа политического основываются на взаимосвязи государства и политического. Например, Шабров О.Ф. считает, что «политическим можно назвать любое общественное явление, связанное с государством и затрагивающее несовпадающие интересы значимых социальных групп» (Шабров, 2016, с. 55–56). Следовательно, при рассмотрении признаков и свойств политического следует учитывать сферу политического управления и взаимодействие государства и гражданского общества.

Еще один ракурс в исследовании политического предлагает Ж. Рансьер: «политическое есть встреча двух гетерогенных процессов. Первый — это процесс управления. Он состоит в организации собрания людей в сообщество и консенсуса между ними и основан на иерархическом распределении мест и функций... Второй процесс связан с равенством. Он состоит во взаимодействии практик, направляемых предположением равенства кого угодно с кем угодно и заботой о верификации этого равенства» (Рансьер, 2006, с. 99).

Однако под влиянием процессов информатизации, цифровизации, сетевизации в том числе и политической сферы политическое приобретает новые свойства и характерные черты. В политических практиках оно обретает инновационные формы, при этом сохраняя гомеоморфность. В этой связи следует отметить, что явление гомеоморфности как сохранение свойств и явление морфогенеза как образование новых форм в процессе модификаций относятся к основным характеристикам топологического подхода к анализу предметов, явлений, процессов. Следовательно, под влиянием процессов становления информационного, сетевого общества изменяются контуры, но не сущность политического.

Топологический ракурс исследования свойств политического включает использование в ходе их изучения топологию пространства и топологию формы как основных направлений топологии. «Топологическое пространство — фундаментальный вид абстрактных пространств, формализующий понятия непрерывности, предельного перехода (сходимости) и близости между точками пространства» (Вечтомов..., 2014, с. 87). Тематика топологии пространства применительно к пространству социальному получает развитие в работах К. Левина,

П. Бурдье, Дж. Ло. Существенное влияние на становление и эволюцию в социально-гуманитарных науках топологии форм оказали работы Р. Тома, который напрямую не затрагивал сферу социальной топологии, но обосновывал ряд идей на примерах изучения в этом ракурсе не относящихся к математике областей (лингвистики и биологии) (Том, 1975; 2002).

Использование методов топологии пространства для анализа пространства политики позволяет осуществить качественный анализ свойств политического в процессах его переформатирования. Под влиянием развития современных информационно-коммуникационных технологий происходит сжатие пространства политического, несмотря на иллюзию его расширения. В этих условиях политическое сохраняет свойство инклюзивности, то есть проникновение во все области жизни общества.

Инновационное, то есть формирующееся под влиянием развития технологий, политическое пространство, в котором осуществляются политические отношения и политические коммуникации, сохраняет свойства непрерывности и связности (всеобщая связанность всех со всеми). Политическое сохраняет и свойство амбивалентности, проявляющееся в дефинициях господства-подчинения, согласия-конфликта, сотрудничества-соперничества. Кроме того, «политическое представляет собой взаимодействие временных потоков, имеющих свой ритм и динамику и обуславливающих необходимость их координации, так как характер социально-политических процессов напрямую зависит от согласования и корреляции временных потоков различных взаимодействующих систем» (Карадже, 2013, с. 12). И это свойство темпоральности политического может быть изучено на основе применения методологии топологии пространства.

Следует отметить еще одно чрезвычайно важное изменение пространства политического — его дуализм, двойственность, два проявления — социальное (реальное) и виртуальное, уже практически одинаково значимые для современного человека. Политическое сохраняет свои сущностные свойства в каждом из этих пространств, однако в процессе их развития оно приобретает новые черты и характеристики.

Цифровизация как фактор эволюции политического в «новое политическое»

Под влиянием процессов цифровизации, информатизации, сетевизации во всех сферах общественной жизни происходят изменения, которые, по сути, формируют новую социальную реальность для чело-

века и общества (Михайлёнок, Малышева, 2021, с. 34–38). По своим масштабам эти перемены затрагивают практически все пространство жизнедеятельности социума, поэтому ряд исследователей сегодня называют эти процессы цифровой революцией.

Попытаемся проследить модификацию политического в изменяющихся условиях социальной и политической реальности. На наш взгляд, под воздействием преимущественно процессов цифровизации происходит эволюция политического в «новое политическое».

Цифровизация преобразует пространство социума в цифру, и для анализа этих изменений уместно использование методов математических наук. Однако среди множества областей научного знания именно топологическая оптика позволяет проследить сущностные, качественные стороны цифровизации и предложить объяснения глубинного смысла инноваций. В этом контексте «новое политическое» будет выступать маркером новой социальной реальности.

Вместе с тем затрудняют исследование политического многообразие и неоднозначность его интерпретаций на основе категорий политического пространства, социально-политической реальности, политической власти, политических отношений и т.д. Однако в сетевом обществе в процессе цифровизации политического пространства, политических коммуникаций, политических отношений происходит преобразование свойств и параметров политического, которое, как было сказано выше, сохраняет гомеоморфность.

Для «нового политического» в изменяющихся условиях внешней среды характерна своего рода многоуровневость, многослойность, в широком смысле множественность отношений и коммуникаций. Цифровизация упорядочивает их на основе алгоритмов информационно-коммуникационных технологий, предполагает их маршрутизацию.

Однако существенные изменения происходят в смысловом поле «нового политического», имеется в виду значительное ускорение интеракций между субъектами и акторами политики, которое порождает и возрастающее по экспоненте производство смыслов. Важную роль при этом будет играть конгруэнтность как свойство «нового политического», поскольку согласование позиций в процессе взаимодействия субъектов придает некоторую устойчивость в том числе и сетевым взаимодействиям.

Здесь уместно вспомнить о «силе слабых связей» М. Грановеттера, о роли узлов в сетевых коммуникациях, при прохождении через которые потоки информации изменяют свои свойства. Кстати, именно из области топологии математической для анализа социальных процессов

и явлений были заимствованы и успешно используются в разных областях категории — узлы, ребра, графы (например, в теории графов, теории сложных сетей и др.). Таким образом, возможно предположить, что процессы сетевизации в современном обществе наряду с цифровизацией оказывают существенное влияние на процессы эволюции политического.

Еще одной стороной процесса цифровизации является возрастание плотности «нового политического». Это своего рода некоторое «уплотнение», рассматриваемое как увеличение его емкости с точки зрения масштабирования информации. В процессе наполнения «нового политического» потоками информации происходят изменения в смысле сообщений субъектов политических отношений, что оказывает, в свою очередь, влияние и на политические коммуникации.

«Новое политическое» в цифровом формате приобретает иные признаки и черты, которые определяют усложняющиеся конфигурации взаимодействий, прежде всего сетевых, и тем самым конструируют новую социальную реальность. Следует отметить модификацию коммуникационной и коммуникативной составляющей «нового политического» в процессе цифровизации.

Новое цифровое пространство, формирующееся в ходе цифровизации, представляет собой инновационную среду пространства политического. Для нее характерны: сетевой характер интеракций субъектов политики, некоторая «летучесть» (неустойчивость) форм, кратковременность взаимодействий, но основным «узлом» является человек. Отсюда и возрастание роли сетей «малых миров», безмасштабных сетей в пространстве «нового политического».

Представляют особый исследовательский интерес процессы корреляции становления сетевого общества и формирования «нового политического», а также корреляция свойств сетей и «нового политического» в условиях новой социальной реальности. Взаимобусловленность протекания этих процессов выражается в масштабах и скорости распространения информационных потоков, многочисленности субъектов отношений и коммуникаций, их интеграция в различного рода политические сообщества.

Заключение

В заключение следует отметить, что топологический ракурс исследования политического позволяет выявить его новые качества и свойства на основе использования методологии политической топологии.

Возрастание исследовательского интереса к топологии пространства и топологии формы свидетельствует о научных поисках в области объяснения новой социальной реальности. Топологическая оптика исследования политического позволяет проводить качественный и количественный анализ масштабных процессов в современном мире — цифровизации, сетевизации, информатизации.

В этих условиях происходит эволюция политического, которое под влиянием названных процессов превращается в «новое политическое». Цифровизация может рассматриваться как один из факторов этого процесса. Обращение к топологической тематике при анализе политического позволяет расширить спектр исследований в политических науках.

Список литературы

- Азаренко С.А.* Топологии сообщества. Казань: Познание, 2014. — 228 с.
- Алексеева Т.А.* Познание и сущность политического // Полития. 2005. № 1. С. 144–170.
- Бурдье П.* Социология социального пространства / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
- Вечтомов Е.М., Варанкина В.И., Лубягина Е.Н.* Изучение топологической структуры // Вестник Вятского гос. гуман. ун-та. 2014. № 2. С. 86–93.
- Заякина Р.А.* Роль топологии в исследовании социальных объектов: вчера, сегодня, завтра // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2. № 3 (33). С. 41–62.
- Заякина Р.А.* Генезис топологических воззрений в сетевом подходе // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 124–130.
- Заякина Р.А.* Топологические воззрения в реляционной сетевой теории // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2016. № 10 (392). Философские науки. Вып. 42. С. 78–83.
- Карадже Т.В.* Проблема определения «политического» в политической науке // Вопросы политологии. 2013. № 3 (11). С. 5–14.
- Кравченко С.А.* Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 19–29.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. 3-е изд. / Пер. с англ. Е.А. Сурпиной. М.: Академический проект, 2019. — 313 с.
- Листинг И.Б.* Предварительные исследования по топологии / Пер. с нем. Э. Кольмана. М.; Л.: Гостехиздат, 1932. — 119 с.
- Михайленок О.М., Малышева Г.А.* Цифровая перезагрузка общества: социально-политические аспекты COVID-19 // Мир после пандемии COVID-19: политика, безопасность, экономика и культура — прогнозы будущего через призму настоящего: Материалы XVI Международной научно-практической конференции межвузовского Научно-дискуссионного клуба

«Эксперт» им. А.А. Самохина. Краснодар: Изд-во. Кубанского гос. ун-та, 2021. С. 34–38.

Политическая наука в поисках нового мышления // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 1. С. 6–11.

Полубиченко Л.В. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность? // Вестник Мос. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 102–117.

Рансьер Ж. На краю политического / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. — 240 с.

Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон-Плюс, 2012. — 416 с.

Сморгунов Л.В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 2. С. 122–133.

Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез / Пер. с фр. Е.Г. Борисовой, А. Родина. М.: Логос, 2002. — 288 с.

Том Р. Топология и лингвистика // Успехи математических наук. 1975. Т. 30. № 1 (181). С. 199–221.

Халина Н.В. Топология современного политического процесса: топосная диалектика и деривационные механизмы электорального дискурса // История и теория политической науки. 2015. Вып. 7. С. 43–60.

Шабров О.Ф. Понятие политического: возможна ли политическая наука? // Власть. 2016. № 9. С. 51–61.

Шалаева А.В. О трансформации понятия пространства в гуманитарных дисциплинах в контексте *topologische Wende* // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 129–132.

А.М. Каплуненко

СПбГУ, Санкт-Петербург

Развитие структуры технополитических возможностей как фактор рекурсивности публичной политики*

Введение

За последние 20 лет технологии работы с данными достаточно глубоко обосновались не только в социально-экономических, но и политических процессах, формируя таким образом новую ткань

* Статья написана в рамках исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости»).

политической реальности, с одной стороны, более открытой и инклюзивной, а с другой — более чувствительной к качеству участия и спектру выражаемых мнений. Все более развитые информационно-коммуникационные технологии сталкиваются с технологиями формирования политической повестки, разработки и принятия необходимых социально значимых решений, обусловленных в одних случаях четко выраженными интересами политической элиты, выдаваемых за национальные, а в других — требованиями общественности и глобальным трендом демократизации. Наибольший исследовательский интерес представляет второй случай, так как именно в демократических и близких к ним политических системах можно наблюдать самые выразительные трансформации институциональных условий публичной политики как системы дизайнов социально значимых решений, которая по мере своего информационного усложнения все больше обнажает проблемы своей внутренней структурной и процессуальной связности и самовоспроизводства. Последнее означает, что речь пойдет о рекурсии как принципе системного развития и возможности реализации такой модели публичной политики, в которой этот принцип является ключевым.

Проблема исследования заключается в необходимости определения перспектив развития технологий разработки и принятия социально значимых решений в условиях меняющихся технополитических возможностей.

Гипотеза исследования заключается в том, что развитие структуры технополитических возможностей в одностороннем порядке определяет условия для внедрения рекурсивной модели публичной политики.

Цель исследования состоит в определении и обосновании зависимости рекурсивного развития публичной политики от специфики ее технополитической среды.

В методологическую основу исследования заложен институциональный подход, традиционно применяемый для анализа явлений и процессов, относящихся к междисциплинарным темам на стыке информатики, политической науки и государственного управления (Чугунов, 2018, с. 66). В качестве теоретического фундамента исследования задействованы труды классиков теории структуры политических возможностей, дополненные преимущественно современными работами по политическому дизайну (М. Хаулетт), публичной политике (Н.А. Шматко, Л.В. Сморгунов и др.). По теме рекурсии в социальных системах использованы работы как зарубежных (Х. фон Фёрстер, Н. Луман, Ю. Хуэй), так и российских (С.С. Православский, К.С. Кон-

дратенко, К.А. Неверов и др.) авторов. Для раскрытия проблемы использования рекурсивной модели публичной политики в российских институциональных реалиях автор обращался к опыту эксперименталистского управления, описанного в статье Ч. Сэйбела, М. Мура, Дж. Цейтлина, а также современным отечественным исследованиям цифровой трансформации государственного управления (В.Н. Якимец, Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев).

Истоки понятия структуры политических возможностей. Масштабы применения

Политические возможности впервые стали объектом исследований в контексте изучения общественных движений. Концепция Ч. Тилли предполагала учет не только возможностей, но и угроз, рисков, стимулирующих и репрессивных методов воздействия на общественные движения со стороны властей (Tilly et al, 2006). Акцент на политических возможностях был сделан после синтеза Дугом Макадамом «модели политического процесса» на основе концепции Ч. Тилли, разработок П. Эйзингера, М. Липски и стратегии Р. Кловарда и Ф. Ф. Пивена (McAdam, 2001). Эта модель произвела ряд пробелов в научном знании о значении общественных движений для constitutive политики, но затем стала дорабатываться исследователями, которые полагали, что преимущественное влияние на организацию общественных движений оказывают политические изменения, происходящие в государстве. Для анализа этих трансформаций были разработаны стабильные и динамические индикаторы структуры политических возможностей. К первым относятся переменные, связанные со степенью открытости / закрытости политической системы, т.е. такие, как способность властей ограничивать деятельность общественных движений, количество партий и их представленность в парламенте, развитость законодательных органов и их открытость для гражданских инициатив. К динамическим относят переменные, характеризующиеся кризисами политической системы, внутренними конфликтами элит, соотношением противников и союзников общественных движений (Каплуенко, 2019, с. 110). Из всего этого следует, что структура политических возможностей представляет собой корпус взаимосвязанных условий, объем и доступность которых определяются спецификой функционирования политического режима.

Трансформация структуры политических возможностей. Цифровая политика: сближение политических и цифровых технологий

В контексте современных трансформаций публичной политики теорию структуры политических возможностей стоит рассмотреть вместе с положениями теории политического дизайна. Так, в своей статье М. Хаулетт обращает внимание на разнообразие подходов к ее пониманию. С точки зрения Д. Боброва, Дж. Драйзека, Э. Монпетита, политический дизайн можно рассматривать как систему усилий, основанных на опыте и знании, рационально направленных на систематическую разработку альтернативных политико-управленческих решений и их эффективное внедрение с учетом специфики существующего контекста. Х. Линдер и Б.Г. Питерс, в свою очередь, предлагают понимать политические дизайны как веберианские идеальные типы, которые могут быть достигнуты при нужной конфигурации усилий и условий. В любом своем значении политический дизайн базируется, как пишет уже сам М. Хаулетт, на понимании органами власти институциональных контекстов, в рамках которых разрабатываются и принимаются решения, а также поведения включенных в эти процессы акторов (Howlett, 2014, p. 283–284). Также М. Хаулетт указывает на необходимость расширения спектра используемых органами власти субстанциональных и процедурных инструментов, среди которых первые направлены на прямое регулирование распределения материальных благ и оказания услуг, формирование спроса, а вторые — на управление поведением участников публичной политики (Ibid. p. 289).

Все эти инструменты используются, как правило, в комбинациях, что и позволяет принимать соответствующие поставленным целям решения. В современной публичной политике именно ее инструменты в большей степени подвержены трансформации, поэтому здесь необходимо обратиться к теории цифровизации в контексте политического управления. С. Коулман и Д. Фрилон, обращаясь к идеям Дж. Тренчарда и В. Орликовски, в своем сборнике пишут, что цифровая политика — это результат взаимодействия, трансформации и институционализации политико-управленческих и информационно-коммуникационных технологий (Coleman et al., 2015, p. 2). Таким образом, все разнообразие современных политических дизайнов также зависит от того, насколько успешен данный технологический синтез в отдельной политической системе.

Развитие структуры технополитических возможностей для процессов публичной политики. От чего зависит и как проявляется?

С учетом обозначенных технологических трансформаций, на мой взгляд, можно говорить о формировании структуры технополитических возможностей, т.е. совокупности условий, которые формируются в ходе информационного усложнения общества и цифровизации политико-управленческих процессов. Для современной публичной политики, представляющей из себя в практическом смысле «организованную деятельность публичных акторов (партий, гражданских ассоциаций, правительства и т.д.) для решения общественных проблем определенными способами» (Публичная политика, 2018, с. 15), а в теоретическом, по мнению Н.А. Шматко, «симбиоз политического действия, научной рефлексии и акта массмедийной коммуникации», технополитические возможности создают доступную инклюзивную среду, в достаточной мере открытую для включения новых акторов в лице экспертов и других граждан, т.е. цифрового участия (Шматко, 2001, с. 110).

Структура технополитических возможностей характеризуется теми же стабильными и динамическими переменными. При этом круг условий формирования политической повестки и проектирования необходимых решений становится шире, с одной стороны, предоставляя больше свободы для использования субстанциональных и процессуальных инструментов (например, развитие цифровой экономики), а с другой — накладывает больше ограничений в виде новых законодательных норм и сложностей долгосрочного прогнозирования рисков.

Информационное усложнение в публичной политике. Рекурсия как принцип организации

В последнее время интерес исследователей привлекает проблема обратной связи в политических системах. Преимущественно это связано именно с их информационным усложнением, расширением числа включенных в них акторов и коммуникационных возможностей. Ранее ученые отметили значимость средств коммуникации (Innis, 1950; Colebatch Н.К., 1998) и усвоения ее уроков (Heclou, 1974; Sabatier, 1998) как факторов функционирования политических систем. Однако с глубоким встраиванием цифровых информационных технологий в социальную и политическую реальность, алгоритмизацией и электронным мониторингом рутинных процессов стал актуализировать-

ис взгляд на управление как на кибернетическую систему. На фоне информационного усложнения социальных систем и процессов возрастает актуальность постулатов кибернетики второго порядка, суть которой заключается в отрицании возможности объективного наблюдения какой-либо системы — наблюдатель сам является частью этой системы, в связи с чем результат наблюдения (например, построение модели) оказывается зависим от возможностей восприятия наблюдателя как такой же кибернетической системы (Foerster, 1979). В данном случае ключевое значение приобретает принцип рекурсии системы. Рекурсия является не просто циклом обратной связи или итерацией — это, как пишет Православский, «процесс, в котором результат каждого следующего шага определяется обработкой данных предыдущего шага в соответствии с определенным механизмом преобразования входящих данных» (Православский, 2018, с. 87). Обладание рекурсивными процессами лежит в основании способности информационно сложной системы к самовоспроизводству через интеграцию контингентности, непрогнозируемых эффектов, порождаемых взаимодействиями ее элементов. К таким системам относится, прежде всего, человеческое общество, конструируемое коммуникацией, которая, как пишет Н. Луман, в свою очередь, строится на логике различений, а не на предзаданных рациональных установках. Коммуникативный процесс каждый раз самопорождается за счет примыкания одной операции к другой, которое нигде в результатах коммуникации не обнаруживается (Луман, 2005, с. 143).

Рекурсивность как свойство публичной политики

С точки зрения своего рекурсивного потенциала публичная политика является не просто ограниченной институциональными рамками последовательностью циклов формирования и реализации политической повестки, но объектом социально-политической реальности, способным развиваться по мере роста внутренней информационной сложности и разрастания внутрисистемных рекурсивных процессов, направленных на интеграцию контингентных эффектов взаимодействий подсистем за счет включения в практики разработки, принятия, внедрения и оценки общественно значимых политических решений представителей экспертных сообществ. Также публичную политику можно рассматривать как «эпистемический объект» — систему, динамическое равновесие которой зависит от механизмов производства

и распределения публичного знания, благодаря которым акторы способствуют ее трансформации и расширению (Каплуненко, 2021, с. 11).

Как же проявляются рекурсивные процессы и контингентные эффекты? К первым относятся процессы, основанные на интероперабельности, функциональной совместимости, т.е. цифровой обмен информацией между правительственными агентствами и государственными служащими в рамках государственных информационных систем (ГИС) (Неверов, 2021, с. 21), институциональные взаимодействия в публичных социотехнических системах, как «минимальная» модель дискуссии, в которой граждане задают повестку дня, органы государственной власти выступают в качестве модератора, а контроль за соблюдением правил дискуссии выполняют технологии и технические акторы (Кондратенко, 2021, с. 14), деятельность систем ИИ в целях эффективной работы городской инфраструктуры, учреждений.

Контингентные эффекты — это то неизвестное и непрогнозируемое, с чем приходится сталкиваться каждому элементу системы не только в качестве результата своего членства в ней, но и, обращаясь к замечаниям Ю. Хуэя, в качестве причины тотальности и предсказуемости самой системы (Хуэй, 2020, с. 39). Здесь речь идет о тех столкновениях необходимостей, ошибках, которые обнажают уязвимости управления системой и мотивируют ликвидировать их. Попытки обуздать контингентность указывают на вечное приближение технополитической тотальности и могут выражаться, например, в проектах интернет-управления как рефлексивной координации (Hoffman et al., 2017) и респонсивного поведения акторов как узлов сетевых отношений (Chandler et al., 2019).

Связь между рекурсивностью и структурой технополитических возможностей

В контексте рассмотренного выше следует конкретизировать зависимость рекурсивного потенциала публичной политики от структуры технополитических возможностей. Последняя создает специфические условия для выстраивания необходимых рекурсивных процессов, направленные на поддержание формирования политической повестки и проектирования социально значимых решений. В России, например, это проявляется в работе государственных информационных систем, которые в настоящее время недостаточно открыты. Согласно аналитическому докладу Счетной палаты за 2020 г., только 16% российских ГИС обладают высокой степенью функциональной открытости данных по

отношению к ключевым пользователям информации (населению, бизнесу, органам власти). Этот уровень отстает от «иллюстративной» открытости порталов органов власти, в связи с чем «публикуемые наборы открытых данных в большинстве случаев обладают низкой полнотой, актуальностью; наличие самого раздела “Открытые данные” на сайте не дает гарантии открытости, поскольку в ряде случаев встречаются близкие к “имитационным” наборы открытых данных, которые в действительности не актуальны или раскрывают незначительную часть из потенциально имеющейся в распоряжении ведомства информации» (Бегтин и др.). Обозначенная проблема имеет не столько технический характер, сколько организационный, связанный с низким уровнем цифровой грамотности чиновников, их недостаточной мотивацией осваивать новые формы работы или честно выполнять поставленные перед ними задачи. Так или иначе это значительно осложняет перспективы эффективного управления по результатам, так как публично демонстрируется не всегда достоверная информация.

Стоит привести два авторских мнения насчет того, как рекурсивность может обеспечить наличие честного результата и способствовать открытости. Так, А.В. Рязанов и М.В. Демидова отмечают, что рекурсивность может лечь в основу модели управления символическим капиталом на институциональном уровне. По их мнению, ключевым инструментом реализации рекурсивной модели является безличная рефлексивная фактофиксация, выраженная, например, в прозрачной системе электронного документооборота (Рязанов, 2015, с. 102). Из этого следует, что технологии управления рутинными процессами должны быть подкреплены и/или системами искусственного интеллекта с четко прописанными открытыми критериями эффективности работы сотрудников, и/или достаточным уровнем подготовки и мотивации последних. Проблема фактофиксации граничит с проблемой результативности, поэтому следует обратиться к докладу Е.И. Добролюбовой и ее коллег, в котором исследователи подтверждают вышеуказанную точку зрения своими замечаниями относительно необходимости организации государственного управления по результатам как способа улучшить качество управления в условиях цифровизации. Они пишут, что в России «внедрению принципов государственного управления по результатам препятствует отсутствие оперативной и точной информации о достигаемых результатах на всех уровнях, а также значительный временной лаг между достижением результатов и появлением информации о них» (Добролюбова и др., 2019, с. 51), что уже было показано на примере открытости ГИС.

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что фактофиксация и результативность представляются крайне важными, если не ключевыми элементами рекурсивности публичной политики. Их ценность можно продемонстрировать на примере модели управления из серии *governance*, которая предполагает обнаружение сетевых отношений в обществе и формирование на их основе новых институтов — модель эксперименталистского управления, или *experimentalist governance (EG)*. Как утверждают ее сторонники, Ч. Сэйбел и Й. Цейтлин, она базируется на создании институтов и их пересмотре через рекурсивное освоение опыта внедрения эффективных решений на локальном уровне. Сущность *EG* заключается в установке временных целей и пересмотре полученных результатов, исходя из сравнения альтернативных подходов к их достижению в различных контекстах. Эксперименталистское управление включает в себя: цели и показатели их достижения, формирующиеся в результате межсекторного сотрудничества (граждан, экспертов, органов власти и бизнеса); широкие полномочия локальных акторов по достижению поставленных целей (администраций территориальных единиц, компаний, их сотрудников); регулярная взаимная отчетность этих акторов по достигнутым результатам; гибкая система пересмотра целей, показателей и процедур принятия решений, зависящая от возникающих в ходе взаимной отчетности новых проблем, после которой цикл начинается снова. Институционализированные результаты этой модели можно найти в практике европейских стран и США в отношении вопросов регулирования энергетики, финансовых сервисов, качества медицинских аппаратов и продуктов, приватности данных, защиты окружающей среды, качества здравоохранения, образования и др. (Sabel et al, 2012, p. 173). В Российской Федерации аналог данной модели обсуждался в трудах В.Н. Якимца и получил название общественно-государственного управления (ОГУ), который также базируется на межсекторном партнерстве и концептуально представляет собой «подход, модернизирующий политику, процедуры, структуры и системы управления и ведения государственных дел (всех видов деятельности) на всех уровнях исполнительной власти за счет развития публично-правовых институтов и механизмов, введения действенных процедур учета общественных интересов на основе изучения лучших практик, организации и расширения общественного участия и согласования межгрупповых отношений, обеспечивающих синергетический эффект, вследствие инкорпорирования принципов, моделей и механизмов публичной политики и межсекторного социального партнерства в процессы подготовки, принятия и реализации управленческих решений» (Якимец, 2017, с. 126).

Заключение

Установление зависимости рекурсивности публичной политики от технополитических возможностей не приобретает форму рекурсивного процесса. С одной стороны, постоянное совершенствование технологий работы с данными в контексте разработки и принятия социально значимых решений создает все более благоприятные условия для инклюзивности, открытости, прозрачности и, следовательно, рекурсивных процессов, что, в свою очередь, усиливает информационную насыщенность системы. С другой стороны, рекурсивная природа информационного обмена создает множественные эффекты, которые открывают новые уязвимости политических процессов и стимулируют общество на создание новых форм технополитического синтеза, развития цифровой политики.

Рекурсивная модель публичной политики как процесса совместных разработки социально значимых проблем и принятия эффективных решений может быть применена в России лишь при условии соблюдения требований фактофиксации и принципов результативности. В таком случае рекурсивные процессы обеспечат качественный информационный обмен между элементами системы, который будет формировать структуру технополитических возможностей. Последняя, в свою очередь, будет конструировать и поддерживать новые форматы управления этими процессами.

Список литературы

Бегтин И., Бертяков А., Комин М., Пархимович О., Цыганков М. Оценка открытости государственных информационных систем в России: аналитический доклад. URL: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/534/otsenka-otkrytosti-gosudarstvennykh-informatsionnykh-sistem-v-rossii.pdf> (дата обращения: 03.09.2021).

Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Ключкова Е.Н., Талалина Э.В., Старцев Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 114 с.

Каплуненко А.М. К вопросу о концептуальных основаниях публичной политики как «эпистемического объекта» // Демократия и управление: Информационный бюллетень гранта РНФ № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости». 2021. № 1. С. 8–12.

Каплуненко А.М. Проблема анализа структуры политических возможностей цифровизации публичного управления в России: региональный аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 4. С. 107–112.

Кондратенко К.С. Институциональная рекурсивность публичных socio-технических систем // Демократия и управление: Информационный бюлле-

Раздел 1. Политическое и цифровая политика

ть гранта РФ № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости». 2021. № 1. С. 13–17.

Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Практис, 2005. — 252 с.

Неверов К.А. Интероперабельность в государственном управлении как рекурсивный процесс // Демократия и управление: Информационный бюллетень гранта РФ № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости». 2021. № 1. С. 18–22.

Православский С.С. Рекурсивные механизмы в социальных системах // Научный альманах. 2018. № 5-3. С. 86–91.

Публичная политика: институты, цифровизация, развитие: Колл. монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. — 384 с.

Рязанов А.В., Демидова М.В. Модели дискурсивного и рекурсивного управления символическим капиталом в социально-экономических системах // Вестник Поволжского ин-та управления. 2015. № 4. С. 96–104.

Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V-A-C Press, 2020. — 400 с.

Чугунов А.В. Институциональная модель электронного управления: основные акторы и механизмы их взаимодействия // Государство и граждане в электронной среде. 2018. № 2. С. 66–70.

Шматко Н.А. Феномен публичной политики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 106–112.

Якимец В.Н. Новые форматы общественно-государственного управления в России // Государство и граждане в электронной среде: Сб. научных статей. Вып. 1. Ун-т ИТМО. СПб., 2017. С. 123–135.

Chandler D. Digital governance in the anthropocene: the rise of the correlational machine // Chandler D., Fuchs C. (eds.). Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of Big Data. L: University of Westminster Press, 2019. P. 23–42.

Colebatch Hal K. Policy. University of Minnesota Press, 1998. — 151 p.

Coleman S., Freelon D. Introduction: conceptualizing digital politics // Coleman S., Freelon D. (eds.). Handbook of digital politics. Cheltenham-Northampton: Edward Elgar Publishing, 2015. — 512 p.

Foerster H. Cybernetics of cybernetics // Krippendorff K. (ed.). Communication and control in society. NY: Gordon and Breach, 1979. P. 5–8.

Hecló H. Modern social politics in Britain and Sweden: from relief to income maintenance. New Haven: Yale University Press, 1974. — 349 p.

Hofmann J., Katzenbach C., Gollatz K. Between coordination and regulation: finding the governance in Internet governance // New Media and Society. 2017. № 9. P. 1406–1423.

McAdam D., Tarrow C., Tilly C. Dynamics of Contention. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 408 p.

Tilly C., Tarrow S. Contentious Politics. Boulder: Paradigm Publishers, 2006. — 256 p.

Howlett M. Policy Design: What, Who, How and Why? // *L'instrumentation et ses effets* / ed. by C. Halpern, P. Lascoumes, P. Le Galès. P.: Presses de Sciences Po, 2014. P. 281–315.

Innis H. Empire and communications. Oxford: Clarendon Press, 1950. — 343 p.

Sabatier P. The advocacy coalition framework: revisions and relevance for Europe // *Journal of European Public Policy*. № 1. P. 98–130.

Sabel C., Moore T. Maurice, Zeitlin J. Experimentalist governance // *Levi-Faur D.* The Oxford Handbook of Governance. Oxford University Press. 2012. P. 169–183.

Е.Ж. Есенгараев

А.А. Таубаев

Т.Н. Пупышева

Е.А. Пунтус

Карагандинский университет Казпотребсоюза,
Караганда, Казахстан

Субъектность науки в социально-политическом пространстве*

Социально-политическое пространство структурируется в том числе и через фактор субъектности различных групп и институций. И для понимания происходящих в том или ином обществе процессов, и в том числе в его политической сфере, необходимо выявление его явных и неявных субъектов. К явным субъектам политики традиционно относят государство, политические партии, регионы, общественные организации и доминирующие социальные группы. В науке субъектность таких институций и групп, как акторов, играющих активную роль в социально-политическом пространстве, фактически не оспаривается. Но наряду с ними могут выступать и другие институции. И в первую очередь, это институты религии и науки. Субъектность данных институций существенно варьируется в зависимости от региона и исторического времени. Так, например, в досовременные периоды религия была одним из ведущих субъектов политики, нередко способствуя возникновению теократии. И сегодня в странах Ближнего и Среднего Востока религия играет определяющую роль в политических процес-

* Статья написана в рамках исследования, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № АР09259979, Договор №161/36-21-23 от 07.04.2021).

сах. За последние тридцать лет наблюдается возрастание роли религии в большинстве стран постсоветского пространства. Как следствие, она превращается в значимый политический субъект.

Также современный мир нельзя понять без учета социально-политической субъектности науки. Сегодня наука не только способствует развитию экономики, но и является очень важным социокультурным феноменом и, как следствие, имеет свое политическое значение. В будущем, и довольно в недалеком, согласно прогнозам, она может способствовать переходу человечества в постгуманистический период своей истории. Поэтому наука будет играть все более возрастающую роль в политике и в целом в истории. Но возрастание роли науки не является универсальным явлением. Несмотря на возрастание роли науки в развитых странах, которую даже определяют как вступление человечества в стадию информационного общества или общества знаний, тем не менее в большинстве стран положение науки довольно проблематично. А в некоторых она не имеет особых возможностей для полноценного развития.

Проблема субъектности науки тесно связана с выявлением институционального статуса науки в реалиях постсоветского пространства, поэтому важны вопросы состояния науки в постсоветских странах, и предлагаются ответы, которые основаны на институциональном подходе к положению науки в бывших советских республиках. В частности, проблемы, связанные с институционализацией и определенной деинституционализацией науки, а также взаимовлияние этих процессов с логикой деятельности других социально-политических институций стран постсоветского региона.

Анализ субъектности науки должен учитывать четыре фактора:

1. Спрос на научные продукты и, как следствие, на науку как социальный институт, обеспечивающий удовлетворение этого спроса.
2. Общественный контекст, в рамках которого формируется и действует наука.
3. Ценности и нормы, позволяющие или препятствующие институционализации науки.
4. Легитимация науки и возможности ее влияния на общественное сознание, а также на другие институты общества.

Что касается анализа спроса на научные продукты, то о регулярном спросе на научные продукты можно говорить, начиная с периода вступления человечества в стадию своего развития, определяемого как

«промышленная революция». И с ее развитием и пространственным распространением наблюдается и расширение, а также устойчивость спроса на научную продукцию. От уровня масштаба и устойчивости спроса на научную продукцию зависят и возможности образования социального сообщества с присущими ему функциями, а также собственной ценностно-нормативной системой, позволяющей выработать этос ученых и их профессиональную идентичность. Как следствие данных процессов, можно говорить о возникновении социального феномена, определяемого как институт науки. Однако взаимоотношения науки и общества никогда не были однозначными и гладкими. По мнению Роберта Мертон, наука может из-за своей приверженности организованному скептицизму бросать вызов «удобным властным допущениям» других институтов, просто подчиняя их беспристрастному анализу. Организованный скептицизм содержит в себе скрытую постановку под вопрос некоторых оснований установленной рутины, власти, принятых процедур и сферы «сакрального» вообще (Мертон, 2006, с. 763). И такие последствия научной деятельности могут быть признанными «вредными для общества», что может приводить к «модификации самого научного этоса» (Мертон, 2006, с. 762).

На просторах Евразии устойчивый спрос на научную продукцию возник с периода масштабного промышленного развития, которое началось в третьей четверти XIX века и особенно интенсивно развивалось в первой половине XX столетия.

Новый этап спроса на научную продукцию начался в период советской индустриализации. Возрастание роли науки в этот период было обусловлено тем, что руководство советской системы стремилось решить проблему модернизации, опираясь и на форсированное развитие образования и науки. И в их развитии в советском обществе были достигнуты значительные успехи: СССР стал страной всеобщей грамотности, а по развитию науки и промышленных технологий если не вошел в группу ведущих стран, то, по крайней мере, значительно обошел большинство стран мира. В некоторых сферах науки в Советском Союзе были созданы школы мирового уровня. По ряду же направлений научно-технического развития СССР определенное время занимал лидирующие позиции в мире, например в развитии космических технологий. Но в целом советскому обществу не удалось создать современную систему образования и науки, аналогичную таким же институтам в развитых странах. Причины такого результата имеют системный характер. В условиях советского общества образование и наука были в подчиненном положении в отношении институтов власти и идео-

логии, и их институционализация не была дифференцированной, как в развитых странах. Советские институты образования и науки должны были выполнять, прежде всего, директивы, исходящие от господствующих институтов, а при таком положении они не могли стать современными институтами. Так, задача, стоящая перед институтом образования, была, прежде всего, не образовательная, а воспитательная, в соответствии с требованиями советской идеократии. Хотя от науки требовали новых знаний, тем не менее главным условием ее существования было соответствие советской идеологии. Подчиненность науки политике и идеологии, как господствующим институтам, наиболее явно проявилась в грубом вмешательстве советской власти в теоретические дискуссии в сфере генетики и кибернетики.

Социогуманитарные дисциплины в советском обществе властью определялись как партийные науки и подвергались особенно жесткому контролю с целью обеспечения их соответствия идеологическим канонам марксизма-ленинизма. Крайне негативно на развитие образования и науки влияли такие советские ценности и нормы, как простота и вал. Господствующее положение этих ценностей постоянно воспроизводило ситуацию, при которой для выполнения количественных показателей плана почти во всех сферах общества жертвовали качеством.

Тоталитарные установки советской власти привели к формированию особой советской философии, которая противопоставляла себя другим ее направлениям. Также в советский период были запрещены социология, политология, культурология, антропология как отдельные виды социогуманитарной науки. Исследования в этих сферах считались частью советской философии, ее раздела, определяемого как исторический материализм. Допуская отдельные исследования, советская власть запрещала их развитие как отдельных дисциплин, и, как следствие, в советском обществе не было возможности для полноценного развития научных знаний, образующих когнитивную основу современности.

Как следствие влияния базовых представлений и норм советской системы, наука при всей ее важности рассматривалась главным ее политическим актором КПСС как инструмент достижения целей, которые он считал приоритетными. Поэтому наука в условиях советского общества не имела возможности для полноценного автономного существования, хотя по причине специфики своей деятельности она все же имела, пусть и ограниченную, автономию. В целом науку советская власть рассматривала как один из своих инструментов, а не как автономное образование, с которым надо выстраивать отношения как с самостоятельным социокультурным субъектом. Поэтому советская

власть, проявляя заботу по отношению к науке, при необходимости довольно щедро финансируя ее, считала, что именно партия, как руководящая сила советского общества, определяет основные цели развития общества, в том числе и науки как одного из самых важных инструментов, необходимых для достижения поставленных ею целей. Как итог такого отношения, наука, как и все другие институты общества, была в подчиненном положении по отношению к власти, что неизбежно сказывалось на возможностях ее институционализации и, соответственно, ее продуктивности.

В постсоветский период произошла определенная либерализация, и она отразилась и на науке, в том числе и на социально-политической. Но в отличие от научных сообществ развитых стран, имеющих более диверсифицированную основу, в том числе в отношении своего финансирования, постсоветская наука остается сильно зависимой от власти. Несмотря на появление негосударственных фондов, финансирующих развитие науки, в основном зарубежных, главным источником финансирования науки в большинстве постсоветских стран остается государство. И отношение власти к науке как основного заказчика и инвестора остается утилитарным. Она все еще рассматривает науку как один из инструментов для достижения поставленных ею целей, а не как автономный социальный институт. Концентрированным выражением отношения власти к науке является популярное среди политиков и чиновников выражение: «научно-экспертное сопровождение». Тем самым власть считает, что функция науки заключается в научно-экспертном сопровождении различных проектов и решений, инициированных властью. Другими словами, наука в глазах власти не имеет своего автономного значения и рассматривается как приложение к главным институтам общества в виде власти и крупного бизнеса, где главным, конечно, является институт власти.

Для формирования и закрепления субъектности науки очень важно достижение состояния, когда ее развитие определяется прежде всего внутренними, а не внешними факторами. Другими словами, оформление науки в социальный институт. Хотя в последнее время в результате сверхпопулярности институциональных исследований произошла не только диверсификация представлений об институтах, но и их релятивация. Тем не менее, придерживаясь ряда классических представлений об институтах, дополняя их достижениями когнитивистского направления институционализма, можно отметить, что институты придают обществу стабильность, а также они определяют основные способы взаимодействий социальных деятелей и собствен-

но производят самих этих деятелей. Исходя из таких представлений, институты определяются как исторически сформированные способы устойчивого коллективного взаимодействия людей. Благодаря интернализации социальными деятелями институциональных когниций и основанных на них нормативных экспектаций формируются коллективные предрасположенности действовать определенным образом. В конечном счете в процессе длительных практик происходит социализация членов института, тем самым формируются типы деятелей, соответствующих его требованиям, или, выражаясь в духе концепции Питера Бергера и Томаса Лукмана, длительная типизация действий порождает типизированных деятелей, которые, в свою очередь, являются условием эффективного воспроизводства типизированных действий. Иными словами, все виды таких типизаций являются институтами (Бергер, Лукман, 1995, с. 92).

Одна из важнейших предпосылок и одновременно один из результатов институционализации общества — формирование идентичности членов института, являющейся конгруэнтной его нормам. Идентичность при этом определяется как относительно устойчивый результат процессов, связанных с достижением определенного уровня когерентности идентификаций социальных деятелей, позволяющих им более или менее непротиворечиво определять себя и свою принадлежность к сообществам и тем самым иметь возможность отвечать на вопросы: «кто я?» и «кто мы?» (Есенгараев, Пупышева, 2021, с. 22).

Идентичность членов института, с одной стороны, определяется институциональными когнициями и нормативными экспектациями, а с другой — является одним из важнейших условий эффективного воспроизводства институциональных норм. Именно появление деятелей, чья идентичность обязывает их быть преданными определенным институтам, позволяет последним обрести необходимую устойчивость и эффективность. Идентичности в своей основе, как правило, не могут быть результатом выбора отдельного человека или социальной группы, а являются определенным итогом возможностей структурирования уже имеющихся в данном социокультурном контексте идентификаций. При этом индивиды и социальные группы в большинстве случаев привержены идентификациям, доминирующим в том или ином обществе. В отличие от доминирующих в обществе идентификаций, альтернативные им идентификации не имеют должного когнитивного подкрепления, а также легитимности. В результате социальные деятели под воздействием массивов когниций, имеющих принудительный характер, как правило, обнаруживают склонность идентифицировать себя с теми

атрибутами и объектами, которые в данном обществе являются наиболее легитимными (Есенгараев, 2002, с. 5).

Институты обретают свое конкретное значение как элементы определенной институциональной структуры. Именно институциональная структура, а не отдельные институты определяет тип общества. Исходя из конститутивной роли институциональных структур, мы выделяем на их основе два макротипа общества: иерархический и полицентрический. Первый макротип общественных систем, который определяется как иерархический, получил наибольшее распространение в истории. Страны, относящиеся к такому типу общества, преобладают и в современную эпоху.

Общественная система полицентрического типа является исторически более поздним феноменом, возникшим как следствие модернизации. Поэтому необходимо определять общественные системы полицентрического типа так же, как современные. Выделяемые типы общественных систем есть результат абстрагирования от конкретных особенностей множества исторических образований в прошлом и настоящем. Первому типу общественной системы при всех цивилизационных особенностях и специфике отдельных стран присуще доминирование двух институтов — власти и религии. В современный период в общественных системах данного типа религию в ряде случаев замещает идеология. Отношения между институтами в данной системе носят иерархический характер, приводящий к тому, что все остальные институты занимают подчиненные позиции по отношению к двум господствующим.

Второй макротип общественной системы отличает плюралистический характер отношений между институтами и отсутствие господствующего центра. Такой тип отношений между институтами характерен для всех обществ данного макротипа, несмотря на присущие им цивилизационные и страновые различия. Такой тип институциональной структуры исторически оказался наиболее благоприятным для становления и развития института науки.

Как происходила институционализация науки в постсоветских странах? Ее основы были заложены в дореволюционной России, как метрополии евразийских народов, сегодня определяемых как постсоветские страны. Специалист по социологии науки Юдин в своей статье приводит следующие данные: «Процесс институционализации науки в России был долгим и крайне противоречивым» (Юдин, 1990, с. 22). Но с начала XX века начинается период бурного развития науки: «За период с 1900 по 1917 г. только в Петрограде и Москве было создано

свыше 80 научных обществ. К 1917 г. их общее число превысило 300. Наряду с наукой, финансируемой государством, возникают научные и учебные учреждения, финансируемые местными властями или частным капиталом, такие как университет Шаньявского или Бестужевские курсы, появляются лаборатории и конструкторские бюро на некоторых крупных предприятиях. Общепринятой практикой стала стажировка ученых в ведущих научных центрах мира» (Юдин, 1990, с. 22).

Институционализация науки в России была подорвана под воздействием революционных изменений. Наряду с политическим воздействием на науку имело место и культурное, выраженное в стремлении создать «народную науку». Основной смысл «народной науки» заключался в том, что наука должна была избавиться от своей интеллектуальной сложности и быть понятна массам. По мнению американского исследователя истории советской науки Лорена Грэхема, советские ученые, не имея возможности прямого отрицания популяризации власти и поддерживаемой их группы псевдоученых, наподобие академика Лысенко, вынуждены были «отражать идеологическую атаку, защищая настоящую науку на основе самого диалектического материализма» (Грэхем, 1991, с. 23). При этом такая опора на диалектический материализм, считает Грэхем, была не только тактическим приемом. Она привела и к существенному развитию диалектического материализма (Грэхем, 1991, с. 23).

Однако необходимость в профессионалах, в том числе и в ученых, заставила советскую власть пойти на определенный компромисс с ними. В рамках политики вынужденного признания и поддержки специалистов начиная с конца 20-х годов, в советской науке происходят и процессы, которые Юдин определяет как «вторичную институционализацию науки». Они также протекали нелинейно и противоречиво, но все же, по мнению Юдина, можно считать, что в период 70–80-х, в советской науке возобладали внутренние академические стандарты и процесс вторичной институционализации был в своей основе завершен (Юдин, 1990, с. 30–31).

В постсоветский период институт науки оказался в амбивалентной ситуации. С одной стороны, наука избавилась от диктата со стороны правящей коммунистической партии. Но, с другой стороны, она в 90-е годы оказалась лишена того финансирования, которое обеспечивал советский режим. И такая амбивалентность неизбежно оказывала свое противоречивое влияние на институциональные нормы постсоветской науки.

Ситуация в социогуманитарных науках обусловлена особенностями нашей истории в гораздо большей степени, чем ситуация в естество-

венных и технических науках. Из-за природы тоталитарного режима социогуманитарное знание находилось под жестким диктатом правящей идеократии и развивалось в изоляции от мировой науки. Идеи ведущих социологических центров мира доходили до советских ученых крайне фрагментарно и с большим опозданием. Собственно, их задачей был не поиск истины и не объективное исследование социальных фактов, а участие в «правильном воспитании» советских людей через пропаганду «преимуществ социалистического строя» и обличение «пороков капиталистического мира». В таких условиях не могло быть и речи о полноценном развитии социальных наук, особенно ее теории. И сегодня, даже при снятии всех политических барьеров, затруднявших коммуникации с мировой наукой, социогуманитарные дисциплины объективно не могут компенсировать десятилетия существования в изоляции от мировых тенденций. Существование в условиях отрыва от мировой науки и, самое главное, в условиях диктата со стороны идеократии привело к формированию определенной коллективной логики, исследовательских норм и этоса. Соответственно, такие глубинные структуры, определяющие сознание и установки социогуманитарного сообщества, очень трудно изменить.

После отмены запретов на контакты с зарубежными коллегами, после того, как получено право беспрепятственного знакомства с трудами ведущих социологов мира, обнаружилось, что более труднопреодолимым барьером на пути к коммуникации с мировой социологией являются не политические ограничения, а эпистемологические. Обнаружилось, что для вхождения в мировое научное сообщество от представителей социогуманитарных знаний постсоветских обществ требуется не только желание, но и трансформация большого массива предпосылок, без которых невозможно обеспечить приобщение к эпистемологическим нормам, образующим фундамент современных социогуманитарных теорий. И надо сказать, что в результате глубоких различий между эпистемологическими предпосылками местных сообществ и предпосылками мировой науки многие представители постсоветских социогуманитарных дисциплин не испытывают особого желания приобщаться к теориям, определяющим развитие современных социальных наук. «Несоизмеримость теорий» в ряде случаев ведет к прямому противопоставлению местных исследовательских традиций, когнитивным нормам, принятым в ведущих научных центрах мира.

Одной из самых сложных проблем, негативно влияющей на институциональные нормы науки в постсоветских странах, является коррупция. Она выражается в различных формах, где одной из основных

является коррупция в сфере защиты научных степеней. И вследствие распространенности такой коррупции за последние десятилетия произошло резкое увеличение количества носителей научных степеней, и здесь количественный вал привел к тому, что нередко можно встретить носителей степени по двум и даже по трем наукам. Если судить по количеству диссертаций, то на постсоветском пространстве произошел творческий взрыв, особенно в сфере педагогики. Защиты по этой научной специальности занимают лидирующее положение среди огромного массива других диссертаций. Также, если судить по количеству диссертаций, можно достичь высокого уровня развития правовой и экономической мысли, достичь более весомых результатов в развитии социогуманитарных наук. И в этих сферах уже защищено очень большое количество как кандидатских, так и докторских диссертаций. Но всем известно, что при таком количественном росте реальный образовательный и научный уровень носителей этих дипломов является не то что невысоким, но в значительной степени крайне низким. Не только диплом о высшем образовании, но и научная степень уже перестала быть свидетельством соответствующей компетенции.

Вал дипломов, в том числе связанных с научными степенями, привел к тому, что в Казахстане государство было вынуждено отменить диссертационные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций. Мера, возможно, слишком радикальная, но вынужденная, так как диссертационные советы превратились в конвейеры по штампованию научных степеней.

Также в постсоветской науке очень высок уровень плагиата. Сообщества, борющиеся с плагиатом, регулярно и массово находят свидетельства плагиата, особенно у руководителей науки и высшего образования. Но при этом исследователи плагиата приходят к выводу, что подтвержденный ими плагиат — это верхушка айсберга. И такой уровень распространения плагиата, ставшего рутинным для постсоветского научного сообщества, свидетельствует, что оно не имеет достаточных внутренних ресурсов, позволяющих ему справиться с проблемой коррупции.

Для утверждения субъектности любого социального института ему необходимо иметь устойчивое влияние на общественное сознание. Это относится и к институту науки. И сегодня в этом плане постсоветская наука находится в довольно сложном положении. Она отошла от многих советских практик по утверждению своего влияния на общественное сознание, реализуемого через сеть изданий и публичных лекций на основе общества «Знание». Но хотя сегодня на смену им приходят

новые способы популяризации науки, в частности через интернет-каналы, тем не менее пока они не достигли того уровня массовости, которая была в советское время. Проблема в том, что большинство ученых не уделяют должного внимания этому аспекту утверждения и развития научного знания. Причин здесь несколько, от загруженности ученых и необходимости заниматься периодически возникающей проблемой по обеспечению финансирования своей деятельности, отнимающей много сил и времени, до причины, обусловленной тем, что большинству постсоветских ученых особо нечем делиться. Их производительность является в большинстве случаев очень низкой. Поэтому производимой им продукции хватает лишь для выполнения закрепленного за ними объема работ.

Если взять политологов, то среди ученых общеизвестной фигурой можно назвать лишь Екатерину Шульман. Для такой большой страны, как Россия, это крайне мало, а в других постсоветских странах такая публично активная фигура среди ученых просто отсутствует. Остальные известные политологи, даже будучи более уважаемыми специалистами в кругу своих коллег, или менее известны, чем Шульман, так как они менее публично активны, или вообще неизвестны широкой общественности. Так как природа не терпит пустоты, то ее заполняют так называемые «говорящие головы», которые в большинстве случаев не являются профессиональными учеными. Активность «говорящих голов» очень часто не только не способствует популяризации науки, но и нередко дискредитирует ее в глазах тех, кто ожидает от них более взвешенных суждений о политических процессах.

Подводя итоги, можно сказать, что в современный период на постсоветском пространстве наука испытывает серьезные и устойчивые проблемы с утверждением своей субъектности. Они обусловлены тем, что наука в постсоветских обществах не стала институтом, потребность в котором безоговорочно признается обществом и главным его актором — властью. Отношение последней к науке выражается в формуле «научно-экспертное сопровождение». Тем самым власть отводит науке роль вспомогательного института, что отражается как в ее легитимности, так и в ее финансировании.

Общее отношение власти и в целом общества является инерционным и реактивным, чем проактивным. Оно инерционно, так как сохраняется ряд представлений и установок, связанных с наукой, унаследованных от советского периода. Но они уже утратили свою былую значимость и поэтому могут обеспечивать лишь инерционное развитие науки. Отношение к науке реактивно, так как из-за возникающих про-

блем периодически возникает спрос на ту или иную научную продукцию. Например, в связи с потребностью в развитии цифровых технологий или других экономических и социальных проблем. Сохраняется также, пусть и в более ограниченном виде, спрос на науку и в военных целях. Но сохраняющаяся инерция и реактивные действия со стороны власти и крупного бизнеса пока не трансформируются в проактивную политику по системному развитию науки. А сама наука также пока не в состоянии навязать обществу и его главным акторам представления и ценности, которые способствовали бы повышению ее легитимности и, как следствие, возрастанию ее социально-политической субъектности.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. — 323 с.

Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2018. — 656 с.

Грэхем Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом познании в Еврестском Союзе. М.: Политиздат, 1991. — 480 с.

Есенгараев Е.Ж. Идентичность как проблема современного мира // Идентичность в современном мире: Материалы международной научно-теоретической конференции. Караганда: КарГУ, 2002. С. 3–10.

Есенгараев Е.Ж. Общество, институты и социальная наука. Караганда: КарГУ, 2017. — 312 с.

Есенгараев Е.Ж., Путьшева Т.Н. Институты и общество // Вестник Карагандинского ун-та. Серия: История, Философия. 2021. № 3(103). С. 19–28.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. — 873 с.

Мокир Дж. Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Институт Гайдара, 2017. — 792 с.

Пунтус Е.А. Идентичность человека в постиндустриальном обществе // Идентичность в современном мире: Материалы международной научно-теоретической конференции. Караганда: КарГУ, 2002. С. 161–164.

Таубаев А.А., Каменова А.Б., Орынбасарова Е.Д., Борисова Е.И., Сайфуллина Ю.М. Институциональная среда развития наукоемкого сектора и инновационного предпринимательства в странах Евразийского экономического союза // Экономика: Стратегия и практика. 2019. № 2. С. 25–38.

Юдин Б.Г. Социальный генезис советской науки // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 16–31.

DiMaggio P.J., Powell W.W. The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Cicago Press, 1991. — 486 p.

Л.В. Шиповалова
СПбГУ, Санкт-Петербург

Неизбежная рекурсивность публичной научной коммуникации*

Введение

Публичная научная коммуникация непосредственно связана с актуальной политической повесткой, являясь условием формирования значимых общественных решений в тех ситуациях, когда требуются не только профессиональные знания экспертов и опыт политиков, но и знания различных заинтересованных субъектов, а также общественное согласие относительно самих проблем и способов их решения. Таковы ситуации, где под вопросом оказываются, скажем, изменения климата, внедрение новых технологий, легитимация политических режимов и т.п. Практики публичной научной коммуникации формируются, как минимум, с начала Нового времени, когда одновременно складывается сама наука, а также профессиональная экспертиза, представляющая знание, в том числе научное, для его использования властью (Ash, 2004). В современности как самой теории публичной научной коммуникации, так и конкретным вопросам ее практической реализации посвящены исследования, фокусирующие внимание на проблематике политологии, эпистемологии, философии и др.¹ Мы рассмотрим проблематичность публичной научной коммуникации в двух контекстах и покажем, благодаря каким концептуальным ресурсам могут разрешаться ее традиционные проблемы и выявляться актуальные новые.

Контексты проблемы

Первый контекст представлен исследованиями социальной коммуникации в широком смысле слова, а именно теорией систем Н. Лумана. Здесь присутствует понимание необходимости, хотя и «невероятности»

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта, поддержанного РНФ (грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости»).

¹ Основные направления теории и практик публичной научной коммуникации представлены в публикациях в журналах *Science Communication*, *Public Understanding of Science*, а также в (Bucchi, Trench, 2014).

коммуникации, которую Н. Луман определяет трояким образом (Луман, 1995). *Во-первых*, невероятно то, что в процессе передачи информации агент, ее получающий, понимает то, что подразумевает другой, ее отправляя, коль скоро имеет место автономия и индивидуализация их сознаний. Субъекты коммуникации, их знания, социальные статусы и роли различны, потому под вопросом само взаимодействие, *осуществление коммуникации*. *Во-вторых*, невероятность коммуникации связана с ее распространением на большее число людей по сравнению с теми, кто вступает в непосредственное общение. В этом случае под вопросом оказывается возможность расширения или *распространения коммуникации*, включения в нее дополнительных участников, увеличения степени распределения их знания. Третья невероятность коммуникации — *невероятность ее успеха*. «Даже если коммуникация будет понята, то это еще не означает, что она будет принята» (Там же, с. 115). Принятие коммуникации зависит от признания актуальности передаваемой и получаемой информации, признания того, что информация истинна и может стать основанием для действий. Три «невероятности» коммуникации Лумана — назовем их невероятность осуществления, распространения и успеха — вкуче со значением публичной коммуникации для функционирования социальной системы, для принятия решений и управления обществом делают ее проблемой, возможным и необходимым предметом теоретического внимания и практической работы.

Второй контекст конкретизирует общественную коммуникацию до публичной научной (*Public science communication*). Такая коммуникация, как правило, включает три основных направления: 1) популяризацию исследований, 2) обсуждение метапроблем взаимодействия науки и общества (например, вопросов о финансировании науки или о внедрении научных открытий с ожидаемым общественным эффектом), а также 3) экспертную деятельность ученых, включающуюся во взаимодействие науки, власти и публики, где научное знание используется как основание принятия общественно значимых решений (Peters, 2014, p. 70). Именно третий случай интересен для нас как заостряющий проблематичность невероятной коммуникации по Луману. Проясним причины такого интереса. *Во-первых*, в фокусе внимания оказывается первая невероятность осуществления, коль скоро здесь существенно соединение различных знаний и позиций вовлекаемых в коммуникацию субъектов, иерархия которых может быть выстроена различным образом, а взаимодействие которых не всегда оказывается успешным. *Во-вторых*, именно в этом случае принципиально распространение коммуникации, вовлечение в дискуссии большего количества участников, коль скоро на кону

общезначимые решения, проблемы, отражающиеся на здоровье и жизни всех или многих граждан (например, проблема переработки мусора или загрязнения воздуха). Более того, в публичной научной коммуникации могут обсуждаться вопросы, в которых непрофессиональные знания оказываются не менее важными, чем знания ученых-экспертов (Irwin, 2014), а включение в обсуждение граждан со своими сомнениями и ожиданиями может служить формированию общественного доверия. Соответственно, значение преодоления второй невероятности распространения коммуникации в этом случае сложно переоценить. *В-третьих*, в публичной научной коммуникации с участием экспертов присутствует и невероятность успеха, особенно если речь идет о таких глобальных проблемах, как, например, изменения климата, относительно которых, несмотря на провозглашаемый научный консенсус и предполагаемую настоятельность решений и действий, сохраняется дискуссионность выводов, противостояние научно обоснованных аргументов. Последующий анализ будет относиться именно к публичной научной коммуникации с участием экспертов, которая для краткости будет называться публичной научной коммуникацией.

Идеи Ю. Хабермаса, раскрывающие три модели такой публичной научной коммуникации — технократическую, децизионистскую и прагматическую, демонстрируют ее невероятность (Хабермас, 2007). Первые две модели оказываются, строго говоря, некоммуникативными, поскольку в них решение принимается на основании знаний и силы только одного субъекта — научного сообщества, предъявляющего экспертизу и настаивающего на ее необходимом принятии в случае технократической модели или сообщества управляющих агентов, принимающих решения на основании советов научных экспертов, — в случае модели децизионистской. Остальные субъекты лишь легитимируют принятое решение своим согласием. Третья модель полагается Хабермасом адекватной, но проблематичной именно в силу того, что она описывает осуществление взаимодействия субъектов с различными знаниями и ценностными позициями, взаимодействия, механизмы которого под вопросом. Следует отметить, что Хабермас подчеркивает то, что можно назвать невероятностью распространения и успеха коммуникации, связанной с препятствиями, создаваемыми политической закрытостью периода холодной войны.

Исходя из двух указанных контекстов вопрос можно поставить следующим образом: каковы условия и механизмы «вероятности» публичной научной коммуникации, проблематичность которой в первую очередь определяется различием социально-политических и эписте-

мических позиций включенных во взаимодействие субъектов. Гипотеза, релевантность которой будет продемонстрирована ниже, состоит в том, что концепт рекурсивности относительно публичной научной коммуникации способен на теоретическом уровне описать способы вероятного осуществления коммуникации, выявить возникающие новые проблемы, а также внести вклад в разработку практических стратегий ее реализации. Представляется, что концептуальный характер ответа, с одной стороны, демонстрирует необходимость дополнительных эмпирических исследований, обнаруживающих доказательства его востребованности, а с другой обладает собственным значением, поскольку указывает направление поиска.

Концепт рекурсивности и его значение для публичной научной коммуникации

Концепт рекурсивности используется в политических науках, хотя обращение к нему нельзя назвать общепринятым (Неверов, 2021; Crozier, 2007; Mansbridge, 2019; Townes, 2010; Deroy, Clegg, 2015). Представляется, что связано данное обстоятельство, *во-первых*, с многообразием и неоднозначностью интерпретаций концепта рекурсивности в этой области знания и, *во-вторых*, с тем, что он описывает скорее должное, чем существующее положение дел. Каковы элементы этого концепта, делающие его уместным при анализе публичной научной коммуникации, а также политических процессов обсуждения и принятия решений?

Рекурсивность характеризует систему, развивающуюся нелинейно. В такой системе дополнительный, встраивающийся в нее в процессе функционирования элемент изменяет ее целостность. То есть имеет место взаимное определение элементов и целого системы, кроме того, ни один из элементов не является самодостаточным, функционирующим без другого. Такая взаимозависимость элементов рекурсивной системы отчасти снимает первую невероятность Лумана, поскольку преодолевает радикальное различие получателя и отправителя информации, отделенность их эпистемических и социальных позиций.

Можно привести в пример модель рекурсивной политической коммуникации, рассматриваемой Дж. Мэнсбридж, на которой изображается взаимодействие граждан, их представителей, администраторов и различных общественных организаций-посредников (Mansbridge, 2019, p. 311–312). Для этой модели существенна взаимность влияния агентов коммуникации, а также очевидна неоднозначность иерархии ее участников.

Standard model: Voter → Elected representative → Administrator → Citizen

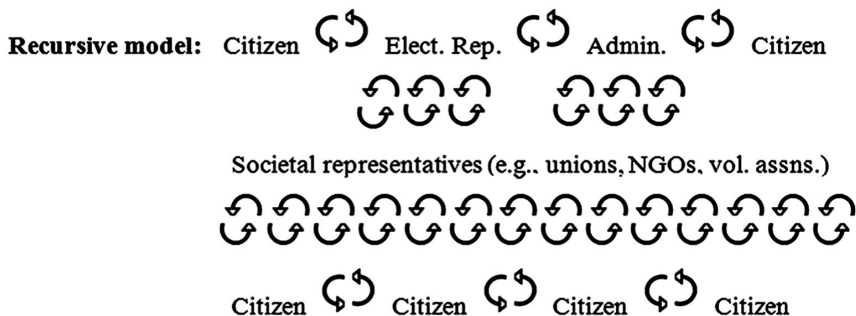

Рис. 1. Модели политической коммуникации

Источник: Mansbridge J. Representation, legitimacy, and innovation.

В случае рекурсивности научной коммуникации речь может идти, например, о ситуациях, где ученый, выясняя мнение какого-либо сообщества, скажем, о внедрении электронной технологии голосования, изменяется сам, приобретая знание, и изменяет представления сообщества, служащие основанием для возможных действий. Такую ситуацию в социальных науках описывает Э. Гидденс, называя ее «двойной герменевтикой» (Гидденс, 1993, с. 64). Представляется, что эта характеристика может относиться и к той коммуникации, где ученые выступают в качестве экспертов, если речь идет не о технократической модели, где научное знание, предлагаемое к использованию, предполагается окончательным. Особенно отчетливо рекурсивный характер публичной научной коммуникации обнаруживается в практиках «упреждающего управления» (Guston, 2014), когда организуется публичное взаимодействие экспертов, публики и власти в различных форматах (дискуссии, опросы, интервью и т.п.), имеющее целью выявление ожиданий граждан, связанных с внедрением новых технологий, основанных на знании.

Еще одна существенная черта рекурсивности, дополняющая ее нелинейный характер, позволяет говорить о гарантированном расширении коммуникации в системе, функционирующей рекурсивно: она использует собственные информационные результаты в качестве ресурса развития, оказываясь при этом самонаучаемой [Jordan, 2015, р. 29–44]. Посредством такой характеристики снимается вторая невероятность

Лумана. Однако в этом случае оказываются важны информационные посредники взаимодействия, рекурсивность обеспечивающие.

Дж. Мэнсбридж пишет о рекурсивной модели коммуникации как о должной или желаемой, однако следует подчеркнуть, что в современных условиях публичной научной коммуникации ее рекурсивный характер в двух указанных выше смыслах становится неизбежным, что, с одной стороны, обеспечивает ее вероятность, однако, с другой — становится причиной возникновения новых проблем. Для такой трансформации статуса публичной научной коммуникации есть, как минимум, два существенных условия.

Условия неизбежной рекурсивности публичной коммуникации

Первым условием рекурсивного характера современной публичной научной коммуникации является цифровизация. Цифровые технологии в силу своей специфики и эффективного включения во все сферы общественных взаимодействий способствуют преодолению невероятности коммуникации. В результате они создают основания для воспроизведения своего использования, не освобождая его полностью от проблематичности. Какими особенностями цифровых технологий такое положение дел обеспечивается?

Во-первых, сами цифровые платформы, используемые в коммуникации, функционируют по рекурсивным алгоритмам (Jordan, 2015, p. 31). Включаясь в широкое публичное использование, неожиданное для первоначального контекста их изобретения (Ceruzzi, 2013), цифровые технологии «подчиняют» характеру собственной работы участвующих в ней человеческих агентов. Это технологическое условие, делая публичную коммуникацию вероятной, провоцирует новые проблемы — создает эхо-камеры, препятствует получению новой информации или требует дополнительных усилий для реализации действительно оригинального поиска (Davies, 2018).

Во-вторых, цифровые технологии, позволяя конструктивно соединять текстовую информацию с видео- и аудиообразами, делают ее действенной, убедительной, воспринимаемой в качестве реальной. Тем самым снимается третья невероятность Лумана, связанная с проблематичным успехом публичной коммуникации. Однако возникают новые проблемы. Получаемая информация благодаря своей действенности, живости, убедительности смешивается с пережитым на личном опыте. В результате воспринимающая информация публика начинает считать себя обладающей экспертным знанием, трансформирующимся в при-

нятие решений (Фуллер, 2021, с. 47). Возникающая при этом проблема, назовем ее проблемой псевдоэкспертизы, не означает необходимости отбрасывать знание публики или пренебрегать ее участием в обсуждениях. Критика незрелости общественного мнения, а также переоценка научного экспертного знания или опыта политиков характеризует скорее линейные практики публичной научной коммуникации. Проблема псевдоэкспертизы создает дополнительную необходимость проверки релевантности и адекватности суждений участников взаимодействия при формировании решений в процессе управления.

В-третьих, цифровые технологии, особенно создающие возможность развернутого общения в социальных сетях, посредством процедур деконтекстуализации и реконтекстуализации информационных сообщений, а также возможности их коллективного комментирования создают условия для специфического соавторства, выражающегося в совместном производстве смысла сообщений (Regutto, 2017). При этом различные субъекты, включенные в цифровые сети, со своими знаниями и позициями получают возможность быть активными наряду с научными экспертами и субъектами власти, а также рекурсивно получать в качестве основания для своих убеждений и действий ту информацию, в формирование которой они сами вносят вклад. Вероятность расширяющейся коммуникации, а также гарантированность ее осуществления в результате включения различных субъектов в совместное производство ее смысла делает настоящим новым вопросом об инвариантности содержания передаваемой и (вос)производимой в коммуникации информации. Соавторство многих в производстве информации, а также ее большая по сравнению с нецифровыми способами распространения действенность, способность активизации участия в обсуждении и принятии решений возвращают классический вопрос об истине распределенного знания в цифровую эпоху постправды.

Вторым условием неизбежности рекурсивной публичной научной коммуникации в современности является неопределенность обсуждаемых фактов, относительно которых необходимо принимать решения. Неопределенность, связанная с многообразием причин фактов и неоднозначностью их следствий, характеризует сложные социальные и природные системы как предметное пространство современной науки (Funtowicz, Ravetz, 1993). Она требует учитывать в принятии решений различные познавательные позиции, а не строить их исключительно на знании экспертов или опыте политиков. Игнорирование неопределенности и значения распределенного познания приводит к провалу публичной научной коммуникации, как

это было, например, во время распространения губчатого энцефалита в Великобритании в 90-х годах (Irwini, 2014). Признание же этого значения делает настоящим вопросом об управлении публичной научной коммуникацией с расширяющимся составом гетерогенных участников. Итак, неопределенность, требующая участия субъектов с разными познавательными позициями, создает необходимые условия для рекурсивной публичной научной коммуникации, а цифровые технологии обеспечивают достаточные условия, но и провоцируют новые проблемы.

Демонстрация трансформации публичной коммуникации

В завершение приведем два примера публичной научной коммуникации, реализуемой посредством визуализаций, осуществляемой по линейной и по рекурсивной моделям.

Один из первых случаев использования научных визуализаций в качестве инструмента политического влияния относится еще к XVIII веку. Речь идет об изображении невольничьего корабля «Брукс», включенном в 1787 году в широкую общественную кампанию по критике работорговли¹. План корабля дополнял описание данных, представленных в научном тексте Томаса Кларксона «Очерк о рабстве и торговле людьми». Этот план, изображающий сотни поработанных африканцев, забитых в помещениях корабля, был напечатан тиражом семь тысяч экземпляров и стал широко известен по всей Великобритании, появляясь в газетах, брошюрах, книгах и даже на плакатах в общественных местах. Вместе с другими визуальными материалами, которые использовали Кларксон и его единомышленники в своих выступлениях и публикациях, план потрясал публику. Не в последнюю очередь благодаря таким впечатляющим научным визуализациям политическая кампания по критике работорговли была успешной и привела к ее отмене в Британской империи в 1807 году.

В этом случае имела место линейная публичная коммуникация с использованием экспертного знания, направленная на формирование общественного сознания, с предположенным заранее восприятием публики, имеющая своей целью воздействие на субъектов власти и результатом — политическое решение.

Второй пример относится к современным обсуждениям экологической проблематики с участием экспертов и публики. В экспертных

¹ См. описание этого случая в :Numanović, 2017.

DESCRIPTION OF A SLAVE SHIP.

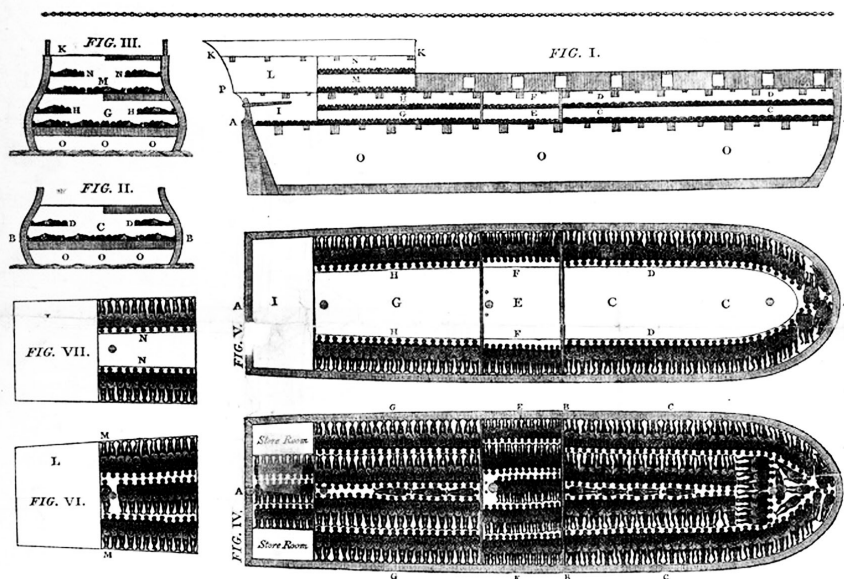

Рис. 2. Пример визуализации в линейной публичной научной коммуникации

Источник: Numanović A. Why policy advocates should pay more attention to data visualization?

публикациях, посвященных изменению климата, часто встречаются фотографии тающих ледников, а также пробок, в которых стоят автомобили. Такого рода изображения посвящены общей теме климатических изменений и, взятые вместе, показывают, в некотором смысле, причинную связь событий. Однако, изучая способы вовлечения граждан в деятельность по решению экологических проблем и анализируя восприятие публикой таких визуализаций, исследователи обнаружили, что они производят прямо противоположные эффекты. Если изображение тающих ледников и подобные ему заставляют признать значение экологических проблем, но при этом провоцируют пассивность граждан и ощущение, что ничего нельзя сделать, то изображение машин, стоящих в пробке, напротив, рождает стремление к активным действиям (O'Neill et al, 2013).

Второй случай репрезентирует рекурсивную публичную научную коммуникацию по следующим причинам. *Во-первых*, речь идет о деятельности, которая невозможна без участия большого количества заинтересованных субъектов с различными знаниями и социальными позициями. В фокусе этой деятельности — неопределенный факт климатических изменений, который тем не менее значим как для современного человечества, так и для будущих поколений. Обсуждение этого факта, управленческие решения, к нему относящиеся, и действия на их основании настоятельны. *Во-вторых*, в коммуникации представлено знание, смысл которого не предположен заранее, не однозначен, в том числе для самих отправителей. Смысл формируется в результате взаимодействия, в результате распространения и обсуждения информации и взаимной трансформации позиций участников — ученых и журналистов, которые эту информацию репрезентируют в своих публикациях, публики и политиков, которые ее воспринимают, ученых, которые исследуют восприятие этой информации и возможность активного реагирования на нее. Цифровые технологии оказываются необходимым условием такого формирования смысла. *В-третьих*, в этом случае имеет место такая публичная коммуникация, результаты исследования и осуществления которой могут быть использованы в качестве ресурса ее развития и совершенствования.

Заключение

Рассмотрение публичной научной коммуникации как рекурсивной позволяет увидеть, как решаются ее проблемы или, в терминологии Лумана, как преодолевается ее невероятность. Однако неизбежная рекурсивность публичной научной коммуникации, возникающая в условиях цифровых технологий, ставит исследователей и политиков перед новыми вызовами и проблемами, среди которых возникновение информационных эхо-камер, псевдоэкспертизы и сохранения инвариантного смысла передаваемой информации, а также необходимость управления коммуникацией с расширяющимся составом участников. Эти проблемы предстоит решать на теоретическом и, возможно, на практическом уровне.

Список литературы

- Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Thesis. 1993. Вып. 1. С. 57–82.
- Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.

- Неверов К.А.* Интероперабельность как рекурсивный процесс: цифровая платформа Уругвая // Латинская Америка. 2021. № 4. С. 56–68.
- Фуллер С.* Постправда. Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. — 368 с.
- Хабермас Ю.* Онаученная политика и общественное мнение // Ю. Хабермас Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. С. 136–166.
- Ash E.H.* Knowledge, Power and Expertize in Elizabethan England. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004. — 280 p.
- Bucchi M., Trench B.* (eds.) Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology, second edition, London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. — 258 p.
- Crozier M.* Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy // Political Communication. 2007. Vol. 24. Is. 1. P. 1–18.
- Deroy X., Clegg S.* Back in the USSR: Introducing Recursive Contingency Into Institutional Theory // Organization Studies. 2015. Vol. 36(1). P. 73–90.
- Funtowicz S. O., and Ravetz J. R.* Science for the post-normal age // Future. 1993. Vol. 25(7). P. 739–755.
- Guston D. H.* Understanding «anticipatory governance» // Social Studies of Science. 2014. Vol. 44. № 2. P. 218–242.
- Irwin A.* Risk, Science and Public Communication: Third-Order Thinking about Scientific Culture // Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology / ed. by M. Bucchi, B. Trench, second edition. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. P. 160–172.
- Jordan T.* Information Politics: Liberation and Exploitation in the Digital Society. London: Pluto Press, 2015. — 224 p.
- Mansbridge J.* Representation, legitimacy, and innovation // Journal of Chinese Governance. 2019. Vol. 4. Is. 4. P. 299–322.
- Numanović A.* Why policy advocates should pay more attention to data visualization? [Электронный ресурс] // Policy hub. 12.09.2017. URL: <http://www.policy-hub.net/en/experience-and-practice/214>. (accessed: 10.10.2021)
- O'Neill, S. J., Boykoff, M., Niemeyer, S., & Day, S. A.* On the use of imagery for climate change engagement // Global Environmental Change. 2013. Vol. 23. P. 413–421.
- Peters H.P.* Scientists as public experts: expectations and responsibilities. // Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology / ed. by M. Bucchi, B. Trench. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. P. 70–82.
- Rigutto C.* The landscape of online visual communication of science // Journal of Science Communication. 2017. Vol. 16 (02). P. 1–9.
- Townes M.* Usage of Recursive in Political Science // Political Science & Politics. 2010. Vol. 43(2). P. 259–261.

Н.С. Виноградова

МГУТУ им. К.Г. Разумовского, Москва

Виртуализация современной политики: коммуникационный фактор политико-психологического восприятия

Постановка проблемы

Образ страны, формируемый в сознании граждан, напрямую зависит от действий политических акторов и публикаций в СМИ, которые информируют об этих действиях. Интернет-коммуникации и активность пользователей в сети Интернет являются базисом формирования информационного пространства, качественно нового, наполненного разнообразием, «веером» образов, которые транслируются различными акторами, что в результате приводит к трансформации ролевых значений граждан: люди из пассивного адресата информационного потока модифицируются в активных участников политического процесса, генерирующих свое субъективное мнение и транслирующих его на массы. Формируется виртуальное поле политики — поле, наполненное не только фактами, но и мнениями, фейками и «веерами» восприятия. В результате Интернет — как канал с моментальной передачей сообщения, не может моделировать и фильтровать массу информации. Основным методом фильтрации выступают интересы пользователя, на основе которых он формирует индивидуальную повестку дня (Гоу, Тьен, МакКомбас, 2019, с. 62–83). Проблема заключается в том, что существующее множество образов создает искажения, которые влияют на отношение гражданина к текущей политике. Даже после появления фактологической информации из первоисточника формируется мнение на основании представленных позиций различных участников коммуникационного процесса в Сети. Возникает конфликт между транслируемой официальной точкой и интерпретациями. Это обуславливает необходимость научного осмысления проблемы коммуникационного разрыва и искажений в процессе формирования образа страны в сознании граждан.

Виртуализация политики

Базисом настоящей статьи является теоретико-методологическая платформа, основанная на политико-психологическом подходе к анализу ролевого значения виртуализации политики в процессе форми-

рования политических образов в сознании граждан. Существует ряд исследований отечественных и зарубежных ученых, анализирующих образ страны в сознании граждан (Шестопал, 2019, с. 9–20), роль коммуникативного фактора в факторной модели восприятия (Власть и лидеры, 2019, с. 44–72), виртуализация политики (Ofoeda, 2019; Mohammed, Ibrahim, 2014, с. 134–143).

Предметом данного исследования являются политико-психологические аспекты виртуализации политики.

Динамичное развитие и виртуализация политики обуславливают современные трансформации каждой из сфер жизни общества, в связи с чем встает вопрос об актуальности данного исследования. Актуальность подтверждается рядом фактов:

- 1) преобладанием новых форм интернет-социализации граждан над историческими институциональными формами и их влиянием на социально-политические процессы;
- 2) воздействием веб-технологий на трансформацию политических взглядов граждан;
- 3) фактом включенности России в мировое информационное пространство, сопровождающееся решением вопросов свободы распространения информации и правового обоснования взаимодействия обществ и политики разных государств.

Виртуализация политики невозможна как без понимания самой политики, политических акторов, политического процесса, политической социализации, политической культуры, коммуникационных процессов, так и без восприятия гражданами проводимой политики. В связи с фактом оценки деятельности органов государства и проводимой политики в целом, обуславливающим формирование того или иного образа государства, именно восприятие является важным аспектом виртуализации политики. Виртуальная политика как таковая теперь является не только новой площадкой и технологией взаимодействия общества и государства, но и новым видом политики.

В данном исследовании виртуальная политика понимается как альтернативная картина мира, которая формируется в сети Интернет как альтернативное видение развития тех или иных политических процессов и насыщается теми или иными точками зрения, чаще всего совершенно не касаясь реальных событий или реальных политиков. В начале развития сети Интернет виртуальная политика являлась отпечатком реальной политики. Но на данный момент виртуальная политика и реальная политика не являются одним и тем же.

Модели виртуальной политики

В настоящее время фокус внимания исследователей, который начал зарождаться несколько десятилетий назад, сконцентрирован на вопросах политической коммуникативистики и виртуальных практиках взаимодействия государства и общества (Шестопап, 2019, с. 656).

Как же происходит формирование восприятия у получателя виртуальной политики? В теории восприятия в основе лежит картина мира. Образ — единица картины мира, результат целостного отражения внешнего объекта, его свойств, признаков, которые встраиваются в картину мира. Картина мира формируется на основе чувственного восприятия, последовательно складывающегося из ощущений, ценностей, установок, оценок, ожиданий. В немалой степени в результате переработки информации, практической деятельности, рационального осмысления действительности. Политический образ состоит из отражения политической власти, личности лидера, политических институтов и т.д. и проекции ожиданий субъекта восприятия, то есть граждан (Шмелева, 2017, с. 26–27). По мнению Д.А. Леонтьева, понятие «образ» не тождественно понятию «имидж»: «Имиджем я называю впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно, а образом — то, которое формируется спонтанно. Поэтому под образом мы будем понимать отражение личности лидера (партии, государства, организации, товара и пр.) в массовом и индивидуальном сознании граждан. Между тем как под имиджем (или брендом) мы будем понимать специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (партии, государства, товара и т.д.)» (Гравер, 2012, с. 30–31).

Вариативность виртуальных образов зависит не только от получателя, но и от субъектов (актеров), которые также формируют «веер» образов. Осознание этих «вееров» не требуется от респондента, получатель формирует итоговый образ из элементов посланных сообщений. При реализации политики необходимо отметить, что получатель осознает себя в качестве субъекта политики, в результате имеет сформировавшийся собственный образ.

Политическое восприятие носит оценочный характер и интерпретирует позиции политических лидеров. При этом оно основывается на когнитивных и эмоциональных уровнях восприятия, которые замыкаются друг на друга, где эмоции являются катализатором точек зрения граждан. Политическое восприятие формируется последовательно от личности лидера, деятельности власти, понимания территорий и роли народа, оно формируется в основном с помощью СМИ и лидеров мнений в сети Интернет (Шестопап, 2018, с. 203–204).

Интересна модель виртуальной политики, представленная в России. Изменения в коммуникационной сфере России заняли более 30 лет и продолжаются на данный момент. В России развитие виртуализации политики напрямую связано с развитием сети Интернет. В начале 90-х годов, после развала СССР, произошел резкий скачок политической активности, вместо одной партии возникли сотни, так, было зарегистрировано более 140 политических партий. Данный феномен интересовал общество, коммуникации выстраивались с помощью традиционных СМИ. С развитием сети Интернет политические партии стали регистрировать свои сайты, каких-то больших политических очков данные действия не дали, так как сеть покрывала не более 15 регионов и не была массово распространена в обществе. В 2006 году был принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который в большей степени ориентирован на защиту информации, цифровую подпись и хранение данных в сети Интернет, а не на регулирование политической деятельности в сети Интернет. В 2007 году в РФ были созданы социальные сети Одноклассники и «ВКонтакте», которыми активно начала пользоваться молодежь. Параллельно происходит развитие диалога между обществом и государством в пользу оптимизации предоставления государственных услуг населению: запуск порталов Электронного правительства в РФ (2010). С развитием сети Интернет и социальных сетей усложняется сам процесс коммуникации и возникает вопрос обеспечения безопасности в сети Интернет гражданина и государства в целом. Для решения данного вопроса в 2016 году был принят антитеррористический пакет законов в РФ — «пакет Яровой», который сохраняет базу данных коммуникации индивидов на протяжении трех лет. При этом для обеспечения безопасности в сети Интернет российская власть стремится создать законодательную базу, которая защитит пользователей от фейковых новостей, распространения неправоммерной информации (террористических актах, наркотиках и т.д.) и сформирует комфортные условия для коммуникации между обществом и государством. «Интернет — это просто уже параллельный мир. И если в нашем с вами мире существует действующее законодательство, которое регулирует все и вся, то также должно быть законодательство, которое регулирует все и вся в Интернете», — сказал Д. Песков¹. Качественный скачок в коммуникации между обществом и государством

¹ Песков: законодательное регулирование в Сети должно быть таким же полным, как и в офлайне ТАСС, 26 мая 2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11479571> (дата обращения: 03.06.2021).

произошел в 2020 году, у граждан РФ появилась возможность онлайн-голосования на референдумах и выборах. На данный момент виртуальная политика в России затрагивает различные сферы жизни граждан: от возможности решения своих бытовых проблем до принятия участия в решении государственных вопросов.

Новые акторы политического процесса в контексте виртуализации политики

Современный этап развития политической коммуникации характеризуется изменением возникновения доверия к лидерам мнений. Меняется сам тип людей, которые становятся лидерами мнений: к традиционным лидерам мнений, таким как политики, эксперты, звезды, добавляется новый тип — блогеры, которые также могут быть политиками, экспертами, звездами, но и обычными людьми. С развитием социальных сетей в современном обществе особое значение придается проблематике доверия блогерам как лидерам мнений. Все большее число людей активно участвуют в общественных движениях, добровольных сообществах и политических партиях. Из-за этого создается впечатление, что мы живем в то время, когда «будущее общества во все большей степени зависит от коммуникации» (Матушанская, 2012, с. 89).

Для того чтобы избежать информационной перегрузки, человек вынужден приспособливаться и сортировать поступающую информацию, выбирая из всего объема только важные, на его взгляд, фрагменты, часть которых он потом за ненадобностью выбрасывает. Человек не способен анализировать всю информацию, поэтому он особенно склонен получать информацию в уже отсортированном и упакованном виде — в том виде, в котором ее предоставляют лидеры мнений. Следствием этого становится переход от общества, опирающегося на факты и экспертную оценку, к обществу, в основе которого лежат человеческая субъективность, эмоциональное восприятие и доверие к лидеру мнений. Такая тенденция характерна для общения человека в обществе, когда появляется лидер мнений и общество стремится быть как можно ближе к нему. Например, участвовать в мероприятиях с ним, читать выступления в прессе и др.

С развитием сети Интернет, социальных сетей происходит формирование ощущения постоянной включенности в жизнь лидера мнений, основанного на общении и наблюдении за ним. Следует отметить, что произошел ряд изменений, обеспечивших переход от традиционной

системы общения «общество — лидер мнений» к «обществу — лидер мнений в сети Интернет». Изменились скорость включения в механизм общения, объем включенности в общение и способ общения.

В итоге виртуализация политики ведет к созданию большого количества «вееров» представлений, так как каждый респондент становится активным участником политики. С помощью социальных сетей он имеет возможность высказывать свою точку зрения и получать моментальную аудиторию, которая готова разделить его точку зрения. В связи с этим формируется большое количество искажений, интерпретаций, домыслов от базового послания. Это ведет к созданию «веера» восприятий. Меняется роль получателя от пассивной к активной — к лидеру мнений и генератору информационного поля.

Второй характеристикой современного этапа виртуализации политики является создание ботов — программ акторов виртуальной политики, которые на основании открытых профайлов в социальных сетях и с помощью технологий Big Data анализируют психотипы, интересы, ассоциации, круг общения пользователя, в том числе характерные слова, фразы для того или иного человека, и на основе этого совокупного материала создают послы — сообщения политического лидера, основанные на ценностных ориентациях, словах, фразах пользователя. Использование знакомых фреймов создает новый уровень доверия к политическому лидеру. У пользователя создается ощущение, что лидер такой же, как он, то есть полностью поддерживает и разделяет интересы, ценности пользователя. Такая методика использовалась на выборах президента США Д. Трампа. Данная президентская кампания характерна большим количеством виртуальных скандалов: утечкой информации Х. Клинтон, «русским следом» в выборах Д. Трампа и др.

Третьей характеристикой современного этапа развития политической коммуникации является возникновение правил, законов и цензуры. На протяжении всего существования сети Интернет он характеризовался как свободное для общения пространство. Однако современные государства в рамках своей юрисдикции ограничивают общение. Например, в РФ принят антитеррористический пакет законов «пакет Яровой», который обязывает поставщиков связи и Интернета создавать копии всех материалов пользователей (разговоры, сообщения, общение в социальных сетях, поисковые запросы) и хранить их в течение трех лет¹. Кроме внутренней государственной политики,

¹ *Зеновина В.* Президент РФ подписал антитеррористический «пакет Яровой» // URL: <https://www.garant.ru/news/782190/> (дата обращения: 23.03.2021).

активно на информационные потоки оказывают влияние и транснациональные коммуникационные корпорации, которые вводят свои правила и ограничения в рамках своих информационных и коммуникационных площадок. Яркий пример — блокировка аккаунтов Дональда Трампа¹. Факт обеспечения безопасности жизнедеятельности общества, борьбы с террористическими актами и организациями являются основными причинами блокировки, вмешательства в личную жизнь и ограничений для пользователей.

Заключение

1. Представленный теоретический анализ показал, что в мире рассматриваются разные модели противодействия угрозам в виртуальном пространстве. Американская модель основывается на защите свободы слова и перекладывании ответственности на владельцев интернет-платформ. Европейская — ориентирована на просветительскую работу и информационную грамотность граждан. Китайская — развивает изолированное от мирового национальное виртуальное пространство. Российская модель опирается на законодательное регулирование деятельности сетевых медиа.
2. Рассмотрены этапы развития современной коммуникации в РФ от гласности к свободе слова, от традиционных СМИ к сети Интернет и социальным сетям.
3. Представлены характеристики виртуализации политики:
 - Это изменение коммуникации между обществом и государством: с помощью сервисов Электронного правительства, а именно системы одного окна, когда все услуги можно получить с помощью сети Интернет; в вопросах принятия решений, а именно возможность принять участие в выборах, референдумах, голосованиях с помощью сети Интернет; появилась с возможностью персонализированного и мгновенного общения с представителем (или ботом) от государства, представляющий гарантированный ответ; с помощью крауд-площадок, на которых общество высказывает свое мнение и предложения, например по реконструкции города и эти изменения происходят, например площадка Активный гражданин и ее аналоги в разных регионах.

¹ *Ferguson N.* The tech supremacy: Silicon Valley can no longer conceal its power // The Spectator, 16 January 2021 // URL: <https://www.spectator.co.uk/article/the-tech-supremacy-silicon-valley-can-no-longer-conceal-its-power> (accessed: 25.03.2021).

- Виртуализация политики затрагивает самих политиков, которые как публичные личности вынуждены постоянно комментировать и объяснять свои действия в политике. Это ведет к созданию большого количества мемов, дублей и информационных клонов, которые не всегда работают на позитивный имидж политика.
- Виртуализация политики ведет к созданию большого количества «вееров» представлений, так как каждый респондент становится активным участником политики. С помощью социальных сетей он имеет возможность высказывать свою точку зрения и получить моментальную аудиторию, которая готова разделить его точку зрения, в связи с этим формируется большое количество искажений от базового послания, интерпретаций, домыслов, что ведет к созданию «веера» восприятия. Меняется роль получателя от пассивной к активной — к лидеру мнений и генератору информационного поля.
- Важно отметить, что виртуализация политики — это и создание сети ботов, которые трансформируют сообщение лидера в соответствии с предпочтениями получателя. При этом с помощью больших данных анализируется каждый пользователь социальных сетей, выявляются его предпочтения, слова, ему характерные, ценностные конструкции, ассоциации, на основе этой информации формируется послание, которое максимально соответствует психотипу, ожиданиям, ценностям респондента и, в связи с этим будет психологически комфортным для него.

Список литературы

Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018 гг.) / Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Весь Мир, 2019. С. 44–72.

Гоу Л., Тьен Ву Х., МакКомбас М. Расширенное представление об эффектах установления повестки дня. Изучение третьего уровня установления повестки дня // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 1. С. 62–83 URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/9921> (дата обращения: 03.09.2021).

Гравер А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 29–45.

Матушанская Ю.Г. Социально-философский анализ теории систем Никласа Лумана // Вестник Казанского гос. энергетич. ун-та. 2012. № 4 (15). С. 86–98.

Шестопал Е. Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 г. // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 203–204.

Шмелева О.Ю. «Образ государства» как категория политической науки: теоретико-методологические аспекты изучения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 4. С. 23–36.

Mohammed F., Ibrahim O. A Survey on Cloud Government Models. — IRICT-International Conference of Recent Trends in Information and Communication Technologies, 2014. P. 134–143.

Ofoeda J., Boateng R., Asmah A. Virtualization of government-to-citizen engagement process: Enablers and constraints // E J Info Sys Dev Countries. 2018; 84: e12037. <https://doi.org/10.1002/isd2.12037>.

Р.М. Вульфович

СЗИУ — филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург

Цифровые инструменты в процессе повышения и выравнивания качества жизни на территории крупных метрополитенских регионов

Введение

Среди объектов публичных систем управления значительную часть в современном урбанизированном мире составляют метрополитенские регионы. Они обладают сверхсложной природой, что затрудняет управленческий процесс и снижает его эффективность. В условиях появления и широкого использования цифровых инструментов в управлении в целом, а также в управлении публичными функциями естественно возникает вопрос о том, как данные управленческие технологии могут способствовать не только общему повышению уровня качества жизни, но и выравниванию различных показателей, независимо от того, в какой части метрополитенского региона — его ядре или на периферии — находится населенный пункт, а также от его масштаба и базовых функций.

Исследовательский вопрос можно сформулировать так: в состоянии ли цифровые инструменты повысить способность управляющих систем формировать на территориях метрополитенских регионов не просто оптимальное, но и единообразное качество жизни.

Основные проблемы, которые необходимо рассмотреть в этом контексте, могут быть сформулированы следующим образом.

- Достаточно сложным является определение понятия «метрополитенский регион», а также выделение его основных характеристик.

Конкретные примеры разнообразны, имеют существенные различия. Поэтому внедрение цифровых инструментов, требующих высокого уровня унификации и алгоритмизации процессов, связано с необходимостью их адаптации к особенностям каждого отдельного региона. На это обращают внимание большинство авторов, занимающихся разработкой проблем метрополитенского управления (Павлов и др., 2019; Павлов, 2017а; Павлов, 2017б; Bege, 2010; Gomez-Alvarez et al., 2017; Lackowska, Norris, 2021).

- Изменение технологии управления в рамках цифровизации связано с обязательным освоением этих технологий и радикальными изменениями подходов к управлению. Система управления метрополитенского региона должна постоянно «обучаться», в том числе и усваивать новые компетенции для включения в современные информационно-коммуникационные процессы. Концепция «обучающихся регионов» (*learning regions*) призвана стать теоретической и методологической основой развития метрополий вместе с прилегающими территориями в XXI веке.

- Экономика, политика, знание как основные элементы «обучающегося региона» формируют базис его развития и достижения максимально возможного (оптимального) качества жизни, которое должно быть стратегической целью его развития. Цифровые инструменты играют в этом процессе существенную роль, однако уверенности в том, что их влияние является решающим, нет.

- Соответственно, вопрос о будущем метрополитенских регионов как «обучающихся» и об использовании в их развитии цифровых технологий остается открытым.

Уровень разнообразия в метрополитенских регионах мира

Вышеназванные проблемы рассматриваются в данной статье на примере семи крупных систем, которые функционируют и развиваются в разных политических, экономических и социальных условиях, что определяет характеристики управляющих систем и их способность к внедрению инноваций, в том числе в рамках цифровизации различных процессов. Также эти регионы обладают спецификой с точки зрения географического положения и природно-климатических особенностей, на их территории расположено множество разных по типу населенных пунктов. Системы имеют разную степень связанности, что определяет уровень их целостности (табл. 1).

Таблица 1

Количественные характеристики метрополитенских регионов

Название	Территория	Численность / плотность населения	Тип демографических изменений
Метрополитенский регион Пекин-Тяджин-Хейбей, Китай (Jing-Jin-Ji, 'Jing' 京 for Beijing, 'Jin' 津 for Tianjin and 'Ji' 冀 for the Hebei Province)	217 156 км ² (около 2,2% территории Китая)	112 млн / 515 760 км ²	Несбалансированный рост
Метрополитенский регион Берлин — Бранденбург, Германия	30 546 км ²	6 млн / 200 км ²	Перераспределение на территории
Метрополия Большой Париж (Métropole du Grand Paris), Франция	814 км ²	7,2 млн / 8 598 км ²	Слабый рост
Метрополитенский регион Лондон, Великобритания	8 382 км ²	12,653 млн / 1 510 км ²	Слабый рост, более быстрый за пределами Зеленого пояса
Метрополитенский регион Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, США	11 880 км ²	21,045 млн / 1 711 км ²	Несбалансированный рост
Московская городская агломерация, РФ	26 000 км ²	20,0 млн / 3 100 км ²	Интенсивный рост, быстрее в Новой Москве
Санкт-Петербургская городская агломерация, РФ	СПб 1439 км ² (город) + Ленинградская область 84 500 км ²	5, 427 млн / 3 708 км ² + 1,847 млн / 20 км ²	Слабый рост + перераспределение с миграцией на территорию области

Источник: Составлена автором.

Общая информация, представленная в табл. 1, дает возможность сделать вывод о специфике физического пространства (размер территории), социального пространства (численность и плотность населения) и демографических процессов (рост населения, его распределение и перераспределение на территории). Среди отобранных для анализа регионов самую большую территорию имеет столичный регион Китая. При этом его население более 110 млн человек определяет и высокую

плотность населения — 516 тыс. человек на квадратный километр. Самая маленькая территория у метрополии Большой Париж при высокой плотности населения — 8600 человек на квадратный километр. В Европе также Лондон и Москва имеют высокую плотность населения: около 3000 в Москве и 1500 в Лондоне. Регионы Берлина и Санкт-Петербурга демонстрируют резкое падение плотности в случае слияния основного города с окружающей территорией. В столичном регионе Берлин—Бранденбург это всего 200 человек, если брать обе земли вместе. Если мы представим себе, что Санкт-Петербург и Ленинградская область будут объединены, плотность составит всего 20 человек на квадратный километр. Именно плотность населения и его неравномерное распределение на территории региона является одной из наиболее существенных причин неравномерности уровня экономического развития и препятствует выравниванию показателей качества жизни.

В составе каждого из метрополитенских регионов населенные пункты различного типа — городские и сельские, имеющие различный статус: государственно-территориального и муниципального образования, а также административной единицы. Соответственно отличается количество уровней управления и их правовая сущность. Несмотря на серьезные различия, во всех метрополитенских регионах действуют органы государственной власти центрального (федерального) уровня, а в федеративных государствах также и регионального уровня (субъекта РФ, германской земли, штата США). Неопределенным является статус метрополии Большой Париж, так как она образована специальным законом, но рассматривается скорее как дополнительный уровень местного самоуправления, как и 22 автономных региона Франции. Крупнейший город столичного метрополитенского региона Китая — Пекин — имеет статус города центрального подчинения, т.е. приравнивается к провинции, однако данные территориальные единицы являются в КНР чисто административными. При этом главной особенностью всех метрополитенских регионов является то, что они постоянно пересекают административные, а подчас и государственные границы в процессе расширения, который носит скорее органический, чем системный характер и практически не поддается регулированию.

С точки зрения информационных технологий и цифровых инструментов это создает существенные трудности при внедрении инноваций. Они требуют скорее централизации, чем децентрализации процессов управления и сложно воспринимают разнообразие форм политико-административной организации. Данные особенности рассматриваемых метрополитенских регионов отражены в табл. 2.

Таблица 2

Структура метрополитенских регионов, основные инструменты управления

Название	Типы территориальных единиц	Количество уровней управления	Инструменты
Метрополитенский регион Пекин-Тяджин-Хейбей, Китай (Jing-Jin-Ji, 'Jing' 京 for Beijing, 'Jin' 津 for Tianjin and 'Ji' 冀 for the Hebei Province)	Города центрального подчинения (на правах провинций), провинция, города и сельские населенные пункты в составе провинции	3: центральный (органы власти КНР), региональный (провинция, город центрального подчинения), муниципальный	Подчинение (иерархия)
Метрополитенский регион Берлин — Бранденбург, Германия	Земли (субъекты федерации), земельные округа, коммуны	4: федеральный (органы власти ФРГ), региональный, 2 муниципальных	Координация, кооперация, коллаборация, функциональная интеграция
Метрополия Большой Париж (Métropole du Grand Paris), Франция	Департаменты, коммуны, МО внутригородских территорий (в г. Париже — район, квартал)	5: центральный (органы власти Франции), региональный (метрополия), 3 муниципальных	Координация, кооперация, коллаборация
Метрополитенский регион Лондон, Великобритания	Большой Лондон, внутригородские муниципальные районы, муниципалитеты на прилегающей территории	3: центральный (органы власти Великобритании), региональный (Большой Лондон), муниципальный (районы Лондона и др.)	Координация, кооперация, коллаборация
Метрополитенский регион Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, США	Части штатов США, округа, специальные округа, муниципалитеты	4: федеральный (органы власти США), региональный (штаты), 2 муниципальных (округ и специальный округ, муниципалитет)	Координация, кооперация, коллаборация, функциональная интеграция

Окончание табл. 2

Название	Типы территориальных единиц	Количество уровней управления	Инструменты
Московская городская агломерация, РФ	Москва и часть Московской обл., округа, муниципальные районы, города и сельские МО	4: федеральный (органы власти РФ), региональный (субъект), 2 муниципальных	Подчинение (иерархия), элементы координации и кооперации
Санкт-Петербургская городская агломерация, РФ	СПб., районы, (муниципальные округа + Ленинградская область), муниципальные районы, городские и сельские МО	4: федеральный (органы власти РФ), региональный (субъект), 1 муниципальн. (СПб.) + 2 (Ленобласть)	Подчинение (иерархия), элементы координации и кооперации

Источник: Составлена автором.

Также, в зависимости от базовых признаков государства, на территории которого регионы расположены, в процессе управления доминируют разные управленческие инструменты — подчинение (в иерархических системах), координация и кооперация, а также зарождающаяся коллаборация в странах с развитой демократией и современной управленческой культурой.

Для российских агломераций характерно сочетание иерархического подчинения и отдельных современных инструментов управления. Цифровые инструменты используются во всех системах, правда, в разном масштабе и с очень разными результатами. Может показаться странным, но в иерархиях, имеющих централизованную структуру, внедрение инноваций подчас проходит более системно, организованно и быстрее.

Метрополитенские регионы как «обучающиеся»

Включение метрополитенских регионов в ряд «обучающихся» представляет собой сложный процесс в связи с их особенностями. В общем виде «обучающиеся регионы» имеют концепции регионального развития, в которых основные действующие лица (политики, администраторы, торговые палаты, профсоюзы, высшие учебные заве-

Раздел 1. Политическое и цифровая политика

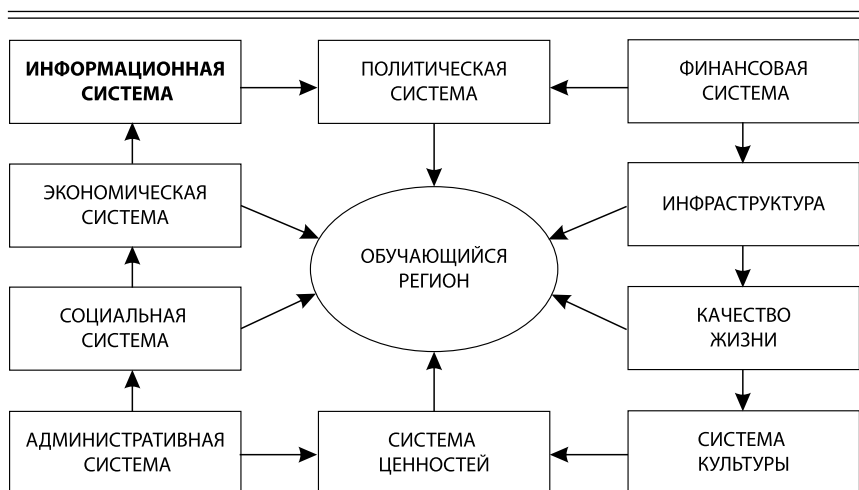

Рис. 1. Подсистемы «обучающегося» метрополитенского региона

дения, государственные исследовательские учреждения и компании) тесно, но гибко связаны друг с другом и открыты как для внутрирегиональных, так и для межрегиональных процессов обучения (Hassink, 2021, p. 20).

Основными акторами «метрополитенского обучающегося региона» являются следующие: жители всех населенных пунктов на территории, общественные организации, экономические субъекты, их объединения, формирующиеся и сформированные производственные и научно-производственные кластеры, образовательные, научные, медицинские учреждения, учреждения культуры, досуговые и рекреационные центры, органы местного самоуправления всех муниципальных образований, органы государственной власти различных уровней.

Они включены в подсистемы региона, каждая из которых имеет важное значение для развития и совершенствования региона, повышения уровня качества жизни на всей его территории. Среди подсистем особую роль в современных условиях играет информационная система, позволяющая оперировать большими объемами информации для принятия рациональных управленческих решений, а также повышать эффективность всех процессов, в том числе связанных с управлением.

Для успешного «обучения» необходимо внедрение новых моделей управления, интегрирующих все подсистемы региона. Основными ха-

характеристиками эффективного метрополитенского управления в модели «*governance*» являются изменение роли органов власти; признание роли других участников, помимо органов власти (бизнес-организации и организации гражданского общества); предоставление большего пространства для идей и участия других акторов; внедрение стратегически ориентированных, более гибких процессов планирования и управления, способных учитывать изменения. Все перечисленное может привести к положительной синергии в разработке новых подходов (Landa-baso et al., p. 9).

Роль органов власти в условиях субсидиарного подхода и внедрения цифровых инструментов

При изменении роли органов власти происходит «политическая переориентация», переход на управление рамочными условиями и контекстом действий; к общественному способу решения проблем, но с включением органов власти; к децентрализованным структурам; к принятию решений на основе широкого участия различных структур; к упреждающей модели политики; к новым механизмам финансирования (доходы как главный элемент финансовой системы) (Landabaso et al., p. 11).

Все изменения требуют развития информационно-коммуникационной системы как связующего звена между акторами и подсистемами. Широкое включение в процесс принятия решений всех акторов требует субсидиарного подхода. При сохранении бюрократического варианта новые информационные технологии в некоторой степени могут смягчать, но не способны полностью исправить ситуацию.

При субсидиарном подходе процессы разворачиваются снизу вверх, что позволяет каждому уровню вносить максимальный вклад в достижение оптимального единообразного качества жизни. При этом вышестоящие уровни обязаны поддерживать нижестоящие финансово, организационно, методически, кадрами, а также при внедрении новых информационных технологий в случае необходимости ИТ требуют унификации стандартизированных процессов при решении структурированных проблем, но решение слабо структурированных и неструктурированных проблем требует глубокого знания местной специфики.

Грань между разными категориями проблем представляется достаточно тонкой и требует согласованных действий всех стейкхолдеров. Технологии блокчейна и использование больших данных открывают

перед управляющей системой новые перспективы. Однако это реально требует «обучения» всех участников процесса, всех групп интересов. Как было показано в табл. 2, по-прежнему в метрополитенских регионах, более всего на территории нашей страны и КНР, значительная часть управления осуществляется в парадигме подчинения через иерархические организационные структуры.

В КНР центральный уровень управления разрабатывает концепции развития крупных метрополитенских регионов, финансирует весь комплекс мероприятий, определяет цели и задачи, основные параметры качества жизни и пути повышения его уровня в тех частях гигантского столичного региона, которые не имеют достаточно высокоразвитых систем здравоохранения, образования, транспортной инфраструктуры и других подсистем для обеспечения качества жизни в сельских и небольших по масштабу населенных пунктах (Xie et al., 2021).

Крупнейшие российские городские агломерации — Московская и Санкт-Петербургская — имеют ядра, являющиеся субъектами РФ, т.е. обладающие автономией в соответствии с Конституцией РФ. Агломерации в целом не имеют четко определенных границ и включают части других субъектов РФ, территории с очень неравномерным уровнем развития, на которых также существуют системы местного самоуправления с разным количеством уровней и разными типами муниципальных образований. Несмотря на наличие большого количества политических акторов, часть подсистем на территориях функционирует на основе федерального финансирования, под непосредственным контролем центра. Это имеет определенные преимущества, но не исключает необходимости «обучения» всех элементов метрополитенской системы «гибкому» взаимодействию в рамках определенных функций, даже если это ведет к пересечению административных границ и переводу полномочий на метрополитенский уровень. Важная роль принадлежит в усилении интеграции, кооперации всех акторов и координации их деятельности цифровым технологиям, хотя такой подход и представляется не беспорным.

Метрополитенские регионы должны «научиться» опираться на граждан, их объединения, экономических субъектов, общественные организации, а также органы местного самоуправления как на базис для принятия рациональных решений по развитию регионов в рамках принципов равенства, социальной справедливости, а также в условиях необходимости перехода к экономике «знаний», устойчивому развитию и «зеленому мышлению».

Примеры использования цифровых технологий для повышения уровня интеграции метрополитенских регионов и выравнивания качества жизни на их территории

Для иллюстрации актуальной ситуации с внедрением ИТ в процесс технологического совершенствования и оптимизации процесса управления в метрополитенских регионах выбраны два примера.

Первый представляет крупнейший метрополитенский регион США, сформировавшийся вокруг 8-миллионного Нью-Йорк-Сити. В течение уже почти ста лет для всей территории (рис. 2) существует общая стратегия развития. Процесс ее разработки, принятия и реализации строится на принципе subsidiarности: инициаторами создания Региональной ассоциации планирования (The Regional..., 2021) были представители бизнеса, ее активными членами являются также органы государственной власти и местного самоуправления. В обсуждении региональных планов развития активно участвуют граждане. Для этого используются различные цифровые инструменты. Ассоциация осуществляет сопровождение всех стратегических планов и ведет активную лоббистскую деятельность в Конгрессе США, добиваясь принятия необходимых региону законов и финансирования наиболее масштабных, в первую очередь инфраструктурных, проектов. Четвертый региональный план был принят в 2017 году (The Foruth..., 2021) и включает в числе других приоритетов обеспечение доступа к Интернету для всех, однако этот раздел Плана серьезно уступает по значимости необходимости решения проблем, непосредственно влияющих на качество жизни: мобильность населения, качество жилья, здоровье, снижение нагрузки на внешнюю среду, занятость и многие другие, включая выделение и концентрацию средств на все необходимые для достижения главной цели мероприятия.

Сказанное выше не означает, что на территории метрополитенского региона не разрабатываются и не реализуются различные проекты на базе цифровых платформ. Так, Нью-Йорк-Сити — крупнейший муниципалитет региона — имеет разработанную стратегию развития города в русле концепции «умных городов». Она предусматривает создание динамичного цифрового сектора в промышленности, открытого правительства, основанного на новых технологиях и современной управленческой культуре, расширение опыта цифрового взаимодействия с гражданами, в том числе путем обеспечения массового доступа к цифровым сервисам (Tobias, 2021).

Рис. 2. Трехштатный метрополитенский регион Нью-Йорк, Нью-Джерси, Коннектикут

Одним из наиболее масштабных проектов в штате Нью-Йорк является проект «Умные муниципалитеты за защиту климата» (Climat..., 2021). Проекты в различных сферах: кредитование, землепользование, организация движения общественного и иного транспорта, поддержка проблемных категорий населения и т.п. — проводятся также в штатах Коннектикут и Пенсильвания (часть штата включается в некоторых случаях в метрополитенский регион). Использование цифровых инструментов и развитие в этом направлении охватывает весь регион, но происходит в каждом из штатов в отдельности в зависимости от особенностей его территории, состава населения и существующих проблем. Интеграция всей территории в единую систему не происходит. Проекты осуществляются изолированно даже в границах одного штата и реализуются разными акторами: часто их инициаторами становятся бизнес-структуры.

Стратегические документы с широким охватом разных функциональных сфер в основном разрабатываются в границах городов-муниципалитетов в рамках развития концепции «*smart city*». Пока развитие «умных территорий» не выходит за эти границы, что связано как с недостаточным развитием самих технологических инструментов, так и со

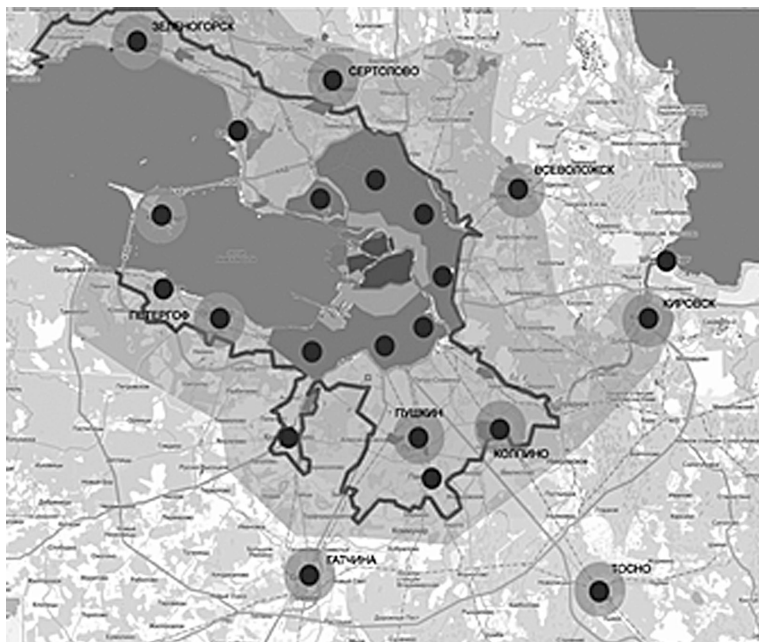

Рис. 3. Санкт-Петербургская городская агломерация

сложностью, структурным разнообразием и неравномерным развитием самих территориальных систем. Последнее в полной мере относится и к Санкт-Петербургской городской агломерации, которая представляет вариант развития цифровых технологий в сфере управления на территории нашей страны.

Метрополитенский регион Санкт-Петербурга включает субъект РФ Санкт-Петербург, который представляет собой агломерацию с первых дней своей истории и включает 9 городов, построенных в XVIII веке, а также 21 поселок в границах города федерального значения. Самое большое расстояние в этом регионе — около 80 км. Районы новой застройки Санкт-Петербурга частично созданы в муниципальных районах Ленинградской области вблизи границы города. Поездки между новыми городами в близлежащем регионе и центральным городом интенсивны, эти территории быстро становятся частью агломерации Санкт-Петербурга. Усилия по координации и сотрудничеству между обоими субъектами Федерации — городом и Ленинградской областью — ограничены. Политические границы не отменены, а уровень

экономического развития, качество жизни и параметры социального пространства различны. В течение нескольких десятилетий дискуссия о возможном слиянии города и региона вокруг него велась интенсивно, но безрезультатно.

Территория области четко делится на районы, достаточно близко расположенные к городу, и районы, удаленные от него на значительное расстояние. Радиус — 120–140 км позволяет включать в агломерацию такие районы, как Всеволожский, Тосненский, Кировский, Гатчинский, а также Выборгский (через него осуществляется связь с Финляндией) и Приозерский (на его территории находятся многочисленные зоны рекреации для жителей города-ядра). Более отдаленные районы — Тихвинский, Бокситогорский, Лодейнопольский, Подпорожский, а также части Тосненского и Волховского — вряд ли смогут стать частью высокоинтегрированного региона. Кроме удаленности, они имеют проблемы в экономическом развитии, слабую систему расселения, а также недостаточно развитую дорожную сеть и транспортную инфраструктуру. Цифровые инструменты могли бы сгладить эти контрасты, но их развитие требует серьезных инвестиций и качественно иного персонала муниципальной службы.

Как подчеркивают специалисты, новые информационные технологии притягиваются крупнейшими городами, однако Санкт-Петербург (53,62) уступает в рейтинге Минстроя по развитию «умного города» не только Москве (89,65), но также Екатеринбургу (55,05) и Казани (53,91) (Минстрой..., 2021), что ограничивает в том числе его возможности влиять на качество жизни в области с помощью цифровых инструментов. Последним двум городам Санкт-Петербург проигрывает не очень значительно, но отрыв от Москвы у всех трех городов катастрофический.

Более подробный анализ показывает, как достижения — наличие доступа к Wi-Fi и Интернету, а также инвестиции в электронную инфраструктуру, так и отчетливые «провалы» — слабое развитие бизнес-экосистем, низкий уровень применения в транспортной системе в целом, а также в организации работы городского общественного транспорта.

В рейтинге «умных городов» мира за 2020 год (Business..., 2021) Санкт-Петербург занял 124-е место (44,78), Москва — 87-е (55,74). Следует отметить, что оценка проводится в данном рейтинге в первую очередь по основным параметрам качества жизни, так как целью внедрения инструментов «умного города» являются именно эти пока-

затели. Учитываются также и технологические параметры: Интернет, мобильная связь, использование мобильных приложений, наличие дистанционных банковских услуг и инновационная активность.

На территории самого города цифровые проекты также разобщены и пока не играют решающей роли в развитии, как собственно Санкт-Петербурга, так и всей агломерации в целом. Более того, в связи с наличием целого ряда острых проблем в сфере здравоохранения, образования, а также обеспечения мобильности населения на территории не только собственно Санкт-Петербурга, но и прилегающих к нему районов Ленинградской области проекты внедрения различных цифровых инструментов отсрочиваются органами государственной власти субъекта РФ (Слабо умный..., 2021).

Заключение

Метрополитенские регионы становятся в современном мире все более распространенным типом региона. Они имеют различный масштаб, но объединены значительной численностью населения, а также высоким уровнем гетерогенности входящих в них населенных пунктов, административно-территориальных единиц и политических акторов. В метрополитенских системах управления идет поиск эффективных методов и рациональных структур, которые призваны обеспечивать единообразие качества жизни на всей территории. Уровень интеграции регионов сильно различается, но во всех странах делаются попытки повысить его с помощью современных цифровых управленческих инструментов, однако результативность этого процесса пока остается достаточно низкой. В настоящее время использование цифровых инструментов не играет решающей роли в обеспечении оптимального единообразного качества жизни, что сказывается на выстраивании системы приоритетов, где они оказываются в числе наименее приоритетных направлений развития.

Список литературы

Минстрой России представил первый индекс IQ городов. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства строительства РФ. URL: [https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-predstavil-pervyy-indeks-iq-gorodov/-/](https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-predstavil-pervyy-indeks-iq-gorodov/) (дата обращения: 03.08.2021).

Павлов Ю. В., Королева Е. Н., Евдокимов Н. Н. Теоретические основы формирования системы управления городской агломерацией // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 3. С. 834–850. doi 10.17059/2019-3-16.

Раздел 1. Политическое и цифровая политика

Павлов Ю. В. Выбор оптимальной модели управления городской агломерацией: анализ интересов субъектов управления // Вопросы управления. 2017а. №3 (27) С. 93–104.

Павлов Ю. В. Влияние численности населения на экономическую эффективность модели управления городской агломерацией // Статистика и Экономика. 2017б. № 3. С. 92–104. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-3-92-104>.

Слабо умный. Смольный «немножко отошел» от цифровизации городской среды // Сайт dp.ru. URL: https://www.dp.ru/a/2021/01/13/Slabo_umnij (дата обращения: 25.09.2021).

Bege St. Das Konzept der Metropolregion in Theorie und Praxis. Ziele, Umsetzung und Kritik. Wiesbaden: Gabler Verlag, 2010. 358 S.

Business School University of Navarra. Cities in Motion // Сайт Бизнес-школы университета Наварры. URL: <https://media.iese.edu/research/pdfs/ST-0542-E.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).

Climate Smart Communities: State Support for Local Climate Action // Сайт правительства штата Нью-Йорк. URL: <https://climatesmart.ny.gov/> (дата обращения: 20.08.2021).

Gómez-Álvarez D, Rajack R, López-Moreno E., Lanfranchi G. (eds.) Steering the Metropolis. Metropolitan Governance for Sustainable Urban Development. Washington: Inter-American Development Bank, 2017. 430 p.

Hassink R. The Learning Region: A Policy Concept to Unlock Regional Economies from Path Dependency? // Сайт Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/publication/228812042_The_learning_region_a_policy_concept_to_unlock_regional_economies_from_path_dependency (accessed: 10.08.2021).

Lackowska, M., Norris, D. F. Metropolitan governance (or not!) in Poland and the United States // Сайт Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/publication/319012181_Metropolitan_governance_or_not_in_Poland_and_the_United_States (accessed: 03.09.2021).

Landabaso, M., Oughton, C., Morgan, K. Learning Regions in Europe: Theory, Policy and Practice through the RIS Experience // Сайт Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/publication/237641557_LEARNING_REGIONS_IN_EUROPE_THEORY_POLICY_AND_PRACTICE_THROUGH_THE_RIS_EXPERIENCE (accessed: 30.08.2021).

The Regional Planning Association // Сайт Региональной ассоциации планирования трехштатного Нью-Йорка. URL: <https://gra.org/> (дата обращения 03.10.2021).

The Fourth Regional Plan. Making the Region Work for All of Us // Сайт Региональной ассоциации планирования трехштатного Нью-Йорка. URL: <https://gra.org/work/reports/the-fourth-regional-plan> (дата обращения: 13.09.2021).

Tobias, M. How New York is Becoming a Smart City. April 6, 2021 // Сайт Nearby Engineers. URL: <https://www.ny-engineers.com/blog/how-new-york-is-becoming-a-smart-city> (accessed: 12.09.2021).

Xie L., Swerts E., Pumain D. Economic Development Zones and Urban Growth in China // Open Edition Journals. URL: <https://journals.openedition.org/cybergeog/30143?lang=en> (accessed: 23.08.2021).

А.И. Кольба, Э.Т. Чадаева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Институциональные основания политического управления региональными конфликтами: сравнительный анализ моделей

Введение

Проблемы политического управления конфликтами в течение долгого времени остаются в центре внимания исследователей-политологов и социологов. Если изначально в исследованиях доминировал либеральный подход, представленный классическими трудами Л. Козера, Р. Дарендорфа и работами их последователей (Sisk), то начиная с 2000-х гг. активно формируются и другие исследовательские концепты («постлиберальное миростроительство», «гибридное миростроительство», авторитарное управление конфликтами и др.). Наиболее распространенным подходом в рамках данного тренда становится «нелиберальное миростроительство» (*illiberal peace-building*). Объединяющим началом для разнообразных (как в теоретическом, так и в эмпирическом плане) исследований становится рассмотрение возможностей авторитарной и гибридной моделей регулирования, их сравнение с либеральной моделью (Pfetsch, 2006; Smith, Waldorf, Venugopal, 2020; De Oliveira, 2011; Owen, Juraev, Lewis, Megoran; Smith, 2020; Kobayashi, 2020; Walton, Thiyagaraja, 2020 и др.).

Концептуальные основания исследования

Обобщая результаты проведенного анализа указанных моделей, можно выделить следующие основные характеристики, присущие им.

Либеральная модель основана на создании публичных институтов, позволяющих открыто конфликтовать в рамках установленных правил. Конфликт в них представляет один из основных вариантов политической игры и служит средством не только решения конкретных проблем, но и совершенствования самих институтов. Однако она ориентирована на выстраивание долговременной политики институционального развития, тогда как само преобразование институтов в переходных обществах становится источником острых конфликтов. Ограниченные возможности их регулирования в условиях транзитивности приводят

к быстрому разочарованию и поиску новых моделей институционализации. Кроме того, либеральные институты, как правило, сложно соединить с традиционными подходами к конфликтоуправлению, которые в ряде случаев играют значительную роль на низовом (местном, общинном) уровне конфликтования. Таким образом, использование конфликта как источника общественного развития становится затруднительным.

Авторитарная модель институционализации, напротив, основана на подавлении открытого развития конфликтов, установлении государственного контроля над основными ресурсами, которые могут стать их предметом. Здесь существенно повышается роль силовых институтов, регулирование конфликтных отношений осуществляется преимущественно за счет санкций. Сами конфликты рассматриваются как угроза политической стабильности, а круг акторов, которые могут принимать самостоятельные решения относительно конфликтных ситуаций, значительно сужен. Властные структуры стремятся монополизировать публично-политическое пространство. При этом широко распространены сетевые внутриэлитные взаимодействия, в том числе и конфликтного характера. Устойчивость данной модели напрямую связана с возможностями поддерживать высокий уровень консолидации элит. Однако нарушение статус-кво чревато возобновлением острых конфликтов, поэтому такая модель не является комплементарной для модернизации и развития.

Гибридная модель предполагает возможность комбинировать институциональные нормы и практики, которая достигается преимущественно за счет усиления влияния неформальных институтов. Политическое управление конфликтами приобретает в ее рамках манипулятивный характер. Можно отметить два направления гибридации: за счет объединения институциональных практик либеральной и авторитарной моделей, а также путем создания конструкторов, объединяющих формальные и неформальные, чаще всего традиционные, устоявшиеся политические практики. Данная модель может быть охарактеризована как «практикоориентированная», тактические аспекты решения конкретных проблем «здесь и сейчас» в ней важнее стратегий институционального строительства. Эта особенность позволяет достаточно успешно регулировать конфликтность в условиях недостаточной демократизации, свойственной многим современным государствам. В то же время фрагментарный характер институционализации, различие в подходах и результатах регулирования однотипных конфликтов являются ее слабой стороной.

Таким образом, в рамках той или иной модели существуют различные возможности и ограничения. Данный исследовательский концепт мы использовали для анализа региональных конфликтов в республиках Северного Кавказа, который позволяет нам не только выявить характеристики политического управления ими, но и сравнить эффективность моделей.

Для описания и анализа институциональных практик политического управления региональными конфликтами используется схема, предложенная М. Дойчем (Дойч, 1997). Она включает в себя следующие элементы:

- 1) характеристики конфликтующих сторон (их ценности, мотивации, устремления, цели, экономические, интеллектуальные, социальные, психологические ресурсы, которые могут быть использованы в конфликте, разработанная стратегия и тактика действий и т. д.);
- 2) предыстория взаимодействий конфликтующих сторон (отношение друг к другу, взаимные стереотипы и ожидания, представления об отношении к себе противоположной стороны, степень полярности взглядов);
- 3) природа того, что привело к конфликту (его границы, мотивационная ценность, определение, периодичность и т.п.);
- 4) социальная среда, в которой возник конфликт (различные социальные инструменты, учреждения и ограничители, уровень поощрения или сдерживания, природа социальных норм и институциональных форм для урегулирования конфликта);
- 5) заинтересованные стороны (их характеристики, отношение к конфликтующим сторонам и друг к другу, заинтересованность в тех или иных результатах конфликта);
- 6) применяемые конфликтующими сторонами стратегия и тактика действий (оценивание и изменение преимуществ, попытки сторон изменить представления о своих преимуществах, недостатках и возможностях с помощью тактики, которая может оцениваться по шкалам легитимности—нелегитимности, использования позитивных—негативных стимулов и т.д.);
- 7) результаты конфликта для его участников и заинтересованных сторон (выгоды и потери, внутренние изменения у конфликтующих сторон, связанные с их участием в конфликте, долгосрочные перспективы взаимоотношений между участниками конфликта, изменение репутации участников конфликта в глазах заинтересованных сторон).

Институционализация практик политического управления конфликтами в Северо-Кавказском регионе

Первый *case-study* из рассматриваемых нами — конфликт по поводу восстановления Ауховского района на территории Республики Дагестан (Ауховский район...; Ауховский узел; Земля и национальный вопрос...).

Участниками конфликта являются: лакские общины, проживающие в Новолакском (ранее—Ауховском) районе Дагестана, аварские общины, проживающие в двух населенных пунктах Казбековского района той же республики. Мотивацией их участия в конфликте является желание сохранить за собой земли, на которых данные общины проживают уже более шестидесяти лет, или, в крайнем случае, получить равноценные земли для проживания. Стороной конфликта также выступают чеченцы-ауховцы, борющиеся за возвращение им указанных земель (часть их объединена движением «Аух»). Они проживают как на территории Дагестана, так и, преимущественно, в Чеченской Республике.

Каждая из сторон рассчитывает на поддержку со стороны других членов данных этнических групп, представителей этнических элит на местном и республиканском уровнях. Стороны апеллируют к российскому законодательству, а также к историческим фактам, подтверждающим их позиции в конфликте. Действия непосредственных участников, как правило, соответствуют стратегии конкуренции (по классификации К. Томаса—Р. Килманна) (Thomas, Kilmann, 1974), однако трудно сказать, насколько осознанно выбирается ими такой подход. В их конфликтовании просматриваются как элементы рационального целеполагания, так и элементы стихийности, реактивных действий.

Исторические основания возникновения конфликта связаны с депортацией ряда горских народов с исконных территорий проживания (1943 г.), в ходе которой чеченское население Ауховского района было выслено в другие районы СССР, а сам район был ликвидирован. На большей части его территории были расселены представители лакского этноса, ранее проживавшие в горных районах Дагестана. Эти земли стали территорией Новолакского района республики. Два населенных пункта были переданы в состав Казбековского района и заселены в основном аварцами.

После отмены решения о депортации в 1957 г. чеченцы стали возвращаться на территории прежнего проживания, однако селиться в Новолакском районе им было фактически запрещено. В основном

они размещались в селах Хасавюртовского и Бабаюртовского районов. Начиная с конца 1980-х годов чеченцы-акинцы (ауховцы) активно добиваются восстановления «своего» этнического района, и после принятия российского закона о реабилитации репрессированных народов в 1991 г. на третьем Съезде народных депутатов ДАССР принято решение о восстановлении Ауховского района. Руководство Дагестана и Российской Федерации договорились с лакскими политическими лидерами о переселении лакцев на новое место жительства на побережье Каспийского моря вблизи Махачкалы (Адиев, 2016). Однако это встретило сопротивление со стороны кумыков, также претендующих на данные территории. Таким образом, возникла ныне существующая конфликтная ситуация. Проблемы переселения жителей района и его административного воссоздания до настоящего времени не решены, при этом дагестанские власти давали по ним публичные обещания (Глава Дагестана...).

Конфликт остается в фазе открытого противоборства. Для его протекания характерны периодические обострения, связанные с резким повышением интенсивности конфликтования. Так, к одной из подобных вспышек привело движение конной колонны (порядка тридцати всадников) с территории Чеченской Республики в Новолакский район. По информации чеченской стороны, участники похода совершали паломничество. Однако их движение было остановлено представителями МВД Новолакского района, что вызвало в их адрес обвинения в нарушении права на свободу передвижения граждан РФ. Дагестанская сторона рассматривает поход как не согласованную с властями массовую акцию (Несогласованный зиярат). Несмотря на отсутствие значимых последствий, этот инцидент привел к публичной полемике между руководителями органов власти республик (руководители Чечни и Дагестана...), которая продемонстрировала разное понимание ими сложившейся ситуации.

Конфликт может быть охарактеризован как межобщинный (имеющий признаки этнополитического), территориальный, публичный, политико-административный. С точки зрения стратегий противоборства он близок к конфликту с нулевой суммой. Характер противоборства отражает признаки игрового конфликта (согласно классификации А. Раппопорта), в котором участники могут ограниченно использовать принуждение по отношению друг другу. На данном этапе они рационально осмысливают свои действия, руководствуясь представлениями о возможных выгодах и издержках. Однако мотивационная ценность конфликта связана не только с принадлежностью земли как террито-

рией хозяйственной деятельности, но и с ее символическими аспектами (земля рассматривается как этническая территория, важная часть жизни группы). Это создает определенную угрозу иррационализации конфликта, связанной с риском насильственных действий. Кроме того, наличие «своего» района означает повышение статуса чеченской общности в системе отношений этнических элит Дагестана, что может восприниматься как риск, связанный с перераспределением властных ресурсов.

Институциональные рамки конфликта в настоящее время не способствуют его урегулированию. В первую очередь такое положение дел обусловлено наличием противоречий в нормативном регулировании как в формальной, так и в неформальной плоскости. Формальная институционализация конфликта основана на решении, принятом в 1991 г. Программа действий, связанных с переселением лакцев из Новолакского района, полностью не реализована, хотя по ней существует федеральное финансирование. Как отмечает К. Казенин, помимо экономических аспектов проблемы, большое значение имеют организационные и политические. В организационном плане не проработаны процедуры переселения лакцев. В политическом плане главными узлами напряженности являются населенные пункты Ленинаул и Калининаул, где большинство населения составляют аварцы. Аварские общественники возражают против их включения в состав вновь создаваемого Ауховского района (Казенина). Таким образом, создание экономических институтов управления конфликтом в формате федеральной программы само по себе не решает проблемы даже при условии их полной работоспособности: политико-административная институционализация (воссоздание Ауховского района) приведет к сохранению конфликтного потенциала как при включении спорных населенных пунктов в состав района, так и при их исключении.

Неформальная составляющая институционализации конфликта также имеет противоречивый характер. Традиционно большинство народов Северного Кавказа рассматривает землю как объект родовой (не частной) собственности. Историческое проживание тех или иных родов, общин на определенной территории связано с особыми правами на нее, чем и объясняется мнение чеченцев-ауховцев об оспариваемых землях как о «своих». В то же время длительность проживания лакцев и аварцев на данных землях также создает определенную традицию владения ими. Хотя представители этих народов были переселены не по своей воле, они уже «укоренились» в новых местах проживания. Таким образом, апелляция к традиционным представлениям о справед-

ливости и правах собственности также не позволяет найти однозначно приемлемое для участников решение конфликта.

«Третьими сторонами» в данном конфликте являются органы власти обеих республик. При этом нельзя сказать, что они нейтральны: в публичных высказываниях и действиях сторон просматривается поддержка «своих» этнических групп. Взаимоотношения между республиканскими властями относительно конфликта в настоящее время не институционализированы, не существует каких-либо специфических договоренностей и горизонтальных связей, которые они могли бы использовать для урегулирования конфликта. Подобное положение дел также является фактором напряженности в конфликте, который может со временем выйти на новый уровень. Заинтересованной стороной также выступают кумыкские общины, которые выступают против размещения переселяемых лакцев на «своих» территориях.

Стратегия сторон конфликта имеет конкурентный характер. Чеченская сторона не отступает от своих требований о воссоздании Ауховского района и периодически актуализирует их, используя публичные форматы (обращение к Президенту РФ, популяризация своей позиции в СМИ, социальных сетях, демонстративные акции, обвинения дагестанских властей в бездействии и т.д.). В то же время значительная часть аварцев и лакцев выступает против переселения, апеллируя как к формальным нормам (свобода проживания, закрепленная в Конституции РФ), так и к неформальным (вложение значительных усилий в развитие района дает моральное право оставаться на его территории) (Новолакский (Ауховский) район...). Официальные власти Республики Дагестан и Новолакского района, декларируя возможность решения вопроса в обозримом будущем, фактически оттягивают его.

Конфликт в настоящее время остается не только незавершенным, но и не институционализированным в должной степени. Сторонам пока что не удается добиться каких-либо решительных результатов, которые позволили бы говорить о старте определенного сценария урегулирования конфликта.

Во втором *case-study* объектом анализа является конфликт в Республике Ингушетия, возникший по поводу делимитации границ с Чеченской Республикой.

Одной из сторон конфликта стали органы исполнительной и законодательной власти республики, другой — граждане, организовавшие ряд акций протеста в ее столице Магасе. Объектом конфликта выступил подписанный договор о границе, предметом — обмен части земель между субъектами Федерации. Целью протеста была отмена договора

или изменение его содержания. Главным мотивом протестующих стало желание не допустить передачи земель, которые они считают родовыми, в состав другого субъекта Федерации (после чего возможно их заселение чеченцами). Их позицию в той или иной степени поддержал ряд представителей ингушской элиты, в том числе бывший президент республики Р. Аушев. Руководство Ингушетии отстаивало необходимость реализации заключенного договора, который позволял разрешить существовавшую десятилетиями проблему и установить стабильную административную границу республики.

Спор о границах стал следствием раздела некогда единой автономной республики в составе РСФСР в июне 1992 г., тогда Ингушетия отделилась от стремившейся к независимости Чечни. В августе 1993 г. президент Ингушетии Р. Аушев и будущий лидер сепаратистов Д. Дудаев подписали соглашение, по которому Сунженский район отошел к Ингушетии, а населенные пункты Серноводск и Ассиновская — к Чечне. В марте 2003 г. соглашение подписали новые руководители республик — М. Зязиков и А. Кадыров. Однако граница не была четко определена.

В 2008 г. Государственная Дума РФ приняла Закон «О мерах по организации местного самоуправления в Республике Ингушетия и Чеченской Республике», который обязывал республиканские власти до марта 2009 г. установить границы муниципальных образований. На этом основании появились два одноименных Сунженских района в Чечне и Ингушетии. При этом Р. Кадыров заявил, что отсутствие определенной границы ведет к захвату земель, принадлежащих чеченцам. В начале 2013 г. Чечня приняла республиканский закон, которым включила в состав чеченского Сунженского района несколько ингушских населенных пунктов. Глава Ингушетии Ю.-Б. Евкуров тогда заявил, что Сунженский район — неотъемлемая часть республики. В 2013 г. претензии Чечни на ингушский населенный пункт Аршты стали причиной столкновений силовиков. В августе 2018 г. общественная организация «Опора Ингушетии» сообщила о начале работ чеченских строителей в Ингушетии вблизи административной границы (Искусство кройки границ).

Наконец, в сентябре 2018 г. было подписано соглашение между главами республик по данному вопросу. Но урегулирование конфликта между субъектами РФ породило новый конфликт в Ингушетии.

Природа конфликта определяется двойственным отношением к земле (что уже упоминалось при анализе предыдущего кейса). Для ряда ингушских тейпов территории, передаваемые в состав соседней

республики, являются родовыми. Конфликт возник также из-за закрытости процесса переговоров и принятия решения властями (с учетом того, что социальное поле Ингушетии активное и менее контролируемое, чем в Чеченской Республике). В частности, протестующие выразили недоверие итогам голосования в Народном собрании Ингушетии о поддержке заключенного соглашения (Ингушетия — на защите границ...). Конфликт может быть охарактеризован как публично-политический, демонстративный (протестные действия нацелены на привлечение внимания к проблеме). Действия непосредственных участников соответствуют стратегии конкуренции, хотя со стороны республиканских властей предпринимались попытки найти компромисс. Поскольку позиции сторон сблизить не удалось, поэтому сумма интересов близка к нулевой. По характеру противоборства он является игровым, хотя в ходе конфликта возникала опасность перехода к формату «сражения». Конфликт стал достаточно продолжительным, продлившись в течение нескольких месяцев. На разных этапах развития его интенсивность менялась. Можно выделить два пика обострения: в сентябре–октябре 2018 г. и весной 2019 г.

Руководство Ингушетии, прежде всего бывший на тот момент главой республики Ю.-Б. Евкуров, пытается институционализировать конфликт на основе российского законодательства (апелляция к незаконности митингов протестующих), а также неформальным образом, через переговоры с лидерами протестующих. При этом несогласные с подписанным договором приводят контраргументы. Одним из главных оснований, подкрепляющих их позиции, стало решение Конституционного суда Республики Ингушетия, который признал подписанное соглашение противоречащим ее конституции, посчитав, что подобное решение должно приниматься на основе референдума (КС Ингушетии признал...).

Конфликт достаточно резко изменил характер политического процесса на территории субъекта РФ. Рутинная повестка, в рамках которой работали республиканские власти (в частности, успехи в реализации федеральных программ, создание рабочих мест и т.д.), была практически вытеснена конфликтной. При этом на ранних этапах они стремятся к мирному урегулированию конфликта, не желая, однако, идти на уступки по основному вопросу. Эту позицию, в частности, подчеркивал в публичных выступлениях глава республики Ю.-Б. Евкуров (Юнус-Бек Евкуров о ситуации...), который напрямую коммуницировал с протестующими. Однако нежелание сторон идти на уступки привело к фактическому отсутствию переговорного пространства.

Таким образом, конфликт не удалось в полной мере институционализировать. Во многом это связано с наличием конкурирующих неформальных институтов: традиции родового (тейпового) владения землей, выступающей в качестве хозяйственного и символического ресурса, в ряде аспектов противоречат российскому законодательству (в данном случае праву субъектов РФ заключать межреспубликанские договоры и устанавливать административные границы). Впрочем, протестующие также апеллируют к российским законам, в частности к закону о местном самоуправлении, давая ему собственное толкование (Что не устраивает ингушей...).

Заинтересованными сторонами в данном конфликте выступают федеральные власти и руководство Чеченской Республики, которые поддерживали вступление в силу межреспубликанского договора. Аналитики считают, что инициатором соглашения выступил федеральный центр, купировавший таким образом обострение конфликта между субъектами (Казенин b).

Стороны использовали конкурентные стратегии, хотя, как уже упоминалось, республиканские власти на первом этапе искали возможность компромисса. В результате этого происходит постепенная эскалация противостояния и расширение конфликта, вовлечение в него новых противоречий. Среди требований протестующих появляется отставка руководства республики и возврат к его прямым выборам, что свидетельствует об усилении его политизации и блокировании противоречий различных типов. Акции протеста весной 2019 г. были прекращены с применением силовых методов, при этом протестующие вступали в противоборство с бойцами Росгвардии. Изначально властные органы республики не рассматривали такой вариант, подчеркивая ценность мирного урегулирования. Силовое подавление протеста в таких ситуациях делает весьма высокими шансы на его возобновление в будущем.

Результаты конфликта в полной мере проявились и продолжают проявляться в политическом процессе на региональном уровне. С одной стороны, он привел к аресту ряда лидеров протестного движения, с другой — способствовал отставке Ю.-Б. Евкурова с его поста в июне 2019 г. В целом можно сказать, что политический процесс на уровне субъекта Федерации под влиянием конфликта приобрел качественно новые черты (появление новых субъектов в лице различных групп протестующих, формирование принципиально новой повестки дня и политического дискурса, кризис властных структур, проявление раскола элит и т.д.).

Выводы и заключение

Проведенное исследование позволило выявить, что институциональные практики, используемые в сфере политического управления рассмотренными конфликтами, имеют схожие черты. Их характеризует значительная роль неформальных внутри- и межэлитных взаимодействий, преобладание авторитарных методов воздействия на конфликтующие стороны, ограниченный характер политической конкуренции. В то же время участники конфликтов часто придерживаются конкурентных стратегий, поэтому при переходе конфликтов в открытую фазу достаточно быстро происходит их эскалация. Демократическая институционализация конфликтов используется ограниченно, но можно отметить действие переговорных механизмов, которые также имеют преимущественно неформальный характер. Указанные особенности институционализации конфликтов свидетельствуют о формировании в республиках Северо-Кавказского региона «порядков ограниченного доступа» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011), основанных на поддержании баланса интересов региональных элит. Сложившиеся политико-институциональные рамки в ряде случаев фиксируют имеющиеся противоречия в структуре политических отношений, что препятствует эффективному управлению ими.

Авторитарная модель также не применяется «в чистом виде». Скорее всего, это связано с возможностью роста сопротивления со стороны непосредственных участников конфликта (что демонстрирует пример Республики Ингушетия). В указанных случаях (а также в ряде иных, которые нет возможности описать здесь в связи с ограниченным объемом текста) используется гибридный подход, позволяющий в различных пропорциях сочетать формальные и неформальные, а также демократические и авторитарные практики.

Список литературы

Адиев А.З. Конфликтный потенциал межэтнических отношений в Республике Дагестан // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2016. № 3. С. 20–28.

Ауховский район: конфликт длиною в поколения [Электронный ресурс] // Кавполит. URL: http://kavpolit.com/articles/auhovskij_rajon_konflikt_dlinoju_v_pokolenija-4114/

Ауховский узел. Режим доступа: <https://caucasustimes.com/ru/auhovskij-uzel/> (дата обращения: 10.10.2021).

Глава Дагестана пообещал восстановить Ауховский район в условиях растущей напряженности между чеченцами и аварцами [Электронный ресурс] //

Раздел 1. Политическое и цифровая политика

OC-media. URL: <https://oc-media.org/ru/glava-dagestana-poobeshchal-vosstanovit-aukhovskiy-rayoon-v-usloviyakh-rastushcheyo-napryazhennosti-mezhdu-chechentsami-i-avartsami/> (дата обращения: 10.10.2021).

Дойч М. Разрешение конфликта. Конструктивные и деструктивные процессы // Социально-политический журнал. 1997. № 1. С. 204 — 206.

Земля и национальный вопрос. Есть ли в Дагестане межэтнические конфликты? [Электронный ресурс] // Молодежь Дагестана. URL: <https://md-gazeta.ru/oficialno/92449> (дата обращения: 10.10.2021).

Ингушетия — на защите границ или на грани? [Электронный ресурс] // Робалт: информационное агентство. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2018/10/08/1737603.html> (дата обращения: 10.10.2021).

Искусство кройки границ [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/27/782138-iskusstvo-kroiiki-granits> (дата обращения: 10.10.2021).

Казенин К. (а). Кавказский «саммит»: почему Чечня и Ингушетия вдруг изменили границу [Электронный ресурс] // РосБизнесКонсалтинг: информационное агентство. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/27/09/2018/5bac8dfa9a794778c7713f0e> (дата обращения: 10.10.2021).

Казенин К. (б). Федеральное финансирование урегулирования конфликтов на Северном Кавказе: условия эффективности [Электронный ресурс] // Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. URL: <http://www.iep.ru/files/RePEc/gai/rusegr/309Kazenin.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

КС Ингушетии признал незаконным соглашение о границе с Чечней [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/кс-ингушетии-признал-незаконным-соглашение-о-границе-с-чечней/a-46088758> (дата обращения: 10.10.2021).

Несогласованный зиярат [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4760396> (дата обращения: 10.10.2021).

Новолакский (Ауховский) район Дагестана: уйти нельзя остаться [Электронный ресурс] // Eurasia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/01/17/novolakskiy-auhovskiy-rayon-dagestana-uyti-nelzya-ostatsya>.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. — 479 с.

Руководители Чечни и Дагестана прокомментировали конный поход в Новолакский район [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4762429?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop.

Что не устраивает ингушей в установлении границы с Чечней? [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/что-не-устраивает-ингушей-в-установлении-границы-с-чечней/a-45769863>.

Юнус-Бек Евкуров о ситуации в Ингушетии: Обстановка у нас контролируемая. Просто люди — небезразличные [Электронный ресурс] // Комсомольская правда—Кубань. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26903.7/3947691/>

De Oliveira R. Illiberal Peace-building in Angola // Journal of Modern African Studies. 2011. Vol. 49. № 2. P. 287–314.

Kobayashi K. Japanese pathways to peacebuilding: from historical legacies to contemporary practices // Пути к миру и безопасности. 2020. Vol. 58. № 1. С. 9–25.

Owen C., Juraev S., Lewis D., Megoran N. & Heathershaw J. Illiberal peace and authoritarian conflict management: Empirical and theoretical contexts [Электронный ресурс] // Academia. URL: https://www.academia.edu/35682434/Interrogating_Illiberal_Peace_in_Eurasia_Rowman_and_Littlefield_International_2018_Introduction (accessed: 15.04.2021).

Pfetsch F. R. Conflict Resolution by Democracies and Dictatorships: Are Democracies Better in Resolving Conflicts? / In Programming for Peace: Computer-Aided Methods for International Conflict Resolution and Prevention. Dordrecht: Springer, 2006. P. 11–48.

Sisk T. D. Democracy and Conflict Management [Электронный ресурс] // Beyond intractability. URL: https://www.beyondintractability.org/essay/democran_manag (accessed: 15.04.2021).

Smith C. Q. Liberal and illiberal peace-building in East Timor and Papua: establishing order in a democratising state // Conflict, Security & Development. 2020. Vol. 20. № 1. P. 39–70.

Smith C. Q., Waldorf L., Venugopal R. & McCarthy G. Illiberal peace-building in Asia: a comparative overview // Conflict, Security & Development. 2020. Vol. 20. № 1. P. 1–14.

Thomas K., Kilmann R. (1974). The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. Mountain View, CA: CPP. –12 p.

Walton O., Thiyagaraja W. Liberal and Illiberal Peacebuilding in Sri Lanka / In The Palgrave Encyclopedia of Peace and Conflict Studies. Palgrave Macmillan, 2020. P. 315–317.

Sumit Mukerji

University of Kalyani, India

The Double veiled Digital Democracy in India

The outbreak of Pandemic has been paradoxically both a boon and a bane. It has been a bane for the millions of people who have lost their lives, and a boon for those governments seeing to buttress their authoritarian rule through digital media. In the authoritarian nomenclature and also the burgeoning literature of Digital Technology, it has emerged as Digital Authoritarianism representing the inner logic of authoritarian dominance. The proliferation of digital tools both for creation as well as nullification of narratives, has perpetuated a New Digitatorship whereby dictatorial governments seek to consolidate their omniscience over the subjects through a plethora of methods like surveillance, repression, censorship, disinformation, etc. This has raised

the seminal question whether the Digital Age is conducive to the flowering of Democracy or a hindrance to it. It would be apposite here to recall Alexis De Tocqueville who argued that it was possible for the seeds of despotism to be ingrained in democracy and Democratic Despotism based on political, cultural and psychological tyranny, could masquerade as Democracy (Tocqueville, 1835). In this paper, an attempt has been made to explicate the camouflaged nature of Indian democracy which has been revealed during the Pandemic. This in reality, is part of a broader process operating throughout the world as liberal democracy itself has encountered a potential if not existential threat.

The Crisis of Liberal Democracy

The Pandemic created opportunities for both bolstering as well as vulgarizing Digital Democracy. Digital tools could be used for crisis management without any compromise on human rights, but the unpleasant reality is that in many countries there has been rampant abuse of power, silencing critics and leveraging digital tools for exerting increasing control. Large Technology companies have become a repository of unprecedented market and political power. They have also become dominant conduits for information flow without any responsibility for the content they host. This trend existed prior to the eruption of Pandemic and the fact that 196 Internet shutdowns were reported in 25 countries during 2018 on the pretext of fake news, national security, safety, hate speech, etc. speaks for itself. Most ominously, freedom of speech and expression, which is the oxygen of democracy, is under assault. Thus, the struggle against Covid 19 is marked by a parallel struggle for Democracy as Digital Technology is being used to silence mass protests, monitor political opponents and ensure that authoritarian leaders remain firmly entrenched in power. Imposition of almost Leviathan like control under the pretext of countering fake news, is partially justified because fake news is anathema to democracy. At the same time, it is a pertinent question whether it can be a valid reason for perpetuating Dictatorship. A second question is, whether such control is in consonance with the constitution which is the fundamental law of the land any violation of which, is tantamount to executive overreach through self-arrogated extra constitutional powers. The sanctity of the constitution must be preserved under any circumstances. The third and final point of contention is whether constructive criticism on the Digital Media can be suppressed without detriment to Democracy. The Indian Democracy in the Pandemic era, is besieged by Infodemic that is a deliberate attempt to stifle information by reducing the Digital domain to perpetual subjugation and subservience.

Indian Democracy in the Digital Age: Slip between the Cup and The Lip

India's reputation as the world's largest democracy is presently at stake as the role of the Government during Pandemic, has come in for severe criticism. The National e- Governance Plan approved in 2006, aimed to transform India into a digitally empowered society by leveraging Information Technology as a growth engine. Digital India was proposed in the budget of 2014 assuring digital infra structure, digital empowerment of citizens, online infra structure, increase of internet connectivity, complete digital transformation of society, broadband highways and universal access to mobile connectivity. The million-dollar question that has come to the forefront is, Digital Empowerment at what cost? If empowerment at one level, is followed up by disempowerment at another, it would reduce Digital Democracy to Digital Despotism. The fact of the matter is that digital intrusion into individual privacy is becoming then order of the day. Critiques of government policy are branded as anti- national. No line of demarcation has been drawn between constructive criticism and hate speech. It has come to light that India shuts down Internet more frequently than any other democracy (Jaffrelot and Sharma, 2021). Top IOVPN that monitors global Internet access, described India as the most restrictive of its citizen's access to Internet. In this respect India is even ahead of authoritarian regimes like Belarus, Myanmar and Azerbaijan. The cost of Internet shutdowns in 2020 for India amounted to \$2.8 billion. This was surprising as a country envisaging the over ambitious target of becoming a \$3 trillion economy by 2025, has gone for Internet restrictions (Vallabh, 2021). India's democracy rating has been downgraded from free to partly free by the US based NGO Freedom House. Though during elections, Whats app in particular, became an insidious mechanism for spreading misinformation and instigating fatal riots, yet the reliance of the government on Internet shut downs is no less questionable. Control over message on internet is the policy goal of the government which is not only sensitive but hostile to online criticism. Under the façade of cracking down on fake news, unprecedented restrictions are being imposed on every form of digital content from social media to streaming platforms. This has naturally created doubts about the credibility of India's democracy as the Government while offering the olive branch of democracy to the people, has in practice, repudiated much of its essence. Consequently, India's image as a democratic country, has been tarnished.

The Dichotomy of Freedom and Control

One of the fundamental problems of Political Science, is the reconciliation of freedom and control. While Liberty of the individual is a pillar of Democracy, yet Liberty does not mean licence. It has to be balanced with authority because the government loses its legitimacy not only by denying liberty but equally by tolerating excess of liberty which leads to anarchy and chaos. In this sense, democracy can never be absolute but relative because like control, freedom too has its limits. The government has adopted certain measures which have been criticized as draconian, but it has argued in self-defence, that these are designed to prevent abuse and misuse of social media and ensure its responsibility and accountability. It actually wants to empower the users. Theoretically, this is a valid point and in fairness to the government, one must suggest an investigation into the cases of abuse of social media. The constitutional implications must also be considered to determine whether or not constructive criticism of Government policy on digital media, has been prohibited. Motivated and malicious criticism of Government has no place in democracy and must be put down with an iron hand. Here one finds a dichotomous accountability with the government and social media accusing each other of abdicating its own accountability. Ultimately, it boils down to the contentious duality associated with control. While the government is under an obligation to prevent the social media from exceeding its limits, the social media too cannot absolve itself of the responsibility of highlighting the acts of the Government which are prejudicial to public interest. If the Government tends to exalt National Interest over and above Public Interest echoing the view of Idealists like Plato and Hegel that the individual must subordinate himself to the state, it will naturally be represented as a Fascist state. The best safety valve for the Government, social media and the people is the constitution. The restrictions that are constitutionally permissible, should not be considered to be against Democracy. Conversely, if the limits of Government control specified by the constitution are transgressed, it is bound to invite protests. Control is not unifocal but reciprocal. Freedom too is, in a way dichotomous as it must be distinguished from license. Freedom exercised with discipline, has no contradiction with control because it is based on self- control and discipline. True freedom needs no external control as it has an inbuilt system of internal control. Here one finds a second duality of control within the concept of freedom itself. The discipline imposed from within, is much more legitimate than that imposed externally by the government. License signifies the negation of freedom and is the anti-thesis of discipline. The benchmark of Democracy is the extent to which, this double duality of freedom and control is negotiated

successfully. Neither the government nor the social media can be exonerated for any lapse on their part.

India's Tryst with Digital Democracy

The promulgation of the Information Technology (Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code Rules) in 2021 by the Indian government, has evoked public furor because of its show casing films, audio visual programs under the pretext that there were an increasing number of complaints like scenes of violence, nudity, child sex abuse and material hurting religious sentiments. The argument could not be peremptorily dismissed because all the aforesaid charges could be bracketed with licence. However, on close scrutiny of the provisions of the legislation, it was contended by critics that the true motive of the government was questionable. In emergency cases, it was now mandatory for intermediary platforms like Instagram, Twitter and Facebook to take down on receiving instructions from the government, the content of a particular user without warning or giving them a fair hearing or an opportunity for self- defense. But the question is, when can the government issue such order, on what grounds and whether or not, the restrictions are reasonable. Here there is a murky area marked by ambiguity which leaves free voices at the mercy of governments. The rules have brought about a sea change in how internet-based organizations and businesses which include social media platforms, will be regulated by government. The rules have invested the government with a plentitude of powers which will force every tech company including US technical giants to comply with government surveillance and censorship demands. Almost everything that happens online, comes under government regulation and the government has the power to remove objectionable online content and erase the people's right to privacy on social media. India's relations with US can also suffer a setback because of the pressure on US tech companies like Facebook, twitter, WhatsApp and others to toe the line of an increasingly authoritarian Indian government or to risk losing access to their biggest market in the world. Kurt Opashi, Deputy Executive Director of Electronic Foundation, a San Fransisco based nonprofit Digital Rights group has complained that 'India's new rules raise the disturbing possibility of tightening government control over the information eco system and what could be said online. WE have seen this direction taken by China and some of the rules restrict the discretion of companies in moderating their own platforms and create new possibilities for government surveillance of citizens.' Other critics have said that these rules threaten the idea of a free and open Internet built on a bedrock of international human rights standards. Internet

freedom activists say that it is a stark illustration of the desire of the government to control online conversation. The rules extend the control of the government over areas that violate democracy and encourage censorship as well. Whatsapp sued the government on May 26, 2021 for undermining the people's right to privacy and Twitter on May 29, 2021 accused the government of dangerous overreach that was inconsistent with democratic principles. Here the Twitter had a valid point as it was forced to withhold and block portions of legitimate free speech over fears around safety of employees and threat of financial penalties. Delhi Police visited Twitter offices in Delhi and Gurgaon to serve notice after it tagged some tweets about allegations about the opposition Congress Party over the government's handling of the Covid 19 crisis which the government wanted removed. The Minister of Technology was warned of unintended consequences for non-compliance. Salim Waris, partner with Techlegis Advocates and Solicitors, said that significantly, he rules increase state power to surveillance without adequate checks and balances and this could have disastrous effects on the individual's Right to Information and Privacy. According to the Freedom of the Net Report, Indian officials pressured the Twitter to remove comments critical of itself related to its handling of the Covid crisis. The Twitter was also prevented from flagging manipulated content posted by the ruling party. According to the report, 'If placed in the hands of the state, the ability to censor, surveil and manipulate people en masse can facilitate large-scale political corruption, subversion of the democratic process and marginalized populations.' (Freedom..., 2021). This report has been complemented by the report of the Freedom House on May 30, 2020 stating that India's score on freedom of Internet declined from 55% in 2018–19 to 51% in 2019–20. The information environment is plagued with disinformation often pushed by political leaders themselves. Spyware campaigns uncovered targeting journalists, activists, Lawyers and champions of Human Rights. In March 2020, the government planned a large data base called National Social Registry that could track every Indian and allegedly capture a three-hundred-and-sixty-degree view of their lives (Freedom House...,2020). What follows from this, is that the government has preferred to concentrate more on control of the social media and elimination of anti-establishment views.

In this connection, we might take a look at the much-criticized Information Technology, Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code Rules 2021 which evoked public furor for showing films and audio-visual programs under the pretext that there were an increasing number of complaints like scenes of violence, nudity, child sex abuse and material that hurt religious sentiments. Though in such cases, ruthless action is justified. Yet certain provisions of the new rules made the true motives of the government ap-

pear questionable. It was stated therein that in emergency cases, on receiving direction from the government, intermediary platforms like Instagram, twitter and Facebook must take down the content of a particular user without warning or giving him a fair hearing or opportunity for self- defense. The question is, when can the government issue such order and are the restrictions reasonable? Here there is a murky area and this ambiguity leaves free voices at the mercy of the government. The new rules have brought about a sea change in how internet-based businesses and organizations which include social media platforms, will be regulated by government. The sweeping rules confer new powers on the government which will force every tech company including US technical giants to comply with government surveillance and censorship demands. Almost everything that happens online, comes under a mechanism of government regulation and the government has the power to remove objectionable content and erase the people's right to privacy on social media. There is also a possibility of Indo- US relations suffering a setback as US tech companies like Facebook, Twitter, Whatsapp are under pressure to toe the line of an increasingly authoritarian Indian government or risk the loss of access to their biggest market in the world. Kurt Opsahl, Deputy Executive Director of Electronic Foundation, Saan Fransisco based nonprofit Digital Rights group has said that 'India's new rules raise the disturbing possibility of tightening government control over the information ecosystem and what could be said online. We have seen the direction taken by China and some of the rules restrict the discretion of companies in moderating their own platforms and create new possibilities for government surveillance of citizens.' (Perrigo, 2021) These rules threaten the idea of a free and open internet built on a bedrock of international human rights standards. Internet freedom activists say it is a stark illustration of the desire of the government to control online conversation. The rules change the fundamental internet experience for any user in India. The Whatsapp sued the government on May 26, 2021 for undermining the people's right to privacy and the Twitter on May 29, 2021, accused the government of dangerous overreach that was inconsistent with democratic principles. It was forced to withhold and block portions of legitimate free speech over fears around the safety of employees and threat of financial penalties. The Delhi Police visited Twitter offices in Delhi and Gurgaon to serve notice after it tagged some tweets about allegation by opposition Congress Party over India's manhandling of the Covid wave which the government wanted removed. The Minister for Technology was warned of unintended consequences for non- compliance. Salim Waris, partner with Techlegis Advocates and Solicitors, said that significantly, the rules increase state power to surveillance without adequate checks and balances that could

have disastrous consequences for protecting the personal privacy of the individual. The government's counterpoint was that the Twitter was being used as a tool for anti- Government actions like farmer's protests. This does not sound convincing because protest that is not violent, is permitted by the constitution itself and thus highlighting the farmer's movement which had elicited international attention and sympathy, could not be treated as anti- government. Ten international NGO s in an open letter alleged that the new rules were published amidst an escalating protest by the Indian farmers that captured both national and international attention. Twitter initially refused the request of the government to remove hundreds of posts on the ground that they constituted freedom of speech and expression but was forced to re-block them after being threatened with imprisonment. It has been alleged that 'Under the façade of cracking down on fake news, unprecedented restrictions are being imposed on every form of digital content from social media to streaming platforms.' (Basu, 2021). What is most disturbing, is the tendency to intimidate academics and journalists. It has also been contended that web censorship and user data orders from the Government of India, are not issued under judicial or independent administrative process, instead they come from unilateral dictates of the executive authority. Siddharth Bhatia, a Founding father of *The Wire* says that Digital media has been quite outspoken and this is clearly a way to bring it to heel and perhaps intimidate it. This is executive overreach of the worst kind. This is echoed by Ramanjit Singh Chima, Senior International Council and Asia Pacific Policy Director at Access Now, complains of complete lack of transparency surrounding existing government censorship and surveillance demands and says that the new rules are to bully social media platforms and online news services into compliance. People today are grappling simultaneously with Pandemic and Censorship epidemic. The question that arises here is whether the government has acted in accordance with the constitution or has violated it by interpreting it to suit its own motives. For, after all it is the constitution which will say the last word.

The Verdict of Law

The constitution is the fundamental law of the land whose sanctity must be upheld under all circumstances. Article 19 of the constitution enunciates basic freedoms like the freedom of speech and expression and the right to assemble peacefully and without arms. The former is subject to reasonable restrictions on the ground of sovereignty and integrity of India, India's friendly relations with foreign states, public order, decency or morality, contempt of court, defamation and incitement to violence (Pylee,1999, p.87-88). The Right of peace-

ful assembly was intended to be one of the basic protections for free speech. It could be restricted in the interest of public order and the restrictions ought to be reasonable. It should also be noted that freedom of speech and expression is not absolute. Advocacy of an idea may be too powerful for any resistance. An expert has stated appositely “But dangerous as advocacy and the excitement of ideas are, there is even a greater danger in suppression. A government that enters upon a program of suppression may have its own view of the public good in mind. But what is good for the government may be anathema to the people.” (Pylee, 1984, p.134). At the same time, the Drafting Committee of the Constitution of India realized that in many independent societies there was a lack of balance in the exercise of individual liberty and social control. It thus chose the golden mean of providing a proper enumeration of those rights that are considered essential for the individual and at the same time putting some checks on them as will ensure the security of the state.” (Pylee, 1984, p. 135).

In the light of the above-mentioned provisions, we may now take a look at the petition filed by Anuradha Bhasin against the government’s decision to suspend mobile and internet services in Jammu and Kashmir on August 4, 2029. The Supreme Court in its judgement said that any curtailment of Internet access must be reasonable but stopped short of declaring Right to Internet as a Fundamental Right. In its verdict of May 11, 2021, The Supreme Court refused to order the restoration of 4G mobile internet services in Jammu and Kashmir but ordered the setting up of a special committee led by the Union Home Secretary to decide in which parts of Jammu and Kashmir 4G Internet service could be restored. The Attorney General K.K Venugopal apprehended that the restoration of 4G Internet would give the enemy that is Pakistan, information about the movements of the Indian troops. The Terrorist groups based on Jammu and Kashmir, were taking advantage of 4G Internet while restoration of 2G had impeded them. 4G would enable local linkmen to record India’s troop movements and upload it on the Internet which would provide crucial details to Pakistan based terrorist organizations about India’s troop movements. The Supreme Court displayed an attitude of reasoned ambivalence and said that while national security was paramount and political and social stability and territorial integrity were its essential ingredients, Power cannot vanquish legitimate expression of opinion or grievance or exercise of any democratic rights. Only during emergency, this could be done. It also emphasized on the test of proportionality and cautioned against the violation of natural justice. It also recognized Internet as essential in today’s life and further noted that all parts of Jammu and Kashmir did not require restriction on Internet. The stand of the apex court was that national security concerns and human rights must be reasonably and defensibly adjusted with one another.

er in line with constitutional principles.’ The court recognized that the compelling circumstances of cross border terrorism cannot be ignored and that outside forces are trying to infiltrate borders and destabilize the integrity of the nation.’ The Attorney General’s view was that ‘Claims of fundamental rights have to be examined against the public interest of protecting the security of the state while balancing the aforesaid conflicting rights, the security of the nation should triumph against the fundamental rights of the citizen’ (Anantha, 2020). Notably, the Supreme Court was much more respectful of fundamental rights than the Attorney General and there was an incipient skepticism in its verdict about the correctness of government’s policy of internet suppression in Jammu and Kashmir.

In conclusion, it appears that there is no tangible proof that the social media has endangered India’s national security or hindered India’s friendly relations with other states. The reverse is true as the government’s internet policy has invited the opprobrium of the US and the resultant strain in Indo- US ties cannot be dismissed. India presents the spectacle of Democratic Despotism which is the first veil of democracy with the government emphasizing on the principle of reverse accountability, that of the social media while abdicating its own. The second veil of democracy is that which has been used to obfuscate the constitution. The constitution is now amenable to capricious interpretation by the government resulting in a substantial dilution of itself. This is no less a constitutional crisis than Constitutional Emergency stated in Article 356 of the constitution. The constitution has become more vulnerable than the social media because dilution of its spirit means repudiation of its self. The future will decide who says the last word in India.

References

Anantha K.G. Balance Security, Rights, Says Supreme Court as It Rejects 4G for Jammu and Kashmir, URL: <https://indianexpress.com/article/india/jammu-kashmir-security-rights-supreme-court-internet-4g-6405517> (accessed: 03.09.2021).

Basu I. India’s anti- social media attitude delivers digital authoritarianism message, URL: <https://www.asiafinancial.com/indias-anti-social-media-attitude-delivers-digital-authoritarianism-message> (accessed: 10.09.2021).

Freedom House Report 2020 URL <https://freedomhouse.org/country/india/freedom-net/2020> (accessed: 10.09.2021).

Freedom House Report Criticises India for Internet Shutdowns, New IT Rules and More URL <https://thewire.in/rights/freedom-house-india-digital-freedom-twitter-it-rules-shutdown> 23 September, 2021 (accessed: 12.09.2021).

Jaffretlot Ch., Aditya Sh. India’s New Digital Tools are Bad, URL <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/social-media-rules-whatsapp-twitter-facebook-ott-platform-content-modi-govt-7213191/1> (accessed: 15.09.2021).

Pylee M. V. Constitutional Government in India. New Delhi: S Chand and Company Ltd, 1984.

Pylee M. V. India's constitution. New Delhi: S Chand and Company Ltd, 1999.

Tocqueville A. De Democracy in America. London: Saunders and Otley, 1835.

Perrigo B. India's New Internet Rules are a step toward Digital Authoritarianism, Activists say. Here's what they mean. URL: <https://time.com/5946092/india-internet-rules-impact/> (accessed: 15.09.2021).

Vallabh G. How Internet Shutdowns Damage Democracy, URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/inetrnet-shutdowns-central-govt-democracy-7243427/1> (accessed: 15.09.2021).

Sharma Meenakshi

Government Mohindra College, Patiala, Punjab, India

Digital Governance in India with Special Reference to Punjab: An Overview

Introduction of digital governance

Digital Governance is the outcome of use of ICT and digital technologies which are being used in all walks of life-in administration, offices, railway stations, banking, airports, communications, entertainment, transportation, education, hospitals, shopping, etc. It helps to optimize the use of scarce resources through intelligent information support for decision making and helps further in its implementation by providing transparency, efficiency and supporting coordination effort without wasteful delays. It is used to reduce the cost of governance and improve overall efficiency and effectiveness of the government machinery. Digital governance also enables the citizens to participate in democratic government through digital mode. Effective and proper use of digital technologies in governance processes would bring about more efficiency, accountability, transparency, and objectivity in the functioning of the government.

The term Governance is the process of decision making and process of implementation of decisions. Digital or electronic governance can be defined as the delivery of government services and information to the public and other agencies using the digital and electronic means and technologies. Digital governance includes automating the routine government functions, online or digital government functions to provide a direct access to public, by doing so

improving the governance processes so that openness, accountability, effectiveness and efficiency may be achieved.

Digital or electronic governance' is basically the application of Information and Communications Technology to the processes of Government functioning to bring about 'Simple, Moral, Accountable, Responsive and Transparent' (SMART) governance (Promoting..., 2008).

Some widely used definitions of digital or electronic governance are listed below:

UNESCO defines e-Governance/digital governance as: "E-Governance or digital governance may be understood as the performance of governance via the electronic medium in order to facilitate an efficient, speedy and transparent process of disseminating information to the public, and other agencies, and for performing government administration activities." (11th report of Second Administrative Reforms Commission, India. Dec. 2008) (Promoting..., 2008).

According to Palvia, S.C and Sharma, S. S., 2007, "Digital Governance is the use of information and communication technology by the government to provide the quality information and services to citizens, businesses, voluntary organizations, and other government agencies to bring transparency, accountability in government functioning to strengthen democracy"(Palvia, Sharma, 2007).

The Ministry of Information Technology, Government of India defines it as "The application of Information Technology to processes of government functioning to bring about SMART Governance." (Ministry, 2021).

As Lisa Welchman, 2019, "Digital Governance is a discipline that focuses on establishing clear accountability for digital strategy, policy and standards. A digital governance framework, when effectively designed and implemented, helps to streamline digital development, and dampen debates around digital channel ownership" (Welchman, 2019).

In general, digital governance may be defined as giving citizens the choice of where and when they access government information and services. Digitalisation of governance promotes the efficiency and effectiveness, reduces costs and time delays, enhances accountability, and brings more transparency in the working of governance system.

Stages of digital governance. The stages of digital governance (Mathur, 2021) can be classified as mentioned under:

Stage-I: Emerging or Evolving Presence or Computerisation-In the first stage, with the availability of personal computers, majority of Government offices are well equipped with computers.

Stage-II: Enhanced presence — At this stage the government provides more public information digitally or electronically.

Stage-III: Interactive presence — It is the stage of digital governance in which governments start interactivity in their concerned websites.

Stage-IV: Transactional presence -It allows two-way interaction between the government and citizens/users.

Stage-V: Networked presence — This stage can be characterized by an integration of G to G, G to C, C to G and G to B interactions.

In digital governance, the interaction between the citizen and the government takes place through digital medium and decisions are processed digitally. It improves the overall participation of citizens in e-governance and reinforces the democratic system (Kaur, 2020).

Significance of the study. Digital-governance is supposed to bring about reforms in governance by the use of ICT and other digital technologies. It transforms the working of governance by providing user or citizen — friendly interface between government and users/citizens; reducing costs; growing revenue; providing timely and reliable information; diminishing delay, red tape, and inconveniences; simplifying processes and structures; streamlining the functioning of government; increasing transparency and responsibility; improving service delivery in terms of timeliness, convenience and quality; and making development process more inclusive. To achieve the aim of citizen friendly administration and to cope with the challenges of digital world, it is imperative to implement various digital governance projects in Punjab, India and also to evaluate them from time to time.

Objectives. Digital governance in Punjab have been facilitating and affecting the lives of citizens/users to a large extent since its inception. The objectives of this paper are mentioned as under:

- 1) The main objective of the study is to explore the various digital initiatives undertaken by the Government of Punjab, India.
- 2) To study the services provided through digital governance by the Government of Punjab, India.
- 3) To identify the benefits and challenges of digital governance.

Research methodology. It is exploratory research which is based on secondary data of Journals, Ph.D. thesis, Research Papers and Websites. Considering the research objectives of this paper, I have opted descriptive research design. I have accessed various websites, thesis and research papers to explore the concept of digital governance, digital initiatives undertaken by government of Punjab, services provided, benefits and challenges of digital governance in Punjab, India.

Digital governance in India

The launch of National Satellite-Based Computer Network in 1987 and launch of the District Information System to computerise and digitalise all district offices in the country gave the required push for digital governance. The e-Governance Plan which aims at providing all the government services easily accessible to public in digital mode at affordable costs was approved by the Government of India on May 18, 2006. It comprises 27 Mission Mode Projects (MMPs). Later on, 04 new MMPs i.e., Education, PDS, Health, & Post were included and the number of MMPs became 31. The MMPs have been divided in three categories mentioned as in the table below:

Table 1

Mission Mode Projects

State MMPs	Central MMPs	Integrated MMPs
Agriculture	Banking	CSC
Commercial Taxes	Central Excise & Customs	e-Biz
e-District	Income Tax (IT)	e-Courts
Employment Exchange	Insurance	e-Procurement
Land Records(NLRMP)	MCA21	EDI For eTrade
Municipalities	Passport	National e-governance
e-Panchayats	Immigration, Visa and	Service Delivery Gateway
Police(CCTNS)	Foreigners Registration&	India Portal
Road Transport	Tracking	
Treasuries	Pension	
Computerization	e-Office	
PDS	Posts	
Education	UID	
Health		

Source: <https://www.meity.gov.in/content/mission-mode-projects>

Two more common and support infrastructure projects i.e., State Wide Area Network (SWAN) & State Data Center (SDC) were also approved by NGeP.

With the passage of time, India's digital policy i.e., Digital India Programme introduced in 2015 gave a momentum to digital governance. **Its main components are:** Developing a secure and stable digital infrastructure, delivering government services digitally, achieving universal digital literacy, myGov. in, UMANG is a Unified Mobile Application which provides access to central and state government services, Digital Locker and Mobile Seva aims at providing government services through mobile phones and tablets.

Digital governance in Punjab

There is healthy competition among many states including Tamil Nadu, Kerala, Maharashtra, Gujarat, Madhya Pradesh, Rajasthan, Delhi, Punjab and Himachal Pradesh to initiate many Digital-Governance projects. In the present era of digitalisation, the Punjab government is leveraging the benefits of Digital-Governance to provide the variety of services to its citizens. First of all, keeping in view the potential of ICT, Punjab government set up the Department of Information Systems and Administrative Reforms which has been entrusted to implement IT policy framework in the state and to give technical assistance in formulating and implementing information and communication technology in all government departments of the state. The framework for Digital-Governance in Punjab was laid out in 2002. Since then, the Government of Punjab has been providing a lot of online services, changing people's mindset, and simplifying administrative procedures. It is making life easy, efficient, and transparent for one and every stakeholder.

Digital projects in Punjab

In Punjab, the five core projects (e-District, SWAN, SDC, CSC & SSDG) have been implemented by Punjab State e-Governance Society. The various digital projects (Singh, 2017) implemented in Punjab, India are:

- *Punjab State Wide Area Network (PAWAN)*: Punjab State Wide Area Network (PAWAN) established in 2010 has been identified as the basic element for supporting digital-governance projects in Punjab. PAWAN is responsible to act as a backbone network for data, voice and video communications throughout the state and become a vehicle for effective implementation of digital Governance across the state. It has also been providing flawless end to end connectivity for all government offices across Punjab and inter departmental connectivity at each location ensuring secure data transmission.

- *State Data Centre*: In order to integrate various citizen-centric services, Government of Punjab established state data centre at Chandigarh and in all the districts. The whole Data centre is divided into 4 layers structurally. SDC aims at reducing data redundancy, increase data availability, ease and enhance the scalability of data storage, while improving serviceability and decreasing the cost (State..., 2021).

- *Common Service Centre*: The Government of Punjab is providing citizen-centric services through the CSCs. The State Government intends to establish CSCs in 2500 rural locations in Punjab but a maximum of 2046 centres will be covered under the CSC scheme and rest from outside the scheme.

■ *e-District*: Districts are the irrefutable interface for G2C interactions. The whole e-District project is spearheaded by Department of Information Technology, Government of India. The project set up the Citizen Facilitation Centres across the country. The centres will function at District-, Tehsil-, Sub-division- and Block- levels. Village-level front-ends would be established through Common Services Centres (CSCs) for delivery of services. At present e-district project has been implemented in all the 22 districts of Punjab. Services provided under e-district project are: Certificates, Public Distribution System (PDS), Social Welfare Schemes, Arms Licenses, Complaints, RTI and Utility Payment etc.

■ *SUWIDHA Presently known as Seva Kendras*: SUWIDHA (Single User Window Disposal Help Line for Applicants) is a consumer-friendly Single window help line for all the Government sponsored citizen-centric services in the state of Punjab. It has been launched in 2005 to provide a responsive, reasonable, speedier and efficient interface between the Government and public. The citizens are not required to visit the branch. Singh Harmanpreet (2019) concluded in his research that 250 services were provided at Sewa Kendras and 41 at Sanjh Kendra in Punjab and the majority of respondents were satisfied with the procedure for availing services and costs of services. Presently 516 Sewa Kendras are operational to provide more than 300 Public services at District / Sub Division level.

■ *Computerization of Transport Department, Punjab*: For the computerization of Transport Department, Vahan (for issuance of Registration of vehicles) and Sarathi applications (for issuance of driving license) were implemented in the department.

■ *SSDG (State Service Delivery Gateway) and State Portal*: Under NeGP, the Government desires to create an integrated information infrastructure that will expand, integrate and enhance the utility and reach of the services provided by the Government by utilizing the network of the Common Service Centres.

■ *Digital Governance Initiatives During Covid-19 Situation*: The coronavirus pandemic has affected everything all over the world. Punjab state of India is no exception of it. It has forced the government to start various digital initiatives for providing services to its citizens and to continue the governance or administrative activities. During COVID-19, the Punjab Government started work from home using e-office and e-file system. Hospital service such as tele-medicine, online registration, online consultation with a doctor, COVA App etc. Apart from it, keeping in view the interest of students, the education was transformed offline to online mode.

Importance of digital-governance in Punjab

The aim of implementing digital governance in Punjab is to provide various services and to enhance good governance. It helps in strengthening of institutional structures and methods of service delivery. It focuses on the use of digital technologies to bring public services to the doorsteps of citizens and other stakeholders. Digital governance provides for comprehensive and extensive participation of citizens in governance affairs. This leads to empowerment of citizens and citizen-centric governance through access to ICT and various digital initiatives. Mishra Purva (2014) identified the citizen participation most important factor in strengthening e- governance. Mahajan Preeti (2009) was found that electronic governance was improving participation and interest of people in the decision-making process.

Digital governance decreases human intervention and makes the governance and the administrative process more efficient, responsive and transparent. The main benefit of digital -governance is the removal of touts and middlemen in the administrative process and functioning who are often responsible for delays, corruption, and red-tape. Digital -governance initiatives give the citizens fair and equal access to the government and make the process more inclusive (Singh, 2013).

Findings of the study

In the present digitalized world, Digital Governance is significantly contributing to reduce corruption, promoting transparency, accountability and participation of citizens. It is bringing positive change in the mindset of officials and citizens. It is also limiting the discretion of government officials. Thus, electronic or digital governance is playing an important role for promoting good and SMART governance in Punjab. Research scholar Singh Harpreet (2018) examined how e-delivery of public services proved an efficient tool of good governance in Punjab. A careful perusal of the research paper reveals that electronic governance as a tool of good governance is facilitating to provide effective interaction, reducing costs, timely delivery of services, spreading awareness, promoting ease in applying and delivery of public services in Punjab (India).

Advantages of digital-governance. The successful implementation of Digital Governance depends on political, infrastructural, social and economic factors. Successful and effective implementation of Digital-Governance in Punjab, India has been providing the following benefits (advantages) to stakeholders:

- Digital-Governance is providing hassle free and efficient delivery of various government services.
- It has also been improving government interactions with citizens, business and industry.
- It is empowering citizens through easy access to information.
- It is reducing corruption in the administration.
- It is increasing transparency and accountability in administration.
- It is providing greater convenience to citizens and businesses.
- It is cost effective and is helping revenue growth.
- It is reducing paperwork and red-tapism in the administrative processes.
- It is improving relations between the public authorities and civil society.

Challenges to digital-governance. Multi fold challenges are occurred in the implementation of Digital-Governance in Punjab. Some of the major challenges in the implementation of e-governance are

- Lack of infrastructure,
- Lack of trained personnel
- Lack of E-readiness
- Low Internet access,
- Mindset of employees and people,
- Confidentiality, and
- Costs etc.

Suggestions. To leverage the full benefits of Digital Governance in Punjab, the following recommendation are suggested:

- *E-Literacy:* Majority of people in Punjab are living in villages and a large number of them are economically poor, socially backward, illiterate and lacks of basic knowledge of computers. So, the state government should focus to implement simple, economical and more citizens centric projects of digital-governance along with wider awareness and e-literacy.

- *Language:* The supremacy of English language on the internet decreases the access of non-English-speaking population to online services. Majority of population of Punjab is speaking Punjabi. So, the government should implement electronic or Digital-Governance software in local Language.

- *Trust of People:* There are some issues of accessibility, usability, security and transparency. Secure and easy access can promote trust of the people in digital governance.

- *Regular updating of ICT Tools:* For better services, the ICT tools should be updated regularly to avoid problems such as slow internet speed.

- *Adaptive Mindset of employees:* Most of the employees are still more relaxed with the previous offline mode of working. So, the government should provide relevant training and development programmes to the administrative personnel to promote technical skills as well as citizen-centric approach.
- *Sound infrastructure:* For the smooth functioning of digital-governance, updated and sound infrastructure should be provided as per the requirement.
- *Feedback from beneficiaries:* Feedback from stakeholders should be taken and after analysis, the required improvements should be made in the projects.

Conclusion

From the above discussion it is a fact that Punjab Government has been effectively utilizing and implementing digital-governance projects to enhance the performance of the administration and to provide the citizens with almost all the essential services required for the welfare. The digital governance in Punjab is promoting a friendly, affordable, speedier, and efficient interface for providing responsive, transparent, cost effective and quality services to the citizens. Although digital-governance is accelerating and improving governance in Punjab, yet it is also facing some problems. So, to utilize the full benefits of Digital-Governance, and to keep pace with the changing trends, administrators and officials should constantly improve their capabilities through I.T. Training workshops etc. Punjab Government has established lot of infrastructure for digital-governance, it is also necessary for the government to train the untrained work force in new technology driven atmosphere. Digital-governance in rural areas should also be promoted by conducting Village Festivals, seminars and workshops in their language that how they can obtain the necessary services in their area through the various projects of digital-governance?

References:

Dissanayake L., Mahtab, N., Griffin, D., Rankin, C. Digital Public Administration and E-government in Developing Nations: Policy and Practice. United States: IGI Global. 2013. — 448 p.

E-governance: concept and significance. URL: <https://egyankosh.ac.in/bit-stream/123456789/25880/1/Unit-1.pdf> (accessed: 06.09.2021).

Kaur K.P. An Analysis of User Acceptability and Challenges in E Governance in Punjab, Department of Engineering and Technology, Desh Bhagat University, 2020. URL: <http://hdl.handle.net/10603/299236> (accessed: 06.09.2021).

Mathur, A. E-Governance URL: <https://www.atishmathur.com/gov-social-issues/e-governance> (accessed: 07.10.2021).

Ministry of Information Technology, Government of India. URL: www.mit.gov.in (accessed: 07.09.2021)

Misra P. Progressive Punjab: A Step Towards e-Governance // Indian Journal of Public Administration. 2014. Vol. Lx. No. 2. P. 341–349. URL: <http://iipa.org.in/New%20Folder/10--Purva.pdf> (accessed: 06.03.2020).

Mission Mode Projects. URL: <https://www.meity.gov.in/content/mission-mode-projects> (accessed: 06.09.2021).

Palvia, S.C, Sharma, S. S. (2007). E-Government and E-Governance: Definitions/Domain Framework and Status around the World, Computer Society of India, 2007. URL: http://www.iceg.net/2007/books/1/1_369.pdf (accessed: 05.09.2021).

Preeti M. E-Governance Initiatives in India with spl. reference to Punjab // Asia Pacific Journal of Social Sciences. 2009. Vol. 1. No. 1. Issue Jan. June 2009. — P. 142–155. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/bf1d/2997fcfd3fe4ca6b52879494077645402881.pdf> (accessed: 06.09.2021).

Promoting e-Governance – The SMART Way Forward, 11th report of Second Administrative Reforms Commission, India. Dec. 2008. URL: https://darpg.gov.in/sites/default/files/promoting_egov11.pdf (accessed: 05.09.2021).

Singh A. (2017). E-Governance Initiatives in Punjab // An Overview, WWJMRD. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 57–62 <http://wwjmr.com/upload/e-governance-initiatives-in-punjab-an-overview.pdf> (accessed: 07.10.2021).

Singh A. E-Governance In Punjab: An Overview // International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences. Vol. 2. No. 6. June 2013. URL: www.garph.co.uk/IJARMSS/June2013/14.pdf (accessed: 07.10.2021).

Singh H. E-Governance as a Tool of Good Governance in India: A Case Study of Suwida Kendra, Jalandhar (Punjab) // Dynamics of Public Administration, 2018. Vol. 35. Issue 2. URL: <https://www.indianjournals.com/ijor.aspx?target=ijor:dpa&volume=35&issue=2&article=004> (accessed: 07.10.2021).

Singh H.P. Right to Service as a Tool for Good Governance: A Case Study SAS Nagar, Punjab, an unpublished Ph.D. Thesis, Dept. of Public Administration, Punjabi University, Patiala, 2019.

State Data Center Project. URL: <https://dgrpg.punjab.gov.in/sdc/> (accessed: 06.09.2021).

Welchman L. Managing Chaos: Digital Governance by Design as mentioned in Jelen Tom, 2019, Digital Governance is Critical for Digital Transformation. URL: <https://www.delcor.com/resources/blog/digital-governance-is-critical-for-digital-transformation> (accessed: 06.09.2021).

Sehgal Shubham

Punjabi University, Punjab, India

Vishavdeep Singh

Punjabi University, Punjab, India

E-Governance in Policing: An Evaluative Study

Introduction

Police administration is an important part of administration which is as much in need of reforms as any other part. With the change in time and needs, the world opted for technological development for the sake of saving time, resources and increasing efficiency (Singh & Sehgal, 2021, P. 30). Further, e-governance came into existence, influencing the service delivery system in different fields. In the contemporary world, it is e-Governance initiatives which are influencing police sub-culture and working in different ways in a developing country like India. Government exists to serve its citizens¹. It acts as another arm of government not only to lead towards better efficiency in services but also in cost effectiveness, reducing delay in services and in building corruption free nation. e- Governance has played a key role in starting the journey towards achieving the goal of minimum government to maximum governance. It has helped the government in increasing transparency, improving the response to citizens and reducing cost, on the other hand, citizens have better access, equity and social empowerment.

One of the focus areas of e-Governance is police administration which is necessary to achieve easy and better access to the police services by the needy through a bundle of e-police applications and to curb the increasing crime rate. E-police is becoming the focus of the government to reduce malpractices and improve services making the police work efficiently. Now the crux of the idea aims to ensure technologies and create awareness to provide solution in context of law and order. E-Governance plays an important role in police administrative functioning related to payroll and accounts. Adopting such system can reduce handling cost and compliance cost. It is the process of using information technology to reduce the work of the government internally as well as externally. Internally, computerization reduces the cost as well as the time of work and helps the government to increase their efficiency and externally, automation of interactions with the citizens reduces the stress from the personnel and citizens

¹ According to World Bank, e-Governance is the use of information technology like wide area network; internet and mobile computing that have the ability to transform relations with citizens, businesses.

too, thus, creating value for the economy. It is an area of government to increase interactions with citizens. In every field, e-Governance helps to reduce the work load, pressure and stress level from the employees. Like wise, it also helps in police departments too. E-governance in policing fulfils multiple aims and objectives and is used for enhancing awareness, information, providing services to the citizens with a complaint registration system.

Previously, the system of FIR (First Information Report)¹ being manual in nature was complex and time consuming. With the changing time, technological developments took place and the process of Digitalization started in the Police department as well. Now with the implementation of e-Governance in police departments, the situation has already been changed or will be improved drastically. Andhra Pradesh, Delhi, Punjab, Maharashtra and some areas of Uttar Pradesh have been exploring the positive consequences of modernization of police force; subsequently our government and officials are trying to implement it in each and every police booth in our nation”.

E-Governance and Its History in India

E-Governance aims to make the interaction between government and citizens (G2C), government and business enterprises (G2B) and inter-government relationships (G2G) more friendly, convenient, transparent, and inexpensive (Sangrola & Palaria, 2017, p. 318). “Governance is the societal synthesis of politics, policies and programs and e-Governance is the application of ICT to the System of governance to ensure a wider participation and deeper involvement of citizens, institutions, NGOs as well as private firms in the decision-making process. The characteristics of e-Governance includes: 1) Electronic Engagement, 2) Electronic Consultation, 3) Electronic Controlship, 4) Networked Societal Guidance.

The history of e-Governance is as old as that of history of computer's. The Department of Electronics is developed by the Government of India in 1970. National Informatics Centre (NIC)² was the first major step towards e-Governance in India in 1977. This was followed by the launch of NICNET³ which is a satellite-based nation-wide computer-communication

¹ First Information Report (FIR) is a written document prepared by the police when they receive information about the commission of a cognizable offence.

¹ The National Informatics Centre (NIC) is an attached office under the Ministry of Electronics and Information Technology in the Indian government. The NIC provides infrastructure to help support the delivery of government IT services and the delivery of some of the initiatives of Digital India.

¹ NICNET is a satellite-based nation-wide computer-communication network, that is a type of Wide Area Network (WAN).

network in 1987. The District Information System of the National Informatics Centre (DISNIC)¹ programme was introduced to computerize all the district offices in the country. Thus, NICNET was extended to all district headquarters by 1990. A National Task Force on Information Technology and Software Development was formed in May 1998. In 1999, a separate ministry was constituted for Information and Technology (Sangrola & ,2017, p. 318).

Like e-Commerce, e-Governance was born out from the Internet boom period. The internet has emerged as one of the biggest revolutionaries of present time. Pure revolution has enormous potential not only to increase productivity and efficiency, but also to leverage technology to develop innovative business models and strategies in every sector. Governments around the world, with the help of ICT applications are increasing accountability, efficiency, transparency, revenue collection etc. During the initial stages, citizens were not able to use or operate it directly. Basically it was started for practitioners to meet the new challenges of internet by using various techniques. After many researches it was used by many departments in which the delivery of services takes place with the help of e- Governance and it became highly successful like e-seva, e- suwidha, old age pension scheme etc. After experiencing good results police departments are all set to deliver the services with the help of e- Governance.

Research methodology

The main focus of the study is to analyze the Impact of e-Governance on Punjab Police. The study is both descriptive as well as analytical in nature. Both primary and secondary sources were tapped to complete the study. There are 8 Police Ranges in the state of Punjab which is further divided into 24 Police Districts. Researchers have adopted a convenient sampling method for collecting primary data. A sample of 80 police personnel (Including all ranks of district Police) and 80 citizens has been collected from Patiala Police District. Patiala District has been chosen because it has the highest crime rate of 2018 in Punjab on the basis of registered FIR. The data has been collected through questionnaire method. The secondary sources include books, internet sources, newspaper, articles, research papers.

The present study is entitled *e-Governance in Policing: An Evaluative Study*. Earlier Punjab Police's administrative system was completely paper based. There was no use of internet at that time. There was a time when in order to

¹ Recognising the importance of information as a vital resource, with applications in rural development, agricultural development, NIC launched its District Information System (DISNIC) programme in 1987.

increase efficiency and curb corruption, a phenomenon called Governance came into existence. With the passage of time we moved towards Good Governance. Now a days in order to achieve the objective of Good Governance, we are moving towards e-Governance which is not only time and money saving but also helpfullin increasing overall performance. After many efforts, Punjab Police, under the banner of e- Governance started providing services to the citizens to ensure quickand effective justice that will not only punish the offenders and wrong doers but will also prevent crime. It will also be helpful in increasing the awareness of lawamong the citizens. Punjab government is trying its best to implement e- Governance at every police station which would help the citizens as well as the police personnel. It is very important to explore the problems faced by the policepersonnel in the state of Punjab and suggesting measures to tackle the problems.Hence the present work is significant.

The present study is limited to the state of Punjab (India). The last decade saw a rapid development of ICT in Punjab Police. Punjab is one of the states of India which has check on crime rate. The study will help in analyzing the awareness among the Police Personnel as well as citizens regarding e-Governance. It will also focus on analyzing the impact of e-Governance on the performance of PunjabPolice. The Punjab Government started various online applications which are notonly providing services to the citizens but are also helpful in improving the administrative system. The research will explore the visions of Punjab police on the basis of e-Governance.

To study the level of awareness regarding e-Governance among the police personnel and citizens we need (1) to examine the performance of Punjab Police with the help of e-Governance; (2) to examine the mobile based applications made by Punjab Police; (3) to suggest measures to improve the present situation of Punjab Police.

Mobile based Applications by Police Department

Mobile government (m-government)¹ is another important direction which is gaining momentum as a subject and a supplement to e-government. In order to provide services to the citizens, many mobile based applications have been developed by the Punjab Government. It includes PAIS, Know your Police, PP Saanjh and Shakti. The PAIS (Punjab Artificial Intelligence System) app allows Punjab Police to digitize criminal records and automate criminal search and various critical analysis at ground zero. With features like facial recognition, PAIS retrieves information of criminals from the records,

¹ M-governance is a sub-domain of e-governance. It ensures that electronic services are available to people via mobile technologies using devices such as mobile phones.

in real-time. It further supports police personnel via innovative features like gang analysis, phonetic search and more. The PAIS application is only for the police personnel and with the help of this application police personnel can see all the criminal records that is name, father's name, address, photo etc. on which FIR is registered. Many IT-savvy young police officers took and are taking keen interest in using IT for improving internal efficiency, management control and delivery of services ("Punjab Police nab 2 criminals using face recognition app", 2020) In view of the gang rape and murder of a vet in Telangana, the District police have launched "SHAKTI" app and a pick and drop scheme in a bid to prop up safety for women. The women can install Shakti app, which offers a provision to send messages and their location to 10 selected contacts and the police in case of an emergency. If women are not able to give a call, and all they have to do is shake the mobile to send the message through the app.

The Know Your Police app has information about the nearest police stations, officials posted in the region (from Station House Officer to Inspector General of Police) and Saanjh Kendras (Police Station Services) ("Apply to help: Punjab Police Know Your Police", 2018). The general public can also record theft and other complaints on this app and apart from this, information regarding vehicle untraced copy, verification, police clearance, NOC, status of the complaint, Tenant Verification, passport status, information of theft vehicle, information of missing people and details of unclaimed vehicle could be given on the mobile ("Saanjh App launched by police in city", 2018).

Major e-Governance Initiatives

State Governments have taken various innovative steps to promote e-Governance and have drawn up a roadmap for IT implementation and delivery of services to the citizens online. There are the major initiatives of e-governance:

Crime and Criminal Tracking Network and System (CCTNS) is a Mission Mode Project conceptualized and sponsored by the ministry of home affair (MHA) towards enhancing outcomes in crime investigation and criminal tracking and in enhancing the efficiency and effectiveness of police department in all states. The Purposes of CCTNS are the following: quick and easy generation of reports and records; significant reduction in manual records/register maintenance at Police Stations; elimination of duplicate and inconsistent record keeping; ability to easily access crime and criminal records for providing information to investigation and prosecution functions; centralized crime and criminal information repository along with criminal images and fingerprints with advanced search capabilities; enhanced ability to analyze crime patterns and/ or modus operandi. For effective implementation of CCTNS Project in

all the States/UTs, the Govt.of India is monitoring this Project on monthly basis through PRAGATI (Pro- Active Governance and Timely Implementation) mechanism.

Talash: This is used for punching and storing the data of missing persons /unidentified dead bodies.

Portrait building: This application is used to prepare sketches of suspected criminals.

Payroll/GPF: It is used to prepare the pay rolls / GPF statements of police personnel

Identity card system: This is used for preparing the identity cards of police officials / officers (Punjab Police, n.d.).

In order to adopt scientific and modern methodology of crime investigation, Punjab Police started recruiting police personnel in their technical wing. Even recently, Online Applications were invited from Technically qualified candidates for filling up 267 vacancies of Sub Inspectors in the Technical and Support Services Cadre of Punjab Police by way of direct recruitment. The recruitment to the rank of Sub Inspector in TSS cadre is being conducted across 18 Domains and Specializations/ Functions, the list of which is as given below: Cyber security, Data mining, Cyber crime, Network management, Data analytics, Website administration, IT support, Forensic analysis, Community Counseling, Programming/coding etc. (Punjab Police, 2021).

Analysis of Police Personnel (On the basis of Questionnaire Method)

According to the study, a sample of one Senior Superintendent of Police (SSP), six Deputy Superintendent of Police (DSP), seven Inspector (I), ten Sub-Inspector (SI), fifteen Assistant Sub Inspector (ASI), seven Head Constable (HC), and thirty four Constable(C) were selected for the survey. In total, 80 respondents took part in the survey. Below are some of the survey results.

Table 1.1

Level of Awareness regarding e-Governance in Policing

Responses	SSP	DSP	I	SI	ASI	HC	C	Total	Percentage
Fully Aware	1	6	6	8	11	3	25	60	75
Partially Aware			1	2	4	2	3	12	15
Little Aware						1	6	7	8,75
Not Aware						1	0	1	1,25
Total	1	6	7	10	15	7	34	80	100%

E-Governance in Policing: An Evaluative Study

When the respondents were asked about their level of awareness regarding e-Governance in policing, result shows that 75% of respondents were fully aware, 15% were partially aware, 8.75% were little aware and interestingly there was only 1 respondent who was not aware about e-Governance in policing.

Table 1.2

What is the source of Awareness regarding e-Governance in policing?

Responses	SSP	DSP	I	SI	ASI	HC	C	Total	Percentage
In Schedule work		2		3	8	4	18	35	43,75
In Official Training	1	2	5	7	3	1	8	27	33,75
From higher Officials		2	2		4	2	8	18	22,5
Total	1	6	7	10	15	7	34	80	100%
Total	1	6	7	10	15	7	34	80	100%

When the respondents were asked about the source of their awareness regarding e-Governance in Policing, 43.75% of the respondents has chosen that they got awareness regarding it in their regular schedule work, 33.75% respondents chose official training as their source of awareness, 22.5% respondents got awareness from the higher officials.

Table 1.3

Are you aware about the services given by e-Governance applications?

Responses	SSP	DSP	I	SI	ASI	HC	C	Total	Percentage
Yes	1	6	5	7	11	4	28	62	77,5
No			2	3	4	3	6	18	22,5
Total	1	6	7	10	15	7	34	80	100%

This table shows the awareness of Police Officials about the services given by e-Governance applications. It was found that 77.25% of the respondents were aware regarding the services given by e-Governance applications, about which 22.5% respondents were unaware.

Table 1.4

Are you registered with PAIS App?

Responses	SSP	DSP	I	SI	ASI	HC	C	Total	Percentage
Yes	1	5	6	9	12	3	27	63	78,75
No		1	1	1	3	4	7	17	21,25
Total	1	6	7	10	15	7	34	80	100%

When the respondents were asked if they are registered with the PAIS Application, it was found that 78.75% of the respondents are not registered with this application while the remaining 21.25% respondents are registered with the PAIS application.

Table 1.5

Are you aware about Crime and Criminal Tracking Network and System?

Responses	SSP	DSP	I	SI	ASI	HC	C	Total	Percentage
Yes	1	6	7	9	13	5	31	72	90
No				1	2	2	3	8	10
Total	1	6	7	10	15	7	34	80	100%

This table shows the awareness of respondents regarding CCTNS which aims to digitize the crime records. Interestingly 90% of respondents were found to be aware regarding the CCTNS while 10% of respondents were unaware about it.

Do you think, implementation of e-Governance improved police performance? Majority of Police Personnel (76.25%) thinks that implementation of e-Governance has improved police performance, while 20% respondents were found to be doubtful regarding the role of e-Governance in improving police performance. Only 3.75% respondents think that e-Governance has not improved police performance.

Do you think that e-Governance increases Transparency?

As Transparency is one of the objectives of e-Governance therefore the respondents were asked if e-Governance increases Transparency. 67% of respondents think that e-Governance is helpful in increasing transparency while 22% respondents are not sure if it does so. 10% respondents think that e-Governance does not increase transparency.

Analysis of Citizens (On the basis of Questionnaire Method)

80 citizens were interviewed. Age groups of respondents: there are 27.5 % of respondents which are below 20, 33.75 % of respondents are in age group of 20-30, 25 % of respondents are in 30-40 age group, 11.25 % of respondents are in age group of 40-50 and only 2.5% of respondents are in age group of 50-60. Gender of respondents: there were 60 % of respondents who were male, 40% of respondents were female and there were no transgender respondent. Qualification of respondents: maximum respondents (26.25 %) were graduate, 25% of the respondents were post graduate, 23.75% of the respondents were 10+2, 11.25% of the respondents were Research Scholars from various subjects, 8.75 % of the respondents were Doctorates. Only 5% respondents were Matriculate. The answers to the questions were distributed as follows.

Are you aware about the term e-Governance in Policing?

When the respondents were asked about their awareness regarding e-Governance in policing, it was found that majority (58%) of the respondents were fully aware about this term, whereas 33% respondents were partially aware and 9% respondents were not aware about it.

Are you aware about the Phone Based Applications made by Punjab Policesuch as Know Your Police, Shakti, PP Saanjh etc.?

This shows the awareness of respondents about the given mobile based applications launched by Punjab Government. Majority (65%) of the respondents were found to be fully Aware, 26% were partially aware and only 9% were not aware about the given applications.

Table 2.1

Do you know about the online Complaint registration system?

Responses	No. Of Respondents	Percentage
Yes	59	73,75
No	21	26,25
Total	80	100%

The table shows that majority (73.75%) of the respondents were aware about the online complaint registration system where as 26.25% of the respondents were not aware about it.

Table 2.1.1

Have you ever registered a Complaint Online?

Responses	No. Of Respondents	Percentage
Yes	31	52,54
No	28	47,46
Total	59	100%

This table shows that, out of those (59 respondents) which were aware about the online complaint registration system only 52.5% respondents have ever registered a complaint online and 47.5% respondents have never registered a complaint online.

Table 2.2

Do you think Online system is better than Paper based system?

Responses	No. Of Respondents	Percentage
Yes	40	50
No	8	10
May be	32	40
Total	80	100%

When the respondents were asked if the Online system is better than Paper based system, it was found that 40% of the respondents were not sure about the system, 50% respondents said that online system is better than paper based system. Only 10% respondents think that Paper based system is better than Online system.

Table 2.3

Do you think that implementation of e-Governance has made police more people friendly?

Responses	No. Of Respondents	Percentage
Yes	48	60
No	12	15
May be	20	25
Total	80	100%

This table shows that 60% respondents think that implementation of e-Governance have made police more people friendly, whereas 25% respondents were not sure if the implementation of e-Governance have made police more people friendly. Only 15% of the respondents said that its implementation have not made police more people friendly.

Major Findings of the study

In order to get maximum utilization of e-Governance, its awareness is of utmost importance. In this context, the study revealed that majority (75%) of police personnel and citizens (58%) were fully aware about the term e-Governance in policing whereas (1.25%) of police personnel and (9%) of citizens were unaware about the term e-Governance in policing.

Without the awareness regarding the mobile based applications, administration's success in providing services to the citizens at their doorstep is not possible. The result indicates that (77.5%) of the police personnel and (65%) of citizens were aware about both the mobile based applications which are launched by the Punjab Government for providing services to the citizens. 9% of citizens were unaware about the given applications.

The study shows that 78.75% of police personnel were registered with the PAIS application (Punjab Artificial Intelligence System). PAIS app is very effective for the police personnel as it allows saving the records of criminals online which helps in detecting the criminals through various features. There have been many occasions when police arrested the criminals with the help of PAIS App. But still 21.25% of the police personnel are not registered with this app. The study examined the implementation of e-Governance and its role in increasing police performance. It was found that majority (76.25%) of police personnel think that implementation of e-Governance in policing increased its performance. Also the majority (90%) of police personnel were aware about the Crime and Criminal Tracking Network & System (CCTNS) which is made to meet the objective of increasing police performance with the help of e-Governance. E-Governance in Policing has also provided a service to lodge a complaint online. In this regard, Majority (73.75%) of citizens were found to be aware about the online complaint registration system and out of that (52.5%) of them had ever registered a complaint online. The study revealed about the perception of the citizens regarding the efficiency of online system as compared to paper based system. It was found that (50%) citizens think that online system is better than paper based system where as (40%) citizens were not sure about their efficiency.

As e-Governance in policing also aimed at improving the behaviour of police with the citizens due to increase in communication and easy reach. The study revealed about the opinion of the citizens regarding improvement in behaviour of police personnel towards the citizens after the implementation of e-Governance. It was found that (60%) citizens are of the opinion that e-governance in policing has made the police people friendly whereas (15%) citizens think that there is no difference in the behaviour of police personnel of Punjab.

Suggestions

The present study shows that although the Punjab Police is working on e-Governance for speedy detection and prevention of crime for improving its performance in the state of Punjab but there are certain loopholes and constraints in the police department which need urgent reforms. On the basis of findings of the study, the researchers have given following suggestions that should be considered to improve the working of Punjab Police and making e-Governance successful. The work should be done either through e-Governance or manually, but these days the police department are duplicating it by doing work manually and also through e-Governance which puts ethical burden on the employees. It is also a time consuming activity which if saved may be utilized in other works. As discussed earlier about the benefits PAIS application, Police Administration should focus on increasing its registration among the police personnel for optimum utilization of this application in Crime detection, prevention and arresting the criminals. There should be an online and mobile application based Grievance redressal mechanism for the citizens on the basis of Police Complaint Authority (PCA). Police should be more vigilant and should have quick response system. Although Police is already doing efforts to make people more aware about e-Governance through mass media or social media. But still more efforts with multiple methods should be done so that each and every information about the e-governance services can reach the masses. Although many services are provided through mobile based application such as PP Saanjh but there is an absence of a proper feedback mechanism about the services. Online feedback system should be there which is important for improving the functioning by removing the loopholes. In the 21st Century, there is a huge importance of data, and when it comes to the data related to policing there is no place of risk as the data cannot be compromised. Therefore, Accurate and efficient software should be there in order to keep the data safe and secure out of the reach of cyber criminals or hackers.

Even though with the introduction of e-governance in policing, improvement in the behavior of police towards the citizens has been witnessed but still

there is a need to make police more people friendly by teaching the values of ethics, patience and compassion. There should be a time limit for every service which is to be provided by the police department. There is a need of proper training for the police personnel regarding the usage of e-Governance and its applications. In order to take a step towards sustainable future, focus should be given on the reduction in usage of papers by giving emphasis to using e-mails which are must.

Conclusion

With the advancement of the technology, e-governance has also expanded its scope in the form of m-governance, which is rapidly becoming a priority for the citizens to receive services. Mobile technology has provided a strong platform for inclusive growth in the society as a whole and has been a powerful media for a more connected society. At present social media is being used as a medium for citizens to engage with the government in democratic processes, social reforms and financial inclusion. Developing Countries have many opportunities to improve themselves with the help of e-Governance. There is no doubt that e-governance has influenced almost each and every field. Similarly, its contribution in the field of Policing is immense and undeniable. It has improved the service delivery system and even the nature of policing in particular. In the age of Information & Technology, without the culmination of e-Governance with other facets of administrative importance, survival and good governance is impossible. Even in the last decade, a lot of improvement in the form of reforms has been witnessed in order to initiate the process of moving towards e-policing. But still there is an urgent need to focus on critical issues associated with the functioning of e-policing which would be for the betterment of Policing, governance practices and particularly, our society. If government is implemented in a proper manner, it has the potential to offer immense benefits to the citizens with the help of government-citizen interfaces and bringing transparency to government functioning.

References

Kendras S. 'Apply' to help: Punjab Police's Know Your Police app to have info of officers, 2018. URL: <https://www.hindustantimes.com/punjab/apply-to-help-punjab-police-s-know-your-police-app-to-have-info-of-officers-saanjh-kendras/storyZ3GoZt7BypIwPXI5nb9p6O.html> (accessed: 18.08.2021).

Khanna Sri. R. Digital Drive, E-Governance and Internet Services in India: Quality Dimensions // New Delhi: New Century Publications. 2018.

Punjab Police// e-governance in Punjab Police. URL: <https://punjabpolice.gov.in/eGovernance.aspx> (accessed: 18.07.2021)

Раздел 1. Политическое и цифровая политика

Punjab Police nab 2 criminals using face recognition app. (2020) URL: <https://www.hindustantimes.com/chandigarh/patiala-police-nab-2-criminals-using-face-recognition-app/story-ZiGYD3Bh0GzUbSP5s5S2JJ.html> (accessed: 18.08.2021).

Punjab Police. Recruitment of Sub-Inspectors in Technical and Support Services Cadre. Now. 2021, 09 September. URL: https://www.punjabpolice.gov.in/TSS-CADRE_FAQs/Upload_File/Adv_Sub_Inspector_TS_Eng.pdf (accessed: 12.08.2021).

Saanjh App launched by police in city, 2018. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/archive/jalandhar/saanjh-app-launched-by-police-in-city-574101> (accessed: 18.08.2021).

Sangrola H., Palaria R. E-Governance in India // International Journal on Emerging Technologies. 2017. Vol. 8(1). P. 318–321.

Sharma P. E-Governance // New Delhi: APH Publishing Corporation, 2015.

Shastri R.K., Sinha A., Rai S.K. Enhancement of Police through e-governance in India // International NGO Journal. 2008. Vol. 4(5). P. 277–280.

Singh V., Sehgal S. Social Media in Punjab's Socio-Political Paradigm // Decoding New Media: Multifaceted Developments in the Era of Covid-19. Chandigarh: Saptrishi Publications. 2021. P. 29–44.

Раздел 2

**Трансформация
политического в условиях
цифровизации**

Квазиполитические системы в пространстве современного государства: социальные и политические последствия

Переплетение разнообразных, в том числе и латентных, политических потоков создает противоречивые конфигурации связей и взаимодействий конкурирующих за прерогативы власти акторов. Вычленение смыслов и сущностей образующихся конфигураций акторов с трудом поддается причинно-следственным оценкам и интерпретациям на основе структурно-функциональных построений. Даже не все теории среднего уровня — в частности, правящего режима — могут объяснить сущностные параметры этих взаимодействий.

Видимо, основная причина состоит в том, что практическая целесообразность действий различных, даже официальных представителей государственной власти отнюдь не редуцируется к их рациональным соображениям и замыслам и тем самым превалирует над нормативными требованиями. Учитывая силу информационных инструментов, создающих публичные упаковки политических процессов и трансформирующих формы продвижения интересов различных игроков, в еще большей степени сохраняется неясность относительно того, заложены ли в них официальные требования или же неформальные договоренности? При этом «платформенная» сущность государства создает еще больше возможностей для возникновения нестандартных конструкций и манипулятивных отношений.

На фоне этих типичных неопределенностей очевидным становится лишь то, что институциональные пустоты и поведенческие формы постоянно заполняют технологии попечительской власти, протекционизм, неформальные коммуникации, которые трансформируют очертания нормативно заданных политических процессов, особенно связанных с распределением и перераспределением ресурсов. Собственно, на фоне использования этих политических инструментов ни одна ветвь государственной власти не способна полностью продемонстрировать силу всех ценностей, отражающих общегражданские свойства государства.

Коротко говоря, практика все больше подтверждает правоту П. Инкельса, рассматривающего государство как «полую оболочку»

власти. В рамках которой т.н. «толстая институализация» (отражающая системные свойства политической организации власти, порядка) не способна адекватно отразить содержание отношений, наполняющих политическое пространство.

В этом смысле следует не столько ориентироваться на мощь базовых категорий, сколько «выстраивать направление исследований» (Ж.П. Далоз), сочетающих разные познавательные принципы и критерии, позволяющие получать достоверные результаты.

Представляется, что концептуальным основанием такого эпистемологического выбора является категория «политического пространства», обладающего, как минимум, двумя гносеологическими преимуществами. *Во-первых*, она позволяет одновременно отражать влияние едва ли не исчерпывающего набора факторов (включая физико-географические, раскрывающие особенности пространственной протяженности местосвершений политических явлений); учитывать социальные диспозиции акторов по отношению к центрам влияния и власти; а также принимать во внимание социокультурную оснащенность действующих в политике игроков и свойства виртуального формата самоосуществления политики.

Во-вторых, пространственные конфигурации политических взаимодействий акцентируют фактическую роль доминирующих и подчиненных, легальных и иллегальных акторов и структур, порождающих специфические формы политического порядка на различных аренах государства. В этом смысле пространство представляет из себя не столько политическую конфигурацию (обладающую относительно оформленными отношениями партнеров и соперников), сколько фигурацию (Илиас) этих постоянно перестраивающихся коммуникаций.

Появление и широкое распространение цифровых технологий, с одной стороны, не меняет самого принципа диверсификации внутри государственных арен и площадок (сосуществующих наряду с официальными Центрами власти), а с другой, не только повышает инструментальную оснащенность действующих там акторов, но и способствует образованию новых, виртуальных подпространств (включая и образование *phigital*-пространства, предполагающего новый уровень интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь человека и гражданина).

Коротко говоря, динамика социального пространства и поля, которые «находятся в постоянном движении», обуславливают изменение «качества и характера взаимосвязей», в результате чего там «возникают новые и исчезают старые «центры» (Горюнов, 2011, с. 10). Эта внутрен-

няя диверсификационная логика саморазвития социальности, спроецированная на государство, показывает, что и здесь складывается не столько однозначный приоритет высших Центров власти, сколько подвижная конфигурация арен и площадок с действующими на них официальными и локальными игроками, обладающими различными возможностями в использовании влияния и власти при продвижении своих интересов.

Такая — отражаемая пространственным подходом — подвижность и гипотетическая неопределенность политических конструкций и связей наглядно показывает отсутствие объективных оснований для определения критериев общественного блага, задаваемых доминирующими игроками и структурами. Более того, учитывая информационно-символические ресурсы, используемые для продвижения интересов политических игроков (и, в первую очередь тех, кто способен контролировать массовые инфопотоки), можно говорить как о разнородности образов общественных благ и ценностей, так и наличии существенных оснований для их искусственной фабрикации.

Последнее соображение показывает, что использование современных средств виртуальной коммуникации не способно снять противоречия социальной диверсификации центров влияния и доминирования в пространстве политики. Скорее наоборот, онлайн-арены политического пространства качественно умножают как количество участвующих в этих информационно-символических коммуникациях, так и перечень центров влияния и власти. Причем, как показывает практика, именно в виртуальном сегменте социального пространства коренятся источники еще большей диверсификации центров влияния и их соперничества за общественные цели и ценности. И именно здесь обретают свои истоки новые и разнообразные иллегальные и неконвенциональные проекты, в том числе и направленные на искоренение гуманистических оснований человеческой жизни (например, способствующие распространению суицидальных настроений, террористических идей и т.д.).

Властно значимые очертания политических процессов в пространственном измерении демонстрируют постоянное формирование и воспроизводство различных локальных кластеров, образующихся самостоятельно, без оглядки на Центр и обладающих собственными центрами влияния и периферией (полупериферией), испытывающих их доминирование. Эти полуавтономные образования обладают не только разной степенью влияния, сопротивления иным аналогично-

го рода кластерам, но и определенной независимостью по отношению к высшим Центрам официальной власти. В ряде случаев это провоцирует как многоликие формы соперничества региональных и центральных органов власти, так и риски возвышения криминальных структур и даже сепаратистских сколов и отколов государственной территории.

В этом смысле политическое пространство выступает в виде некоей контономинации различных арен с их разрозненными политическими акторами и структурами, формами доминирования и влияния, иницируемых локальными игроками. Строго говоря, в каждый данный момент в любом государстве существует некая конкретно-историческая комбинация таких отношений, исключающая постоянное доминирование отдельных — даже официальных — игроков. Так что, даже доминирование официальных, в том числе высших, Центров власти представляет собой итог преодоления активности и влияния этих локальных (региональных, местных) оппонентов. В этом отношении и характер политического консенсуса, и наличие общегражданской солидарности, и уровень доверия населения к институтам государственной власти — все это частные случаи такого многогранного соперничества. Учитывая же, что структуры локальной власти, доминирующие в тот или иной момент на определенной части политического пространства, могут функционировать в латентной форме (например, в виде нелегальной власти наркобаронов, транснациональных торговцев оружием, людьми и т.д.), то общество может и не знать подлинных «хозяев» на своей территории и даже в собственном государстве.

Впрочем, как показывает практика, наиболее видные латентные игроки — сетевые коалиции правящего меньшинства — чем дальше, тем больше увеличивают свою роль и влияние на всем пространстве современного государства. Причем есть все основания полагать, что такое усиление позиций связано с особенностями республиканского типа правления, с одной стороны, демонстрирующего ограниченность всех форм представительства гражданских интересов (обуславливающих систематическую недопредставленность интересов населения), а с другой, создающего для элитарных групп дополнительные возможности для усиления своего влияния (в виде нарастающего увеличения полномочий исполнительных органов власти, расширения политико-административного и информационного контроля за обществом и т.д.).

По сути, именно логика развития республиканского правления показывает, что «дезагрегированные политические институты», фор-

мирующиеся под влиянием «самоорганизующихся инициатив» и «суб-политик» «сетевых сообществ со специфическими интересами» (Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2016, с. 89), постоянно провоцируют возникновение «параллельных подсистем» власти (Baumgartner, Jones, Mortensen 2017, p. 70), которые заполняют и используют разнообразные институциональные пустоты (с отсутствующим там доминированием правовых инструментов и методов гражданского контроля) в зонах ответственности правящего режима. В свою очередь, такое положение неизбежно увеличивает дополнительные возможности этих правящих сообществ в удовлетворении своих интересов. Так или иначе, но эти «параллельные» системы власти — в Центре или на местах, даже не имея соответствующих правовых форм закрепления, сохраняют свое фактическое доминирование и неформальное господство. Впрочем, при систематическом давлении на публичные государственные институты такие латентные структуры подстраивают под свое фактическое господство нормы действующего законодательства. Те же сообщества, которые формируются на высших уровнях власти, пытаются соединить принципы своего доминирования с международными нормами (хотя в ряде случаев им приходится отказываться от его приоритетов), а также демократическими принципами Конституции и общими источниками права.

В целом, к основным причинам возникновения локальных кластеров сетевого толка можно отнести следующие:

- кумулятивный эффект власти, демонстрирующий неизбывное и не ограниченное никакими правовыми, морально-этическими, а подчас и силовыми средствами стремление ее официальных и неофициальных носителей (операторов) к усилению и расширению своего контроля над социальным пространством (теми его аренами, где фактически удается установить свое доминирование, преодолевая влияние оппонентов);
- наличие микрополитических рынков, обладающих собственным форматом спроса и предложения на попечительское, надинституциональное сопровождение и поддержку тех или иных проектов. Такие формы политических взаимодействий, как правило, порождают и поддерживают активность неформальных акторов, в результате чего эти рынки превращаются в соперничество различных кланов, клиентел, парантел или «кластеров клиентских списков», формирующихся по типу кокусов (Ledeneva, 2013), активно противодействующих всем формам легального политико-административного контроллинга;

- зость — с точки зрения крупных собственников и контролеров общественных благ — официальных каналов и возможностей для выражения их интересов и потребностей, что стимулирует часть правящего класса к использованию неформальных каналов своего влияния на центры принятия решений;
- новые возможности применения виртуальных инструментов и технологий цифровизации с целью создания дополнительных преимуществ для позиционирования неформальных политических конструкций в дискурсивном и институциональном пространстве власти.

Как вытекает из сказанного, государство как форма территориальной организации общества релевантно не нормативному порядку отношений с обществом высших, легальных Центров, а разрозненной конкуренции своих институтов с прото- и квазиполитическими локальными структурами и подсистемами, включенными в многообразные отношения власти и населения с помощью инструментов офлайн- и онлайн-политики. Причем государство не просто пронизано многочисленными конфликтными отношениями — формальных и неформальных, легальных и иллегальных — структур и центров, но и содержит микросистемные образования, формирующие внутренние размежевания и противоречия даже внутри своих высших институтов.

Такие «встроенные автономии» показывают наличие внутри институтов площадок власти, которые могут обладать кратковременным или долгосрочным, существенным или незначительным влиянием на их нормативно заданный функционал. Однако в любом случае эти властные конструкции меняют отношение публичных институтов со своими партнерами и конкурентами, а в конечном счете и их реальный политический вес, роль и влияние в общей архитектуре государственной власти и управления.

В том случае, если образование и функционирование внутренних кластеров локальной власти связано с активностью крупных политических игроков и с их постоянной потребностью в использовании институтов для продвижения своих интересов, то их неформальное влияние обретает системный характер, оказывая на государство и общество постоянное, а временами и существенное влияние. Учитывая же, что эти квазиполитические образования способны достраивать свои структуры необходимыми компонентами, их диспозиции в пространстве власти укореняются в еще большей степени.

Думается, не требуется доказательств, что наиболее привлекательными зонами образования и функционирования таких квазисистем являются процессы, опоясывающие пространство принятия ключевых государственных решений, непосредственно связанных с распределением и перераспределением крупных общественных благ и ресурсов. Нацеленность на упрочение своих позиций в этой зоне ведет к устойчивым и даже агрессивным попыткам неформальных коалиций правящего класса, направленных на колонизацию соответствующих государственных институтов и установлению там новых зависимостей со статусными фигурами.

В логическом плане такая активность ведет к доминированию сетевых коалиций в рамках институционального дизайна, а впоследствии к выведению центров принятия решений за границы последнего, в результате чего вновь образованные «узлы решений» образуют «второе ядро» государственного управления и предпосылки создания «параллельного государства». В то же время в реальном, повседневном формате активность неформальных ассоциаций, одаривающих чиновников и политиков (что Смит определял как «организационный цемент», скрепляющий такого рода сообщества), неизбежно травмирует функционал публичных институтов (способствуя тем самым образованию субститутов, гибридных, дезагригированных структур), которые в ряде случаев полностью изменяют свое отношение к нормативно заданным целям.

Наиболее значительным следствием такого рода процессов является внутреннее размежевание правящего меньшинства на корпус управленцев, решающий задачи повседневного управления и поддерживающих коммуникации с обществом, а также на группу лиц, осуществляющих реальное распределение крупных ресурсов вне применения публичных инструментов и без сохранения какой-либо ответственности перед обществом.

Такой раскол правящего класса одновременно разрывает обратные связи официальных центров власти и населения, а также демонстрирует дисфункциональность представительских механизмов. С одной стороны, это положение укореняет недопредставленность интересов населения, слабость инструментов состязательной политики, политической конкуренции, а также способствует снижению ответственности власти перед обществом. С другой стороны, центры принятия ключевых государственных решений становятся независимыми от выбора населением своих представителей, которые, по понятным причинам, относятся к категории, условно говоря, неуправляющей части истеблишмента. Этот сегмент правящего класса и становится кадровым ре-

зервуаром для пополнения «личного состава» как доминирующей политической квазисистемы, так и более частных латентных образований подобного рода.

Стоит, однако, заметить, что для государства и общества важным оказывается не только трансформация институционального дизайна под влиянием политического ландшафта, созданного микрополитическими квазисистемами. Не менее, а, пожалуй, и более существенным следствием их существования оказывается влияние, которое они оказывают на социальные арены общества, массовое сознание и гражданскую культуру населения. Другими словами, на те параметры социума, которые формируют основания взаимоотношений государства и общества в целом. В этом отношении они обладают иными возможностями и инструментами влияния.

В целом, с учетом распространяющихся в ряде государств институциональной коррупции, а равно и непрозрачных форм функционирования органов власти, к основным последствиям активности квазиполитических систем, прежде всего, можно отнести качественную асимметрию распределения общественных ресурсов, суммарно отражающую фактически проводимую экономическую политику, характер государственного администрирования и действия властей в информационно-символической сфере. По сути, эти видимые проявления экономической активности государства демонстрируют реальные позиции тех игроков, которые определяют договорные цели государственной политики, основные привилегированные группы, характер распределения общественного бенефита.

Именно по этим причинам эпицентром влияния политических квазисистем становится механизм принятия ключевых государственных решений, последовательно снижающий роль гражданских структур в формировании государственной политики. Одновременно под его тонким, «квантовым» (А. Коньков) влиянием в обществе возникают пограничные, фронтальные зоны взаимодействия власти с обществом. По сути, это те «серые» подпространства, на которых политические квазисистемы пытаются встроиться в различные социальные конструкции, стремясь изменить не только характер, но и природу этих общественных взаимоотношений.

Общим показателем такой сетевой инклюзии является образование тех устойчивых форм деловых, профессиональных и бытовых коммуникаций, которые формируются на нормах и принципах, отрицающих позиционирование элитарных и неэлитарных слоев как взаимно ответственных участников общегражданского диалога. Проще говоря,

влияние политических квазисистем проявляется во всех формах взаимодействия статусных и нестатусных групп и фигур, использующих возможности государства в частных и микрогрупповых интересах, игнорируя при этом потребность общества в поддержании общеполитического консенсуса, сохранении ответственности правящих кругов перед населением, солидарности и доверия граждан к институтам власти. Такие практики могут демонстрировать как частичные отклонения от требований государства, действующего в качестве гражданского антрепренера, так и структурные трансформации в его политическом теле. Устойчивыми проявлениями такого влияния политических квазисистем также могут рассматриваться постоянные эффекты блокировки гражданской активности публичными институтами, многоликие формы институциональной коррупции (паразитирующие на механизмах конвертации собственности во власть и обратно), канализация «грязных» финансовых потоков официальными органами власти, чрезмерная политизация судебной системы и т.д.

Другими словами, политические квазисистемы, препятствуя развитию делиберативных механизмов, стремятся перестроить отношения государства с обществом на принципах неформальных связей, утвердить компромиссные отношения с гражданским населением на временных договоренностях и приоритетах латентных группировок.

Понятно, что в таком случае конституционно-правовые механизмы не способны поддерживать политическую состязательность и конкурентность общественных отношений, которые превращаются в условность, не имеющую никакого отношения к легальной системе управления государством. В этом контексте любые формы выдвижения и продвижения интересов тех или иных групп населения попадают в зависимость от договоренностей крупных игроков, силы их внутреннего влияния и контроля над институтами власти, блокирующих возможности применения официальных норм и инструментов. Несколько перефразируя мысль Оуэна, можно констатировать, что сетевые игроки, формирующие квазиполитические системы, стремятся к «всеобъемлющей кооптации дискурсов, противостоящих» их доминантному влиянию, и потому предпринимают все действия, чтобы «канализировать ...желание [граждан] вступать во взаимодействие с властями» только в «одобряемой и регулируемой» ими форме (Owen 2017, p. 389).

Иначе говоря, под влиянием этих квазисистемных образований политика лишается своих общественных и нормативных оснований, перетекая в формы микрогрупповых договоренностей в правящем классе и превращая государственную власть в выжженное для населения социальное пространство. В этом смысле символом бесправного

гражданства, надеющегося на силу закона и публичных институтов, становится функционально бесполезный плюрализм, внутренне опустошенная легальность власти, «демократия без демоса».

В технологическом отношении вытеснение легальной нормативистики и коллективного актора за рамки разработки государственных решений означает выхолащивание общественных смыслов из правительственных планов, снижение роли запросов населения и игнорирование общественной повестки. В этом смысле типичными проявлениями влияния политических квазисистем становятся повышение закрытости институтов власти от гражданского контроля; усиление административного контроля за электоральными процессами и фальсификация итогов выборов; масштабная ротация и кооптация руководящих кадров в интересах латентных (в том числе и криминальных) сообществ; расширение судебной и силовой защиты представителей доминирующих сетевых коалиций, а также точечные репрессии против гражданских активистов и их лидеров.

Как показывает опыт ряда государств, расширению влияния этих квазисистем на административно-управленческие процессы способствует укрепление режима секретности государственных институтов (влекущее повышение закрытости деловых коммуникаций с их бизнес-партнерами) и аналогичные практики государственного регулирования (например, проведение закрытых тендеров по крупным государственным закупкам); усиление ответственности за разглашение информации о собственности чиновников; изменение статусов НКО, затрудняющих их легальную деятельность и ставящих ее в зависимость от неформальных договоренностей с чиновниками и т.д.

В контексте таких и подобных действий даже использование инструментов цифровизации повышает возможности публично непроявленного влияния сетевых коалиций на различные стороны управленческой подсистемы государства. В силу контроля политических квазисистем за техническими структурами публичных институтов все способы цифровой инклюзии в систему управления (использование блокчейн, искусственного интеллекта, робототехники и иных аналогичных инструментов) в настоящее время создает преимущества исключительно доминирующим политическим игрокам. Новые цифровые возможности позволяют латентным игрокам вмешиваться в проведение выборов, использовать в своих целях результаты контроля за персональными данными и передвижением граждан, выводить «из игры» определенные массмедиа и т.д. В ряде стран власти не просто ограничивают доступ населения к сетям, но и пытаются превратить техники виртуальной коммуникации (пост/перепост, лайк/дизлайк)

в основание для преследования граждан. Например, в современной Белоруссии даже ознакомление с информацией в Telegram-каналах планируют превратить в уголовное преступление.

Особая роль в насаждении принципов неформальных коммуникаций отводится информационно-символической активности, стремлению политических инвесторов повлиять на содержание агитационно-пропагандистской деятельности, особенно в плане усиления ее агрессивности и дискредитации конкурентов и несогласных. Весьма показательным явлением в этом смысле становится активное использование рядом российских политиков риторики, утверждающей «смерть» либерализма, констатирующей якобы исчерпание политическое силы этого идеологического течения, выстроенного на приоритетах индивидуальной свободы и прав человека. Такие выпады зримо показывают, по сути, главного соперника теневых конструкций власти — самодостаточного индивида, способного самостоятельно проектировать цели своей жизнедеятельности и готового к выполнению любых, в том числе и политических, функций. Того индивида, который наряду со своими интересами руководствуется ответственностью перед обществом и проявляет крайнюю нетерпимость к иллегальным и силовым средствам регулирования общественных конфликтов.

Не случайно поэтому можно наблюдать настойчивую активность отечественных властей по усилению информационно-цифрового контроллинга, создание специального интернет-контента для молодежи (стремящегося усилить ее лояльность), направленного на сокращение не санкционированных властью индивидуальных инициатив, контроль за непрогнозируемой общественной рефлексией и чувствами сопричастности граждан к государству и его институтам. На фоне информационно-символического доминирования властей (даже продвинутые) гражданские пользователи не обладают должной конкурентоспособностью и не могут продвинуть свою информационную повестку, вытесняемую на политическую периферию.

Особые — двойкие — следствия влияния политических квазисистем испытывает социальная сфера. С одной стороны, к ним следует отнести результаты асимметричного распределения ресурсов, поддерживающих — даже в странах, имеющих для этого необходимые ресурсы, — определенный уровень бедного, нуждающегося населения.

Например, в России, обладающей возможностью извлечения существенной прибыли из сырьевых отраслей экономики, приоритетами остаются укрепление оборонного сектора или формирование «подушки» финансовой безопасности (превысившей десяток трилли-

онов рублей). Одновременно государственные корпорации получают широчайшие возможности для вывода финансовых активов за рубеж, не предполагая при этом вкладывания активов в развитие отечественной экономики. Не случайно В. Кудрин в одном из своих выступлений подчеркивал, что, хотя ключевые мероприятия, способные решить проблему бедности, «стоят» государству всего несколько сотен миллиардов, однако, власти имеют иные планы на использование своих финансовых активов (Кудрин, 2021). Более того, ряд государственных программ (например, направленных на «оптимизацию» отечественного здравоохранения в виде сокращения количества лечебных заведений и медицинского персонала) только усугубляет положение малоимущего населения. А в известной степени, даже влияет на увеличение чрезмерной смертности в пандемической ситуации.

Усиление возможностей осуществления такой социальной стратегии связано с господством технологий, относящихся к т.н. «политике доказательств» (*policy of evidence*), главным приоритетом которой является имплементация принимаемых ключевыми игроками решений и которая игнорирует общественное мнение (и что прямо противоположно активно применяющейся на Западе «доказательной политики» (*evidence-based policy*) признающей общественный интеллект и его роль в развитии государства). В итоге вместо модели «легитимации, ориентированной на результат» (утверждающей совместность участия граждан и власти в разработке целей государственной политики) в стране складывается прямо противоположная тенденция, когда продавленные властью решения (например, пенсионной реформы) трактуются как форма поддержки населением.

Показательно при этом, что ряд аналитиков, масштабно рассматривая социально-экономическую ситуацию в стране, полагает, что суммарные итоги диспаритетной политики властей означают не столько консервацию бедности и нищеты значительной части населения, сколько формирование «нового российского дворянства» (к которому В. Иноземцев относит «порядка 200–250 тыс. чиновников и силовиков среднего и высокого рангов и около 120 тыс. служителей культа») (Иноземцев, 2021), свидетельствующего о тенденции образования словесного общества.

Влияние политических квазисистем способствует утверждению в массовом сознании особого типа ментальности, утверждающего предпочтения в обретении людьми материальных активов и социальных преимуществ. По сути, это принципы фактической зависимости ресурсной оснащенности человека от вышестоящих фигур и струк-

тур, обладающих правом произвольного распределения активов, выработки приоритетов, поощрения или наказания подчиненных. Насаждаемая этика вотчины и незыблемого доминирования (региональных, отраслевых, территориальных и проч.) латентных «феодалов» (с их технологиями служебного протекционизма, выборочной ротации кадров и проч.) вынуждает бесправных «холопов» вступать с верхами в неформальные коммуникации, руководствоваться нормами дарообмена, отказываться даже от попыток оспаривания мнений руководящих персон.

Одним словом, базовым механизмом обретения ресурсов, включения в социальные лифты, а подчас и сохранения жизненного пространства человека становится покровительство, кумовство и попечительство вышестоящих, в том числе и латентных «хозяев» жизни. «Свои» (блатные, прикормленные, приближенные) превращаются в те «динамические сообщества», которым не только предоставляются дополнительные преимущества, но и за которыми в сфере морали пытаются закрепить качества лидеров общественного мнения. При этом нормы и приоритеты неформальных коммуникаций навязываются людям даже там, где общественные ресурсы и блага абсолютно доступны (например, при реализации целей «малой модернизации» в виде строительства общедоступных дорог, благоустройства территорий и т.д.).

Такое растрепывание граждан в виде морального оправдания принципов неформального, неправового распределения ресурсов и статусов лишает государство (его законы и институты) этических и ценностных оснований солидаризации с обществом. Более того, продуцирование ситуации кризиса «встроенного» в политическую систему России либерализма (со всеми его демократическими и индивидуальными интенциями) провоцирует утверждение мировоззренческой максимы, подрывающей и разрушающей гуманистическую традицию новейшей политической истории: быть свободным можно, только доминируя над другими.

Короче говоря, комплексное, идущее изнутри государства и затрагивающее все основные сферы жизнедеятельности граждан давление политических квазисистем пытается перестроить рамку отношений — олицетворяющих и представляющих легальную власть — публичных институтов с обществом. Если иметь в виду параметры так называемого «недостойного правления», а по сути, характеристики организации публичной власти, разрушающие модель соучастия государства и общества (отсутствие верховенства права или извращение его принципов; высокий уровень коррупции; низкое качество государственного

регулирования; неэффективность правительства; отсутствие выборности и подотчетности властей; политическая нестабильность и насилие (Гельман, 2016), а мы бы еще добавили и разложение гражданского духа общества), то можно более структурно представить себе направление деятельности политических квазисистем по разрушению демократических порядков.

Задаваемые этими латентными структурами данные траектории активности, по сути, превращают граждан в оформителей политической воли сообществ, преследующих исключительно собственные интересы и нуждающихся в легальных институтах только для снижения издержек осуществления этой стратегии. Однако еще большую угрозу такая стратегия представляет для национальных государств по мере втягивания отечественных сетевых коалиций в глобальные, международные сети, полностью лишённые понимания ценности национальных интересов и прав гражданского населения (Кочетков, 2020).

Сможет ли национальное государство противостоять такому влиянию и насколько квазиполитические системы способны деформировать базовые отношения государства и общества? Время покажет.

Список литературы

Гельман В.Я. Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии: наброски к исследовательской повестке дня. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2016. — 34 с.

Горюнов А.В. Современная модель социальных изменений. Опыт экспликации // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 3–12. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-2/Goryunov.pdf>.

Иноземцев В. План «крепостные» // Новая газета. 2021. 7 июля. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/plan-krepostnye>.

Морозова Е., Мирошниченко И., Рябченко Н. Фронтис сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 83–97.

Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект Пресс, 2020. — 207 с.

Кудрин В. «Несколько сот миллиардов могли бы снизить бедность вдвое». URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/08/2021/61070b8d9a79473e03d8f54a>.

Baumgartner F.R., Jones B.D., Mortensen P.B. Punctuated Equilibrium Theory: Explaining Stability and Change in Public Policymaking // Theories of the Policy Process / Ed. by C.M. Weible and P.A. Sabatier. N.Y.; L.: Routledge, 2017. — 402 p.

Ledeneva A.V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge University Press. 2013 — 314 p.

Owen C. The Struggle for Meaning of Obshchestvennyi control in Contemporary Russia: Civic Participation between Resistance and Compliance after the 2011–2012 Election // Europe of the Policy Process. 2017. Т. 69. No. 3. P. 379–400.

В.А. Ачкасов

СПбГУ, Санкт-Петербург

Зачем русским статус «государствообразующего народа»?

Постановка проблемы

Борьба за особый привилегированный «государствообразующий» статус русского народа имеет в современной России уже достаточно длительную историю. Еще в конце 1990-х гг. в Думе был подготовлен проект закона «О русском народе». При его обсуждении выдвигались два основных тезиса: *во-первых*, признание русских «единственным государствообразующим народом», *во-вторых*, «признание России мононациональной, а не многонациональной страной, при этом речь шла об этнической и политической трактовке понятия “нация” (Паин, 2004, с. 665). Это требование можно было найти и в программных документах многих русских националистических организаций¹.

Неоднократно звучало требование законодательного закрепления особого статуса русского народа и на конгрессах «Всемирного русского народного собора». Так, в «Декларации русской идентичности», принятой по итогам XVIII Всемирного русского народного собора 11 ноября 2014 г., звучал призыв «созидать российскую общегражданскую общность с учетом центральной, объединяющей роли русского народа» и законодательно закрепить статус русского народа как государствообразующего и т.д. (Декларация русской идентичности..., 2014). При этом «русское» в тексте «Декларации» полностью подменяет «российское» и предлагается в качестве основы интеграционной политики государства.

В свою очередь, в Татарстане некоторые политики и интеллектуалы выступали с идеей признания государствообразующего статуса в России не только за русскими, но и за татарами. Так, в содержании знаковой статьи Президента Татарстана Минтимера Шаймиева, посвященной истории татарского народа и опубликованной в 1990-е гг. в журнале «Родина», широкий резонанс в республике вызвал тезис (опиравшийся на труды Л.Н. Гумилева — «единственного русского

¹ Еще «национал-патриоты» начала XX века особо акцентировали то, что Россия, прежде всего, русское государство. Лозунг «Россия для русских!» был для них непосредственным руководством к действию.

ученого, защищавшего татар») о том, что без Золотой Орды — «хозяйки всей Восточной Европы» — не было бы великой России¹. Этнически озабоченная часть общественности рассмотрела в этом явный сигнал, что Татарстан вполне может претендовать на особый статус в рамках России... и увидела в этом признание давнего единства татар и русских, «государствообразующего статуса татарского этноса» (наряду с русским. — *В.А.*) в рамках Российской Федерации (Беляков, 2011, с. 124).

Можно также вспомнить, что проблема статуса русских в России стала предметом самой оживленной дискуссии и на последнем, самом высоком уровне обсуждения проекта «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в Москве в конце ноября 2012 г. Правда, тезис о «государствообразующем» статусе русских в текст «Стратегии...» не был тогда включен. Наконец, в результате принятия в 2020 г. соответствующей поправки ст. 68 Конституции РФ русский народ обрел этот статус².

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Как отмечают исследователи, мотив признания особого привилегированного положения «государствообразующей нации» прежде всего характерен для модерного имперского национализма (Миллер, 2016, с. 88). Поэтому этот шаг можно интерпретировать как уступку русским националистам, которые, как уже отмечено, давно добиваются этого статуса для русских, негативно воспринимая понятие «российский», поскольку опасаются, что «российскость» является субститутом «советскости», связанным с тем, что в определенные моменты истории СССР имело место подавление «русскости».

Однако эту конституционную новацию можно интерпретировать и как выбор власти в пользу национализма «имперского» типа с про-

¹ Особенно активно эти идеи проводит Р. Хакимов — вице-президент Академии наук РТ, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. В одном из недавних интервью он, в частности, заявил: «Если сравнивать Золотую Орду с другими государствами, то, на мой взгляд, ее сложно с кем-то близко сопоставить. Кого еще можно поставить рядом по развитости экономики, инфраструктуры, финансовой системы, военной мощи? В тот период Золотая Орда была самой развитой цивилизацией, нравится это кому-то или нет. Что касается русских княжеств, то они просто уничтожали друг друга, а Золотая Орда помогла им прекратить эти междоусобицы и наконец объединиться» [Хакимов, 2021].

² «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (ст. 68 Конституции Российской Федерации, редакция 2020 г.).

тивостоянием большой (инклюзивной) русской нации западному миру и его союзникам. А это может означать, что в современной России элиты не нашли альтернативы имперской самоидентификации. В свою очередь, имперское сознание становится во многом опорой для утверждения в элитном дискурсе цивилизационной идентичности («Русский мир», «Россия — государство-цивилизация»), во многом навязываемой обществу властью¹.

В свою очередь, наделение русских статусом «государствообразующего народа» можно считать уступкой и достаточно массовым настроением этнического большинства. Социологические опросы свидетельствуют, что закрепленное в Конституции Российской Федерации равноправие всех народов страны не стало сегодня общепризнанной нормой. С тем, что все граждане России, вне зависимости от национальности, должны обладать равными правами, солидарны только 64% опрошенных россиян. Каждый третий (31%) полагает, что русские должны иметь в России больше прав, чем другие народы. Причем идею привилегированности русских вдвое чаще разделяют сами русские, чем представители других народов (34 против 15% в среднем). В целом же 37% граждан России выступают за то, чтобы русские в Российской Федерации и «коренные» народы в национальных республиках и округах имели больше прав, чем все другие (Хайкин, Бережкова, 2016, с. 105–106).

Таким образом, принятие этой конституционной поправки стало шагом к «символическому возвышению русского народа до положения старшего брата» и тем самым закрепило хотя и символическое, но неравенство граждан страны. В результате советская концепция «вертикализации/построения иерархии этносов» вновь получила официальное признание, несмотря на то, что она противоречит положениям Конституции, провозглашающим равноправие всех этнических общностей «многонационального народа России».

Однако эта поправка (как и ранее предпринятая неудачная попытка создания проекта «Закона о российской нации») носит явно популистский характер, представляя собой пример юридического нонсенса². Поэтому ее принятие реально ничего не изменяет в положении

¹ Реакцией на эти действия являются попытки конструирования «этноцивилизаций» в национальных республиках России [Tatar History and Civilization..., 2010; Выступление президента Якутии М.Е. Николаева..., 2009; Тафаев, 2011 и др.].

² Юридический нонсенс — это бессмысленная правовая норма. Последние годы ознаменовались довольно объемным портфелем подобных правовых норм. Законодатели всех уровней стараются показать свою деловую активность. Принимаются тысячи законов, среди которых легко обнаружить и юридический нонсенс [Что такое юридический нонсенс?].

русского большинства, вызывая пока лишь глухое раздражение у представителей элит других народов России.

Как отмечает П. Баренбойм: «На самом высоком уровне заявлена главная российская национальная идея — патриотизм, устремленная в настоящее и будущее. Этой идее многонационального патриотизма явно противоречит “государствообразующая” новелла, настойчиво вбиваемая сейчас в монолит “межнационального народа России”. Каждое изменение Основного Закона должно быть тщательно продуманным и абсолютно необходимым, при этом вести к объединению, а не к разъединению. Нельзя простой и уже давно решенный вопрос о государственном языке обременять неизвестно откуда взявшимися и потенциально опасными случайными понятиями. Здесь вольно или невольно закладываются предпосылки конфликтов» (Баренбойм, Мишина, 2020, с. 9).

Вспомним в связи с этим, что ведущий российский этносоциолог Л.М. Дробижева еще в начале нынешнего столетия обращала особое внимание на значимость для россиян такого социально-психологического фактора, как «чувство достоинства». «В ходе репрезентативных опросов 1999, 2000, 2002 гг., — отмечает Дробижева, — мы регулярно получали данные о значимости для ощущения равенства людей такого фактора, как уважение к их достоинству. Мы его оцениваем как неизменный спутник, а иногда главный работающий элемент этнической идентичности. Он важнее для ощущения равенства даже в сравнении с возможностью получить работу, независимо от национальности, и приобрести собственность. Причем показатели по разным этническим группам близки по значениям и сходны в одинаковых социокультурных условиях (город — село, возраст, образование)» (Дробижева, 2004, с. 678). Возвращение к этнической иерархии, деление россиян на «государствообразующих» и других, на «старших» и «младших» братьев — это как раз удар по чувству собственного достоинства «негосударствообразующих» российских национальных меньшинств, составляющих свыше четверти населения страны.

Поэтому российским политикам, как и разработчикам поправок к Конституции, ни в коем случае не стоило забывать, что у нас в стране, как результат советской национальной политики, существуют политически институализированные и мобилизованные этнонации, которые обладают ясно артикулированными и укорененными в сознании представлениями о своем статусе как нации, живущей на своей «национальной территории» и обладающей политической автономией (Миллер, 2016, с. 135). В перспективе, конституционное

закрепление за русскими статуса «старшего брата» только усилит подозрения (появившиеся в связи с внедрением «сверху» понятия «российская нация»), что происходит некое возвращение к проекту новой интернациональной общности «советский народ» и практике русификации, имевшей место в некоторые периоды реализации советской национальной политики. Не исключено, что в ответ на символическое возвышение русских титульные народы республик отреагируют подобным же образом. На вершинах республиканских этнических иерархий вновь могут оказаться татарский, башкирский, калмыцкий и др. «старшие братья», и вместо консолидации российской нации мы получим нечто прямо противоположное. Как отмечают эксперты, условием стабильного существования современной нации-государства является поддержание политическими средствами вполне определенной иерархии идентичностей его граждан. «В этой иерархии, по определению, на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность человека, являющаяся приоритетной перед всеми прочими его идентичностями, в том числе и этнической» (Мартьянов, 2006, с. 109).

В ситуации (пока потенциального) острого социального кризиса отсутствие этого основания стабильности государства может привести к актуализации борьбы за политическое самоопределение российских этнонаций и обретение ими «национальной независимости».

Как писал еще сорок лет назад американский социолог югославского происхождения Богдан Денич: «Чтобы успешно руководить многонациональным государством, во все времена требовалось прежде всего прибегать к ограничению или самоограничению доминантной этнической группы. Именно эта группа может стать угрозой для всего здания многоэтничности, если будет претендовать даже на те права, которыми уже располагают этнические меньшинства... Если же доминирующая этническая группа, которая составляет в государстве большинство, начнет утверждать свою этническую идентичность и собственную традицию, она немедленно разбудит внутри этнических меньшинств латентные страхи на предмет самого их существования» (Denitch, 1980, с. 318).

Данные социологических опросов Левада-центра показывают, что у русских, как и россиян в целом, довольно низкий уровень восприятия народа как источника власти, а также недостаточно высоко стремление к участию в управлении страной. Между тем эти два компонента напрямую связаны с ростом гражданского самосознания, а значит — и развитием гражданской нации (Демократия в России..., 2020). Видимо, поэтому российский народ-суверен рассматривается

политическими элитами преимущественно как пассивный участник исторического процесса, правда, способный периодически «выражать “мнения” о том, что с ним творят» (Б. Капустин), однако политически эти мнения для элит не существенны и интересы народа-суверена, как правило, не учитываются в процессе принятия значимых решений.

В связи с этим следует заметить, что очень немногие отечественные исследователи задаются вопросом, насколько корректно рассматривать такое условное множество, как «народ», «этнос» или так называемое «национальное меньшинство», в качестве субъектов права? Иначе говоря, имеют ли такие общности признаки правового субъекта? «Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать свои права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти только о фикции» (Осипов, 2008, с. 147), о некоем мегаантропосе, от имени которого действуют этнократические элиты. Именно этот феномен Р. Брубейкер назвал «группизмом», описывая его как «тенденцию к пониманию этнических групп, наций и рас как субстанциальных сущностей, которым могут быть приписаны интересы и деятельность» (Брубейкер, 2012, с. 23).

Действительно, на «великой фикции» — принципе суверенитета народа построено все грандиозное здание современного конституционализма, однако, как иронически заметил еще Бертольд Брехт: «Власть исходит от народа. Но куда она приходит?» «Отсутствие народа» в процессе правления акцентируется и классическим шумпетеровским определением демократии: «Демократия не означает и не может означать то, что народ действительно правит в каком-то очевидном смысле понятий “народ” и “правление”... Демократия есть правление политиков» (Шумпетер, 1995, с. 284–285).

При этом понятие «народ», используемое в дискурсе элит, как правило, является «пустым означающим», смысл которого выясняется и актуализируется в самом акте называния и противопоставления его «ненароду» и его исключения из «народа». Другими словами, у «народа» нет существующего в реальности референта, «народ» возникает в процессе конструирования элитами народной идентичности. В связи с этим Клод Лефор (Лефор, 2000) говорит «о парадоксе республиканской легитимизации». В отличие от сословно-династических форм правления... в республике необходимо быть уполномоченным самим народом, чтобы занимать властную позицию. Тем не менее самого «народа» как такового не существует; это искусственно вычленяемое целое, которое выступает, прежде всего, в роли «символического диспо-

зitiva» власти. Таким образом, народ, являющийся носителем власти, одновременно является тем, над кем властвуют; он самопровозглашает свое существование, являясь одновременно и учредителем себя как государства, так и тем, кого учреждают. Причем процесс «учреждения народа» исходит в значительной степени от тех, кого — случай, действие избирательных ново-возникших институтов власти, военная сила или всеобщее признание — ставят во главу государства.

Поэтому принцип народного суверенитета, право на «государствообразующий статус», как и на «политическое самоопределение наций», как раз и представляют наиболее яркие примеры фиктивных правовых норм, т.е. «вербальной конструкции, составленной как общезначимое правило, на основе которого не могут возникнуть правовые отношения» [Осипов, 2008, 148].

Более того, очень часто право на национальное самоопределение «преподносится как право первого порядка, принцип, на который мы можем положиться, чтобы установить минимально приемлемые критерии для легитимного деления мира на разные политические сообщества, — пишет Б.Як. — В действительности оно всего лишь дает благословение множеству конкурирующих аргументов о правах второго порядка, правах, проистекающих из притязаний, касающихся родных земель, давнего проживания, несправедливой оккупации, нечестного обращения и так далее» (Як, 2017, с. 398).

Поэтому, как считают многие исследователи, конфликты на почве политического самоопределения приводят к дестабилизации обстановки во многих регионах современного мира, подрывают демократию, а политические институты самоопределения и даже автономии могут серьезно затруднять движение к ней. Так, после распада Советского Союза, «...апеллируя к праву народов на политическое самоопределение, республиканские этнократы фактически конституировали этническое неравенство, создали конституционно-правовые предпосылки для институализированной этносоциальной дискриминации» (Филиппов, 2003, с. 81). Сегодня же многие политики национальных республик России считают, что формирование российской политической нации является угрозой для существования их этнонаций, а некоторые «ученые» считают, что достижение этой цели практически невозможно. «Объединить этносы практически невозможно, — писали несколько лет назад петербургские «этнопсихологи» А.М. Зимичев и А.В. Забарин, — поскольку никто из этносов не откажется от своего “МЫ” в пользу некоего “ОНО” (выделено у авторов. — В. А.). Этого никто не хочет» (Зимичев, Забарин, 2008, с. 47).

Как резонно отмечает А. Миллер: «Нам предстоит заново перевести понятие “национальное самоопределение” с английского на русский. В английском *national self-determination* означает самоопределение и демократическое устройство государства и общества (потому что в английском *nation* означает прежде всего государство и совокупность его граждан, представленных в парламенте), а никак не народ или этническую группу. Понимать эту формулу так, как ее понимали в XX веке — т.е. как самоопределение нации как этнического сообщества, — значит, настаивать на продолжении в XXI веке всех тех пакоостей, к которым подобная трактовка принципа *national self-determination* привела в XX веке и в начале XXI века. Геноцид и этнические чистки вполне возможны и даже весьма вероятны именно при попытке приспособить под нацию–государство плохо подходящую (постсоветскую) реальность; причем демократия, если она понимается как власть этнического или религиозного большинства, никак не служит защитой от этой угрозы. Нам предстоит крайне осторожно преодолевать наследие советской институализации этничности, заменяя ее защитой прав меньшинств» (Миллер, 2016, с. 136). Однако наделение русских конституционным статусом «государствообразующего народа» — это явно шаг, не способствующий преодолению этого наследия.

Заключение

Грань, разделяющая естественное стремление меньшинств сохранить свою культуру и этническую идентичность и мечты о создании своей «национальной» государственности, не столь уж велика. Не создавая условий для обеспечения реального равноправия граждан страны вне зависимости от их этнической принадлежности и места их проживания, российские политические элиты подрывают основы государственной целостности. Продолжая политику «совершенствования» нашей Федерации путем изменения соотношения всех уровней власти, вертикального и горизонтального разделения властей и государственного управления в направлении большей унификации, централизации и «функционального единства» (см. ст. 71, 72, 67, 125 Конституции Российской Федерации с поправками, осуществленными в 2020 г.) (Медушевский, 2020, с. 55–56) и одновременно «впадая в одержимость пропагандой “многонациональности” при третировании общероссийской культурно-языковой и ценностно-ориентированной общности» (Тишков, 2005, с. 195), российские элиты работают отнюдь не на сохранение единства страны.

Список литературы

Баренбойм П., Мишина Е. Уроки конституционного кризиса 2020. М.: ЛУМ, 2020. — 156 с.

Беляков Р.Ю. Этапы формирования этнополитики в Республике Татарстан // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад 2010 / Под ред. В. Тишкова и В. Степанова. М., 2011. С. 119–125.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.

Выступление президента Якутии М.Е. Николаева на Международной конференции ЮНЕСКО «Циркумпольная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра», 29 июля 2009 г., г. Якутск. URL: <http://www.lsakhapresident.ru/index.php/ru/2008-11-03-08-01-16/411-300709> (дата обращения: 01.10.2021).

Декларация русской идентичности. 2014. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/508347.html> (дата обращения: 06.10.2020).

Демократия в России: установки населения. Сводный аналитический отчет [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru/old/sites/default/files/report_fin.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

Дробизева Л. Кому и зачем нужна федерация в России: политический и социально-психологический взгляд на проблему // Федерализм: российское и международное измерение (опыт сравнительного анализа) / Под ред. Р. Хакимова. Казань, 2004. С. 671–678.

Зимичев А.М., Забарин А.В. К проблеме толерантности-интолерантности этносов // Вестник политической психологии. Бюллетень. СПб., 2008. № 1 (8). С. 40–47.

Лефор Клод. Политические очерки (XIX—XX века) / Пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: РОССПЭН, 2000. — 367 с.

Мартыанов В. Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. № 2. С. 94–109.

Медушевский А. Конституционные поправки в России 2020 г. как политический проект переустройства государства // Публичная политика. 2020. Т. 4. № 1. С. 43–66.

Миллер А. Нация, или Могущество мифа. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 146 с.

Осипов А. Эссенциалистские представления об этничности в системах преподавания правовых специальностей // Расизм в языке образования / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетей, 2008. С. 140–169.

Паин Э. Новые административные реформы и их влияние на этнополитические процессы в России // Федерализм: российское и международное измерение (опыт сравнительного анализа) / Под ред. Р. Хакимова. Казань, 2004. С. 648–670.

Хакимов Р. «Золотая Орда — это наша родина, а Россия ее наследница». URL: <http://tnc-mo.ru/2728-rafael-khakimov-zolotaya-orda-eto-nasha-rodina-a-rossiya-ejo-naslednitsa> (дата обращения: 01.10.2021).

Тафаяв Г.И. Религиозно-тотемные символы новочувашской (национально-региональной) цивилизации. 2011 г. URL: [http:// tafaj. blogspot.com/2011/03/ blog-post_5422.html](http://tafaj.blogspot.com/2011/03/blog-post_5422.html). (дата обращения: 06.09.2021).

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. 2-е изд. М.: Наука, 2005. — 240 с.

Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М.: ЦЦИ РАН, 2003. — 379 с.

Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения. № 5 (135) Сентябрь—октябрь 2016. С. 97—109.

Что такое юридический нонсенс? URL: <http://qq.by/7295-chto-takoe-yuridicheskiy-nonsens.html> (дата обращения: 06.09.2021).

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. — 540 с.

Як Б. Национализм и моральная философия сообщества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. — 516 с.

Denitch B. Dilemma of the Dominant Ethnic Group // Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance / ed. by E. Alworth. N.Y.: Pergamon Press, 1980. P. 315—325.

Tatar History and Civilization / Ed. D. Ishaqov. Istanbul: IRCICA, 2010. — 691 p.

А.В. Глухова

Воронежский государственный университет, Воронеж

Перспективы популизма в разделенных обществах

Введение

Понятие «популизм» в последнее десятилетие стало едва ли не самым употребительным в политическом словаре, возвестив новую эпоху в трактовке политики, демократии, лидерства и т.д. Популизмом называют и определенный политический стиль, и радикальную критику парламентской политики, и своеобразную идеологию, и попытку предстать в качестве альтернативы представительной демократии. Спектр оценок этого сложного явления достаточно широк: одни авторы видят в нем справедливую критику правящих элит, оторвавшихся от реальных жизненных условий миллионов людей (Мудде, 2014; Вайнштейн, 2017). Другие высказывают опасения относительно угрозы институциональным основаниям демократии со стороны популистских

лидеров, стремящихся разрушить ее каноны (Vittori, 2015; Mounk, 2014; Глухова, 2017; Grant, Moore, Linch, 2019). Большинство современных авторов на Западе трактуют феномен популизма как неизбежную «тьму» демократического режима, риторику популизма как разновидность коммуникационного акта (Pauwels, 2011), поскольку выборность и массовое участие предоставляют возможности для быстрого продвижения лидеров-популистов. Лингвисты обратили пристальное внимание на дискурс лидеров-популистов, как правых, так и левых, как обладающих властью, так и стремящихся к ней, а также реакцию на него со стороны электората (Mascauly, 2019). До сих пор состязаются между собой три прогноза: «популизм никогда не длится долго, но он каким-то образом все время рядом» (Байме, 2014); «эпоха классических популистов подходит к концу» (Мартынов, 2020); «популизм — это надолго» (Фишман, 2019).

Истоки и современный профиль популизма

Хотя феномен популизма сравнительно недавно попал в самый центр внимания исследователей, его исторические корни достаточно глубоки и просматриваются уже в античном полисе (при всей миниатюрности последнего как арены публичной политики).

Предпосылкой возникновения и распространения популистских практик, как правило, становился экономический кризис, порождавший структурные условия для социальной поляризации и способствовавший формированию острого политического противоборства. Особенно опасным для общественного плюрализма становилось разорение среднего класса, который, согласно Аристотелю, является гарантом общественной стабильности и умеренности нравов. Указанными обстоятельствами спешили воспользоваться умелые демагоги, спекулировавшие на социально-экономических трудностях и активно использовавшие их в выгодных для себя целях. Поляризация полиса на большинство и меньшинство помогала опасной и порочной стратегии игнорирования институтов и процедур, т.е. всего того, что и предполагает цивилизованная политика. Демократическая процедура принятия решений согласно воле большинства подменялась правлением большинства, которое политически формировалось усилиями демагогов. Отсюда «враждебность к либерализму и принципам конституционной демократии, в том числе к правам меньшинств, разделению властей и многопартийной системе» (Урбинати, 2016, с. 248). Сегодня мы легко можем обнаружить многие узнаваемые чер-

ты этого явления, названного Р. Дарендорфом «одним из самых впечатляющих феноменов политического ландшафта к началу XXI века» (Dahrendorf, 2004).

По мнению Я.-В.Мюллера, истинный популизм можно опознать по ряду признаков, в числе которых главным является уверенность его представителей в том, что только они олицетворяют подлинный, настоящий, всегда гомогенно мыслимый народ, и это крайне опасно для демократии. «Популисты всегда антиплюралистичны, тогда как демократия может существовать только в плюралистической форме. Решающий вопрос нашего времени заключается в том, смогут ли популисты развиваться в направлении признания плюрализма, или же они будут и дальше пытаться дискредитировать политические институты, которые не выражают постулируемую ими “народную волю” (Müller, 2016). Иными словами, решающей является не антиэлитарная, но антиплюралистическая позиция популистов. Они претендуют на выражение народной воли, которую сами же и формируют. При этом, как пишет Э. Гидденс, «лишь немногие политические партии имеют программы, охватывающие весь спектр политических вопросов. Вместо этого они концентрируют усилия на нескольких ключевых аспектах, вызывающих наибольшие проявления антагонизма и недовольства»¹ (Гидденс, 2015). Преимуществом популизма является и то, что он предельно прост, тогда как демократия сложна: это является главным отличительным знаком этих двух апелляций к воле народа. Популизм базируется на сознательной попытке упрощения проблем, и в этом его обаяние и рецепт успеха («беженцев прогоним, преступников посадим и т.д.»). Но когда популисты получают доступ к рычагам власти,

¹ Э. Гидденс справедливо подчеркивает природное родство двух разновидностей популизма — правого и левого. При этом популизм чаще называют «правым популизмом», что не совсем точно, в том числе с позиций реальной политики. Однако такое отождествление объяснимо тем, что темы, обсуждаемые популистами, принадлежат к классическому правому дискурсу: закон, порядок, беженцы, безопасность и т.д. Проблема в том, что либералы и левые не дали своих толкований этим понятиям и в силу этого выглядят сторонниками беспорядка и беззакония. Кроме того, проблема миграции в начале XXI века своевременно не стала темой политического дискурса, не дала ответ на многие важные вопросы, включая ее причины, издержки для принимающих обществ и т.д. Отсюда миграционный наплыв в Европу застиг этиблированные партии врасплох, отдав инициативу в дискурсе правым популистам.

Наряду с правым возник левый популизм, причины которого идентичны: если правые популисты сделали акцент на политике принадлежности, евроскептицизме и антииммигрантских настроениях, то левые остались верны социально-экономической тематике, т.е. проблемам доходов, занятости, безработицы и т.д. Вместе с тем и социал-демократы не смогли поставить эту тематику — в правильной формулировке — в повестку дня политических дебатов, что и объясняет их политическое поражение в 2000-е годы.

они оказываются беспомощными перед комплексностью, составляющей главную задачу демократического общежития (Merkel, 2017). Популистские партии не нацелены на систематическую коалиционную работу и желают править единолично, их интересуют не реформы, а власть сама по себе¹. Поэтому сама способность популистов к управлению трактуется учеными с большим сомнением и расценивается как определенная опасность для существующего порядка (Байме, 2014, с. 104; Гидденс, 2015, с. 55). Представляется, что *пандемия коронавируса* подтверждает справедливость таких опасений: наибольшее число заражений приходится на страны, возглавлявшиеся или возглавляемые лидерами-популистами: США (Д. Трамп), Индия (Н. Моди), Бразилия (Ж. Болсонару), Филиппины (Р. Дутерте) т.д.

Причины и факторы «популистской волны»

Благоприятную ситуацию для популистской партии или движения, мобилизующих в свою поддержку широкие слои недовольных масс, создает ухудшение экономической ситуации или упадок благосостояния большинства населения, включая разорение среднего класса.

К. фон Байме выделяет три этапа в развитии послевоенного популизма. Первый этап — после 1945 года — нес на себе следы краха тоталитарных политических режимов в Италии и Германии и выразился в деятельности явно неонацистских организаций. Второй этап пришелся на 1970-е — 1980-е годы, когда правые правительства в США и Великобритании проводили, с опорой на поддержку большинства, популистскую политику. Она была нацелена на дерегулирование, роспуск профсоюзов, демонтаж государства всеобщего благосостояния и особенно программ материальной помощи неимущим (Фукуяма, 2016). Эта политика противоречила интересам тех, кто поддержал на выборах ее инициаторов. Третий этап — в конце 1980-х — 1990-е годы — связан с глобализацией и упрочением Евросоюза (Байме, 2014, с. 103). Солидарную позицию занимал Р. Дарендорф, отмечавший, что «на обозримое будущее феномен глобализации станет определять повестку истории» (Dahrendorf, 2004, с. 236). Сопутствующими явлениями становилась растущая иммиграция и увеличивавшаяся безработица, а также отказ от установки на «государство всеобщего благоденствия». Это возбуждало общественное недовольство, которым спешили вос-

¹ Так, С. Берлускони, бывший премьер-министр Италии, часто менял законодательство под себя, создавая возможность издания — в экстремальных условиях — чрезвычайного закона.

пользоваться популисты даже в странах, доселе не затронутых этим вирусом (например, в Швеции).

Можно сказать, что международный порядок столкнулся с парадоксом: его успешность зависела от торжества глобализации, но сам этот процесс породил политическую реакцию, идущую вразрез с его устремлениями. Справедлив вывод У. Бека о том, что у глобализации не оказалось политической программы: возник глобально дезорганизованный капитализм в отсутствие каких-либо международных режимов — экономических или политических. «Функционирующая в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств. Тем самым открывается путь субполитизации совершенно нового размаха и с непредсказуемыми последствиями» (Бек, 2001, с. 10–11). Глобальный неолиберализм фактически элиминировал политическое начало, сведя его к примитивному рыночному экономизму. Массы людей, проигравших от глобализации, потеряли ориентиры в глобальных процессах и не улавливаются сетью политического восприятия. Тотальная открытость породила тотальный же запрос на закрытость. В таких условиях технологиями массовой мобилизации в руках умелых демагогов, стремящихся к власти, становились национализм, ксенофобия, авторитаризм и фундаментализм.

*Дополнительную питательную почву для активизации популистских проектов создал финансовый кризис 2008–2009 годов, особенно в тех странах (Испании, Греции, Италии), где его последствия оказались особенно тяжелыми для широких слоев населения. Именно здесь происходил самый выразительный взлет левопопулистских политических движений — *Podemos*, *Indignados* и других, а греческая *Siriza* стала (хоть и ненадолго) правящей партией страны. Даже в Германии — стране с хорошими экономическими показателями — правительство начиная с 2011 года приняло одну из самых масштабных программ жесткой экономии в своей истории, значительная часть которой осуществлялась за счет снижения социальных затрат.*

Другой благоприятной предпосылкой для роста популизма стала *трансформация традиционных партийных систем, изменение идеологий и организационных моделей партий*. Этот процесс ознаменовался сокращением численности так называемых «народных» партий, ослаблением партийной идентификации и снижением электоральной активности, а также распространением негативного восприятия партийного истеблишмента. Р. Дарендорф также считал глубинным основанием популизма именно ослабление старых партий: по его мнению, «остается множество пустот, куда могут без больших усилий вторгнуться

эксцентричные фигуры», способные завоевать до 20 и более процентов голосов избирателей (Dahrendorf, 2004, с. 314)¹.

Наряду с экономическими и социокультурными причинами популистский подъем в ряде стран стал прямым следствием ослабления парламентов, призванных защищать демократию от популизма, поскольку последний принципиально, в корне антипарламентарен. Функции парламента (дебаты по различным темам; конвертация дебатов в принимаемые решения; гарантии долговременных решений и т.д.) полностью антипопулистские, поэтому этот институт стоит всецело на стороне демократии. Однако внутри парламентов тоже возникают популистские соблазны: исполнительная власть пытается обойти парламентский контроль; призывы к «народу» как к публике или просто к потребителям обесценивают гражданский дух и т.д.

Особую роль в развертывании популистской волны сыграли новые информационно-коммуникационные технологии, в лице которых популисты получили в свои руки дополнительные и могущественные ресурсы². Возможности манипулировать фактами и мнениями, создавать имиджи и фикции в публичной и государственной политике многократно увеличились. В таких условиях те, кто настаивает на обсуждении фактов и событий, не укладывающихся в этот обман, воспринимаются как более опасная сила, чем действительные враги. Х. Арендт прозорливо предсказывала, что в отдаленной перспективе промывка мозгов способна привести к уничтожению чувства, посредством которого люди ориентируются в современном мире (Арендт, 2014, с. 380). Не случайно феномен постправды (постфактивности), наиболее ярко

¹ В начале 2000-х годов такие партии имели лишь частичный успех, и ни одна популистская группа в западноевропейских демократиях не смогла утвердиться надолго (за исключением, возможно, «Вперед, Италия!» во главе с С. Берлускони). Вместе с тем они тестировали политический ландшафт на пути перехода к новым, еще неизвестным структурам. Сегодня такие структуры появились во многих странах Европы, а в Венгрии и Польше они уже на протяжении ряда лет находятся у власти (Вайнштейн, 2017, с. 72–74). На их примере хорошо видно, как именно осуществляется информирование населения, какие нарративы создаются для того, чтобы добиться массовой народной поддержки и обратить ее против истеблишмента и недовольных меньшинств.

² Достаточно назвать огромную медийную империю С. Берлускони (около половины национальных телестанций и издательств), применявшую пропаганду для формирования единомыслия, являющегося скорее их собственным, нежели народным творением. Сепаратистское движение «Лига Севера» и цезаристская политика С. Берлускони стали новыми версиями популизма в современной Италии. Их главная риторическая стратегия заключается в изображении этих движений в качестве «подлинной» альтернативы существующим политическим партиям, правящим элитам и одновременно парламентской демократии.

олицетворяемый заявлениями и комментариями бывшего американского президента Д. Трампа, привлек к себе столь широкое внимание общественности: его появление совпало с «популистской волной» середины второго десятилетия XXI века. Для распространения в Сети фактичность второстепенна, она не создает большого содержательного резонанса. В поле новых онлайн-медиа слухи, фальшивые сообщения и выдуманные истории хорошо расцветают и долго живут. Иными словами, постфактичность сильно стимулируется благоприятным медийным контекстом.

Все эти явления порождают новые конфликтные линии в современных западных обществах. В частности, об этом свидетельствует масштабный проект «Политическая социология о космополитизме и коммунитаризме», выполненный в научном Центре социальных исследований (Берлин)¹. На основе проведенного в пяти западных странах² масштабного и многопланового социологического исследования была предпринята попытка найти ответ на вопрос о новых социальных, экономических, культурных размежеваниях, разделяющих современные общества. Новые конфликтные линии, оставаясь отчетливо определенными в социально-экономическом плане, имеют существенно иные социокультурные черты. Отчетливо выделяются два идеал-типических, противостоящих друг другу лагеря, которые можно обозначить как «космополитов» и «коммунитаристов». Популизм рассматривается авторами как «грязный вариант» коммунитаризма. Ни тот, ни другой лагерь нельзя однозначно оценивать в этических категориях, но в случае формирования конфликтного раскола по какому-либо основанию мобилизация в него политических акторов происходит именно по этой дифференцирующей линии. Кроме того, требуется идеология, снабжающая конфликт объясняющим нарративом. Иными словами, измене-

¹ Руководителями проекта выступили В. Меркель, директор отдела «Демократия и демократизация», и М. Цюрн, директор отдела «Глобальное управление», научный Центр социальных исследований (Берлин). В качестве эмпирической базы принимались во внимание различные уровни политики: от национального до регионального (анализ дебатов в Европарламенте) и глобального (анализ дискуссий в Генеральной Ассамблее ООН). Были исследованы различные установки, идеологии, менталитеты или хабитуальные констелляции, включая опрос элит; изучены партийные программы и высказывания в публичных дебатах, предпринят анализ содержания газет. На уровне коллективных акторов, т.е. партий, институтов гражданского общества, был проведен дискурс-анализ текстов. 16 больших медиа были исследованы в цифровом формате. Получена хорошая картина того, как позиционируются в открытом публичном дискурсе отдельные партии или организации, подобные профсоюзам и церкви. В стремлении понять новые конфликтные структуры ученые попытались связать воедино различные подходы.

² Германия, Польша, Турция, Мексика и США — в качестве контрастного случая.

ние в политико-экономической и общественной реальности приносит с собой новые констелляции интересов, которые выражаются в определенных идеологических или культурных мировоззрениях (Die neue Konfliktlinie... 2020).

Глобализация принесла «победителей» и «побежденных», хотя это разделение не стоит понимать лишь в чисто экономическом смысле. Экономическое измерение, несомненно, присутствует, неравенство возникло как внутри консолидированных западных демократий, так и в глобальном масштабе, но выявились победители и проигравшие также в культурном и политическом плане. Наложением нескольких линий расколов (экономической, политической, культурной, моральной) и объясняется нынешняя интенсивность и острота этого конфликта, активно используемого популистскими партиями и движениями. При этом культурные индикаторы проявляют себя сильнее экономических (Teneu, 2020; Глухова, 2020).

Структурные особенности современных развитых обществ и количественные показатели, полученные немецкими учеными в ходе выполнения проекта, позволяют сделать вывод о том, что выделенная ими генеральная линия релевантна для всех стран, с учетом известной специфики последних. Более того, установки немецкого населения позволяют фиксировать обостряющийся тренд разделения общества на «четыре четверти». «Старые» левые (СДПГ и партия «Новые левые»), по данным опросов, обладают потенциалом приблизительно в 25%; у «старых» правых партий (ХДС/ХСС) примерно такая же картина. Столь же высоким видится потенциал обоих партийно-политических представительств новых конфликтных линий: «Зеленых» как самых последовательных космополитов и «Альтернативы для Германии» как этнического варианта коммунитаризма. Эти «четыре четверти», по мнению В. Меркеля и М. Цюрна, можно рассматривать как формулу будущей партийной системы Германии (Die neue Konfliktlinie..., 2020).

Дополнительную напряженность в уже оформившийся раскол вносит его *моральное измерение*: космополиты претендуют на то, что являются нормативной элитой, задающей образцы «правильной» жизни в пример тем, кто живет «неправильно». Однако дело не в моральных инвективах по поводу фальшивого образа жизни, а в столкновении культур, представители одной из которых — в силу моральной дискриминации — чувствуют себя презираемыми и требуют признания. Равнодушие к этому вызову партий истеблишмента лишит их потенциальных избирателей, подтолкнет новых «отверженных» в ряды право- или левопопулистских движений.

Прошедшие 26 сентября 2021 года выборы в Германии подтвердили справедливость прогнозных оценок немецких ученых, особенно в отношении двух ведущих политических партий страны. Результаты победителя выборов — Социал-демократической партии Германии (25,7%) и ее ближайшего соперника и партнера по бывшей коалиции Христианско-демократического союза (ХДС/ХСС) (24,1%) примерно равны. Экологическая партия («Зеленые») набрала голосов несколько меньше ожидаемого (14,8%), однако в союзе со Свободной демократической партией (11,5%) — либеральной и проевропейской — составляют еще одну четверть политического спектра, его космополитическое направление. Право- и левопопулистские партии — «Альтернатива для Германии» (10,3%) и «Левая» (4,9%) — потерпели серьезное поражение, набрав в общей сложности немногим более 15% голосов избирателей. С учетом результатов остальных партий, не сумевших преодолеть проходной барьер на выборах в бундестаг, коммунистический сегмент электората, по-видимому, сохраняется в границах 15–20%, но имеет очевидную тенденцию к сокращению¹.

Говоря о перспективах популизма в условиях резко обострившихся общественных противоречий, следует согласиться с К. фон Байме: «Популизм никогда не длится долго — но он каким-то образом постоянно рядом» (Байме, 2014). Оставаясь неизбежной тенью демократического способа правления, популизм действительно все время рядом: он ищет и находит те лакуны (пустоты), которые может оперативно занять. Таких пустот сегодня достаточно: помимо указанных расколов, возникает биополитическое разделение на сторонников и противников ковидных ограничений; на «ваксеров» и «антиваксеров»; на климатоскептиков и климатореалистов и т.д. (Merkel, 2021). Можно быть уверенными, что популизм всегда найдет новую тему, стараясь искусно обыграть ее в свою пользу. Поэтому системным политическим силам всегда нужно быть настороже по отношению к популистским приемам и практикам, коль скоро они являются «неистребимой тенью демократии».

Поскольку феномен разделенных обществ стал общепризнанным фактом, перспективы популизма выглядят достаточно обнадеживающими, если системные партии не предпримут определенные действия в целях нейтрализации этой угрозы.

1. Левые и леволиберальные партии во многом отказались от своей им классовой оптики и требований справедливого распределения общественных благ, что и стало основной причиной их исто-

¹ <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse.html>.

рического поражения в 2000-е годы. Однако и правоконсервативные партии истеблишмента оказались не готовы к принятию популистского вызова. Их просчеты были мастерски использованы «Альтернативой для Германии» в ФРГ и Партией независимости в Великобритании¹.

2. Следует вернуться к проверенным историческим опытом принципам и процедурам, настаивая на большей соревновательности, большего открытого спора в политике, в том числе в международных, европейских и немажоритарных институтах, тем более что через укрепление последних демократия теряет свою силу на национальном уровне. Опция, делающая демократию сильной, — это возможность поднять голос и сказать: «Я хочу другую политику!» Сегодня же «возникает впечатление, что те, кто наверху, делают, что хотят», — констатирует В. Меркель (*Die neue Konfliktlinie...*, 2020).

3. Наряду с символическим и материальным признанием должны последовать политические реформы: создание доступов к реальному политическому участию, более четкие политические разграничения, более точное определение партиями своей социальной базы, своей идейной платформы. В последние десятилетия процесс демократизации развивался в либеральном духе с сильным акцентом на защите прав меньшинств. Однако безупречная с нормативной точки зрения концентрация на меньшинствах в ущерб большинству стала серьезной политической ошибкой.

Этаблированные партии должны вспомнить о том, что они имеют левое или правое корневое ядро, и сильнее маркировать эту дифференциацию. Социал-демократам стоит двигаться влево в экономическом плане, но в космополитических вопросах не пытаться переиграть «зеленых». Сегодня на стороне коммунитаристов — отчасти низкоквалифицированные люди, прекариат, для кого общественное, материальное и символическое признание их рабочих позиций очень значимо, и социал-демократам следует активно работать с этими слоями. Вернуть их сегодня сложнее, чем 30 лет назад, когда общество еще не было настолько расколотым.

4. В политике вновь возникает острая необходимость в компромиссах, особенно между договороспособными космополитами и неидентифицированными коммунитаристами. Одной из главных разграничительных линий между ними остается проблема миграции. Великодушие

¹ Последняя воспользовалась поспешным и ошибочным решением премьер-министра Д. Кэмерона вынести на референдум сложный и не получивший должного обсуждения в обществе вопрос, вызванный внутрипартийными причинами (Lochocki, 2018; Фуллер, 2021. С. 25–51).

в плане предоставления убежища, свойственное современным открытым обществам, не должно приводить к полному отказу от контроля над границами. Правильным решением стало бы публичное обсуждение политических вопросов как на национальном, так и на общеевропейском уровне, находя для таких дискуссий новые формы и аргументы.

5. Левые политические силы, прежде всего социал-демократы, должны вновь поставить вопросы экономического и культурного распределения в центр политической повестки дня. Этим партиям необходим новый язык для коммуникации с низшими слоями общества, при помощи которой последние могли бы вновь понимать политику и ориентироваться в ней. Это не означает игнорирование борьбы за свободу, равенство, культурную модернизацию или отрицание некоторых важных аспектов космополитизма. Но поучения сверху, моральная дискредитация или деструктивное исключение «неразумных» групп и слоев разрывают связь между эстаблированными партиями и непривелегированными слоями, создавая пустоты для проникновения туда бациллы популизма. Существование последнего напрямую зависит от того, как скоро системные партии восстановят утерянные связи с разными слоями и группами населения, составляющими современные разделенные общества, и насколько успешными окажутся их попытки сгладить эти размежевания.

Раскол общества на космополитов и коммунитаристов, вероятнее всего, будет сохраняться и дальше, в силу чего традиционным политическим партиям необходимо суметь перехватить неуверенность и страхи значительной части населения, вывести его из-под влияния популистских демагогов. В свою очередь, системные партии не должны уподобляться последним в погоне за голосами избирателей, поддаваясь искушению предлагать простые решения сложных проблем. Сегодня необходимы решения, соответствующие комплексным глобальным взаимосвязям и отвечающие на те вызовы, которые адресует человечеству цифровая эпоха как новый и еще неизведанный этап его развития.

Список литературы

- Арендт Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.— 416 с.
- Байме К.* Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна // Берегиня 777 Сова. 2014. № 4 (23). С. 101–109.
- Бек У.* Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.
- Вайнштейн Г.* Современный популизм как объект политологического анализа // Политические исследования. ПОЛИС. 2017. № 4. С.69–89.

Раздел 2. Трансформация политического в условиях цифровизации

Глухова А.В. Популизм как политический феномен: вызов демократии // Политические исследования. ПОЛИС. 2017. № 4.

Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13–34.

Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / Энтони Гидденс; пер. с англ. А. Матвеевко, М. Бендет. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 240 с.

Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. — 192 с.

Мартынов Б.Ф. Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу // Латинская Америка. 2020. № 2. С. 19–29.

Мудде К. Популистские праворадикальные партии в современной Европе // Берегиня 777 Сова. 2014. № 4 (23). С. 91–100.

Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 448 с.

Фишман Л. Популизм — это надолго // Политические исследования. ПОЛИС. 2017. № 3. С. 55 — 70.

Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 368 с.

Dahrendorf R. Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze. Muenchen: C.H.Beck Verlag, 2004. — 350 s.

Grant B., Moore T., Linch T. The Rise of Right wing Populism. Pauline Hansons One Nation and Australien Politics. Springer, 2019. — 241 p.

Bundestagswahl 2021. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse.html>

Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn. — 2020. URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750/> (accessed: 02.05.2020).

Lochocki T. The Rise of Populism in Western Europe. A Media Analysis of Failed Messaging. Springer, 2018. — 173 p.

Merkel W. Trump, die Rechtspopulisten und die Demokratie // URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/trump-die-rechtspopulisten-und-die-demokratie-2305/> (accessed: 02.05.2020).

Merkel W. Neue Krisen. Wissenschaft, Moralisierung und die Demokratie im 21. Jahrhundert — Essay// Zustand der Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ 26–27/2021)/25.06.2021.S. URL: <https://www.bpb.de/apuz/zustand-der-demokratie-2021/335433/wissenschaft-moralisierung-und-die-demokratie-im-21-jahrhundert> (accessed: 12.05.2020).

Mounk Y. Pitchfork Politics: The Populist Threat to Liberal Democracy. // Foreign Affairs. 2014. No. 5. P. 27–36.

Müller J.-W. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Repraesentation? — Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ 40 — 42/2016).URL: <http://www.bpb.de/apuz/234701/populismus-symptom-einer-krise-der-politischen-repraesentation?p=all> (accessed: 08.07.2020).

Pauwels T. Measuring Populism: A Quantitative Text Analysis of Party Literature in Belgium // Journal of Elections, Public Opinion and Parties. 2011. Vol. 21. No. 1. P. 97–119. DOI: <https://doi.org/10.1080/17457289.2011.539483>.

Teney C. Über die Kluft zwischen kosmopolitischen und kommunitaristischen Einstellungen in der Gesellschaft. Distanzierung, Mobilisierung, Politisierung // URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/ausgabe/gespaltene-gesellschaft-1/> (accessed: 13.03.2020).

Vittori D. Is Populism Changing the Political Representation of Western Democracies? // Political Sciences & Public Affairs. 2015. Vol. 3. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.4172/2332-0761.1000140>.

О.А. Коряковцева

Т.В. Бугайчук

ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль

Цифровое поколение: вызов к гражданской идентичности

Кризис национальной идеи в нашей стране и фрагментация культурной идентичности являются следствием разрушения системообразующих основ советской идентичности (Коряковцева, Бугайчук, 2017, с. 40–42) в связи с распадом СССР и советской ценностно-нормативной системы (Символическая., 2017). Одним из наиболее разрушительных проявлений идентификационного кризиса является разрушение в массовом сознании единого образа Отечества. В условиях социокультурной трансформации российской государственности прервана историческая преемственность, идет формирование аномии, в молодежной среде усилились проявления абсентеизма, сепаратизма и даже экстремизма. При этом важно учесть, что наша страна многонациональна, поэтому прежде всего следует решать проблему формирования именно гражданской идентичности, предполагающей чувство гражданской общности, оценку каждым своего статуса российского гражданина (Гаман-Голутвина, Сморгунов, Тимофеева, 2020, с. 253).

Гражданская идентичность является частью социальной идентичности как осознания обществом своего внутреннего единства на основе исторически сложившихся ценностей, норм и идеалов. Навязывание обществу приоритетов массовой культуры, ценностей и норм потребительского образа жизни сегодня разрушает данную идентичность. Права Н.А. Моисеева, что формирование новой социально-культурной

идентичности связано с глубинной трансформацией социума и культуры, а не с «введением» населения в рынок (Моисеева, 2011, с. 106–111).

Современному молодому поколению предстоит жить и работать в условиях усиления глобальной конкуренции, возрастания значения инноваций и человеческого капитала как основных факторов экономического развития страны. И хотя мы работаем с самым образованным поколением молодежи за всю историю России, но ни качество отечественного образования, ни состояние здоровья, ни имеющиеся сегодня возможности для самореализации не обеспечивают российской молодежи достаточных преимуществ, гарантирующих ее конкурентоспособность и успешность в мировом сообществе.

На фоне маятниковой инверсии российской культуры, резкой смены политических режимов в XX веке, сложности ментальных отечественных традиций и кризиса гражданской идентичности возникает необходимость развития гражданской идентичности российского молодого поколения как субъекта политико-социально-культурных преобразований, взаимодействующего с другими субъектами данного процесса. Анализ существующей практики формирования гражданской идентичности у детей и молодежи обнаруживает недостаточность системной работы в этой сфере. Например, представление об успешности не связывается в молодежном сознании с успехами страны, с понятиями долга, ответственности, добросовестности (Коряковцева, Бугайчук, 2018, с. 140–150).

Гражданское становление личности и развитие самосознания осложняется доступностью противоречивого по содержанию информационного пространства, формирующего у молодежи негативное представление о политической деятельности государства и власти, пропагандирующего протестную активность и радикализм. Это сопровождается низким уровнем политической культуры, отсутствием самостоятельной гражданской позиции, недоверием к старшему поколению, состоянием неопределенности и неуверенностью в своей значимости для общества. В итоге — социально-политическая пассивность значительной части молодежи (Никонова, Абдрахманова, 2020, с. 138–141).

Трансформация социально-политического пространства России требует ответа на вопрос, который имеет стратегическое значение для успешного будущего российской государственности: каким должен быть процесс формирования гражданской идентичности молодого поколения россиян в период всеобщей нестабильности и модернизации общества?

Состояние современного общества, его особенности и тенденции развития, безусловно, связаны с процессами «глобализации», увеличения интенсивности информации и степени открытости, размыва-

ния национально-культурных границ. Данные процессы оказывают сильнейшее влияние на экономическую, политическую, гражданскую, культурную и другие сферы жизни общества. Но, кроме того, они ведут и к трансформации самоосмысления и самосозидания каждой личности. В условиях быстрого роста информационного потока, его высокой плотности и неоднородности социальные технологии трансформируются, изменяя формы и способы идентификации человека.

Мы считаем, что «семья—молодежная политика государства—образование—общественные институты» — такое системное становление гражданской идентичности молодого поколения, начиная с семьи, является особенно актуальным, поскольку может оказать прямое влияние на решение таких важных социальных задач, как повышение относительно гомогенного патриотического сознания молодого поколения и активизация гражданского общества.

Важно отметить, что одним из важных социокультурных инструментов развития гражданской идентичности являются средства массовой информации, и в первую очередь Интернет. В современном мире виртуальные социальные коммуникации становятся главным средством общения и воздействия на социум. Первичная социализация молодежи, а также социальная идентификация осуществляется именно посредством социальных сетей.

Для молодого поколения России, взрослеющего в трансформирующейся среде, особую опасность представляют внешние и внутренние вызовы и угрозы, носящие социокультурный характер: социальные расколы, неравенство, кризис идентичности, anomия, дефицит коллективизма, запрос на социальную справедливость, поскольку именно «в цифровую эпоху под влиянием сети Интернет происходят интенсивные процессы реструктуризации моделей социальной идентичности и социального поведения пользователей» (Шестопал, Селезнева, 2018).

Отметим, что многие сетевые микросообщества отличаются трайбализмом, то есть не зависят от таких характеристик традиционного социума, как экономические, социальные и даже мировоззренческие. Вместе с тем, как отмечают исследователи, мировая глобализация вовлекает во взаимодействие разные сообщества и культуры и требует развития идентичностей, диалектически противоположных социальной стандартизации (Пэлфри, Гассер, 2011). Вот почему базовыми константами социального бытия становятся толерантность, плюрализм, космополитизм, глобализм.

«При разрушении любой ценностной системы, объединяющей общество, возрастает роль национальной идентичности как естественной

реакции на неопределенность» (Коробейникова, 2019, с. 83–85), мы видим, что процессы глобализации разрушают национальный суверенитет и обостряют проблемы национальной идентичности, стремление наций к самобытности и к самоопределению. В условиях массированного воздействия на сознание юных граждан (Магомедов, 2018, с. 79–83) необходимо создание общегосударственной системы, интегрирующей образовательную и молодежную политику по формированию гражданской идентичности.

Вместе с тем «открытое общество» оказывает влияние на индивидуальное и общественное сознание: возрастает неуверенность, рушатся традиционные ценности и фундаментальные социальные структуры. В этой ситуации современный индивид «вынужден находить собственные решения в ответ на возникающие коллективные противоречия», следовательно, он становится частью «массового субъективного поворота» современного социума. Поиск собственного пути к самореализации особенно значим для молодежи (Коряковцева, Доссэ, 2016, с. 29–35).

Особенностью эпохи виртуализации социальных коммуникаций является вытеснение традиционной шкалы ценностей «экзистенциальным вакуумом». Комментируя данный процесс, Виктор Франкл обращает внимание на то, что «...в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно» (Франкл, 1990). Вместе с тем неопределенность, недостаточно четкое знание представителями современной молодежи должного и нужного способствует развитию в молодежной среде конформизма, абсентеизма либо экстремизма. Эти отрицательные качества следует преодолевать в процессе воспитания.

Распространение онлайн-коммуникаций способствует развитию новых традиций, норм, образцов поведения молодежи. Но есть опасность стирания граней между виртуальным и реальным мирами.

Основным интегрирующим интернет-сообщества фактором становится обретение «единомышленников», чувство ментальной идентичности родственными по взглядам интернет-пользователями, разделение на «своих» и «чужих». Количество виртуальных «друзей» повышает статус данного пользователя в глазах других пользователей, а также способствует росту его статуса и самооценки. Данный мотив является основным мотивом социализации. Особенно важным является обретение онлайн-друзей среди молодого поколения.

Как отмечают G. Grimalda, N. Buchan, M. Brewer, участие в глобальных сетях меняет социальную идентичность: увеличивается склон-

ность к сотрудничеству (Grimalda et al., 2018, p. 12–13). Но для России очевидно и обратное: увеличение глобальной социальной идентичности ведет к уменьшению гражданской идентичности, степень солидарности, общности с гражданами снижается. Вряд ли это способствует политической стабильности гражданского общества.

По мнению психологов, занимающихся проблемой групповой идентификации, потребность в самоуважении люди реализуют посредством отождествления себя с группой, которая оценивается ими позитивно. Если группа, с которой человек себя отождествляет, в силу каких-либо обстоятельств теряет в его глазах положительные характеристики, он будет стремиться либо дистанцироваться от нее физически или психологически, либо же прилагать усилия к восстановлению ее позитивного значения. Каждый из этих вариантов в конкретном обществе и в конкретной культурно-исторической ситуации будет наполняться специфическим содержанием, их соотношение также будет специфично.

Вопрос о необходимости восстановления позитивного значения группы отождествления особенно остро встает в период исторических общественно-политических трансформаций, когда даже нация и государство теряют для человека свое позитивное значение, что и происходит в эпоху *digital*.

Проведенные нами в течение ряда лет исследования результатов некоторых социальных практик подтверждают, что в стабильном обществе доминирует объективная составляющая, а в условиях радикальной трансформации социокультурных ценностей и норм (что и происходит сегодня в России в процессе сетевого общения) преобладает субъективная составляющая идентичности (Коряковцева, Бугайчук, 2016, с. 56–61). Именно это преобладание определяет особую сложность процесса становления гражданской идентичности молодежи «цифрового поколения».

Результаты работы К. Hamer, S. McFarland, M. Penczek подтверждают, что стремление к универсализму усиливает идентификацию со всем человечеством (Hamer et al., 2019, p. 258–267).

В последнее время активное распространение получает термин «игры с идентичностью», означающий возможность быстрого переопределения пользователя Интернета по мере «серфинга» из одной виртуальной сети в другую, создания различных аккаунтов. Анонимность, легкость конструирования и презентации становятся дополнительным преимуществом и стимулом игры с идентичностью, что и определяет развитость изучаемых нами личностных особенностей.

На основе результатов исследования личности современной молодежи и суммирования результатов ряда других исследований, проводимых нами в период с 2013 по 2019 г., можно утверждать, что молодые активисты Ярославского региона высоко оценивают себя как «идеального Гражданина», что, казалось бы, является одним из показателей сформированности гражданской идентичности. Но при ответе на вопросы, связанные с оценкой других людей, они априори проявляют индивидуалистическую позицию, считая других граждан далекими от идеала Гражданина и принижая тем самым их гражданское достоинство. Переоценка своих гражданских качеств и недооценивание других людей говорят о формировании «кастового» снобизма в среде молодежного актива. Молодые активисты попали в психологическую ловушку, где завышенная самооценка и лидерские позиции в среде сверстников, к сожалению, не только не определяют перспектив их дальнейшего гражданского развития, но и тормозят это развитие, мешают адекватному взаимодействию с другими гражданами.

Государственно-гражданская идентичность молодежи скорее имеет характер государственной идентичности, ощущение принадлежности к согражданам рождает, прежде всего, общее государство (Арутюнова, 2017). Это сужает представление о российской гражданской идентичности, которая крайне значима, поскольку мы живем в исторический период борьбы за передел власти.

Как показывает анализ результатов исследования, современная молодежь, даже социально активная, к сожалению, далека от представлений об истинном гражданском долге. И это характерно не только для России. Доказательством планетарной значимости проблемы служат тысячи молодых добровольцев со всего мира, воюющие в рядах террористов ИГИЛ. Время ставит вопрос о настоящей необходимости разработки технологий и моделей формирования идентичности молодых граждан в постиндустриальном обществе в период социокультурной трансформации.

Многообразие информации ставит человека в ситуацию, когда он не в состоянии осмысливать получаемую информацию, у него не остается времени делать выводы, встраивать ее в систему своего мировоззрения, он способен ее только «потреблять». Духовный мир как целостная система разрушается, приобретая черты эклектичности и релятивизма. В этой ситуации формирование идентичности осложняется разрывом социокультурных связей между поколениями и глубоким социальным неравенством, сложившимся в обществе.

Кризис гражданской идентичности связан с потерей или, лучше сказать, утратой некоторых элементов этой сложной системы ценно-

стей, чувств, правил, традиций. Следовательно, формирование гражданской идентичности необходимо рассматривать в плоскости ее восстановления, возвращения. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что это во многом будет новая форма идентичности, не совпадающая с прежней (например, характерной для советского времени).

Как справедливо замечает А.А. Лисенкова, виртуальное пространство представляет собой поле для экспериментов с собственной идентичностью, что приводит к изменению традиционного баланса между общественным и частным и формирует принципиально новый процесс идентификации личности (Лисенкова, 2017, с. 28–34).

Активные пользователи социальных сетей из числа нового поколения намного сильнее адаптированы к процессам изменения виртуального пространства, более креативны, быстрее ориентируются в виртуальной внешней среде и принимают соответствующие решения. Соответствующие шаблоны поведения в различных ситуациях переносятся из виртуального пространства в реальность. Чем чаще молодой человек использует виртуальные коммуникации, тем более успешным, мобильным, востребованным он кажется себе и выглядит таковым для других пользователей социальных сетей того же возраста.

Однако чем выше интернет-активность молодого человека, тем выше вероятность манипулирования его сознанием. Вот почему актуальнейшей задачей современного общества является конструирование и активизация форм и технологий обучения молодежи критическому анализу, навыкам распознавать манипулятивные технологии, умением осмысленно и результативно коммуницировать с другими в интернет- и офлайн-пространстве. Всего этого возможно достичь лишь посредством обучения, просвещения в области онлайн-коммуникаций, а также путем минимизации информационного неравенства.

Кроме того, рассматривая роль Интернета в формировании личности, философия, политология, психология и социология как науки должны остановиться на проблемах, которые сопровождают этот процесс. И, прежде всего, на проблеме формирования гражданской идентичности в современном обществе с его неустойчивостью, кризисами и рисками. Но, несмотря на опасность нестабильности, которая неизбежна при кризисе идентификации, этот процесс нельзя считать исключительно отрицательным. Если бы подобных кризисов не было, то не было бы и стимулов для инноваций, развития индивидов и общества. В некотором смысле мы можем считать его одним из факторов социокультурной динамики. Следовательно, если в процессе развития общества кризиса идентификации избежать невозможно, то важнейшей задачей социальной политики и социогуманитарных наук может быть

выработка конкретных механизмов социально-политической поддержки и экономических действий, которые будут способствовать направлению хаотичного процесса идентификации в рациональное русло.

Если человек может полностью реализовать в реальной жизни желаемые и допустимые для него социокультурные роли, то, скорее всего, потребность расширять количество своих ролей за счет конструирования виртуальных образов своего «Я» у него будет минимальна или будет совсем отсутствовать. В данном случае общение в Интернете станет носить характер дополнительного к основному общению в реальности. Таким образом, проблема влияния интернет-коммуникаций на развитие гражданской идентичности молодежи требует своего дальнейшего осмысления и в рамках научного политологического и социокультурного анализа.

Важно понимать, что именно молодое поколение, как наиболее мобильное и восприимчивое ко всякого рода новациям, более других подвержено ценностным и мировоззренческим перестройкам, при этом часто молодежь оказывается включенной в новую как для нее, так и для общества реальность, которую она осваивает спонтанно, часто без целенаправленной помощи наставников. А роль «наставников» в медиатизированном обществе берут на себя различного рода посредники в виде средств массовой коммуникации: прессы, телевидения, радио, Интернета, мобильной связи, где полуправда имеет важное политическое значение. К сожалению, СМИ и социальные сети становятся сегодня для молодежи естественной средой обитания и имеют большое значение для социализации личности.

Вновь обратимся к результатам нашего опроса студентов о том, кто должен заниматься формированием гражданской идентичности современной молодежи. Выявляется следующее: первое место по степени влияния в этом вопросе они отдали системе образования, второе — семье, третье — гражданским институтам, четвертое место у органов государственной власти, а пятое — у СМИ и медиаресурсов. Мы акцентируем внимание на том, что далеко не все, что предлагают средства массовой информации, благотворно влияет на подрастающее новое поколение. Распространение современных информационных технологий не только открывает новые возможности, но и создает новые проблемы в сфере формирования и развития гражданской идентичности молодежи. Появление новых медиа вносит определенные коррективы в современные системы идентификации людей. Современные интерактивные медиа поднимают вопрос о новых формах идентичности, не связанных с этносом и культурой, а связанных, например, с протестными явлениями, часто основывающимися на феномене полуправ-

ды. В этом плане особый интерес представляет формирование образа 1917 г. в историческом сознании молодежи.

По мнению многих ученых, события в России 1917 г. являются одним из наиболее значимых исторических символов и в значительной мере формируют смысловую основу гражданской идентичности россиян. Говоря о значимости событий этого года, В. Мединский подчеркнул, что произошедшая в 1917 г. Великая российская революция навсегда останется одним из важнейших событий XX в. При всем расхождении взглядов на события почти столетней давности невозможно отрицать тот факт, что попытка построения на земле нового, справедливого общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное влияние на прогресс народов всей планеты.

Важно понимать, что для России характерен кризис как индивидуальных, так и коллективных идентичностей, наблюдаются проявления полиидентичности и «размытой идентичности». Можно говорить о наличии подобного кризиса и в упомянутый послереволюционный период, и сегодня, так как размывание исторической преемственности порождает психологический дискомфорт в обществе, усиливает, и прежде всего в среде молодежи, абсентеистские, сепаратистские и даже экстремистские тенденции. Несомненно, что в условиях нестабильности и безверия все сложнее соотносить себя не только с определенным социальным слоем или профессиональной группой, но и с такими социальными общностями, как государство и нация.

Огромное значение для становления гражданственности и развития патриотизма молодежи имеет наличие общих предметов национальной гордости. Например, в первую очередь в качестве предмета общей гордости россиянами разных национальностей и социальных кругов называется совместное участие их родных в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и общий вклад в дело освобождения человечества от фашизма. Многие россияне склонны судить о современности и оценивать тенденции развития страны с позиций советского жизненного опыта, при этом для большинства из них именно советский период определяет всемирно-историческую значимость достижений страны. Однако у российской общности есть и вполне ощутимая экономическая основа — это отношение к природным богатствам страны как к общему достоянию. Подавляющее большинство населения считает, что эти богатства должны принадлежать «всему народу» или государству, а не частным лицам.

В условиях глобализации идентификационное пространство становится значительно шире, чем пределы отдельного государства. Процессы

трансформации идентичности характеризуются: пересмотром основ социальной идентичности (особенно в гражданском и профессиональном аспектах); появлением новых объектов идентификации, новых форм идентичности и ее формирования. Кризис идентичности связан с потерей или, лучше сказать, с утратой некоторых важнейших элементов этой сложной системы ценностей, чувств, правил, традиций и т.д. Следовательно, становление гражданской идентичности современной молодежи необходимо рассматривать в плоскости восстановления и возвращения ее лучших черт. Но при этом мы должны отдавать себе отчет в том, что во многом новая форма идентичности будет не совпадать с прежней.

В основу социально-политических технологий формирования гражданской идентичности современной молодежи, на наш взгляд, должен быть положен принцип коллаборативности (от *collaborative* — общий, объединенный, совместный), акцентирующий совместность работы. В основе коллаборативного обучения лежит консенсус, формируемый на основе кооперации членов группы.

На наш взгляд, процесс сотрудничества молодежи и государства в период трансформации общества должен быть инициирован самим государством. На сегодняшний день он уже изменяется и имеет большой спектр от механизмов личных контактов до проектного механизма и молодежного парламентаризма, которые необходимо развивать и совершенствовать. Например, социальная поддержка осуществляется посредством включения человека в некую социальную группу (чат, форум и др.) в Интернете. Как любое сообщество, субкультура интернет-пользователей обладает своим набором ценностей, стандартов, языка, символов, которые разделяются некоторыми пользователями. Включаясь в такую группу, человек получает определенную поддержку, что способствует, в свою очередь, формированию позитивной социальной идентичности («свой среди своих»).

Итак, формирование гражданской идентичности не несет идеологической нагрузки и направлено на формирование таких черт личности, как активность, самостоятельность, способность принимать решения, ответственность, инициативность и др. Цель формирования гражданской идентичности — формирование у ребенка активной гражданской позиции, приобщение его к сознательному, ответственному участию в общественной жизни страны и преобразованию социальной действительности на благо своего народа и Родины.

Список литературы

Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика. Россия ре-

формирующаяся / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 15. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 259–272.

Гаман-Голутвина О. В., Сморгунюв Л. В., Тимофеева Л. Н. Траектории политического развития России // *Власть*. 2020. Т. 28. № 4. С. 253–258.

Коробейникова Е. А. Глобализация и национальная идентичность // *Вестник современных исследований*. 2019. № 1. С. 83–85.

Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Молодежь России: кризис гражданской идентичности // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2018. № 1. С. 140–150.

Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Гражданская идентичность молодежи: современный взгляд. Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир): Материалы IV международной научной конференции. Белгород, 2016. С. 56–61.

Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. О кризисе гражданской идентичности в современном мире // 21 век: фундаментальная наука и технологии: Материалы XII международной научно-практической конференции. North Charleston: CreateSpace, 2017. С. 40–42.

Коряковцева О.А., Доссэ Т.Г. Феноменологический подход к формированию гражданской идентичности российской молодежи // *Ярославский педагогический вестник*. 2016. № 6. С. 29–35.

Лисенкова А.А. Самокатегоризация как форма идентичности в социальных медиа // *Ценности и смыслы*. 2017. № 3 (49). С. 28–34.

Магомедов Д.З. Современные технологии формирования общероссийской идентичности // *Известия Дагестанского гос. пед. ун-та. Психолого-педагогические науки*. 2018. Т. 12. № 1. С. 79–83.

Моисеева Н.А. Современное российское общество: формирование «Мы-идентичности» // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2011. №1(13). С. 106–111.

Никонова Э.И., Абдрахманова Л.В. Факторы формирования гражданского самосознания российской молодежи в современных условиях // *Вестник экономики, права и социологии*. 2020. № 1. С. 138–141.

Пэлфри Дж., Гассер Урс. Дети цифровой эры. М.: ЭКСМО, 2011. — 368 с.

Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова, гл. ред., и др. М., 2017. Вып. 5: Политика идентичности. — 356 с. (Сер.: Политология).

Франкл В. Человек в поисках смысла: Сб. / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. — 368 с.

Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 90–99.

Grimalda G., Buchan N., Brewer M. Social identity mediates the positive effect of globalization on individual cooperation: Results from international experiments. *PLoS ONE*, 2018. P. 12–13.

Hamer K., McFarland S., Penczek M. What lies beneath? Predictors of Identification with All Humanity. *Personality and Individual Differences*, 2019. P. 258–267.

А.В. Понеделков

ЮРИУ — РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону,

К.В. Кудряшов

Северо-Кавказский социальный институт, Ставрополь,

А.А. Санькова

Ставропольский государственный педагогический
институт, Ставрополь

Социальные и политические последствия цифровизации политического управления

Каждая промышленная революция и технически, и экономически всегда является более прогрессивной по отношению к прежним, устоявшимся производственным формам. Общеизвестны результаты первых трех. Первая из них обеспечила переход к машинному производству, поставив точку в сложившейся цепочке ручного труда: ремесленное производство — мануфактура — фабричное производство. Вторая позволила массово использовать и электричество, и конвейер. Третья способствовала и автоматизации, и компьютеризации всех сфер нашей жизни, включая и производство, и современные науки, и массовые коммуникации, и много другое. Четвертую промышленную революцию связывают с надеждами на интегрирование киберфизических систем в производственные процессы, которые наделяются способностями самонастраивающихся и обучающихся моделей поведения структур (Сибиряков, 2017, с. 134).

Новые средства производства, технические и технологические новшества неизбежно дают более высокую производительность труда, снижение стоимости товаров, дешевую рабочую силу и многое другое. Однако эти технологические изменения, всегда создаваемые промышленными революциями, затрагивают не только сферу производства, технику, производительность труда, стоимость произведенных товаров или оказываемых услуг, но они не могут быть политически нейтральными процессами.

Все три предыдущие промышленные революции оказали очевидное воздействие на все сферы жизни общества и государства, в которых они происходили.

Полагаем, что цифровизация не станет исключением из этого взаимодействия, ее и социальные, и политические последствия для всего человечества будут колоссальны. Считаем, что цифровизация уже за-

тронула все крупные макропеременные: и ВВП, и инвестиции, и потребление, и занятость, и торговлю, и инфляцию, и многие другие. Вопрос только в том, насколько сильно повлияет цифровизация на все современное политическое управление, существующую власть в отдельно взятых государствах и ее институты?

Л.В. Сморгунов делает дальновидный вывод о том, что цифровизации неизбежно подвергнется и политическое управление, о том, что цифровизация уже неотвратимо отразится и на уже сложившемся в Российской Федерации государственном и муниципальном управлении, так как «цифровизация государственного управления станет процессом трансформации культуры, организации и взаимоотношений органов государственной власти с бизнесом и обществом посредством использования новых цифровых технологий (большие данные, Интернет, искусственный интеллект)» (Сморгунов, 2021, с. 28–29).

Новикова А.В. считает, что политическое управление в России переживает некий управленческий кризис, который приобрел всеобщий характер, задев основы управленческой вертикали и информационных потоков, что нарушило принципы дисциплины, стимулирования и ответственности, исполнения принятых решений, контроля, государственно-административной этики и культуры. Однако, по ее мнению, для России с ее собственным историческим опытом и своеобразной восприимчивостью к мировым новациям, огромными ресурсами и запасами устойчивости, возможностью социального динамизма вполне реальна перспектива научного, эффективного управления и властеотношений (Новикова, 2014, с. 39–40).

В странах Запада, где социальные и политические последствия цифровизации проявились раньше, тем не менее нет до сих пор единого конструктивного подхода для их решения. Есть лишь общее понимание того факта, что именно от военно-технического превосходства, которым обладает западная цивилизация последние четыреста лет, отказываться нельзя, поскольку именно собственный опыт стран Запада подтверждает важный вывод: технический прогресс в итоге приводит к победе или поражению ту или иную цивилизацию.

К. Шваб, один из ведущих идеологов четвертой промышленной революции, основатель и бессменный с 1971 г. президент Всемирного экономического форума (ВЭФ, Швейцария), призывает произвести великую перезагрузку, воспользовавшись условиями, которые дают всемирный экономический кризис 2020 г., четвертая промышленная революция и пандемия ковид-19, которые, по его мнению, и создали для всего человечества «узкое окно возможностей изменить мир» (буквально *narrow window of opportunity to change the world*). Желание поменять

этот мир К. Шваб и его адепты высказывали на своих встречах в Швейцарии на ВЭФ и ранее, ссылаясь на очевидный для них факт — понять и управлять технологиями XXI в. с помощью мышления XX в. и государственных институтов XIX в. невозможно, следовательно, новые проблемы требуют и новых подходов для их решения, а новое мышление у человека эпохи цифровизации еще не сформировалось, человечеству, обществу и государству нужны новые институты и отношения, нужны изменения и совершенствования законодательства (Шваб, 2018).

Какие же вызовы современному миру несет цифровизация? Прежде всего, помимо технического прогресса, четвертая промышленная революция несет с собой всему человечеству и технические, и технологические угрозы, среди них прежде всего постоянно растущая наша зависимость от различных технических и технологических систем.

В настоящее время человечество подошло к той черте, когда простой сбой различных технических систем способен повлечь за собой всевозможные потери: от финансовых до крупных техногенных аварий. Открытость виртуального пространства содержит другие вызовы, включая и хакерские атаки, взлом технических систем, и раскрытие самых различных секретов, содержащих тайны в самом широком диапазоне: от личной жизни индивида до тайн самого государства, кражи личности и т.п.

Медики и психологи уже бьют тревогу, заявляя, что из-за цифровых технологий человек теряет ряд существенных навыков и умений, уходит от реального мира в мир фантазий и иллюзий, способен перейти к «клиповому» мышлению. Например, с 13 сентября 2021 г. в США распространяется скандал, связанный с тем, что *Facebook* знал о широком спектре проблем именно с его продуктами, такими как вред от использования *Instagram* для психического здоровья девочек-подростков, и о намеренной дезинформации населения США о беспорядках в Капитолии 6 января 2021 г., при этом публично преуменьшал значение этих проблем (Carpenter, 2021).

Самостоятельный вызов человеку представляет и постоянное увеличение объема информации, которая каждые три года возрастает в четыре раза (Floridi, 2012, p. 435–437).

По мнению В.В. Стеценко, цифровизация формирует нам новую повестку дня, обусловленную процессами постпандемии, социально-экономическим спадом, дефицитом доверия между государством и гражданским обществом. Современный социум подвержен быстрым и кардинальным изменениям, при этом качественная трансформация затрагивает его параметры и внутренние связи, усиливает и устраняет возможность возвращения системы к прежнему состоянию. Именно

поэтому особую актуальность приобретает человеческий капитал, как безусловная ценность, гарантирующая устойчивость государства и общества в сложный период, когда происходит разрыв устоявшихся общественных связей и коммуникаций, а социальное время характеризуется неустойчивостью и нестабильностью. Однако, по его мнению, социальные процессы всегда оцениваются каждой личностью субъективно, исходя из совокупности разнородных причин: насколько было деформировано социальное время, насколько произошла утрата коллективной памяти, насколько отдельная личность атомизирована от социума, а сама общность людей утратила целостность социума. В этой обстановке и развитие, и внедрение информационных коммуникационных технологий обязательно создает все необходимые условия для кардинального (а возможно, и для радикального) изменения социального порядка, трансформирует человеческое восприятие и мировоззрение. Современный человек, по мнению В.В. Стеценко, уже отвергает жесткие ценностные ориентиры. Парадокс состоит в том, что человек, обладая современными достижениями естественных наук, не всегда понимает всех последствий их применения, а неслыханные ранее достижения технологического развития уже входят в противоречие с регрессом в социальной сфере (Стеценко, 2021, с. 155–165).

Помимо технических и технологических вызовов, цифровизация, теперь уже это ни у кого не вызывает сомнений, видоизменяет и современную политическую жизнь, и политическое управление. Еще в прошлом XX в. авторитетный исследователь данной темы — Л.В. Сморгунов — предложил рассматривать «политический менеджмент» как систему управления отношениями всех действующих политических акторов, возникающими в процессе выбора ими решений относительно публично-правовой сферы. При этом Л.В. Сморгунов предложил различать и широкое значение понятия «политический менеджмент», и узкое. В широком его понимании оно охватывает управление процессами прямой и представительной демократии, международными политическими отношениями, а также менеджериальные подходы к сфере государственного управления; в узком его понимании — лишь теорию и практику управления массовыми политическими кампаниями и политическими процессами влияния гражданского общества на государство (Сморгунов, 1999, с. 6–7).

Очевидно, что политический менеджмент является сегодня одной из самых распространенных политических технологий. Это особый вид управления в политике, когда субъект управления, стремящийся к достижению определенной политической цели, лишен возможности создавать общеобязательные нормы и опираться на право «леги-

тимного насилия» и поэтому вынужден применять особые приемы и способы решения своих задач, использовать разнообразные политические технологии.

Однако определить будущее политического управления в мире крайне трудно. Все зависит от того, как будут использованы сами цифровые технологии. Мы все являемся свидетелями того, что они могут быть использованы как для контроля за собственными гражданами, для создания новых технологий манипулирования их сознанием — как это происходит, например, в настоящее время в современных Соединенных Штатах Америки, странах Европейского союза и в других странах западного мира.

Однако на примере России мы видим иную картину, прежде всего — успешную реализацию электронного правительства, делающую политическое управление еще более открытым, прозрачным, а постоянно развивающиеся и применяемые в избирательном процессе России цифровые технологии, позволяющие информировать избирателей и иных участников избирательного процесса; цифровые технологии, связанные с подсчетом голосов избирателей, а также цифровые технологии, необходимые для организации контроля за ходом избирательного процесса, дистанционное электронное голосование и многое другое позволяют гражданам РФ более активно включаться во многие общественные и политические процессы.

Мы все являемся свидетелями обширного и быстрого развития информационных и коммуникационных технологий в последние годы.

Всего за несколько лет произошло реальное изменение отношения к управляемости, исчезла неопределенность политико-институционального характера цифровых технологий, и мы прослеживаем обеспечиваемость управляемости публичной сферой в контексте современной технологической революции.

Политическое управление за последние три десятилетия эволюционировало под влиянием новых информационных и коммуникационных технологий.

Информационные и коммуникационные технологии первых трех поколений и определили управляемость государства с функциональной (электронные государственные услуги), организационной (электронное участие) и коммуникативной (мониторинг демократии) позиций. Однако появилась и радикальная концепция в теории государственного управления — «управления без правительства».

Новое поколение информационных и коммуникационных технологий теперь представляет собой технологию распределенных баз данных (регистров), блокчейн, основанных на способности выполнять

прямые транзакции между пользователями распределенных сетей на основе криптографических протоколов и алгоритмов.

Однако полагаем, что цифровые технологии давно вторгаются в политическую природу и уже не являются просто технологическим средством повышения уровня эффективности выполнения функций.

Существующая практика отношений позволяет сделать вывод о том, что развитие сетей управления и институтов, а также политических сетей, каналов, которые постоянно возникают и ширятся в связи с цифровизацией, растущее влияние негосударственных субъектов на процессы принятия решений очевидно способны привести нас к снижению роли государства.

Считаем, что в современном политическом управлении многие проблемы, стоящие перед государством, скорее всего связаны с управляемостью общества как самоорганизующейся системы в условиях формирующегося единства социотехнических структур.

Думаем, что само внедрение новых информационных и коммуникационных технологий в механизмы гражданского участия и сотрудничества во взаимодействии властных структур и граждан просто уже необходимо и способно стать самостоятельным важным направлением конструирования сетевой эффективности политического управления, продвигаясь вперед в связи с развитием современной методологии сетевого анализа.

Список литературы

Новикова А.В. Политическая власть и политическое управление в современной России // *Власть*. № 3. С. 39–42.

Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. — 196 с.

Сибиряков П.Г. Облик новой промышленной революции в монографии «Четвертая промышленная революция» Клауса Шваба. М.: ЭКСМО, 2016. — 208 с. // *Стратегические приоритеты*. 2017. № 1 (13). С. 131–140.

Сморгунов Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // *Политическая наука*. 2021. № 3. С. 13–36.

Стеценко В. В. «Приоритет 2030» в контексте развития социальных институтов в России // В. В. Стеценко // *Communicology*. 2021. Vol. 9. No. 3. С. 155–165.

Шваб К. Четвертая промышленная революция // Пер. с англ.: Schwab, Klaus. *The fourth industrial revolution*. М.: ЭКСМО, 2018. — 285 с.

Carpenter S. Zuckerberg Loses \$6 Billion in Hours as Facebook Plunges. 10/04/2021 // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-04/zuckerberg-loses-7-billion-in-hours-as-facebook-plunges?srnd=premium-europe> (accessed: 04.10.2021).

Floridi L. Big Data and their epistemological challenge // *Philosophy and Technology*. 2012. Vol. 25 (4). P. 435–437.

А.О. Твердохлеб

МГУТУ им. К.Г. Разумовского, Москва

Политическая грамотность молодежи: проблемы взаимодействия власти и молодежи в России

Введение

Фокус внимания в данном исследовании сконцентрирован на проблематике коммуникации между обществом и государством, а именно с молодежью. Так, можно выделить проблемное поле коммуникации между государством и молодежью:

1) современная молодежь показывает низкую заинтересованность в политической сфере жизни общества, что является стратегической потерей государства при ориентации в будущее. По данным ситуационного центра *Smart ExitPoll* ВЦИОМ, на выборах президента 2018 года среди опрошенных проголосовало 17,4% граждан, средний возраст которых составляет 25 лет, и 9% граждан, средний возраст которых составляет 18 лет (РИА Новости..., 2021);

2) между государством и молодежью имеется ценностный разрыв, вызванный тем фактом, что молодежные ценности динамически трансформируются быстрее, чем общественные ценности в целом. Также на данный процесс оказывает влияние политический контекст, в том числе научно-техническое развитие, инновационный прогресс, эпидемиологическая ситуация. В результате перед государством встает необходимость систематически корректировать государственную политику в сфере молодежи.

Данное проблемное поле накладывается на общий уровень политической грамотности молодежи. Именно политическая грамотность обуславливает уровень политической активности, включенности в политические процессы, дезориентацию в политической сфере жизни общества.

Понятие политической грамотности

В дискурсе обществоведения под политической грамотностью подразумевают уровень обществоведческих знаний, умений и навыков политической деятельности, нравственных и гражданских качеств лич-

ности, позволяющий ей сознательно участвовать в политической жизни общества (Яценко, 1999).

Становится очевидно, что политически грамотных людей отличает осознанное отношение к тем или иным политическим явлениям, институтам, представителям и т.д., из чего следует, что отсутствие политической активности, низкий уровень доверия к власти не всегда являются следствием отсутствия политической грамотности. Человек, осознанно подошедший к политическим вопросам, может столкнуться с явлениями, которые не вписываются в его политическое мировоззрение, в результате чего возникает отчуждение человека от политической сферы жизни общества.

При изучении политической грамотности в другом контексте затрагивается тема ее отсутствия и последующий низкий уровень активности. Индивид с низким уровнем политической грамотности находится в неведении о законах политики, о работе и цели политической деятельности, о влиянии политики на общественные процессы, что приводит к слабому пониманию смысла политической деятельности, к низкому уровню вовлеченности общества в политическую жизнь, к неготовности участвовать в политической деятельности.

Данная тема касается молодежи, так как именно она является главным объектом процесса повышения уровня политической грамотности в силу необходимости политизации и большого представительства данной возрастной группы (на 2020 г. численность данной возрастной группы составляет 39,1 миллиона человек¹).

Теоретическая база исследования

Теоретическая база исследования состоит из следующих элементов: теория поколений, теория политического процесса, государственная молодежная политика. Теория поколений объясняет причины различий систем ценностей разных поколений, выросших в разные исторические периоды, и описывает оптимальные подходы к тому или иному поколению (Generations., 1953, с. 185–190). Теория политического процесса описывает методики управления политическими изменениями, позволяющие дать данным изменениям позитивную направленность, которые способствовали бы оптимизации деятельности политической системы по управлению социальным, экономическим и духовным развитием общества (Гончаров, 2018, с. 79). Госу-

¹ Всероссийская перепись населения. «Как меняется молодежь и что покажет перепись?» // Электронный ресурс: <https://www.strana2020.ru/mediaoffice/kak-menyetsya-molodezh-i-chto-pokazhet-perepis/>.

государственная молодежная политика — это направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала¹.

Формы и каналы взаимодействия власти и молодежи. Проблемы взаимодействия

Вопросы по взаимодействию молодежи и власти декларированы в Государственной молодежной политике Российской Федерации. В настоящее время внимание к молодежной политике со стороны государства весьма пристально. Одним из вызовов, стоящих перед государством, является политическая социализация молодежи, в частности отсутствие у молодых людей сформированного мировоззрения, основанного на позитивных ценностях инноваций, патриотизма, нравственности, правосознания².

Система образования играет весомую роль в формировании политической грамотности молодежи. Базовая политическая грамотность закладывается на уроках обществознания, истории в школе. Интеграция школьников в политическую жизнь общества имеет следующие формы: усиленная теоретическая подготовка; создание и поддержка функционирования молодежного парламентаризма; организация в учебных заведениях самоуправления с собственными выборами, парламентом и другими атрибутами гражданского общества.

В средних и высших учебных заведениях взаимодействие государства и молодежи приобретает форму планомерной разнонаправленной работы со студентами гражданско-патриотического, правового, общекультурного характера. Студенты вовлечены в общественную деятельность районных и областных молодежных, добровольческих, благотворительных организаций; имеют возможность участвовать в студенческих организациях, открыто заявлять и продвигать свои идеи, проекты через студенческое самоуправление, деятельность научного студенческого клуба и т.д.

¹ Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». // Электронный ресурс: <https://docs.cntd.ru/document/420237592#65A0IQ>.

² Там же.

Существуют органы, не включенные в образовательную систему, которые также способствуют близкому взаимодействию государства и молодежи. Таковым является, например, общенациональный орган власти «Росмолодежь», деятельность которого целиком сосредоточена на развитии молодых граждан России. Задача органа состоит в создании максимального количества возможностей для самореализации молодых людей через поддержку частных и общественных проектов, ориентированных на молодежь и ее интересы.

В целях реализации молодежной политики на различных уровнях управления достаточно широко используется программно-целевой подход. Так, в стране в части реализации ГМП действуют целевые программы на региональном и местном уровнях, которые имеют два основных направления деятельности: *во-первых*, осуществление совместной деятельности органов власти и молодежных организаций в части реализации мероприятий по подпрограммам молодежной политики; *во-вторых*, содействие развитию и поддержке осуществления деятельности молодежными организациями¹.

Одной из таких программ является муниципальная программа «Молодежь» Волжского сельского поселения Некоузского муниципального района Ярославской области². Целью данной программы является организация условий развития эффективной молодежной политики в социальной среде, условий для адаптации и интеграции молодежи в экономическую, культурную и политическую жизнь. Одно из направлений программы нацелено на патриотическое воспитание через организацию и проведение мероприятий ко Дню молодежи, Дню семьи, Дню поселка и т.д. Схожая программа реализуется на федеральном уровне, например, в Ярославской области³.

Другим подходом в реализации молодежной политики является проектный подход, где проекты, разработанные в соответствии с методологией Стратегии ГПМ в РФ, открывают равные возможности для участия в них всем молодым людям для более эффективного решения социальных, экологических, экономических и других вопросов. Такая форма взаимодействия позволяет молодежи обрести уверенность в возможностях влиять на власть и защищать свои интересы.

¹ О государственной молодежной политике в Российской Федерации: Проект Федерального закона №1103505-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.06.2016).

² Муниципальная целевая программа «Молодежь» на 2019–2021 годы. Ярославская область.

³ Приказ от 25 февраля 2020 г. № 4-н «Об утверждении ведомственной целевой программы “Реализация государственной молодежной политики в Ярославской области” на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».

Одним из таких проектов является «Молодежный парламент» — основная форма молодежного представительства. Молодежные парламенты призваны не только осуществлять консультативно-совещательную функцию, но и участвовать в разработке нормативно-правовых актов. Важность парламентов состоит в том, что молодежь выступает активным субъектом влияния на государственную власть с целью реализации своих интересов не только в теории, но и на практике. На 2020 г. молодежные парламенты функционировали в 83 субъектах Российской Федерации (Купорез, 2020, с. 20–34). Например, молодежный парламент Свердловской области является совещательным и консультативным органом при Законодательном Собрании Свердловской области и состоит из 50 депутатов в возрасте от 16 до 31 года.

В рамках проектного подхода были также реализованы общенациональные проекты, такие как «Единая молодежная информационная сеть»¹, «Российские студенческие отряды»², «Доброволец России»³ и т.д.

Таким образом, государственная политика всецело направлена на развитие, поддержку и помощь в становлении молодого поколения, разрабатываются и законодательно закрепляются программы, создаются площадки для самореализации, продвижения молодежи, проводятся форумы и многое другое.

Проблема взаимодействия молодежи и власти является актуальной в связи с постоянной сменой поколений. Те, кто несколько лет назад был в возрастной категории 18–35 лет, имели отличные от современной молодежи ценности, взгляды, мышление, мировоззрение. Перед властями встает необходимость закономерно разрабатывать, создавать, тестировать новые средства коммуникации и средства влияния, ориентируясь на новое поколение молодежи, на которую прежние средства уже не имеют того же эффекта.

Молодежь в нынешних реалиях находится под давлением трансформаций, связанных с пандемией ковид-19 (Рынок труда..., 2021, с. 33–44), цифровизацией (Трансформация рынка..., 2019, с. 166–181), научно-техническим прогрессом, в результате чего перед ней возникает необходимость в умении быстро адаптироваться к современным реалиям (Кох, 2019, с. 6–17). Властям в связи с быстрой сменой ценностных ориентаций молодежи также необходимо быстро реагировать

¹ Единая молодежная информационная сеть. URL: <http://xn--e1aglv.xn--plai/> (дата обращения: 05.09.2021).

² Российские студенческие отряды. URL: <https://xn--d1amqcgedd.xn--plai/> (дата обращения: 06.09.2021).

³ Доброволец России. URL: <https://dobro.ru/> (дата обращения: 07.09.2021).

на эти изменения, но в силу сложности и «неповоротливости» системы это сделать затруднительно.

Современная молодежь в своей жизнедеятельности руководствуется нравственными принципами. В глазах молодежи возросла значимость индивидуальных жизненных ценностей, таких как карьера, успех, материальное благополучие, тогда как значимость общественных ценностей снизилась. Успех для молодых людей сопровождается такими положительными социальными качествами, как интеллигентность, честность, достоинство, порядочность, доброта, милосердие, кротость, а в связи с важностью успеха молодежь нацелена на развитие данных качеств (Нравственные представления..., 2016, с. 94–103).

Для молодежи важны лидеры мнений, на которых они ориентируются в своей жизнедеятельности. Лидерами мнений для молодежи стали блогеры, медийные личности, тиктокеры, не всегда являющиеся экспертами и образцами для подражания. Таковыми являются, например, Моргенштерн, Ольга Бузова, Анастасия Ивлеева, Даня Милохин, Элджей, Юрий Дудь, Илья Варламов и другие. Молодежь, наблюдая за данными персонами, которые не имеют политически направленного контента либо же имеют антигосударственный контент, теряют ориентиры на политическую сферу жизни общества и дистанцируются от нее.

Другой проблемой взаимодействия власти и молодежи является несистематичность активной информационной деятельности власти, которая активизируется лишь при приближении важного политического события. Например, выборы президента, депутатов, голосование за поправки в конституцию, государственные праздники и т.д. Для повышения политической грамотности молодежи и ее политической активности необходимо создавать постоянную информационную повестку, которая будет затрагивать не только привлечение внимания к политическим событиям и повышение гражданской активности в их преддверии, но и обсуждение и освещение общих политических вопросов, трансляцию деятельности государственных органов, результаты этой деятельности и т.д.

Заключение

Молодежь как двигатель будущего находится в фокусе внимания государства с точки зрения политики. Государство нацелено на налаживание взаимодействия с молодежью, что осуществляется через государственную молодежную политику, через создание площадок для самореализации, продвижения молодежи, через проведение форумов

и т.д. На государственном уровне функционирует общенациональный орган власти «Росмолодежь», деятельность которого целиком сосредоточена на развитии молодых граждан России, реализуется программный и проектный подходы, налаживается взаимодействие молодежных организаций и общероссийских общественных организаций. Во взаимодействии власти и молодежи существует ряд проблем: низкая заинтересованность молодежи в политике, разрыв ценностных ориентаций власти и молодежи, связанные с быстрыми трансформациями общества. Для решения перечисленных проблем необходимо повышать уровень политической грамотности молодежи через создание постоянного информационного «купола», который будет систематически транслировать новости, материалы, которые необходимы для повышения уровня политической грамотности молодежи; через изучение ценностных ориентаций молодежи и учитывание их при взаимодействии с молодыми людьми; через персонификацию политической деятельности, которая сопровождалась бы созданием политических личностей — лидеров мнений для молодежи. Данные шаги позволяют государственным органам стать более маневренными, адаптивными и гибкими, что необходимо для успешной деятельности по работе с молодежью, а также позволяют повысить уровень политической грамотности молодежи в государственных целях.

От политической грамотности не только правящей элиты, но и граждан зависит развитие страны, ее экономическое, социальное и политическое благополучие. Молодежь — один из основных сегментов общества в вопросах повышения грамотности, так как она является преемницей современных деятелей политики, а также преемницей нынешнего поколения граждан среднего возраста. Повышение политической грамотности повлечет за собой последующие грамотную внешнюю и внутреннюю политику, проводимую властью, высокую степень вовлеченности граждан в политические процессы и усовершенствование политических процессов в обществе за счет грамотного электората и гибкой политической системы.

Список литературы

- Гончаров П.К.* Политический процесс: сущность и содержание // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 78–86.
- Дигилина О.Б., Тесленко И.Б.* Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 166–181.
- Кашепов А.В., Афонина К.В., Головачев Н.В.* Рынок труда РФ в 2020–2021 гг.: безработица и структурные изменения // Социально-трудовые исследования. 2021. Т. 43. № 2. С. 33–44.

Кох И.А. Отношение студенческой молодежи к предпринимательской деятельности // Дискуссия. 2019. Т. 96. С. 6–17.

Купорез К.Д. Молодежные парламенты в современной России: региональный опыт / К.Д. Купорез // Документ. Архив. История. Современность: Сб. научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. Вып. 20. С. 20–34.

РИА Новости. «Exit poll ВЦИОМ: молодежь проявляет умеренную активность на выборах» // URL: <https://ria.ru/20180318/1516684078.html> (дата обращения: 05.09.2021).

Уварова В.И., Федосеева М.А. Нравственные представления и ориентиры современного студенчества // Образование и общество. 2016. № 2 (97). С. 94–103.

Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. М., 1999.

Strauss W., Howe N. Generations. The History of America's Future, 1584 to 2069. Harp. peren, 1991.

А.А. Шестакова

М.В. Николаева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Как СМИ формируют дискурсивное политическое пространство в Интернете: триггерные точки взаимодействия «партии–электорат» в контексте избирательного цикла 2021*

Введение

Общественно-политический дискурс в современной России сосредоточен на предвыборной кампании и новом электоральном цикле, который начался в сентябре 2021 года, когда завершилась работа Государственной Думы седьмого созыва. Особенностью этого электорального цикла являлось развитие предвыборных кампаний благодаря информационно-коммуникационным процессам, находящимся в контексте цифровизации. Процессы цифровизации перевернули привычное восприятие политического контента в его фрагментированное или

* Статья написана в рамках исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ (научный проект № 21-011-31826 «Делиберативная практика взаимодействия парламентских партий с электоратом: структурно-коммуникативный анализ» (2021).

клиповое восприятие. Смыслы, которые закладываются политическим субъектом, по-разному воспринимаются потребителями информации.

Актуальность данного исследования, прежде всего, позволит говорить о развитии публичной сферы в России посредством анализа государственно-общественных отношений, в которых дискурсивное поле «партия–электорат» стоит на первом месте, особенно в контексте электорального цикла.

Актуальность исследования подчеркивается результатами применения новой методики, которая позволяет исследовать дискурсивные поля политических партий в онлайн-пространстве, возникающие сначала в информационно-новостном потоке аналитических и социологических агентств, а затем тиражируемые социальными платформами, блогосферой и лидерами мнений, способными создавать триггерные точки взаимодействия политических субъектов и граждан.

Политические партии по своей сути должны выполнять представительскую функцию, отражая интересы своего электората, быть с ними во взаимодействии на протяжении всего срока созыва Государственной Думы. По факту мы видим, что политические программы и обещания, высказанные в предвыборный период, меняются с приходом официального статуса, который регламентирует политическую повестку дня на более актуальную и востребованную. Важно понимать, насколько дискурсивные поля, созданные политическими партиями в предвыборный период, совпадают с реальными действиями избранников, ведь как результат — отсутствие постоянного общественного контроля в форме делиберации, обсуждение проблем парламентских партий с народом и невозможность отчета перед народом о выполненных обязательствах ведет к тому, что снижается уровень доверия к парламенту и актуализируется уровень протестных настроений.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологическая основа исследования состоит из разработки теоретических концептов понятия «делиберативная демократия», а также интерпретационных рамок, которые отражают российскую модель политического устройства. Впервые о принципах делиберативной демократии заговорил Джозеф Бессет, он же автор данного термина, впервые употребивший его в 1980 году (Бессет, 2011). Именно в этом году в США актуализируется общественный запрос на информационную открытость политической системы, которая должна базироваться на общественных дискуссиях в принятии решений

(Bessette, Pitney, 2010). Информационная открытость политических процессов стала актуальной в цифровую эпоху не только в США, но и по всему миру, в тех странах, которые были готовы к трансформации политических систем под влиянием онлайн-пространства, включающего социальные медиа и социальные платформы.

Инновационную тенденцию о гласе народа, как новом способе коммуникативного взаимодействия власти и общества, препарировать российские ученые, в числе которых Л.Н. Тимофеева (Тимофеева, 2018), Н.А. Рябченко (Рябченко и др., 2019), С.В. Володенков (Володенков, 2017), Л.В. Сморгун (Сморгунов, 2014), А.В. Соколов (Соколов, 2016). Л.Н. Тимофеева изучала политическую коммуникативистику, а именно взаимоотношения власти и гражданского общества. Они актуализировали научный интерес исследования больших данных в интернет-пространстве, в котором изучается демократизация политического дискурса.

Фундаментальные выводы, сделанные Л.Н. Тимофеевой, связаны с выявлением структурных и процессуальных компонентов формирования цифровой социально-политической повестки в онлайн-пространстве. Исследованные нами триггерные точки взаимодействия «партия–электорат» дополняют данное исследование в качестве мониторинга цифровой предвыборной повестки дня в онлайн-пространстве. Исследованиями политического контента, который формируется гражданами и сетевыми политическими субъектами, занимались А.А. Гнедаш и Н.А. Рябченко, именно они выявляли триггерные точки взаимодействия власти и других политических субъектов, обладающих региональной или оппозиционной спецификой. Исследования С.В. Володенкова и А.В. Соколова направлены на изучение интернет-коммуникаций в глобальном пространстве Интернет, что в целом характеризует состояние политической коммуникации в российских реалиях как новый тренд виртуализации и медиатизации политики. Обобщая политические практики, происходящие в онлайн-пространстве, Л.В. Сморгун определяет его сетевой ландшафт, что в последующем определяет сетевую природу коммуникации политических субъектов и граждан. Анализируя теоретико-методологические предпосылки заявленной темы, мы определяем дискурсивное поле политических партий для того, чтобы инкорпорировать триггерные точки взаимодействия политической партии и электората в политическую повестку дня накануне выборов в Государственную Думу.

Политический дискурс определяет вектор формирования и конструирования публичной политики. Интерпретацию понятия политического дискурса в широком смысле представляла Е.И. Шейгал (Шейгал, 2000),

где любые смысловые и речевые конструкции, относящиеся к политической деятельности и имеющие политический смысл, относятся к понятию политического дискурса. Узкого определения политического дискурса придерживается представитель голландской лингвистической школы Т. ван Дейк (Van Dijk, 1998), который ограничивает понимание политического дискурса только в контексте профессиональных рамок, тем самым запечатывая в этот термин только конкретную политическую деятельность: правительственные прения, парламентские дебаты, партийные программы, полемику политических деятелей, а именно те конструкты, которые напрямую относятся к политике. Вместе с этим голландский лингвист отражает и институциональную составляющую политического дискурса, определяя заседание правительства, сессию парламента, съезд политической партии как неотъемлемую дискурсивную составляющую политической деятельности. Иными словами, дискурс представляется политическим в том случае, если он формирует политический акт в политической конструкции.

Методология и эмпирическая база исследования

Парламентские партии и электорат находятся в постоянном взаимодействии, активно создаются новые каналы общественно-политического дискурса в онлайн-пространстве. При помощи лингводискурсивного анализа новостного поля четырех политических партий: Всероссийской политической партии «Единая Россия», политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), либерально-демократической партии ЛДПР, социалистической политической партии «Справедливая Россия — патриоты — за правду», нами были определены и проанализированы смысловые единицы, тиражируемые в информационно-новостном потоке. Данные были выгружены с сайтов информационных агентств ТАСС¹ (80 тыс. материалов), РИА Новости² (65 тыс. материалов), Интерфакс³ (30 тыс. материалов) за период с 1 апреля 2021 года по 1 июля 2021 года для определения наибольших количественных характеристик, определяющих дискурсивное поле «партия—электорат». Проанализированный медиа-

¹ Материалы информационного агентства «ТАСС». URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 12.07.2021).

² Материалы информационного агентства «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 12.07.2021).

³ Материалы информационного агентства «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/> (дата обращения: 12.07.2021).

текст рассматривается в качестве отражения интересов различных сторон коммуникации (политические партии, государство, пользователи, электорат) с целью определения социального контекста предстоящего электорального цикла. При помощи контент-анализа мы определили основные закономерности распространения информационного потока, чтобы выявить реакцию аудитории на тиражирование новостных публикаций. Публикуемый медиатекст отражает интересы различных социальных групп, запросы сторон, участвующих в коммуникации в общем социально-политическом контексте.

Далее был проведен подсчет частоты и объема упоминаний смысловых единиц исследуемого нами текста с целью выделения самых популярных слов-триггеров у каждой политической партии. Таким образом, каждая политическая партия публиковала и тиражировала предвыборный политический контент, направленный на привлечение внимания и актуализацию своей предвыборной программы. Именно эти 20 слов триггеров формируют дискурсивное поле каждой политической партии в онлайн-пространстве.

Следующий этап анализа данных включает применение метода сетевой аналитики, которая визуализирует полученные данные для интерпретации основных социально-политических процессов, в которые включены четыре политические партии (рис. 1–4).

С помощью аналитической визуализации, построенной по сетевому принципу узлов и линий, которые их соединяют и демонстрируют связи, где посредством добавления узлов (в данном случае это наиболее употребляемые слова в контексте партий в информационном поле)

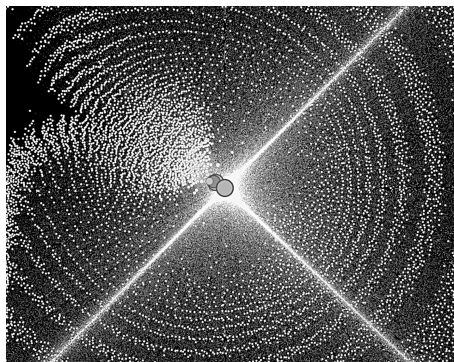

Рис. 1. Партия «Единая Россия», распределение слов-триггеров информационного агентства ТАСС

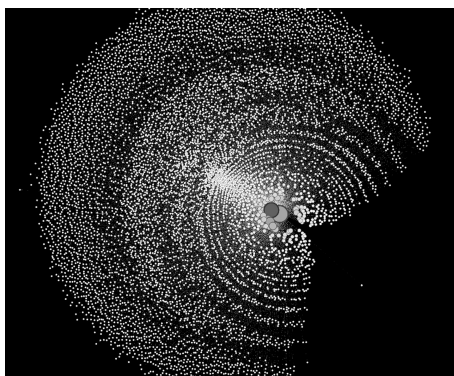

Рис. 2. Партия «КПРФ», распределение слов-триггеров информационного агентства ТАСС

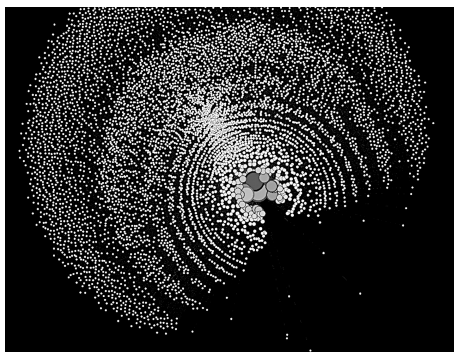

Рис. 3. Партия «ЛДПР», распределение слов-триггеров информационного агентства ТАСС

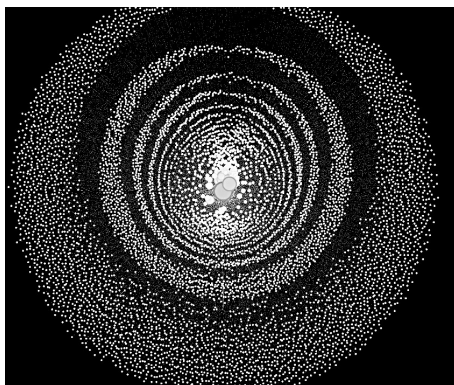

Рис. 4. Партия «СР», распределение слов-триггеров информационного агентства ТАСС

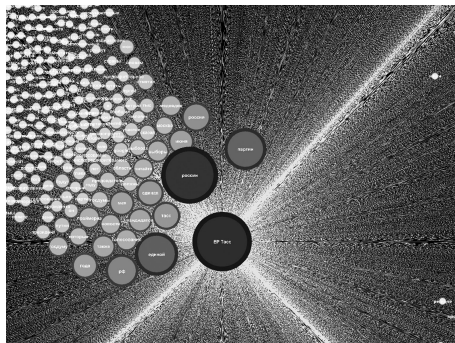

Рис. 5. Партия «Единая Россия», распределение слов-триггеров информационного агентства ТАСС

мы соединяем их ребрами (центральным узлом является политическая партия в соответствии с рис. 5).

В исследовании используется методика сетевого анализа, где основой закладывает правило укладки, в зависимости от того, какие данные получились, программа использует математическую модель укладки, загоняя все параметры в рамки. После проведения укладки то, где находятся узлы, имеет важное значение, поскольку каждому узлу присваивается координата в этой плоскости. Узлы, которые находятся в противоположных местах от центрального, не существуют в одном событии, и эти процессы не пересекаются между собой по правилу сетевой укладки и сетевой аналитики.

Это поможет нам оценить качество дискурсивного поля каждой из политических партий, а также проанализировать их взаимодействие с электоратом на предмет точек соприкосновения, где, с одной стороны, граждане и их интересы, а с другой — принятие политических решений.

Результаты исследования

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

- Нами были выделены 20 слов-триггеров в информационном поле с наибольшей частотностью упоминаний, причем первые десять слов основывались на личностях, персонифицированных образах лидеров партий, такие как В. Путин, Д. Медведев, Г. Зюганов, В. Жириновский, С. Миронов. Впоследствии не так часто употребляемыми станут имена других кандидатов в депутаты Государственной Думы, например Юлия Волкова, Анатолий Вассерман, Дмитрий Певцов, Ев-

гений Попов, Виктория Дайнеко, и других знаменитостей, но зачастую новостной контент таких публикаций решал задачу привлечения внимания пользователей к политической партии, чьи интересы отражают известные артисты, телеведущие, певцы и медийные личности.

■ Образ конкретной политической партии формировался исходя из личностного аспекта. Это формирует образ конкретной партии исходя из индивидуальных характеристик представительства партии, здесь имидж политической партии зависит от персонифицированного образа. Следующие десять слов набирают меньшую частотность и обозначают глаголы действия, указания, распоряжения. Глаголы действия у партии «Единая Россия» имеют более выраженный характер по частотности упоминания в сравнении с другими партиями, причем лидерам по частотности упоминаний первых 20 слов-триггеров являются новостные порталы «ТАСС» и «РИА Новости», представляя партию «Единая Россия». В этих новостных порталах глаголы действия и существительные, обозначающие председателя партии (в контексте «Единой России»), расположены близко друг к другу и пересекаются, это создает образ как лично-ориентированной, так и деятельной партии. Интересно отметить, что глаголы, относящиеся к описанию обсуждения тех или иных действий (заявил, сказал, читать, перейти, отметил), у партии «Единая Россия» в первой десятке по частотности упоминаний, а у «КПРФ» и «СР» ни одного. Глаголы, относящиеся к формулированию организации решения и результатов решения проблем, нет ни у одной партии. Слово-триггер «должны» есть только в дискурсивном поле партии «Единая Россия», как слово-указание конкретным действиям, артикулируя и направляя государственную политику в разных областях. Слово «выборы» чаще всего присутствует в новостном поле партий, что указывает на освещение там предстоящих событий.

■ Политические партии «КПРФ», «ЛДПР», «СР» тиражируют собственную повестку через упоминание партии-оппонента. Так, новостной контент партии «СР» через «РИА Новости» и «ТАСС» транслирует упоминание партии «КПРФ» (входит в 10 самых часто употребляемых слов-триггеров), через «Интерфакс» партия «СР» притягивает внимание электората партии «ЛДПР» (входит в 10 часто употребляемых слов-триггеров) к своему информационному полю. Партия «ЛДПР» посредством «РИА Новости» транслирует политику «КПРФ», тем самым привлекая внимание электората оппонента к собственной повестке. На рис. 6 можно увидеть, что узел «КПРФ» расположен близко к ядру основного узла партии «ЛДПР», что означает концентрацию наиболее часто упоминаемого слова партии-оппонента в информационном поле «ЛДПР».

■ Количество публикаций ближе к выборам возрастает, частота увеличивается и коррелирует с общественно-политическими меропри-

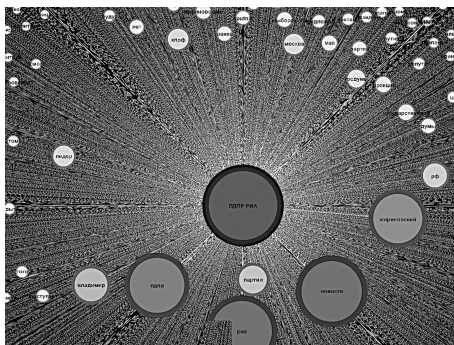

Рис. 6. Партия «ЛДПР», распределение слов-триггеров информационного агентства «РИА Новости»

иятиями, организованными самими партиями (праймериз, съезд партии). Иными словами, информационный дискурс новостных агентств напрямую зависит от событийного ряда партийных мероприятий, в отличие от формируемого дискурса в онлайн-пространстве, где контекст задается пользовательским сообществом и тиражируется в зависимости от интересов электората.

■ Каждая политическая партия транслирует политические ценности, определяющие ее аксиологический аппарат, к примеру, «КПРФ» апеллирует к позитивному образу советского прошлого, «ЛДПР» определяет курс на либеральные реформы в стране, где лидер партии транслирует эмоционально-провокационные заявления, привлекая внимание электората. «Справедливая Россия» добавляет к названию слова «за правду», что отразилось на высокой частотности такого слова-триггера, направляя внимание граждан на такие политические установки, как честность, справедливость и прозрачность политических процессов. Политическая партия «Единая Россия» заполняет информационное пространство результатами предпринятых реформ в социальной, экономической и политической жизни общества. Число законов, которые были приняты Государственной Думой 7-го созыва, в большинстве случаев были предложены и инициированы партией «Единая Россия».

Выводы и рекомендации

Таким образом, лингводискурсивный анализ и метод аналитической сетевой визуализации позволяют не только определить коммуникационные процессы между политическими партиями и электоратом в условиях цифровизации, но и исследовать новые политические трен-

ды, формируемые в дискурсивно-публичном поле выборов в Государственную Думу в 2021 году.

Политические партии через новостные агентства, представленные в Интернете, создают персонифицированный образ политического субъекта, а не деятельностный, что подтверждает отсутствие смысловых единиц, относящихся к деятельности организации и отражению результатов решения проблем.

Подобные исследования позволят нивелировать манипулятивные технологии в отношении электората, помогут определить вектор работы для регулирования имиджа политических субъектов и обозначат вектор работ при разработке деятельностного аппарата политической активности.

Список литературы

Бессетт Дж. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти / Пер. с англ. Ю. Шпакова. М.: РОССПЕН, 2011. — 336 с.

Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского гос. ун-та (электронный журнал). 2017. № 4.

Материалы информационного агентства «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/> (дата обращения: 12.07.2021).

Материалы информационного агентства «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 12.07.2021).

Материалы информационного агентства «ТАСС». URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 12.07.2021).

Рябенко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. 2019. № 2. С. 92–106.

Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. 2014. № 4. С. 21–37.

Соколов А.В. Сетевой политический процесс и выборы // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 4. С. 116–124.

Тимофеева Л.Н. Взаимный контроль государства и общества как условие устойчивости политической системы // Проблемы устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. С. 269–278.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. С. 328–365.

Bessette J.M., Pitney J.J. American government and politics: Deliberation, democracy, and citizenship. Boston, MA: Wadsworth, 2010. — 736 p.

Van Dijk T.A. What is political discourse analysis? / T.A. Van Dijk // Political linguistics; ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. Amsterdam, 1998.

В.Н. Якимец

Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича
РАН, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва,

Л.И. Никовская

ФНИСЦ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

О цифровой трансформации муниципальной публичной политики: проблемы, инструменты, стратегия, практика

Предпосылки для цифровой трансформации МПП

В стране реализуется национальная программа «Цифровая экономика», которая включает федеральную программу цифровизации в системе государственного и муниципального управления. В больших городах (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и др.) ведется разработка цифровых платформ, кроме порталов администраций заложены основы для цифровых муниципалитетов. По сути дела, происходит повышение качества управления городскими ресурсами за счет внедрения интегрированных цифровых платформ управления, объединяющих информационные потоки от разных городских структур. Органы местного самоуправления (далее — МСУ) и муниципальной власти получают в оцифрованном виде информацию для обеспечения управления здравоохранением, градостроительством, ЖКХ, транспортными потоками и другими городскими системами. Иными словами, для администрации города, муниципалитетов и городских служб генерируется и оперативно поставляется важная управленческая информация для принятия решений. Жители муниципальных образований (далее — МО) получают онлайн государственные и муниципальные услуги и имеют доступ к онлайн-сервисам в разных сферах жизни: ЖКХ, образование, здравоохранение, транспорт, социальная поддержка и др.

Проблемные темы жизнедеятельности и развития МСУ

Не углубляясь в детали, обозначим список проблемные темы:

- передача полномочий МСУ при необеспеченности средствами/ресурсами;

- неэффективность бюджетных расходов на содержание аппарата МСУ;
- невысокий уровень цифровых компетенций муниципальных служащих;
- слабая налогооблагаемая база в муниципальных образованиях;
- сокращение занятости и рабочих мест в муниципальных образованиях;
- обветшание жилищного коммунального фонда и инфраструктуры;
- обнищание населения и рост бедности в муниципальных образованиях.

Опыт применения цифрового инструмента оценки состояния МПП на основе социологических исследований в разных МО

Мы изучали деятельность институтов и механизмов, а также акторов и субъектов МПП на основе опросов, интервью и фокус-групп резидентов МО и индексного подхода. В основе — индексный подход к оценке деятельности институтов и механизмов, а также работы субъектов и акторов МПП с вовлечением в процесс оценивания на базе модели соучастия активных представителей и экспертов местного сообщества (власть, бизнес, сотрудники муниципальных унитарных предприятий (далее — МУП) и НКО). Индексный подход дополнен оценкой МПП по ряду критериев (степень консолидированности, функциональность, состоятельность и др.). За 2017–2021 годы исследования были выполнены в 42 МО (4 из Республики Татарстан; 2 из Костромской области; 2 из Ярославской области; 25 из Республики Крым (1 городской округ и 1 муниципальный район); 9 из 10 внутригородских муниципальных округов в Севастополе. После обработки результатов опросов проводили фокус-группы в малых группах респондентов. Опишем кратко результаты опросов в 2020 г. в Сакском муниципальном районе (включает 24 сельских поселения) и в Севастополе (в 9 из 10 внутригородских муниципальных округов).

Дефиниция: Муниципальная публичная политика — это система взаимодействия имеющих полномочия субъектов, отвечающих за подготовку и принятие управленческих решений, касающихся функционирования и развития муниципального образования (его институтов, форм и механизмов, обеспечивающих жизнедеятельность жителей и всей социально-экономической системы) в процессе коммуникации

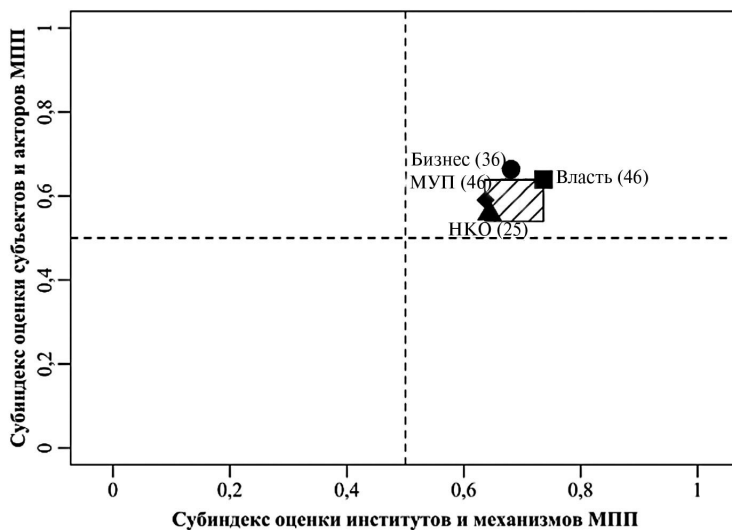

Рис. 1. Индекс оценки МПП, Сакский муниципальный район. Сентябрь 2020 г.

с различными акторами-участниками при выработке актуальной повестки дня для местного сообщества, реализации программ/проектов и создания комфортных условий и инструментов для вовлечения граждан в развитие местного сообщества (Якимец, 2021, с. 593–594).

Состояние МПП в Сакском муниципальном районе

Согласно интегральной индексной оценке состояния МПП, в Сакском районе мы имеем дело с партнерским типом публичной политики (рис. 1), когда оценки четырех групп респондентов (представителей власти, НКО, сотрудников МУП и бизнеса) консолидированы (попали в заштрихованный прямоугольник, отвечающий метрике Чебышева) и расположились в верхнем — партнерском квадранте индексного пространства.

Это означает, что ожидания всех целевых групп публичного поля МПП близки друг другу, они взаимодействуют на основе принципов межсекторного партнерства и взаимоподдержки при принятии социально значимых решений по развитию территории района. (Детали методики расчета Индекса МПП опубликованы в работе: Якимец, Никовская, 2018, с. 73–102.) По субъектному срезу МПП в Сакском муниципальном районе более активная позиция выражена у предста-

вителей органов МСУ, муниципальной власти и малого и среднего бизнеса. Критичнее оценки своего субъектного потенциала дали эксперты от НКО-сообщества и сотрудников МУП. (Подробнее итоги, включая графики, опубликованы в работе: Якимец, Никовская, 2020, с. 22–37.) «Местной спецификой» МПП стала низкая оценка активностного потенциала отделений федеральных политических партий (все четыре группы низко оценили их роль в МПП), а также критический настрой по отношению к деятельности профсоюзов со стороны представителей НКО. Последние более всего сотрудничают с депутатами района, а также с исполнительными органами МСУ. Спецификой района можно считать оптимистичный и позитивный публичный настрой местного бизнеса: он высоко оценивает свои возможности как ответственного агента социальной политики, уверенно взаимодействует с НКО и самим населением, а также с органами местной власти. Доминантным субъектом Сакского района в поле МПП выступают органы местной власти, ее исполнительные структуры, которые, по мнению всех респондентов, успешно реализуют полномочия МСУ. Проблемные аспекты функционирования Сакского муниципального района как хозяйствующего субъекта и местного сообщества были выявлены из ответов на вопрос «*Какие проблемы жизнедеятельности муниципального образования, где Вы проживаете, являются наиболее острыми?*». Обобщив ответы респондентов из четырех групп, выделили шесть проблемных областей:

1. Сезонность в деятельности субъектов хозяйствования, нехватка рабочих мест, низкий уровень заработных плат.
2. Проблемы медицинского обслуживания. В условиях пандемии больницу закрыли (единственную) и открыли обсерватор.
3. Плохие дороги, и никто не хочет на них тратить средства.
4. Сложная и длительная система закупок товаров и услуг.
5. Слабое пополнение бюджета (нет градообразующих предприятий), нехватка средств на развитие, в том числе на благоустройство.
6. Недостаток спортивных объектов — детская спортивная инфраструктура недостаточна (нет велотрека), мало парковых зон для отдыха с детьми.

Итак, муниципальный уровень в восприятии жителей испытывает недостаток финансов для обеспечения устойчивой деятельности экономики района, неудовлетворительное состояние инфраструктуры — дороги и пр., и проблемы с обеспеченностью важными обще-

ственными благами — услугами здравоохранения, спортивного и досугового отдыха. Ответы на вопрос «*Что, по Вашему мнению, нужно сделать для решения проблем благоустройства?*» показали, что респонденты рассматривают себя в качестве важного ресурса формирования «повестки дня» развития территории, организации содержательной «обратной связи», что позволило бы органам МСУ лучше реализовывать гражданские компетенции своего управления. Показательна реакция на вопрос «*Решив заняться улучшением положения дел в МО, что бы Вы сделали первым делом?*». Вопрос был открытым, и требовалось самостоятельно сформулировать ответ. Более 72% респондентов дали развернутые варианты ответов, что свидетельствует о высоком уровне заинтересованности принять участие в обустройстве жизни в муниципальном районе и в совершенствовании управления. Систематизация ответов позволила сгруппировать их в шесть групп: 1) улучшить работу учреждений здравоохранения; 2) заняться обустройством дорог; 3) упорядочить разрешение вопросов благоустройства; 4) усилить внимание проблемам молодежной политики, 5) повысить эффективность деятельности администрации и муниципальных служащих; 6) проводить регулярные опросы жителей внешними социологами. Если структурировать предложения респондентов только по вопросу повышения эффективности деятельности муниципальных служащих, то выделяется ряд актуальных направлений публичной деятельности муниципальной власти: *во-первых*, эксперты настаивают на повышении уровня кадрового состава муниципальной службы и оптимизации ее функционирования — *изменили бы кадровый состав администрации, обратились бы к опыту других МО, где работают более эффективные команды, повысили бы подготовку кадров в сфере управления МО, подобрали бы профессиональную команду*; *во-вторых*, представители местного сообщества крайне заинтересованы в усилении эффективности обратной связи с жителями района, а также в повышении контрольных функций граждан — *плотнее сотрудничать органам власти с местным населением, организация встреч с жителями МО; доступность контроля гражданами, проанализировали бы бюджет МО, провели бы проверку соответствия обещаний и реальных дел депутатов и чиновников всех уровней, провели бы проверку эффективности освоения средств, выделяемых на реализацию программ по благоустройству, провели бы проверку использования бюджетных средств, проверили бы планы глав местных администраций и то, как они реализуются*; *в-третьих*, гражданские активисты заинтересованы во влиянии на формирование стратегической «повестки дня» развития муниципального района и более эффективного использова-

ния бюджетных средств — публично обсудили бы стратегию действий, организовали бы проверку эффективности освоения бюджета; расширили бы штаты сотрудников значимых структурных подразделений, направленных на решение социально значимых проблем в МО: проблемы ЖКХ, дороги, транспорт, благоустройство, образование и т.п. Предложения по теме регулярных опросов жителей и экспертов вскрывают важную гражданскую составляющую в работе органов МСУ и реализации задач МПП по выявлению общественных запросов и потребностей местного сообщества: запросили бы результаты анкетирования внешними социологами и результаты анкетирования местного уровня, обсудили бы стратегию действий на этой основе; провели бы опрос жителей по проблемным вопросам, чтобы узнать видение населения по их решению; создали бы механизм взаимодействия власти и граждан посредством выявления потребностей общества в различных сферах их проявления, активнее привлекали бы депутатов-мажоритарщиков к работе в округах; призвали бы администрацию усилить совместную работу с депутатским корпусом по вопросам планирования и разработки проектов. Позитивно, что у местного сообщества имеется ресурс для совершенствования публичного управления территорией и предлагаются инициативные идеи.

Оценка состояния МПП во внутригородских муниципальных округах города федерального значения Севастополя

Индексная оценка состояния МПП в муниципальных округах Севастополя показывает *центрированный тип МПП* с почти консолидированными средними оценками четырех групп респондентов города (рис. 2). Отметим, что оценочные суждения представителей муниципальной власти и бизнеса консолидированы, согласно метрике Чебышева (попали в заштрихованный прямоугольник), а оценки сотрудников МУП и представителей НКО вышли за пределы этого прямоугольника. Специфика ситуации МПП в Севастополе в том, что представители НКО дали самые высокие оценки ее состояния, а представители муниципальной власти — на 10% ниже. Самая критичная оценка дана сотрудниками МУПов. Проблемы положения органов МСУ в системе публичной власти г. Севастополя отчетливо проявились при ответе экспертов на проективный вопрос «*Что бы Вы сделали, решив заняться улучшением положения дел в МО?*». В 90% случаев респонденты однозначно указали на модальность стратегического изменения в расширении полномочий органов муниципальной власти как в целом, так и в частности при решении имущественных про-

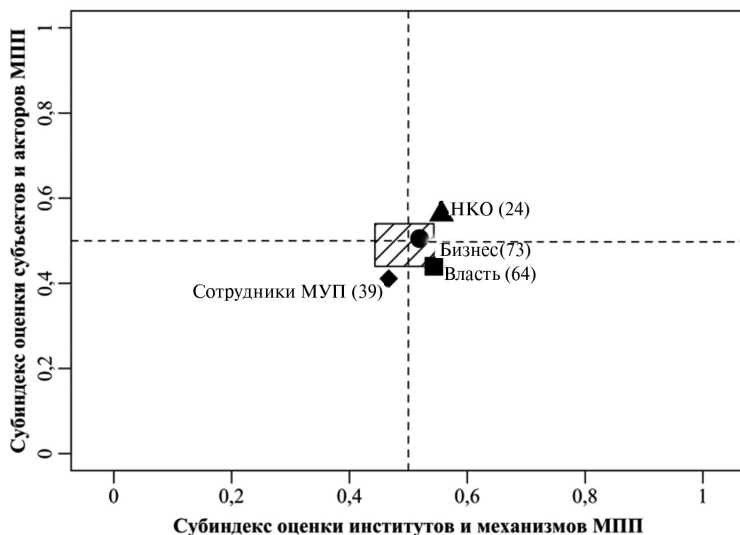

Рис. 2. Индексы МПП, 4 группы респондентов, Севастополь. Октябрь 2020 г.

блем муниципальных округов, наделении их самостоятельным правом по вопросам территориального благоустройства, земли, налогов и пр.; усиления их финансовой и бюджетной обеспеченности.

Лаконично и весьма точно суть структурных изменений в оптимизации публичной власти в МО города выразил один из экспертов: *«Нужно решить три важнейших вопроса: 1-й — собственность МО. 2-й — собственный полноценный бюджет. 3-й — финансирование полномочий»*.

Существующая асимметрия в распределении полномочий и бюджетных средств между государственным и муниципальным уровнями власти в городе приводит к актуализации общественных запросов на «разруливание» дисфункций в деятельности внутригородских МО. Так, отвечая на вопрос *«Работу каких объектов инфраструктуры МО надо улучшить в первую очередь?»*, 75 % респондентов назвали в первую очередь работу поликлиник; 54 % — бесплатные общественные туалеты; 46,5 % — нормальные дороги и тротуары; 46,5% — хорошее уличное освещение; 43% — водоснабжение и водоотведение; 33% — общественные пространства; 33% — школы; 27,5% — общественный транспорт. Исследования выявили перечень острых общественных проблем жизнедеятельности муниципальных округов Севастополя: 54,5 % от всех

четырёх групп выделили, прежде всего, значимость нехватки средств для развития благоустройства города, неэффективное использование имеющихся средств; 53,5% указали на недостаточно обустроенную инфраструктуру для нормальной жизни людей. 51% экспертов, обобщая ситуацию с положением дел на местном уровне власти в Севастополе, отметили, что муниципальные органы испытывают дефицит профессиональных кадров, а 44 % указали на то, что общая демографическая ситуация в городе характеризуется сокращением работоспособного населения. Подробная информация об оценке МПП в Севастополе приведена в работе (Якимец, 2021а, с. 22–37).

В целом почти *центрированный характер* МПП в Севастополе, где позиции НКО-сообщества и МСБ оказались в зоне правого верхнего (партнерского) квадранта, свидетельствует о том, что возможности общегородского уровня, отнесенного к вопросам государственного, а не местного значения, позволяет им осуществлять свои функции и задачи на приличном уровне, а местная власть, находящаяся в подчиненном состоянии, не мешает такой активности и умело встраивается в предложенный формат функционирования, но при этом, судя по интегральным оценкам, отдает отчет в своей субъектной ущербности. Ситуация с комплексом дисфункций в системе МПП требует усиления роли органов МСУ в обеспечении качества жизни и интенсификации включения активных участников МПП во все процессы публичной жизни на местной территории. Для этого необходимо:

- расширить полномочия внутригородских МО. Передать им вопросы, связанные с застройкой и развитием территорий, размещением объектов торговли и услуг, с организацией инфраструктуры, содержания и управления жилым фондом и нежилыми помещениями, благоустройством дворов;
- обеспечить финансовую базу органов МСУ во внутригородских районах на основе формирования собственных доходов местных бюджетов, муниципальной собственности. Установить перечень имущества, которое отойдет к собственности внутригородских муниципальных образований.

Стратегии цифровой трансформации МПП

Опираясь на оценки деятельности публично-правовых институтов и механизмов МПП, а также оценки функциональности субъектов и акторов МПП в десятках различных МО, мы выделяем пять стратегий цифровой трансформации МПП (далее — ЦТ МПП):

1. Цифровая трансформация деятельности государственного органа, органов МСУ и муниципального управления по предоставлению гражданам и бизнесу госуслуг и муниципальных услуг и сервисов в электронном виде (Об общих принципах..., 2003, ст. 19 – ст. 21; О мерах..., 2020).
2. Цифровая трансформация форм осуществления населением местного самоуправления, из представленных в № 131-ФЗ (Об общих принципах..., 2003, ст. 22 – 25, 25.1, 26, 26.1, 27, 27.1).
3. Цифровая трансформация форм участия населения в осуществлении местного самоуправления (Об общих принципах..., 2003, ст. 28–32).
4. Цифровизация механизмов и форм выявления и учета мнений населения (опросы, публичные слушания и общественные обсуждения (Об общих принципах..., 2003, ст. 28, 30, 31), обращения в органы МСУ (О порядке..., 2006).
5. Цифровая трансформация других форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в его осуществлении (Об общих принципах..., 2003, ст. 33).

**Цифровая трансформация деятельности
государственного органа, органов МСУ
и муниципального управления по предоставлению
гражданам и бизнесу государственных и муниципальных
услуг и сервисов в электронном виде**

Положение о ведомственных программах цифровой трансформации из постановления Правительства РФ (О мерах..., 2020, с. 5) содержит определение основного понятия «Цифровая трансформация» — совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность в целях, указанных в пункте 16 настоящего Положения.

Первая цель из п. 16 — повышение удовлетворенности граждан госуслугами, в т.ч. цифровыми, и снижение издержек бизнеса при взаимодействии с государством — напрямую относится к сфере МПП.

Нетрудно видеть, что из определения понятия следует, что здесь цифровая трансформация нацелена на преобразование процессов оказания государственных и муниципальных услуг, а применение циф-

ровых технологий для иных целей управления и преобразования государственных и муниципальных функций не акцентируется. Тем не менее цифровые сервисы и онлайн-доступ к государственным и муниципальным услугам ВАЖНЫ для МПП (Об общих принципах..., 2003, ст. 19–21; О мерах..., 2020), в частности, для удовлетворения спроса населения на различного рода услуги и сервисы. Люди готовы к цифровизации предоставления востребованных госуслуг и муниципальных услуг (онлайн-запись на услуги со стороны служб и организаций МО и получение ответов на запросы), вебинары для жителей МО по МПП и работе с гаджетами и пр.

Так, получение услуг и сервисов онлайн на официальном сайте Мэра Москвы (<https://www.mos.ru/>) позволяет москвичам из разных муниципальных образований столицы экономить сотни миллионов часов в год. Цифровые услуги, получаемые москвичами по разным сферам, на сайте Мэра Москвы на 07.09.2021 г. (в скобках число услуг): популярное (11), образование (66), здоровье (39), жилье, ЖКУ, двор (62), транспорт (36), семья, дети (118), социальная поддержка (190), культура, спорт, отдых (39), документы (108), мировые судьи (1), работа (20), штрафы, налоги, оплата услуг (24), инвалиды (17), гражданская активность (4), животные и окружающий мир (3). Отмечается (www.mos.ru), что ежедневно за электронными услугами на сайт обращаются более 1 млн москвичей. В 2020 г. граждане получали около 400 услуг и сервисов: оплатить начисления, записаться на прием в органы исполнительной власти, в центры оказания услуг и пр. За 2020 г. с использованием mos.ru было осуществлено более 10 млн платежей. Показана востребованность услуг и сервисов гражданами (за 2020 г.):

- использование электронного дневника — более 137,7 млн обращений;
- получение информации о посещении и питании в школах — более 45,5 млн;
- передача показаний приборов учета воды и электроэнергии — 40,1 млн;
- получение единого платежного документа — 15,1 млн;
- запись на прием к врачу или отмена записи — 11,2 млн;
- запрос на доступ к электронной медицинской карте - 2,3 млн.

Заметим, что такие услуги и сервисы входят в актив муниципальной публичной политики. Развиваются и популярные сервисы и онлайн-услуги для предпринимателей-москвичей (Выбор..., 2021). На портале ГБУ «Малый бизнес Москвы» (МБМ), подведомственном столичному

Департаменту предпринимательства и инновационного развития, предпринимателям доступно более 20 значимых онлайн-услуг и сервисов. Они могут онлайн подать заявку на подготовку документов для регистрации компании, подобрать помещение для ведения бизнеса, определиться с франшизой. Записавшись на вебинар, можно получить сведения о городских мерах поддержки бизнеса. Наиболее востребованными онлайн-продуктами в первом полугодии 2021 г. стали «Интерактивный помощник» и сервис «Проверка контрагентов». «Интерактивный помощник» помогает подобрать субсидии, пойти на бизнес-обучение, определиться с мерами поддержки своего бизнеса. Сервис «Проверка контрагентов» до заключения сделки помогает оценить благонадежность потенциального бизнес-партнера. Онлайн-услуга «Законодательный бизнес-дайджест» информирует о нововведениях в области правового регулирования бизнеса. Очевидно, что портал взаимодействия бизнеса и власти *Mbm.mos.ru* — это пример цифровой трансформации муниципальной публичной политики в отношении бизнесменов и власти, отвечающий интересам предпринимателей. Однако указанные ранее цифровые госуслуги и сервисы не охватывают всех востребованных жителями муниципальных образований форм и механизмов участия граждан в местном самоуправлении. Поэтому наше предложение к ЦТ МПП состоит в выработке стратегии по подготовке и проведению постепенной цифровой трансформации названных в № 131-ФЗ различных форм и механизмов участия граждан в местном самоуправлении и в осуществлении МСУ (Об общих принципах..., 2003, ст. 22–33):

Цифровая трансформация форм осуществления населением местного самоуправления

Формы прямого участия граждан в МСУ включают местный референдум, муниципальные выборы, голосование по отзыву депутатов и выборных должностных лиц, голосование по изменению границ, преобразованию МО, сход граждан и др. Уже сейчас имеется определенный список решений по цифровой трансформации, которые могут быть адаптированы в ходе онлайн-голосований в названных формах. Например, система голосования *Polys* на платформе блокчейн, разработанная компанией «Лаборатория Касперского», отличающаяся тем, что предотвращает вмешательство со стороны в выборы лучших проектов, была успешно применена в 2019 г. в Волгоградской области в формате онлайн-голосования за проекты инициативного бюджетирования на портале (<http://budget4me34.ru>). Голосовавшие могли проверить результаты и убедиться в честности подсчета голосов (Лучшие..., 2021,

с. 122–123). АНО «Диалог» предлагает применять платформу Госуслуг «Общественное голосование» как универсальный цифровой сервис для дистанционных голосований, что позволит снизить бюджетные расходы на разработку региональных сервисов (Корсаков, 2021).

Цифровая трансформация форм участия населения в осуществлении местного самоуправления

Отдельные формы участия граждан в осуществлении МСУ (правотворческая инициатива, ТОС, публичные слушания, собрания граждан, конференции граждан, обращения граждан в органы МСУ и др. формы) — и не только в условиях пандемии — начали проводиться с применением цифровых платформ (и это не только платформы *Microsoft Teams* или *Zoom*). Есть и другие. При необходимости проведения голосований по отдельным вопросам возможно применять описанные в предыдущем разделе платформы.

Механизмы и формы выявления и учета мнений населения МО

Механизмы и формы выявления и учета мнений населения МО (опросы — в ряде регионов проводят Гугл-анкетирования — публичные слушания и общественные обсуждения, обращения в органы МСУ и т.п.) являются источником важной информации для управленцев и местного общества. Кроме названных выше в скобках форм имеется ряд инновационных методов, которые применяются социологами, политологами и экономистами. Часть методов сочетают гуманитарные и цифровые технологии. Эти методы будут постепенно входить в арсенал муниципальных служащих.

Цифровая трансформация других форм непосредственного осуществления населением МСУ и участия в его осуществлении

Не углубляясь в детальное рассмотрение механизмов и форм, не упомянутых в №131-ФЗ, назовем некоторые из них, обладающих сейчас разным уровнем цифровой трансформации: механизмы участия граждан в качестве экспертов в подготовке решений, в общественных экспертизах разных проектов, в общественном контроле, в реализации инициативных проектов (Об общих принципах..., 2003, ст. 26.1, 56.1; Лучшие..., 2021). К таким формам и механизмам можно отнести и краудсорсинговые платформы, которые применяются в муниципальных образованиях десятков субъектов РФ. Новый механизм муниципального социального заказа (О государственном..., 2020) также претер-

пит цифровую трансформацию. Уже в наше время механизмы инициативного бюджетирования, работающие в МО в десятках регионов РФ, в реальности претерпевают цифровую трансформацию (Лучшие..., 2021). Инициативные проекты вошли в перечень форм участия населения в местном самоуправлении (Об общих принципах..., 2003, ст. 26.1, 56.1). Еще один новый механизм связан с деятельностью рабочих групп и Комиссий Госсовета РФ (О Государственном..., 2020).

Заключение

Цифровую трансформацию часто связывают с переводом на «цифру» важнейших функций государственного и муниципального управления. В случае МСУ ведут речь о создании «цифровых муниципалитетов». Мы согласны, что важно вести предоставление госуслуг и муниципальных услуг для граждан в онлайн-режиме. Однако с позиции МПП не менее значимой становится цифровая трансформация полезных для граждан и местного сообщества таких инструментов, как формы непосредственного участия населения в местном самоуправлении. Следует также обратить внимание на трансформацию инновационных механизмов МПП. В работе приведены примеры такой трансформации и предложены пять стратегий ЦТ МПП.

Список литературы

Выбор предпринимателей: самые популярные сервисы и онлайн-услуги на mbm.mos.ru. 30 июля 2021. URL: <https://www.mos.ru/news/item/93300073/> (дата обращения: 09.08.2021).

Корсаков Н. В АНО «Диалог» предложили метод отбора инициативных проектов. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/09/21/n_16565630.shtml (дата обращения: 22.09.2021).

Лучшие практики инициативного бюджетирования в Российской Федерации в 2017–2020 годах / В. Вагин, Н. Шаповалова, В. Паксиваткина, И. Петрова, М. Кураколов, Н. Филиппова. М.: Сам полиграфист, 2021. — 264 с.

«О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере»: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июля 2020 г. № 189-ФЗ. URL: (дата обращения: 20.08.2021).

«О Государственном Совете Российской Федерации»: Федер. закон Рос. Федерации от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105 (дата обращения: 23.08.2021).

«О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию ИКТ в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами»: Постановление правительства РФ от 10 октября 2020 г. № 1646. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2021).

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федер. закон Рос. Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 20.08.2021).

«О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: Федер. закон Рос. Федерации от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 20.08.2021).

Якимец В.Н. Индексные и критериальные оценки деятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики как основа для совершенствования качества их функционирования // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации / Под ред. Н.А. Шибановой. — Казань: Изд-во КФУ, 2021. С. 592–605.

Якимец В.Н. Исследование муниципальной публичной политики в Севастополе: индексная оценка, проблемы, рекомендации // Социально-политические исследования. 2021а. № 1(10). С. 22–37.

Якимец В.Н., Никовская Л.И. Индексный подход к оценке публичной политики // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л.В. Сморгунова М.: Аспект Пресс, 2018. С. 73–102.

Якимец В.Н., Никовская Л.И. Оценка деятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики в Сакском муниципальном районе Республики Крым // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 22–37.

Renu Kapila

Punjabi University, Patiala, Punjab, India,

Surjit Singh

Punjabi University, Patiala, Punjab, India

Social Effects of Digitalization Policy of India with special reference to Higher Education Sector

Introduction

Digitalisation has the potential to bring more transparency, better management, hassle free and fast delivery of services. It includes new ways of communication, new ways of administration, new ways of accessing information, organizing and delivery of information & services. The term digitalisation has something to do with computers and computing power. Networking

is its significant feature. Smaller and more powerful computers are the basis for digitalization. Computer power enables us to generate, convert and edit all kind of information in digital form but all remains local. Better networking of computers with the use of ICT made the locally accessible information available to everyone and everywhere. Thus, the foundation of digitalization is more powerful dense networking and pervasive computers (A Brief History.., 2018). Smartphones made digital devices and networking fit for everyday usage (Marilyn and Simon, 2002, p. 26). Everything, in the present era of globalization and information technology, is connected with digitalization. It is heartening to find that the process of digitalisation has started among all the major universities too in India and it has brought new changes, innovative opportunities and challenges along with it. The states of India are striving towards it in a big way.

A well connected and techno savvy nation is a prerequisite to a well-served nation. Once the remotest of the Indian villagers are digitally connected through broadband and high-speed internet, then delivery of electronic government services to every citizen, targeted social benefits, and financial inclusion can be achieved in reality. Digitalization is one of the most important periods of transformation, we have ever witnessed. It is important to mention the Digital India (2015) here which is an ambitious and flagship programme of government of India to make the government services available to citizens electronically and to empower the country digitally. Digital policy of India would expect to permeate all the existing and future e-governance projects and take them towards true citizen centricity. Digital India can bridge the differences between digital “haves” and digital “have-nots” to ensure that government services reach every household in order to create a long-lasting developmental impact. It will bring in greater thrust to promote inclusive growth that covers electronic services, products, devices and job opportunities (Department of Electronics..., 2021).

Prime Minister Narendra Modi launched Digital India, the flagship Programme of Indian Govt. on July 01, 2015 with a vision to transform India into digitally empowered society and knowledge economy (Digital India.., 2021). Digital revolution through Digital India Programme intends to provide the 9 Pillars of development and modernization namely Broadband Highways, Public Internet Access Programme, Universal Accessibility to Mobile Connectivity, e-Governance: Reforming Governance through Technology, Information for All, Electronics Manufacturing, e- Kranti i.e., Electronic Delivery of Services, IT for Jobs and Early Harvest Programmes. Each and every pillar has its own importance, complexities in implementation and is a drive for overall development of the nation.

Digitalisation of higher education is a campaign launched by the government of India to work towards an innovative approach and to ensure education services are made available to the students digitally with the improvement of online and digital infrastructure by more increasing use of the internet and digital technologies. The Digital India Programme is monitored by a committee headed by Prime Minister (Ministry of Electronics..., 2021). In December, 2016, Ministry of Human Resource Development launched “*Vittiya Saksharta Abhiyan*” under which the education institutions and universities were instructed to develop a cashless campus providing digital payments. National Convention on Digital initiatives for Higher Education held on 9 July, 2017 adopted 17-point action plan.

India has a large number of universities with huge enrolment of students. Traditional system of universities is not able to cope with challenges of this digital age. Much of its time, cost and effort are unnecessarily wasted in their usual procedures. To achieve the goals of efficient administration and to face the challenges of globalization, international competition and technology development, it was considered important to adopt effective and responsive digital-governance in the higher education sector also and analyze its implementation periodically. The present theoretical study attempts to review the status of digitalization in some of the states of India.

The main objectives of the present study are: to describe the Digital Policy of India i.e., Digital India Programme; to review the various digital initiatives undertaken in higher education in various states of India; to study the overall social effects of digital initiatives in higher education in five states from different geographical locations in India.

The study is descriptive and analytical in nature. It is primarily based on secondary data i.e., analysis of books, Ph.D. theses, research papers, articles and websites. Apart from it, observation method has also contributed in the case of Punjab State. Five states from all over India from different geographical regions are the focus in the present study namely, Punjab (Northwest) Karnataka (Southwest), Assam (Northeast), Maharashtra (West) and West Bengal(East).

Digital Initiatives in Higher Education Sector in India

Mr. Pranab Mukherjee, the then President of India launched 2 digital education initiatives namely SWAYAM AND SWAYAM Prabha on 9-7-2017 on Guru Purnima (when a teacher is worshiped across the country). The President said while speaking at the launch, “*Digital technology enables good teachers to directly teach large number of students who are not physically present in*

classes. *ICT solutions offer an interactive learning experience through which students in remote parts of the country can benefit from lectures of the top teachers*” (Sujatha, 2017). The major initiatives (Sujatha, 2017) are mentioned as under:

Table 1

Digital Initiatives in Higher Education Sector in India

SWAYAM, i.e. Study Webs Active-Learning for Young Aspiring Minds	Digitalization of Libraries
SWAYAM PRABHA	E-P.G. Pathshala
National Academic Depository (NAD)	Shodhganga
National Digital Library	SAMARATH
Virtual Labs	Digital campus
E-Yantra	National Digital Payment Mission

After reviewing major research studies conducted in the areas of Digitalisation of Higher Education, ICT initiatives in Higher Education etc., the following major points have been gleaned from them:

Digital Initiatives in Universities of West Bengal: A Ph.D. Research work (Paroi, 2018) brought out how far the Higher Education Institutions had gone in integrating ICT or digital technologies for better delivery of services to its stakeholders in West Bengal as summarized below:

Table 2

Digital Initiatives in Universities in Higher Education in Selected States of India. West Bengal

Digital governance practices and facilities for the smooth functioning of administrative work and providing online digital services	Digital Payroll System
Students’ Admission related Digital Services	Internet Facilities Cloud Computing
Online Registration	Virtual Class Rooms
Online Services related to Examination System	Software related to Library Services
Online Mode of Communication	Facilities for Online Applying for Various Posts
Digital or Online Payment System	Some Universities had Online Service Book, and National Knowledge Network

Digital Initiatives in Institutions of Higher Education in Maharashtra: Universities in Maharashtra have been providing various digital and online services to students since 2006-07. Gaikwad, S. A. S. (2015) and Kulkarni, R.A. (2013) in their research studies brought forth the following digital initiatives:

Table 3

Digital Initiatives in Universities of Maharashtra

Administrative Services	Administrative and Facilitation Services to students
Academic Services	Services under e-Suvidha using Personalize Student
Information Services	

Digital Initiatives in the Universities of Karnataka: Kaudiki, V. B. (2017) and e-Magazine showed that the various digital initiatives undertaken in the universities of Karnataka are:

Table 4

Digital Initiatives in Universities of Karnataka

Online admission	Online Class Monitoring
Education Management and information system with Dashboard	Online provision for Skill Upgradation and Employability
Human Resource Management	Fully wi-fi connected university campus
Electronic Admission System	Teachers' Biometric Attendance
E-library and E-content Sharing	Online Research Tracking
Grievance Redressal	Examination Management System
Video Conferencing for monitoring and supervision	Electronic Answer Script evaluation
Online Accounting System	Inter Connectivity of University
Electronic or online Attendance of students	Online payment of tuition and examination Fee etc.

Digitalisation in Universities in Assam: Nath, R. C. (2017) in his research found out the various digital initiatives in Universities in Assam are as under (Nath, 2017):

Digital Punjab and Digital Initiatives in the State Universities of Punjab: The government of Punjab has been providing various public services in a more convenient hassle free and prompt digitalised manner. Digital revolution

Table 5

Digital Initiatives in Universities of Assam

Digitalisation or ICT in the teaching-learning process	Online payment of fees
Wireless connectivity	Information through email and bulk messages etc.
ICT in Administration,	Electronic staff personal profile which includes personal details, pay scale, and grade, performance records common etc.
Online admission process	
Online registration	
Online examination system	

transformed the administration technology savvy, citizen centric and effective in its dealings. All the departments in the state are enriched with computing infrastructure, wired and wi-fi connectivity, digitalised data which enable the government of Punjab to provide various online services, changing people’s mindset and adopting digital ways of doing business (ICT Initiatives., 2020). The government of Punjab envisioned the Digital Punjab Project to transform the government and state into a digitalised society and knowledge economy by digitally transforming the old ways and methods of doing business and providing services in a new digital way (Digital India, 2020).

Table 6

Digital Initiatives in Universities of Punjab

High speed internet facility to students, staff and faculty through NKN under National Mission of Education through ICT for academic use.	The libraries are digitalized in the state universities and providing various online services to the students and research scholars. Library Automation System: OPAC, Book Management, Accessioning, Circulation, Catalogue, Membership Management.
The departments, branches, hostels and other academic centres in the universities fully wi-fi connected through optical fibre.	Details of admission notices, date sheet, examination forms, results and online entrance forms are made available on the websites of concerned university.
The Computer Centre located in each university has latest and updated storage, web servers, and email servers. The centres are progressively contributing in office automation and automation of other.	E-Tendering has been implemented in all the universities.

Continuation table 6

Admission and examination process have been transformed and made online for all types of courses.	E-office, e service book and e- filling are also being implemented in the universities of Punjab.
The universities are connected with internet with the constituent colleges and affiliated colleges in an efficient way.	E-Certificates (PTU)
Various digital initiatives started by MHRD have also been providing in all the universities.	E-learning and E-Resources
Students can download forms, results, admit cards and pay slips online from the digital portal of the concerned university.	Moodle
The universities have also been started online re-evaluation system.	Video Conferencing
	Smart Class Rooms

A careful perusal of the above mentioned digital initiatives indicates that the universities in the selected states of India under study have implemented basic user friendly digital initiatives. Apart from these initiatives, some universities of West Bengal and Assam have also been providing the facility of Online Service Book, the Universities of Karnataka State have also been providing online Grievance Redressal, Online Conferencing for Monitoring and Supervision, Online Attendance of students, Online Class Monitoring and teachers' Biometric attendance. The Universities of Punjab have online admission and examination system for all courses, online re-evaluation system, e-certificates and Moodle, connection with their constituent and affiliated colleges. E-office and e-filling have also been started in the universities of Punjab.

Digital Initiatives During COVID-19 Times: The above digital initiatives are of pre-Covid-19 pandemic. During Covid-19 pandemic, digital initiatives assumed a special significance in the universities to continue the teaching learning process. The MOOC developed by various universities, Swayam and NPTEL platforms of MHRD, Government of India, are some examples of digital learning. The COVID-19 pandemic has compelled the universities to adopt several of the following digital technologies:

Digital Initiatives during COVID-19 Times

Recorded video lectures of teachers were uploaded on YouTube or similar platforms for students.	The facilities for interaction with the teachers depend on the platform used such as Google Meet, CISCO Webex, Videoconferencing, ZOOM etc.
Notes and content related to the courses were provided to students through email, WhatsApp, etc.	E-Office and e-File
Lectures were also delivered on digital platforms such as Google Meet, Zoom App, CISCO Webex, Videoconferencing etc. at scheduled slots when students join to listen and interact.	Blended Mode of examination
	Submission of assignment through online mode
	Online Counselling

The Concluding Observations

The Digital Policy of India and digital initiatives in universities have affected the stakeholders at large in various forms. The social effects are considerable too. From review of various studies in 5 states of India, the following conclusions can be drawn:

- **Empowerment of students at large:** Digitalisation in universities has proved to be far-reaching social impact as it empowered the students and parents to gather online information regarding any course, college, department of universities, government policies and get involved in the process of decision making. Previously they have to travel for hours regarding above said works. It was impressive to see that the students could share, receive and use any information very fast and immediately with the help of different ICT tools and app in one touch at any time anywhere.

- **Greater Accessibility to Digital Gadgets:** Under the digital policy of India, many mobile companies such as JIO, Airtel etc started providing the smart phones, internet data and other digital gadgets at a reasonable cost and it became accessible to a majority of population in India. It enabled the students to pay their fees using BHIM App, Google Pay etc. for online transactions despite being poor and less techno-savvy.

- **Removing Regional Imbalances:** It helped in removing regional imbalances in access to higher education in a vast country. The students belonging to poor and remote rural areas were also using the digital devices such as

smart phones in their study related activities. Socially, online education levels the playing field for all students by providing them an equal and accessible platform to receive education.

- **Eco-Friendly Environment:** Digitalisation of universities is helping to create eco-friendly environment with paperless concept. Online examination platforms have restricted the frivolous usage of paper, directly confining the cutting down of trees. Apart from it, we can sell old and scrap materials online easily which is the better option to recycle the wastages. Thus, the digitization of universities in India gave a new thinking to our society.

- **E-Resources Helps Students Specifically the Students with Special Needs:** Digitalisation through Internet provides various types of data and services, one of which is digital library (NDLI) or digital e- library. Students could access various e-books, journals and research papers etc., on this online library and Sodhganga- a repository of Indian research thesis provides thesis online. The students, specifically physically handicapped and disabled students could easily access important literature and other important information at anytime and anywhere.

- **Greater Participation of Students:** It strengthened democracy in universities by ensuring greater student, staff and other stakeholders' participation at all levels of governance in universities and institutions. Furthermore, introduction of digital initiatives in higher education brings governments and management/administration of universities closer to students/citizens. It is giving a feeling of connectivity to the whole academic community.

- **Optimization of Decision Making:** It is helping in efficient administration, cost reduction and timely decision by brining transparency, and accountability within higher education system.

- **Reduction in Corruption:** Digital initiatives also transformed the way the universities function, ensuring much more transparency in their functioning, and thereby eliminating corruption. Various online transactions and functions had the positive impact of reducing corruption involved in various fields. Thus, it is helping to build the corruption-free society.

- **More Association with Alumni:** It provides an excellent way for alumni of the universities to connect with their universities. Apart from being emotionally fulfilling, they can continue with the program of lifelong learning as well as help the institutions.

- **Quality Education:** It is providing quality higher education. The best part of the digitization of higher education in the present era is that it is combined with both the aspects: classroom learning and online learning methods. Through ICT and other digital technologies, the teachers can cre-

ate effective and interactive classes and make the teaching or lessons easier and enjoyable, which could improve and increase attendance, concentration and interest of students.

Challenges Remain

The universities in India are facing some serious challenges in the proper implementation of digitalisation in higher education in India as reported by various research studies. Some of them are:

- **Digital Divide Due to Less E-Readiness:** Differences in access to internet, digital resources and information technologies between countries, regions, states within a country and within a state is known as global digital divide, regional digital divide, national digital divide and state digital divide respectively (Singh, 2021). No doubt that there has been a massive production of computing devices and internet connections in India and low-cost digital/electronic devices and cheap internet flooded the Indian society, but a new type of digital divide was identified in India among the students who are techno savvy and who are not. Using of smart phone for WhatsApp etc. extensively differs from what we require for digital India, that is, digital skills. We observed that in Punjabi University, Patiala, a large number of students who do not have technical skills to fill online application forms etc. have to get their forms filled from computer cafes by paying a fee and sometimes they made mistakes in the forms. The students have to get the said forms corrected by paying discrepancy fee. It neutralised the advantage of digitalisation and society is paying higher price due to its lack of e-literacy.

- **Mindset of Employees** – Digital measures require adaptive mindset of employees to accept change but most of the employees in higher education sector are reluctant about technological change.

- **Cyber Crime** — Despite the efforts of government agencies to ensure the safety of citizens; personal data, e-governance websites are still liable to attack from hackers.

- **Infrastructure** — An efficient digital system requires all stakeholders or at least the vast majority to have access to the Internet. But there is less digital infrastructure in universities in India. So, to provide appropriate digital infrastructure is still a big challenge before the universities.

- **Inaccessibility** — Online websites that provides web-based access and support often do not reach many users including those who live in the remote areas due to multiple problems. Low literacy levels and poverty in society only complicate the situation.

■ **Technological Issues** — Many students faced trouble using digital services when they had slow or erratic internet connection which was so frequent in the rural areas of India.

■ **Language and Cultural Barriers** — Although efforts are being made to make websites available in multiple languages, many are only available in English, limiting their usefulness to non-English knowledge stakeholders.

■ **Inequality:** The digitalisation is considered an equalizer but in reality, it is sharpening the inequality among men and women, rural and urban areas and in the different age groups of the Indian society. The women compared to men in the India do not have equal access to digital devices, simultaneously; the remote rural areas have less access to digital devices than urban areas.

■ **Employment and Skills:** In the present digital technology driven world, all type of professions/Jobs required digital skills. Digitalisation requires a new mindset for both employers trying to develop a workforce with the right skill sets, and for individuals seeking to advance their careers. Change is slow in the society and leaves much to be desired.

■ **A Social Distraction:** Due to digital revolution, certain social behavioural changes have surfaced as people are now spending more time virtually on various digital devices such as mobile phones, Digital TV and Laptops etc. instead of spending time in the real world. In the present digital world, students strive to adapt to a lifestyle which may not even suit them. This all has led to distraction from education. It also causes many psychological disorders such as short-term memory loss, anxiety, techno phobia, etc. Social media and other digital platforms have also simply become another range of addiction to students and staff.

Suggestions for Improvements

To leverage the full benefits of digital policy of India, it is suggested that proper infrastructure, proper training of staff, internet accessibility, the institutional preparedness and general atmosphere for implementation of digital initiatives at various levels in Indian universities should be provided. The specific recommendations are mentioned as under:

■ **Massive Awareness Programme:** To make the Digital India Programme and various digital initiatives in higher education sector successful, a massive awareness programme needs to be conducted. There is a pressing need to educate and inform the people, especially in rural and remote areas about the benefits of internet services for education.

■ **Digital Literacy:** In spite of rising smartphone penetration and increased internet user base, digital literacy in India has been low. In order to utilize full benefits of the Digital India programme, it is imperative that digital literacy and e-readiness in public should be improved.

■ **Introduction of Digital Skill Programs at an Institutional Level:** Skill training and digital literacy should be introduced as part of institutional trainings in schools, colleges and universities across India. Curriculum and interactive programmes should be mandated to ensure adequate digital skills of all graduates. Proper training should be given to the administrative personnel of universities and colleges.

■ **Increased Availability of Digital Infrastructure at Rural and Remote Locations:** The speed at which digital infrastructure is being developed needs to be increased. Existing government infrastructure assets (e.g., post offices, government buildings, CSCs) should be further leveraged for provision of digital services at remote locations. It will help reduce the rural-urban divide.

■ **Language and cultural barriers should be reduced:** As Punjabi Help Computer Centre, Punjabi University, Patiala, Punjab state (Digital Punjab, 2021) has developed a programme to use computers in Punjabi Language, the software should also be developed to use computers in other regional languages in other states.

Conclusion

Digitalisation or digital initiatives are a welcome step towards providing effective, efficient and good governance in universities in India. Various universities in different parts of India are in different stages of the process of implementing digital initiatives. It is heartening to find that the society has readily accepted the new ways of communication despite poverty, low literacy and other problems. On the whole, India has to strive to overcome the challenges in the near future to garner more advantage of digitalization in the higher education sector. The need is to address the challenges of poor infrastructure, inequality in public access to the internet, lack of reliability of information, lack of funds and trained personnel. Digital mode of education demonstrated utility during Covid-19 times also. The Indian society and particularly, higher education sector is transforming quite slowly but definitely and more research needs to be undertaken in this area.

References

- A Brief History of Digitalisation, 2018. URL: (accessed: 08.01.2020).
- Department of Electronics & Information Technology (DeitY) Ministry of Communications and Information Technology, Government of India. Digital India, e-Book in pdf. URL: <https://www.meity.gov.in/writereaddata/files/Running%20single%20file.pdf> (accessed: 18.09.2021)
- Digital India. URL: <https://www.digitalindia.gov.in/content/vision-and-vision-areas#collapseone--6> (accessed: 07.06.2020)
- Digital Punjab. URL: <https://egov.eletsonline.com/2016/03/digital-punjab/> (accessed: 05.06.2020)
- E-PG Pathshala -A Gateway to All Post Graduate Courses. URL: <https://epgp.inflibnet.ac.in/#> (accessed: 31.03.2020)
- Gaikwad S. A. S. "A Study of e-Governance in Higher Education Institutions in Maharashtra", an unpublished thesis submitted to Institute of Management Research and Technology, Savitaribai Phule, Pune University, Pune. 2015. URL: <https://sg.inflibnet.ac.in/handle/10603/198980> (accessed: 31.03.2020).
- ICT Initiatives in Higher Education, GOK. URL: <https://www.slideshare.net/eGovMagazine/ict-initiatives-in-higher-education-department-gok> (accessed: 01.04.2020)
- Kaudiki, V. B.* e-Governance A Strategic Management Tool for Universities in Karnataka: An Exploratory Study, an unpublished Ph.D. thesis, Canara Bank School of Management Studies, Bangalore University, Bangalore, 2017. URL: <https://sg.inflibnet.ac.in/handle/10603/254042> (accessed: 01.04.2020).
- Kulkarni, R.A.* A study of student e-Services Management using e-Governance in the colleges affiliated to North Maharashtra University, Ph.D. thesis, Faculty of Commerce and Management, North Maharashtra University, 2013.
- Marilyn D., Simon T.* Digital Futures Strategies for the Information Age. London: Library Association Publishing, 2002. — 276 p.
- Ministry of Electronics and IT, Government of India, About Digital India. URL: <https://digitalindia.gov.in/content/about-digital-india>, accessed on 11-2-2020. (accessed: 15.02.2020).
- Nath, Ratul C.* Information and communication technology in higher education A study of ICT utilization in universities of Assam, Ph.D. thesis, Dept of Mass Communication and Journalism, Tezpur University, Assam, 2017.
- Paroi S.* e-Governance in Higher Education Institutions of West Bengal: Status and Prospects, an unpublished thesis, Dept. of Education, Visva Bharti, Shanti Niketan, West Bengal, 2018. URL: <https://sg.inflibnet.ac.in/handle/10603/224024> (accessed: 23.11.2019).
- Sujatha President Launches Revolutionary Digital Learning Initiatives, 2017. URL: <https://www.mapsofindia.com/my-india/government/president-launches-revolutionary-digital-learning-initiatives> (accessed: 30.03.2020).

Regulating Cyber Space in India: Conflict between the Legal Regime and Privacy Concerns

Introduction

The Digital Technology is a public good of great relevance. It is an ever evolving dynamic and versatile public good, which has been used in all fields of human lives including private and public spheres. The significance and ever increasing use of digital technology in various human activities including social interaction among people, business and economy, political process and governance etc needs no emphasis. The use of digital technology in public and private sphere creates a network of hardware and software which is known as cyber space. The security and reliability of cyberspace is the precondition of the effective use of digital technology in all spheres. The security of cyber space is threatened by the unauthorized use and manipulation of the cyberspace by hackers. Thus, the main concern of the cyber security is to prevent such unauthorized use and manipulation of cyber space. This has become a global concern. As the threats to cyber security are rising, the need for the regulation of cyber space has also been felt.

Why we need to regulate Cyber Space?

In all modern states, the regulation of cyber space is growing tendency. There are two main reasons for such increasing regulation of cyber space by states in modern times:

First, the primary reason for such increasing regulation of cyber space by the states and government is the rising threats to cyber security. According to the data compiled by PURPLESEC (2021), the incidents of the malware infections have increased 67 times in last one decade from 12 million in 2009 to 812 million in 2018. The Ransomware attacks have increased 350 percent in 2018. The cost of Ransomware attack is likely to be \$6 trillion in 2021. The cost of cyber security has also been increasing year by year. In the next five years till 2025 the cost of cyber security is likely to be around \$01 trillion. Thus the threat of cyber security is a genuine global concern.

The increasing threats to cyber security give rise to the scope and justification for the government to regulate the cyber space. Even, the governments

are making extensive use of digital technologies and infrastructure to manage their affairs which needs to be protected from external and internal threats. The nature of digital technology is largely decentralized and is susceptible to manipulation and misuse from the external sources. For example, in October, 2020, the electric supply in Mumbai town (India) was disrupted leading to shut down of hospitals, trains and stock exchange for hours. This was due to malware attack from the external sources. Later investigation revealed that the malware originated in China (Sutar, 2021). Similar events are seen not only in India but in many parts of the world. Thus, the need for cyber security gives scope for state regulation of cyber space.

Second, another motive for the ruling regimes to be overzealous in regulating cyber space is to serve their own political interests. All regimes, ranging from the most democratic regimes to the most autocratic regimes, are prone to regulate cyber space to enhance the prospects of ruling regime. The autocratic regimes use various methods like restricting the operation of external internet gateways, screening the online content, monitoring citizens' access to cyber space, surveillance over suspected persons etc to their political interests. Democratic governments also have the tendency to regulate cyber space to build the image of ruling party and minimize the effect of opposition. During the elections, democratic regimes tend to regulate and use cyber space to enhance the prospects of ruling party. Thus all political regimes are very nature prone to regulate cyber space for their own interests.

State Regulation of Cyber Space VS of Privacy Rights of citizens

The governments in their zeal to regulate cyber space for various reasons listed above collect many personal information and data about citizen's activities and preferences. Many private e-service companies also do the same for providing services to citizens. But a large amount of personal data always remains with such agencies, which may encroach upon the privacy rights of citizens. Hutt (2015) says, 'we increasingly conduct our lives online — shopping, socializing and sharing information — our digital rights, particularly the rights to privacy and freedom of expression, are becoming more important. We need to understand how our data is being used by companies, governments and internet giants such as Facebook and Google. Is it being handled fairly and scrupulously, or sold or shared without our consent?' Thus, the breach of privacy of citizens in course of use of digital technology has become a global concern. The right to privacy has been recognized as a fundamental right in many countries including India. The right to privacy is also a human right.

The OHCHR, a UN Human Rights body, has rightly summed up this concern: ‘data-intensive technologies, such as artificial intelligence applications, contribute to creating a digital environment in which both States and business enterprises are increasingly able to track, analyze, predict and even manipulate people’s behavior to an unprecedented degree. These technological developments carry very significant risks for human dignity, autonomy and privacy and the exercise of human rights in general, if applied without effective safeguards’. The OHCHR has published a special report titled ‘**The right to privacy in the digital age (2021)**’, which, while highlighting the multifaceted impacts of the artificial intelligence (AI) on the enjoyment of the right to privacy, ‘stresses the urgent need for a moratorium on the sale and use of AI systems that pose a serious risk to human rights until adequate safeguards are put in place’ (OHCHR, 2021).

Three Approaches to Right to Privacy

The Right to Privacy is one of the most important digital rights. It is beyond doubt that the threat to Privacy Rights in the present digital age is a global concern. Therefore, the theoretical debate on the right to privacy in digital era continues unabated. Altshuler (2019) has identified three distinct approaches to Right to Privacy in the present digital age:

The first approach is based on the idea that by an appropriate reaction to the massive pooling of data right the privacy can be enhanced. This approach calls for the better control of citizens over their personal information collected by agencies private and public. The citizens should be able to choose what space within their personal domain can be accessed by others and to control the manner, scope and timing of its exposure and reuse.

In practical terms it means devising regulations which mandate individual’s prior consent to make use of and process personal data, ensure individual’s access to data about and the provision that he can delete or modify the same before transferring to a different company or entity. However, such consent is fictional as it is not possible to exercise consent in a world in which data is processed in many ways and for many purposes, some of which cannot be foreseen at the time when consent is granted.

The second approach to the right to privacy in a digital world is based on the notion- the “right to be left alone.” This refers to individual’s right to preserve and protect its identity and maintain a safe and protected space around his body, thoughts, feelings, darkest secrets, lifestyle and intimate activities. A world with sensors and surveillance cameras all around us, along with recording devices and gadgets that are constantly monitoring what we do, has

far-reaching psychological ramifications. While the first approach entitle the individuals to have control over data collected by external agencies, the second approach questions the very right of agencies to collect unnecessary personal data of citizens.

The third approach to the right to privacy is based on the idea that it should be impossible for commercial or government entities to combine citizen's personal data with big data amassed from other people in order to construct precise personality, psychological and behavioral profiles through machine learning. This phenomenon, known as the "autonomy trap," applies to information about emotional tendencies, insecurity, sexual orientation (even of persons still in the closet), fears and anxieties and more. This approach calls for the inbuilt mechanisms which prevent the agencies for misusing personal data of citizens.

In brief, while the first approach focuses on the prior consent in the further use of personal data, the second approach questions the right of agencies to collect unnecessary data and the third approach pleads for inbuilt mechanism to prevent the misuse of personal data of citizens by government and private agencies. All the three approaches are useful in protecting the right to privacy. They are not mutually exclusive to each other.

State Regulation of Cyber Space and Privacy Right

It is evident now that the threat to right to Privacy emanates broadly from two sources: first, the private business operators which provide various services to citizens and collect their personal information in the process; and second state agencies which regulate cyber space and threaten privacy of citizens in the process. Thus, the privacy concern has many dimensions. The regulation of cyber space by the state, resulting in the threat to privacy right is a specific dimension of this privacy concern. However, this specific dimension is more aligned against the individual citizens as the state enjoys enormous power and resources to trample with the privacy rights of citizens.

The role of state in trampling with the privacy rights of people invited global attention in 2013 when Edward Snowden's revelations about the extent of US government spying sent shockwaves around the world. The fallout continues, with civil-society organizations and foreign governments complaining about the relationship between American security agencies and internet giants, which have been accused of too readily handing over their users' data. In 2014, Facebook, Microsoft, Yahoo and Google disclosed as how many times the US government asked them for data. According to the Facebook, most of the requests came from US law enforcement agencies, demanding informa-

tion about Facebook users' IP addresses and account details. This revelation about surveillance programmes and digital hacking have sparked political and diplomatic wrangles. National Security Agency (NSA) whistleblower Edward Snowden has called for new international laws to protect data privacy (Hutt, 2015).

By no means, this is the only instance of state using citizens' persona data to breach their privacy rights. The ever increasing use of digital technology in new areas and rising threats to cyber security has allowed the political regimes all over the world to regulate the cyber space, posing new challenges for the privacy rights of the citizens. The threat to Right to Privacy caused due to the state regulation of cyber space has two distinct features which makes it more the ordinary citizens helpless:

First, the state has sovereign rights and extensive powers to use and manipulate cyber security whereas the helpless citizen has only recourse to the lengthy judicial process against the powers of state.

Second, if the right of privacy of a person is violated by a private company, the state comes forward to protect the same, but such rights are violated by the state there is only limited scope for its correction. Most of the states have regulations to protect the privacy of the citizens from the private actors. For example in most countries with cyber-rights legislation, such offences can be brought to court. In the case of the EU, the member countries have bodies such as the European Data Protection Committee (EDPC) or authorities like the European Data Protection Supervisor (EDPS) that investigate and prosecute infringements and impose sanctions on the offenders (IBERDROLA, 2021). But what happens when the violation of privacy is done by the state itself. In fact, the states have either very weak laws or no laws at all to punish their own functionaries for violation of privacy of citizens.

Cyber Space Regulation and Privacy Rights in India

As a case study, we may analyze the case of cyber space regulation by the government in India and its ramifications for the Right to Privacy of the citizens. India has adopted a democratic constitution in 1950, which among other things grants Right to freedom of Expression and personal Liberty to all citizens without any discrimination. These rights are the part of the Fundamental Rights guaranteed in the Constitution. The Fundamental Rights mentioned in the India constitution have special protection as they cannot be abridged by any law or order made by the state save as provided in the Constitution. The judiciary in India in last seven decades has given liberal interpretation of these

rights and has gradually enhanced the ambit and scope of these rights. Thus, if any new right is derived and recognized as Fundamental Right by the judiciary it has similar protection as available to Fundamental Rights.

Recognition to Right to Privacy as Fundamental Right: The right to Privacy is not expressly mentioned under the list Fundamental Rights, given in the Constitution. But India's apex court (the Supreme Court of India) in a landmark judgment on 24 August, 2017 in *Puttuswamy v. Union of India* case has declared that the right to privacy is a fundamental right protected under Part III of the Constitution of India. This right is derived from the right to equality before law (Article 14), Right to Freedom (Article 19) and right to Life and Personal Liberty (Article 21). The background of this case was that the Government of India launched the National Identity Project called 'Aadhar' in which each citizen was to be provided a unique identity number by the state. For this purpose, the government agencies collected much personal information from the citizens, which were challenged in the court on the ground of right to privacy (WIRE, 2017).

The court remarked that the right to privacy is a natural right that subsists as an integral part to the right to life and liberty. It is a fundamental and inalienable right and attaches to the person covering all information about that person and the choices that he/she makes. It protects an individual from the scrutiny of the State in their home, of their movements and over their reproductive choices, choice of partners, food habits, etc. Therefore, any action by the State that results in an infringement of the right to privacy is subject to judicial review. While primarily focused on the individual's right against the State for violations of their privacy, this landmark judgment has repercussions across both State and non-State actors (Indian Kanoon, 2017).

Right to Privacy is not Absolute: However, the Supreme Court clarified that the fundamental right to privacy is not an absolute right. It will always be subject to reasonable restrictions. It held that the State can impose restrictions on the right to privacy to protect legitimate State interests but it can only do so by following the three-pronged test mentioned below:

1. Existence of a law that justifies an encroachment on privacy;
2. A legitimate State aim or need that ensures that the nature or the content of this law falls within the zone of reasonableness and operates to guard against arbitrary State action; and
3. The means adopted by the State are proportional to the objects and needs sought to be fulfilled by the law.

In view of these points, all State action affecting the right to privacy are to be evaluated for their legality against this three-fold test (TRILEGAL, 2017).

Regulation of Cyber Space in Indian State

Broadly speaking there are three major legal instruments enacted and framed by the Indian state to regulate the newly emerging cyber space in India: the Information Technology Act, 2000; The National Cyber Security Policy, and the Social Media Guidelines, 2021.

A. The Information Technology Act, 2000

The Act was originally enacted in 2000 and amended in 2008. The purpose of the Act was not to ensure and protect the right of privacy of citizen. The Act was basically facilitative of e-commerce in India with two -fold objectives (India Code, 2000):

1. To provide legal recognition for transactions carried out by means of electronic data interchange and other means of electronic communication, commonly referred to as electronic commerce, and
2. To facilitate electronic filing of documents with the government agencies.

The Information Technology (IT) Act provided for the digital certification processes within the country. The Act also gave consideration to the Model Law on Electronic Commerce adopted by the United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL). Though cyber crime was not defined in the Act, it also provided for punishment to some computer related crimes under Chapter XI. These crimes are: Illegal access, introduction of virus, denial of services, causing damage and manipulating computer accounts (Section 43); Tampering, destroying and concealing computer code (Section 65); Acts of hacking leading to wrongful loss or damage (Section 66) and Acts related to publishing, transmission or causing Publication of obscene in nature (Section 67).

In view of the rising instances of cyber crimes, the Act was amended in 2008 to include new measures with respect to liability of body corporate towards Sensitive Personal Data, Cyber terrorism, and Child pornography. Some new sections were introduced to deal with new crimes: Section 66A placed some restrictions on the online speech, Section 66B deals with the acts of dishonestly receiving and retaining any stolen computer resource; section 66C deals with Misuse of Digital Signature; and section 66D deals with other form of cheating through a computer resource. It should be noted that the Supreme Court, in 2015, declared Section 66A of the Information Technology Act, 2000 as unconstitutional on grounds of violating the freedom of speech guaranteed under Article 19(1) (a) of the Indian Constitution.

Loopholes of the Information Technology Act: The Act has been largely successful in providing a regulatory framework for the use as well as misuse of cyber space in India. But still there are following loopholes in the IT Act (Prakash, 2020):

- The IT Act does not provide for the spamming. Spam means unsolicited bulk E-mail messages.
- Similarly, the IT Act does not have any anti-Phishing provisions. Phishing means fraudulently attempting to acquire sensitive information of persons such as usernames, passwords and credit card details through electronic means.
- The IT Act does not have any data protection mechanism in Internet Banking.
- The IT Act also does not have any provision with respect to privacy protection of persons. The United States and other developed countries have strict rules for ensuring privacy and protection of personal data when such data is transferred out of their domain.
- The IT Act has no provision to address the issue of identity theft, which has become a global problem now.
- The IT Act is also silent on cyber attack from external sources.

B. National Cyber Security Policy

Formulated in 2013, the Policy aims to create a secure cyber ecosystem, generate adequate trust and confidence in IT systems and transactions in cyberspace and thereby enhance adoption of IT in all sectors of the economy. But the policy has ignored many of the issues including the major concerns of the cyber security as well as the protection of the right to privacy. However, in order to addressing the rising challenges of cyber security, the government came out with another improved version of the National Cyber Security Policy in 2021. The new draft policy has a vision to ensure safe, secure, resilient, vibrant, and trusted cyber space, through a new strategy that would serve as a guideline to manage data as a national resource, build indigenous capabilities and for cyber audits (Relia, 2021).

C. The Social Media Regulations, 2021

The government of India has come out with new regulations on 25 February, 2021 to regulate the operation of social media intermediaries in India. These regulations are formally known as Information Technology (Guidelines for Intermediaries and Digital Media Ethics Code) Rules, 2021. The draft regulations were proposed by the government in 2018, but could not be finalized due to controversy regarding right to privacy related to certain regulations. The silent features of the rules are:

- Applicable on three types of operators: These regulations would apply to three set of operators: digital news organizations, social media and OTT platforms. These regulations are notified under section 87 of the Information Technology Act,
- Classification into two sets of Social media intermediaries: The regulations create two sets of intermediaries on the basis of number of users. Intermediaries with larger user number are termed as significant social media intermediaries, which are subject to more stringent regulations. Practically all popular intermediaries are covered under the second category. This classification would promote the growth of new social media intermediaries in India.
- Three tier Grievance Mechanism: at the Company level; at the level of associations of intermediaries; and finally the oversight mechanism by the government.
- Due diligence to be observed by Intermediaries to avail the benefit of safe harbour provisions.
- Ensuring dignity and safety of users especially women: The Intermediaries are required to delete the offensive content about the private life of users within 24 hours.
- New Functionaries of Intermediaries: The significant social media intermediaries would appoint a Compliance officer, a nodal Contact officer and Resident Grievance officer and would submit the compliance report on monthly basis.
- Disclosing the originator of content: The significant intermediaries shall enable identification of the first originator of the information that relates to an offence with respect to sovereignty and integrity of India, the security of the State, friendly relations with foreign states, or public order or of incitement to an offence relating to the above or in relation with rape, sexually explicit material or child sexual abuse material punishable with imprisonment for a term of not less than five years. An intermediary shall not be required to disclose the contents of any message or any other information to the first originator. This provision has serious impact on the right of privacy of citizens (Livemint, 2021).
- Users to be given Opportunity to be heard: In case intermediaries on its own remove or disable any content of a user, he/she would be given opportunity to be heard. User shall be provided mechanism to verify their account anytime.
- Removal of Unlawful Contents: On an order of the court or the competent government authority, the intermediaries will remove the unlawful content within 72 hours.

- Self Classification of Content: The OTT platforms will classify the content into five age-based categories- U (Universal), U/A 7+, U/A 13+, U/A 16+, and A (Adult). Platforms would be required to implement parental locks for content classified as U/A 13+ or higher, and age verification mechanisms for content “A».

Need to Strike a Balance between Right to Privacy and State interests

A careful reading of the above regulations suggests that though the new regulations would prevent the misuse of social media by disgruntled elements and ensure greater accountability on the part of intermediaries, but at the same time they can be used by the government to muzzle the dissent in the name of security of India etc as these terms are very vague. It would also discourage the foreign social media’s expansion as the rule of privacy of the user is not protected in these regulations. Thus these regulations will protect the privacy rights from the private operators but it would also allow the state to infringe the Privacy of individuals by the state in the name of security and territorial integrity. Justice B N Srikrishna, a retired Supreme Court judge who headed the Expert Committee on data protection constituted in 2017 has pointed out that demanding traceability of messages to the originator amounts to making “inroads into the fundamental right of privacy (The New Indian Express: 2021). The only safeguard is the three point test devised by the judiciary in the Puttaswami case (2017) referred above. The government needs to evolve more transparent mechanism to retrieve personal information of citizens from the social media operators by devising objective criteria for such retrieval and also making provision for the punishment of public authorities in case of the vindictive use of power of retrieval of personal information. In nutshell, India needs to strike a fine balance between the state interests and right to privacy of citizens while regulating the cyber space.

References

Alshuler T. Sh. Privacy in A Digital World // TechCrunch. 2019. 27 September. URL: <https://techcrunch.com/2019/09/26/privacy-queen-of-human-rights-in-a-digital-world/> (accessed: 02.09.2021).

Hutt R. What are your digital Rights? // World Economic Forum. 2015, 13 November. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/11/what-are-your-digital-rights-explainer/> (accessed: 03.09.2021).

IBERDROLA. Digital Rights, Essential in the Internet Age. IBERDROLA, Digital rights, 2021. URL: <https://www.iberdrola.com/innovation/what-are-digital-rights> (accessed: 02.09.2021).

India Code. Information Technology Act, 2000. Bare Act, India Code, 2000. URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1999/3/A2000-21.pdf> (accessed: 05.09.2021).

Indian Kanoon. Justice K.S.Puttaswamy (Retd) ... vs Union Of India And Ors. Full Text of the Judgment, Indian Kanoon, 2017, 24 August. URL: <https://indiankanoon.org/doc/91938676/> (accessed: 05.09.2021).

Livemint. New rules to regulate social media spark concerns over privacy. Livemint, 2021, 27 February. URL: <https://www.livemint.com/news/india/user-privacy-concerns-loom-large-as-india-issues-intermediary-guidelines-11614344912181.html> (accessed: 10.09.2021).

OHCHR. OHCHR and Privacy in Digital Age. OHCHR, 2021. URL: <https://www.ohchr.org/en/issues/digitalage/pages/digitalageindex.aspx> (accessed: 10.09.2021).

Prakash, Satya. Information Technology Legislation Falls Short. The Tribune, 2020, 05 January. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/features/information-technology-legislation-%E2%80%98falls-far-short%E2%80%99-21652> (accessed: 10.09.2021).

PURPLESEC. 2021 Cyber Security Statistics: The Ultimate List of Stats, Data & Trends. PURPLESEC, 2021. URL: <https://purplesec.us/resources/cyber-security-statistics/> (accessed: 12.09.2021).

Relia, Col.Sanjeev. India's tryst with a New National Cyber Security Policy: Here's what we need. The Economic Times, 2021, 04 August. URL: <https://www.financialexpress.com/defence/indias-tryst-with-a-new-national-cyber-security-policy-heres-what-we-need/2304053/> (accessed: 14.09.2021).

Sutar, Kamlesh Damodar. Report linking Chinese cyber attack to Mumbai power outage true: Maharashtra minister Nitin Raut. India Today, 2021, 01 March. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/mumbai-power-outage-true-chinese-cyber-attack-nyt-report-maharashtra-minister-nitin-raut-1774365-2021-03-01> (accessed: 15.09.2021).

The New Indian Express. New social media rules threaten privacy, free speech.

Opinion, The New Indian Express, 2021, 01 June. URL: <https://www.newindianexpress.com/opinions/editorials/2021/jun/01/new-social-media-rules-threaten-privacy-free-speech-2310027.html> (accessed: 15.09.2021).

TRILEGAL. India: Supreme Court Declares Right To Privacy A Fundamental Right. TRILEGAL, Modaq, 2017, 31 August. URL: <https://www.mondaq.com/india/privacy-protection/625192/supreme-court-declares-right-to-privacy-a-fundamental-right> (accessed: 17.09.2021).

WIRE. Right to Privacy a Fundamental Right, Says Supreme Court in Unanimous Verdict. The WIRE Staff, 2017, 24 August. URL: <https://thewire.in/law/supreme-court-aadhaar-right-to-privacy> (accessed: 18.09.2021).

Anna Jach

Jagiellonian University in Kraków, Kraków, Poland

Russian model of cooperation as an example of intersectoral synergy in the process of building civil society

Introduction

Currently in Russia there exists a system that is self-organizing, with horizontal social ties between members of the society and a hierarchical system with vertical social connections. Considering the legal and organizational conditions — including transformations within the political system but also changes occurring in the consciousness and mentality of the Russian society (including ideological background), as well as exogenous political and economic influences on functioning of the state and social structures, and finally taking account of the tradition and attachment to endogenous patterns of behavior — the policy-makers drew upon the concept of public policy successfully operating in the West. This was reflected in Russian legislation. The policy-makers decided to re-arrange the relations with the non-governmental, non-commercial sector when defining the areas of activity of the Russian government until 2024 (economic policy, support for the commercial sector and improvement of conditions for entrepreneurial activity, development of social sector institutions, sustainable regional development and improvement of the quality of state governance, as well as the most important ones — international policy, security issues, defence, international relations, home affairs, jurisprudence and judiciary policy) (Основные направления..., 2018).

This cooperation occurred on three levels: creating public policy, performing public tasks, and cooperation infrastructure and creating conditions for civil activity.

Cooperation in creating public policy

The first area involves cooperation in creating public policy aimed at participation of the non-governmental, non-commercial sector and the state structures in shaping public policy, strategies (long-term planned actions focused on achieving assumed goals and pursuing policies) and programmes (current and long-term actions compliant with strategies). Activities in this area included diagnosing problems and challenges; sharing information about

plans, intents and directions of activities; co-creating strategies and programmes for the implementation of public policies and institutional solutions; consulting the assumptions of projects and normative acts as well as rules for implementation of other ventures; cooperation in introducing public policies; participation of organizations from the non-governmental, non-commercial sector in the assessment of the implementation of policies and programmes (Model współpracy..., 2012, s. 27).

In the Russian circumstances this process was conditioned by the process of investing great resources in the development of authoritarian solutions (Авдонин, 2018, с. 84), which was accompanied by a forced tactics of expanding the pool of financial possibilities guaranteed by the government to implement projects of social significance, as was the case with the hierarchical structure of power that was being built at that time. The beneficiary of this aid was the non-governmental, non-commercial sector, which did not represent a uniform structure in any respect, and whose position was related to the state structures (subordination and full cooperation, partial autonomy, confrontation position). Expectations of the authorities towards the third sector faced certain barriers which were dictated by the overriding goal of the policy-makers — stabilization of the ruling camp through maintaining power. The main demand of the ruling camp was incompatible with modernization, understood as increasing the efficiency of the state. It can be implemented only when the other two sectors — the commercial and non-commercial ones — become subject to empowerment, which in practice means a departure from authoritarian methods of state and public governance for a sustainable pattern of internal relations based on the principles existing in Western countries.

Trying to reconcile these two contradictory strategies of action, the legislation tools that regulate the process of cooperation were applied. They helped 1. amend the legislation, 2. define main functions of the non-governmental, non-commercial sector, 3. create mechanisms and institutions empowered to carry out tasks, and 4. indicate practical application of cooperation principles in the form of results. These activities led to introduction of detailed regulations related to 1. the organization of SO NKO, more often established bottom-up, and not by the state, 2. activities of state institutions focused on forms of support, 3. the powers of state authorities in the area of exercising control at the following levels: federal, entities of the Russian Federation and municipal (Jach, 2019, s. 431-468).

Following Western solutions in the domain of establishing partnership relations with the non-governmental, non-commercial sector as well as using the oldest method of governance — the “carrot and stick” approach — Russian policy-makers managed to persuade a part of the society to join in civic

participation. However, much more important for “motivating” were, unfortunately, the problems encountered every day. Inefficient state structures were not able to fulfil both their functions and the resulting prosocial tasks. Thus the source of “incentives” for Russian citizens was supplemented with such provisions which at least at first glance gave the public some hope of having increased control over the bureaucracy that had been left unchecked. In this thoughtful way, the citizens themselves as well as their organizations were offered a platform in which they carried out tasks that in fact belonged to state structures. The consequences of the policy-makers’ turn towards modernizing the three-sector state while maintaining the monocentric decision centre, embodied by the president of the state, proved to be a great challenge for the rulers since the civil society, once invited to co-govern, did not intend to resign from this privilege. The ability of Russian citizens to maneuver in an unregulated legal reality has become a part of their political culture, shaping both habits and customs, as well as defining their attitude to the state apparatus itself and to the legal institutions.

The framework of the defined main functions which the organizations from the non-governmental, non-commercial sector were obliged to fulfil included correcting the authorities’ actions in the area of governance through civic control and independent civic expertise. The second function, hoped for by the state sector, was connected with civic control, with its objectives: to develop substantive cooperation between the non-governmental, non-commercial sector and the structures of state authorities, and to overcome bureaucracy’s distrust in civil society initiatives, mechanisms of civic control and independent expertise (Никовская (b), 2018, с. 156). In order to implement such a defined strategy, it was decided to institutionalize support mechanisms or even sometimes create cooperation between both sectors. As part of the new public policy concept, useful for the implementation of the strategy, an optimal model for socio-state governance was diagnosed for Russia (Якимец (a), 2018, с. 703). The model was characterized by a three-sector partnership cooperation of the state, the world of business and the third sector. Within its framework, appropriate rules and procedures have been refined, which can be divided into two groups: public-legal institutions and mechanisms of socio-national governance (Якимец (b), 2018, с. 138). Development of the so-called socio-civic model of social participation in socio-political life resulted from reorientation of the mechanisms of state influence on the non-governmental, non-commercial sector. The modal approach of the Russians themselves to problems they were encountering turned out to be a much more serious reason for this change. Apart from focusing on traditional areas of social activity (social, civic or political), Russians have revealed a tendency

to change the vector of civic activity from participation in political parties to involvement and participation in non-political civil associations. This evolution was caused by the decrease in the efficiency of functioning of state and municipal institutions, so far occupied with such issues as a precise and correct system of maintaining a certain standard of living as well as the demand of social activists to use the potential hidden in government and civic structures at the local level. As a result, the political participation of civil society has been reduced and its power has been redirected towards cooperation and mutual support in the domain of social life. Awareness of the need to participate has become the engine of transformations in the society, which, together with the strategy of state modernization, also expected involvement of the state, while maintaining partnership relations based on cooperation (Петухов et al., 2014, с. 11–19).

The issue of trust in state institutions was the cause of the conservative attitude towards initiatives taken by state structures in the area of governance. The assessment and the degree of citizens' confidence in the authorities is determined by the authorities' reactions to the postulates raised by citizens and institutions. Regardless of the attitude towards the issue of social trust or lack of such trust, the state authorities started meeting the demands regarding creation of the mechanisms of bringing state institutions closer to the society (Михеев, Радиков, 2018, с. 40–43).

The tasks formulated in numerous state documents (at federal, regional and municipal levels) and in documents prepared by civil society institutions were to be addressed by institutions established for this purpose, created either by the state sector alone or the state sector together with the civil one. Such civil society institutions included the following bodies:

- 1) the Presidential Council for Civil Society and Human Rights (Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека);
- 2) the National Assembly (Народная ассамблея), established in 2000 by the coalition of organizations protecting the rule of law and human rights movement, as well as organizations for journalist;
- 3) the Civic Forum, convened for the first time in 2001;
- 4) the Civic Chamber of the Russian Federation (2006);
- 5) civic councils at ministries, departments and centres of regional and municipal authorities, civic chambers at the offices of chiefs of the entities of the Russian Federation, observing/monitoring civic committees (общественные наблюдательные комиссии) (2006);
- 6) anti-corruption councils, and civic committees monitoring the observance of human rights in places of detention (2010).

The basic forms of cooperation between the state structures and the non-governmental, non-commercial sector in the field of co-governing the state include public hearings (публичные слушания), civil expertise (общественная экспертиза), including the anti-corruption one, collective “discussion platforms” (коллективные “переговорные площадки”), including the civic forum (гражданский форум). However, the factor that strengthens social involvement in this process is access to the Internet, which gives not only the chance to address problems in an uncensored manner but which is also becoming an effective tool for self-organization of people in the process of creating civic initiatives in order to solve socially important problems (Jach, 2018, s. 462).

Cooperation between state authorities and the non-governmental, non-commercial sector is based on visible support from the authorities, particularly for socially-oriented non-commercial organizations. Thus there is a support for the development of cooperation between federal, regional and municipal authorities with institutions empowered to fulfil pro-social tasks in order to implement the agreed solutions. This strategy complies with the assumptions of national modernization of the state, whose *conditio sine qua non* is the “mutually responsible partnership” between the state and the society. For such partnership to exist, civil society cannot limit itself to monitoring already taken decisions, but it has to develop its own initiatives and projects since only this approach might balance the lack of “vibrant thoughts and breakthrough solutions” in the department programmes (Доклад ОП РФ, 2018).

Cooperation in performing public policy tasks

The second plane is related to cooperation in fulfilling public tasks, understood as actions taken by the state sector within the framework of laws determining their competences. The subject of interest in this domain is the implementation of public tasks by using various forms of financial and non-financial cooperation as well as project partnership in fulfilling public policy tasks (Model współpracy..., 2012, s. 55)

Financial support for the non-governmental, non-commercial sector provided by the state authorities of all levels is provided according to a specific scheme through: 1. public and municipal social procurement (placing orders for social services, supporting projects and programmes of independent non-profit organizations in state local programmes, coordination of activities and joint development of programmes); 2. social sponsorship offered by the state (granting tax relief for non-profit organizations, free or preferential transfer of real estate, preferential loans, technical support); 3. stimulation through direct

financing (subsidies, municipal grants, budget financing, providing tax relief to organizations supporting non-profit organizations). An important element of financing non-profit organizations are funds from other non-profit organizations, allocated for specific purposes: grants, humanitarian aid, charity aid, and donations. By distributing the obtained financial resources according to the type of activity and time, they promote activities that comply with the principles of economic independence and material responsibility as well as with the results of activity undertaken to fulfill socially useful tasks (Jach, 2019, s. 485).

The fulfillment of public tasks using non-financial types of support includes material, non-material and organizational support in the form of resources. A detailed presentation of the involvement of state structures at particular levels, that is federal, RF entities and municipal ones, shows that support is provided in the following areas: property, information, consultations, training, retraining and advanced training of employees and volunteers, using reliefs and fee exemptions, guaranteeing legal entities that support the non-governmental, non-commercial sector the possibility of benefiting from tax and fee reliefs, providing subsidies to entities comprising the Russian Federation to competitively finance social projects of non-governmental organizations as well as providing infrastructure, information and methodological support for their activities (Мерсиянова, 2008, с. 148–150).

Project partnership in fulfilling public policy tasks assumes that all entities of the Russian Federation fulfil projects where the participants are both the state and municipal structures as well as civil society institutions, embodied by the non-governmental, non-commercial sector. This is to be achieved through legal, financial and governance procedures developed to be applied in the sector of economic relations. The results achieved served as the basis to plan systemic actions for the development of the environment of competitiveness in the RF entities as well as to formulate the following desiderata of their effective implementation in accordance with the principle of “first, do no harm”: 1. it takes time to build step by step a model and principles of social and state administration; 2. it is necessary to approach with care the responsible development of bonds between actors within the framework of interactions with state governing entities, and to choose people who actually represent and defend the interests of various civil society communities; 3. what should be revised are the responsibility areas of both authorities and actors as well as clear delineation of the border between these domains; 4. there is a need to develop partnership mechanisms at various stages of governance advancement, adoption and implementation; 5. it is necessary to change curricula and disciplines in higher education through the development of training in the basic rules of

public administration, including e.g. typology of forms of public participation (actors), analysis of mechanisms of coordinating intergroup interests, and case studies (Якимец (b), 2018, с.145).

Cooperation in infrastructure and creating conditions for civil activity

The third plane describes the infrastructure of cooperation and creating conditions for social activity. Factors affecting social participation are, to a large extent, still stimulated by the structures of the state apparatus; however, along with the ongoing transitions in the socio-economic structure, their dominant position is gradually weakening. The third plane comprises institutions supporting activities of social organizations as well as practices and activities aimed at stimulating bottom-up social activity, which therefore will be able to become a partner shaping the socio-political, political and economic reality for both the state and the business structures (Model współpracy..., 2012, s. 71).

The system of supporting civic initiatives and organizations from the non-governmental, non-commercial sector assumes comprehensive assistance in the following forms of support: institutional, training-consulting in the development of civic organizations and initiatives, in animation, informational-promotional, and financial (Jach, 2019, s. 502-503). Institutions that can help in establishing international cooperation are civil society institutions such as the Social Chamber of the Russian Federation, Social Chambers at the executive and representative authorities, social and socio-consultative councils operating at ministries and departments, social chambers, NKO “round tables” and the Ombudsman. The Ombudsman can monitor the legislative process, promote legal culture in society as well as support organizations tasked with defending the rule of law (правозащитные) which function in the territory of the Russian Federation. Due to its functions, the office of the Commissioner remains one of the few mechanisms for implementing and strengthening the principles of protection of human rights and freedoms in the political and legal domains as well as in everyday life of post-communist societies. The work of this Commissioner, focused on fulfilling important defensive, preventive, educational and informational functions, in practice promotes creation of a new legal culture in the society. The Ombudsman becomes a real factor that for 25 years has been humanizing legal standards and contributes to building a true civil society. Although this office very often has an imitative and superficial character in authoritarian countries such as Russia, it cannot be denied that from the very beginning of its existence it was among the bodies respon-

sible for the implementation of international standards in the protection of civil rights and freedoms to its systemic practice.

One of the objectives of cooperation between the state sector and the non-governmental, non-commercial sector is to support processes aimed at integrating the third sector through a number of methods that involve dialogue bodies. For the authorities and the world of business, the integrated social environment becomes a partner in consolidation activities undertaken to overcome crisis dysfunctions. Social and civic participation constitute a comparable platform defining the degree as well as the sphere, forms and directions of citizens' mobilization. They are also a prerequisite for characterizing public policy through the prism of systemic synergy of the state, the business, the non-governmental community, various social, professional groups and social strata, as well as social associations working in order to further personal and social interests and to facilitate industry as well as distribution and utilization of social resources and goods (Никовская (а), 2018, с. 147).

Civic participation (гражданское участие), unlike the social one (focused on participation in the decision-making process, particularly at the level of horizontal connections within the scope of collectively provided assistance and cooperation), focuses on activities related to social governance processes (соуправление) at the level of institutions which form the vertical structure of power — the Social Chamber of the Russian Federation, the Council of Experts at the Open Government Of the Russian Federation — the online Council of Experts (Экспертный совет при открытом правительстве РФ (Экспертный совет онлайн)) — and the Accounts Chamber of the Russian Federation (Счетная палата). The purpose of their activity is to undertake actions aimed at correcting or developing alternative solutions in any branches of the society (Скалабан, 2011, с. 137).

In turn, the specificity of civic participation is shaped by legislative initiative, socio-political activity of citizens, fulfilment of civic initiatives, involvement and participation of the society in the activities of voluntary social organizations for group interests, achievement of established goals and production of social good as a result. Representing social interests and doing a social good places in a special position any entity — an individual, a group, a class, a social institute — which meets the requirements of self-organization, mutual assistance and defence of delimited social and civic rights. The integration of support for the non-governmental, non-commercial sector leads to institutionalization in the form of organizations whose tasks are related to broadening the limits of freedom, giving the society a certain delegated authority, engaging the society in the process of social transformation and activity as well as developing social protection. What also emerged was social activity aimed

at solving individual focused problems. Participants in this activity function in an informal way and thus remain outside the state's control.

Another example of social participation are numerous mass civic and social initiatives that have emerged with the access to the Internet. Self-organization of mass civic initiatives — resulting in mechanical unification of traditional spheres of life, achieved with the help of four main interactive groups: work with the citizens' statements and appeals, crowdfunding platforms and sites, voluntary services and civic discussion groups — receives effective help also from the media, social networks, blogs and other online communication tools that in the shortest possible time make it possible to accumulate significant human and financial resources, and to integrate state, business and social resources for the purpose of solving social problems (Никовская, Скалабан, 2017, с. 52; Никовская (а), 2018, с. 148). The adopted strategy of support for the non-governmental, non-commercial sector resulted in the emergence of new institutions (alongside the traditional civil society ones): the state electronic portal Russian Public Initiative (Российская общественная инициатива — РОИ), information portals operating in Moscow Active Citizen (Активный Гражданин) and Our City (Наш город), citizens' forums in the regions of the Russian Federation, institute of the (social) public hearings (институт общественных (публичных) слушаний), numerous local discussion platforms, expert councils and working groups operating at the federal executive bodies as well as other websites. Among the new formats, an active role is played by the All-Russia People's Front (Общероссийский народный фронт) and Alexei Kudrin's Committee of Civil Initiatives (Комитет гражданских инициатив). Similarly to foreign portals of social initiatives, their aim was grassroots civil mobilization; however, in the Russian circumstances, this turned out to be a wishful approach of both the state and the citizens to this form of activity (Jach, s. 520).

Conclusions

In the Russian society, as in the whole country, there have been changes that necessitated withdrawal from the process of developing the vertical structure of power and supplementing it with the required horizontal links to the authorities of the Russian Federation as well as representatives of the municipal authorities. This, in turn, led establishing closer relations with the non-governmental, non-commercial sector, which in the circumstances of the deteriorating economic situation and increasingly serious social problems proved to be a more professional and effective structure. Therefore the government's attention was clearly redirected towards increasing the participation

of Russian citizens in the processes of managing the country. The process of formulating a new strategy on social and state governance, was based on the knowledge of their own experts and social activists as well as on the experience of leaders of individual civil society institutions operating in Russia. As a result of these consultations, it was decided to promote within the framework of modernization the intersectoral partnership model based on consolidated and creative practices and attitudes that constitute the most important technological and valuable resource of civic activity. In these circumstances social consolidation is a guarantee for building the prosperity of the Russian society, *conditio sine qua non* of an innovative breakthrough in the development of the country and the implementation of strategic plans, declared by the state's governing body.

References

Авдонин В.С. К вопросу о характере авторитаризма в современной России // Публичная политика. 2018. Т. 2. № 1. 1917–2017: извлеченные и неизвлеченные уроки. С. 76–94.

Доклад ОП РФ о состоянии гражданского общества. Общественная палата Российской Федерации, 2018. URL: <http://report2018.oprf.ru/ru/> (дата обращения: 20.02.2019).

Мерсиянова И.В. Взаимоотношения власти и организованной общественности в восприятии населения, руководителей НКО и муниципальных служащих // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Якобсон Л.И. (ред.). М.: Вершина, 2008. С. 133–166.

Михеев В.А., Радилов И.В. Доверие в системе взаимодействия граждан и государства // Сотрудничество в публичной политике и управлении / Сморгунов Л.В. (ред.). СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2018. С. 38–51.

Никовская Л.И. (а) — Гражданский активизм. От политической к гражданско-общественной функции в публичной политике // Сотрудничество в публичной политике и управлении / Сморгунов Л.В. (ред.). СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2018. С. 146–165.

Никовская Л.И. (б) — Гражданское общество как фактор развития // Публичная политика. Институты, цифрование, развитие / Сморгунов Л.В. (ред.). М.: Аспект Пресс, 2018. С. 146–168.

Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие. Особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 46–60.

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года от 1 октября 2018 г., 2018. URL: <http://government.ru/news/34168/> (дата обращения: 23.01.2019).

Петухов В.В. и др. Гражданский активизм в России. Мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. Т. 22. № 9. С. 11–19.

Раздел 2. Трансформация политического в условиях цифровизации

Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие. К проблеме осмысления понятий // Вест. Томского ун-та. Серия Философия. Социология. Политология. 2011. № 1(13). С. 130–139.

Якимец В.Н. (а). Инновационные механизмы партнерских инициатив и общественного участия — инструменты для повышения качества государственного управления // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: Материалы 15-й Международной конференции «Государственное управление в XXI веке»: Сб., М.: КДУ; Добросвет, 2018. С. 703.

Якимец В.Н. (b). Новые форматы общественно-государственного управления в России // Сотрудничество в публичной политике и управлении / Сморгун Л.В. (ред.). СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2018. С. 135–145.

Jach A. Pozarządowy sektor niekomercyjny w Rosji w latach 2000 — 2018. Osobliwości funkcjonowania. Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2019. — 761 p.

Model współpracy administracji publicznej i organizacji pozarządowych, Departament Pożytku Publicznego, 2012. URL: http://www.ekonomiaspoleczna.gov.pl/download/files/Biblioteka/BPP/model_wspolpracy.pdf (accessed: 28.01.2019).

Раздел 3

**Политические
эффекты цифровизации**

Платформа «Руссо» итальянской партии «Движение пяти звезд» как популистская попытка разворота в сторону прямой демократии

Введение

В большинстве современных стран, которые можно отнести к демократическим, установился такой политический режим, при котором народ признается источником власти, но управление государством отчуждено от рядового гражданина и делегировано различным представительным органам. Прямое участие народа в принятии значимых решений долгое время считалось утопией. Авторы классических научных трудов признают выборы единственной возможностью граждан принять участие в управлении страной. М. Эдельман: «Голосование — это единственная для большинства граждан форма участия в управлении страной... [Выборы] дают людям возможность... испытать чувство сопричастности (Edelman, 1964, р. 3). Й. Шумпетер замечает, что главная функция выборов — образовывать власть (Shumpeter, 1975, р. 272).

Однако с развитием информационных технологий, Интернета появились технические возможности для реализации власти и прямого участия в управлении государством в масштабах современных стран.

Сторонники непосредственного участия граждан в управлении государством апеллируют к тому, что представительская демократия достигла предела своего развития и выполнила задачу перед обществом, предоставив большинству политические свободы (Руденко, 2013, с. 156). Дальнейшее развитие они видят в развитии прямой демократии как следствия формирования информационного общества и достаточного уровня необходимых технических средств.

В 2009 г. в Италии была образована политическая партия «Движение пяти звезд», которая относится к популистским политическим партиям. Основные идеи партии включают критику Европейского союза (евроскептицизм), яркий антиистеблишмент, борьбу с привилегированными элитами и защиту окружающей среды. Как замечает Н. Урбинати: «Апеллируя к массе, большинству, популизм стремится наполнить антиистеблишментным нарративом всю политическую

арену, освободить ее от всех посредующих институтов (в первую очередь партий) и процедур» (Urbinati, 2014, p. 131–145). Таким образом, ключевые идеи «Движения пяти звезд» делают ее классическим представителем европейских популистов, возникших в ответ на процессы глобализации и «усложнения структуры общественно-политических размежеваний» (Макаренко, 2021, с. 24).

Одна из отличительных особенностей этой партии — опора на информационные технологии, Интернет и социальные сети. Всего за 4 года «Движение пяти звезд» смогло аккумулировать вокруг себя достаточное количество сторонников, чтобы вне коалиции набрать достаточное количество голосов и занять в Парламенте Италии 108¹ из 617 мест, а в 2018 г. — 133 места².

Партия выступает за трансформации избирательного процесса, увеличив участие граждан в процессах управления государством и сделав избирательные и законотворческие процессы максимально прозрачными. В качестве инструмента для реализации прямого участия граждан в обозначенных процессах было разработано *IT*-решение. Уже в 2012 г. в блоге одного из основателей политической партии, Беппе Грилло, была включена первая функция голосования, с помощью которой были выбраны представители, которые были объявлены на политических выборах в феврале 2013 г.³ В 2016 г. «Движение пяти звезд» представило Платформу «Руссо» (*La piattaforma Rousseau*), разработанную одним из основателей «Движения», Джанроберто Казаледжо, для развития «сетевой демократии».

Платформа используется для управления избирательными процессами «Движения пяти звезд»: участие в выборах различного уровня (региональные, национальные, муниципальные и европейские), а также для формирования избирательных списков и проявления законодательной инициативы. Ранее функции Платформы «Руссо» выполнял личный блог одного из основателей партии — Беппе Грилло (<https://berpegrippo.it>), который стал важной площадкой и инструментом для аккумулирования сторонников «Движения» и их мобилизации в 2013 г.

¹ Архив результатов выборов в итальянский парламент в 2013 г. [Электронный ресурс] // сайт системы хранения результатов выборов Eligendo. URL: <https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=C&dtel=24/02/2013&tpa=I&tpe=A&lev0=0&levsut0=0&es0=S&ms=S> (дата обращения: 04.09.2021).

² Там же.

³ Статья «Tutti i voti su Rousseau. Ecco che cos'è la piattaforma del M5S» от 10.02.2021 // [Электронный ресурс] // Ежедневная газета La Repubblica. URL: https://www.repubblica.it/politica/2021/02/10/news/rousseau-piattaforma-che-cosa-e_-286870028/ (дата обращения: 24.09.2021).

Несмотря на то что представители партии настаивают на внедрении платформы «Руссо» на национальном уровне для расширения управленческих полномочий управления государством для обычных граждан, есть определенные недостатки инструмента, которые позволяют утверждать, что платформа «Руссо» не может стать инструментом для перехода к прямому участию большинства избирателей в управленческих процессах.

Была произведена как оценка возможностей самой платформы инструмента для всеобщего участия в политических процессах страны, так и готовность итальянского общества к цифровизации и переносу избирательных процессов в онлайн.

Недостатки и проблемы платформы «Руссо»:

- существует несколько уровней доступа к информации: функции Платформы открыты не для всех. К Платформе можно получить доступ как «гостю», т.е. в режиме просмотра без возможности совершать действия, но для того, чтобы принимать участие во всех мероприятиях, необходимо вступить в партию «Движение пяти звезд». В первое время существования платформы «Руссо» даже доступ в режиме просмотра был возможен только для членов партии;
- Платформа принадлежит частной организации «Ассоциация Руссо» (Associazione Rousseau), которая связана с компанией одного из основателей «Движения пяти звезд», Джанроберто Казаледжо, — «Партнеры Казаледжо» (Casaleggio Associati). После смерти основателя Джанроберто права на его активы, в том числе и платформу «Руссо», перешли по наследству его сыну Давиде Казаледжо. Это делает платформу непрозрачной структурой, занимающейся неподконтрольной общественной коммерческой деятельностью;
- количество зарегистрированных пользователей составляет чуть больше 119 000 человек, функция голосования доступна только тем, кто зарегистрирован на платформе не менее 6 месяцев¹. Партия «Движение пяти звезд» не имеет собственного списка членов своей организации, зарегистрированные на платформе «Руссо» считаются членами «Движения». Прямого доступа к информации о зарегистрированных пользователях у руководства «Дви-

¹ Статья «Piattaforma Rousseau, quanti sono gli iscritti M5s e gli aventi diritto al voto. E perché non vanno considerati gli utenti “inattivi» от 09.02.2021 [Электронный ресурс] // Ежедневная газета «Il fatto quotidiano». URL: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2021/02/09/piattaforma-rousseau-quant-sono-gli-iscritti-m5s-e-gli-aventi-diritto-al-voto-e-perche-non-vanno-considerati-gli-inattivi/6095148/> (дата обращения: 10.09.2021).

жения пяти звезд» нет. Летом 2021 г. руководство партии в лице Джузеппе Конте инициировало передачу информации о зарегистрированных на платформе¹, в результате Давиде Казаледжо вышел из состава «Движения пяти звезд». Останется ли «Руссо» инструментом «сетевой демократии», пока нельзя сказать;

- угроза несоблюдения принципа тайного голосования — на платформу неоднократно налагались штрафы (2018, 2019 гг.) за ненадлежащую защиту персональных данных², а хакерские атаки на платформу усугубляют ситуацию.

Готовность общества к цифровизации избирательных процессов

По оценкам фонда *Freedom House*, который оценивает условия существующих политических прав и гражданских свобод в исследуемых странах с 1973 г., в Италии уровень «свободы в Интернете» равен 76 из 100 баллов³. Для сравнения: у России по данным этого фонда всего 30 из 100 возможных баллов. Это означает, что Интернет в Италии более доступен, чем в России, а граждане имеют довольно мало ограничений на доступ к информации, при этом соблюдаются требования к авторскому праву и данные пользователей хорошо защищены.

Согласно статистическим данным, более 50,5 млн итальянцев⁴ — это активные пользователи Интернета, в то время как население составляет около 60 млн человек, а доступ к Интернету — у 73,3% населения. Доступность Интернета — важный показатель, влияющий на развитие цифровой среды и экономики. Итальянские показатели относят ее к мировым лидерам. Например, в России, по данным Великой Н.М. и Великой Т.В., доступ к Интернету есть у 68% россиян

¹ Статья «M5S, Conte: 'Abbiamo i dati degli iscritti'. Davide Casaleggio lascia il movimento» от 06.06.2021 [Электронный ресурс] // https://www.ansa.it/sito/notizie/politica/2021/06/05/m5s-rousseau-sospende-funzioni-operative-piattaforma_a8b1ea09-7ec2-4c9d-82f4-8fce25ea51fc.html // Ежедневное интернет-издание «Ansa.it Politica» (дата обращения: 10.09.2021).

² Статья «Che cos'è Rousseau, la piattaforma del Movimento 5 Stelle» от 08.02.2021 [Электронный ресурс] // Сайт телеканала TG 08.10.2021. URL: <https://tg24.sky.it/politica/approfondimenti/piattaforma-rousseau-cosa-e> (дата обращения: 10.09.2021).

³ Анализ парламентских выборов в Италии от 06.07.2021 <https://freedomhouse.org/country/italy/freedom-net/2020> // [Электронный ресурс] // Сайт телеканала TG 08.10.2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/italy/freedom-net/2020> (дата обращения: 13.09.2021).

⁴ Статистика использования Интернета в Италии [Электронный ресурс] // Электронный ресурс хранения статистических данных Statista. URL://: <https://www.statista.com/topics/4217/internet-usage-in-italy/> (дата обращения: 2016).

(Velikaya, 2021, с. 700), но при этом страна входит в десятку стран с наибольшим охватом аудитории.

Согласно статистическим данным, в Интернете итальянцы интересуются развлечениями (38,8% в 2021 г.), новостями (38,2%), совершают покупки (37,3%), правительство и политика также входят в 10 самых посещаемых тем¹.

Несмотря на то что итальянцы активно используют Интернет, нет данных о том, что общество готово к цифровизации избирательных процессов. Интерес к политике в Интернете выражается потребностью искать информацию и быть в курсе новостей. Об этом говорят статистические данные о самых посещаемых итальянцами сайтов. Список лидеров: *Google.com*, *Facebook.com*, *YouTube.com*, *Google.it*, *Amazon.it*².

Заключение

Платформа «Руссо» — долгосрочная инвестиция в развитие прямой демократии в масштабе одной политической партии. Наиболее полезная функция платформы — возможность отбирать наиболее потенциально успешных кандидатов для региональных выборов. Еще одна функция платформы — просветительская и информационная, так как здесь собраны образовательные пособия, разъясняющие особенности функционирования политических институтов и процессов. Однако недостатки платформы лишают ее потенциала развития и масштабирования. Из-за того, что «Руссо» принадлежит частной компании, а доступ к данным ограничен, невозможно говорить о прозрачности процедур, происходящих на платформе, и легитимности и непредвзятости результатов. Доверие граждан к этой Платформе также находится на невысоком уровне: из почти 7 000 000 поддерживающих партию граждан в качестве пользователей платформы зарегистрировано примерно 188 000 человек³, что составляет менее 3%.

Несмотря на многочисленные положительные вклады «Руссо» в систему, Платформа еще не достигла поставленных целей демокра-

¹ Статистика использования Интернета в Италии [Электронный ресурс] // Электронный ресурс хранения статистических данных. URL: <https://www.statista.com/statistics/1242562/italy-unique-visitors-websites-category/> (дата обращения: 20.09.2021).

² Статистика использования Интернета в Италии [Электронный ресурс] // Электронный ресурс хранения статистических данных. URL: <https://www.statista.com/statistics/1234539/ranking-of-leading-websites-italy-by-monthly-traffic/> (дата обращения: 19.09.2021).

³ Статья «Руссо — что такое Платформа?» URL: https://www.repubblica.it/politica/2021/02/10/news/rousseau-piattaforma-che-cosa-e_-286870028/// Ежедневная газета «Республика» (дата обращения: 02.24.2009).

тического эгалитаризма и межпартийной демократии. Две основные проблемы Платформы «Руссо» и «Движения пяти звезд» — вопрос хранения информации и доступа к ней, а также вопрос прозрачности процессов, в частности процесса подсчета голосов. Для аккумуляции избирателей на платформе важно обеспечить безопасность хранения личных данных пользователей, установить четкий алгоритм верификации личности пользователя, а также внедрить прозрачные процедуры хранения и обработки данных.

Список литературы

Макаренко Б.И. Выборы: функции и влияние на политические институты // Политическая наука. 2019. № 1. С. 13 — 31.

Руденко В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2013. — 475 с.

Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. — 164 p.

Velikaya N.M., Velikaya T.V. Human capital and digitalisation of public life in the public opinion of Russian residents // Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues. М. С. 698 — 706.

Schumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. N.Y.: Harper and Row, 1975. — 431 p.

Urbinati N. Democracy disfigured: Opinion, truth and the people. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. — 320 p.

Л.Н. Вдовиченко

РГГУ, Москва

Влияние общих политических ценностей на сепаратистские настроения

В последние годы усилились сепаратистские тенденции в ряде стран Европы и Азии. Яркими примерами этой тенденции являются Каталония, Шотландия и некоторые другие регионы, которые долгое время существовали внутри крупных государств. Теперь же они пытаются добиться большей автономии от центральной власти или даже покинуть метрополию. Такие угрозы, естественно, вызывают озабоченность у представителей центральной власти этих государств, которые принимают меры по уменьшению сепаратистских тенденций, предотвращению попыток выхода из существующих ныне государств и наказанию сторонников сепаратизма. Тем не менее, как показывает опыт,

силовые решения этой проблемы, как правило, не приводят к успеху. Особенно часто эта тема обостряется в многонациональных и многоэтнических странах. Как добиться большего единства многонациональных и многоэтнических обществ? Исследование этой темы показывает, что одним из важных средств преодоления межнациональной и межэтнической разобщенности общества, приводящей к росту сепаратистских настроений, является формирование «общих ценностей».

Для такой страны, как Россия, угроза сепаратизма всегда вызывала беспокойство. Россия является одновременно многонациональной и многоэтнической страной, формировавшейся под влиянием различных цивилизаций, крупнейшими из которых являлись европейская и азиатская цивилизации. Они различаются не только лингвистически, но и традиционными ценностями культуры, религии, политики, образа жизни и т. д. Объединять население такой гетерогенной цивилизации можно на основе общих ценностей. Поэтому формирование ценностей, разделяемых хотя бы значительной частью представителей разных народов, является важной основой укрепления сплоченности в рамках одного государства различных национально-этнических составляющих населения России. Этот процесс выступает необходимым условием для их сосуществования и преодоления или хотя бы смягчения конфликтов между ними. Для этого необходима стратегия, основанная на гражданской солидарности, независимо от национально-этнической, конфессиональной и культурно-идеологической идентичности.

Исследовать процесс формирования объединяющих ценностей можно в том числе и социологическими методами, в частности изучая динамику общественного мнения россиян относительно предпочитаемых ими ценностей. Выявление в общественном мнении близких по рейтингу оценок важных элементов общественной жизни является одним из показателей процесса формирования «общих ценностей». Методы исследования этой взаимосвязи включают вторичный анализ опросов различных российских социологических центров по данной теме, например Всероссийского центра изучения общественного мнения, Всероссийского фонда общественного мнения и др. Эмпирическая база исследования дополняется результатами контент-анализа российских средств массовой информации, включая Интернет. Например, существуют исследования, показывающие определенные подвижки в сторону не только этнонациональной, но и общероссийской идентичности. Например, результаты исследований Института Академии наук Республики Татарстан по проекту «Многообразие в интеграции» свидетельствуют о том, что в республике наблюдается тенденция повышения общероссийской идентичности. В соответствии с данными

опросов в этой республике за последние 10 лет доля этнических татар, ощущающих себя одновременно и татарами, и россиянами, выросла с 35 до 62%, а доля считающих себя «чисто татарами» снизилась с 36 до 29%. Интересно, что 60% проживающих там русских идентифицируют себя не только с Россией, но и с Республикой Татарстан.

Российские социологи исследуют ценности представителей различных социальных групп населения России по широкому кругу вопросов, пытаясь найти в них общую основу. Это не значит, что их разделяют все граждане, но, по крайней мере, значительная часть респондентов. Учитывая результаты и опыт таких исследований, можно их рассматривать в контексте поиска средств сдерживания сепаратизма.

Вторичный анализ многочисленных опросов общественного мнения взрослого населения Российской Федерации позволил выделить ряд таких ценностей. Их поддерживает довольно большой процент российских респондентов (хотя, естественно, не 100%, а иногда и менее половины опрошенных). Тем не менее с некоторой натяжкой их можно рассматривать как некоторую часть формирующихся общих ценностей россиян. Что к ним можно отнести?

Патриотизм стоит **на первом месте** среди общих ценностей по доле разделяющих их респондентов. 89% россиян (хотя и с разной степенью уверенности) считают себя патриотами. За двадцать лет мониторинга ответов на этот вопрос величина положительных оценок не опускалась ниже 80%. (табл. 1).

Таблица 1

Как бы Вы сами себя охарактеризовали — как патриота или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	2000	2005	2006	2008	2010	2011	2013	III. 2014	X. 2014	2016	2018	2020
Да, безусловно	84	47	42	48	41	41	37	40	48	46	51	46
Скорее да		37	42	40	43	39	44	41	36	34	41	43
Скорее нет	16	8	10	6	9	14	12	13	9	12	4	6
Безусловно, нет		2	2	2	1	3	2	2	3	6	1	2
Затрудняюсь ответить	0	6	4	4	6	3	5	4	4	2	3	3

Источник: ВЦИОМ (Патриотизм. Аналитический обзор. 2020).

Примечание. В 2000 г. вопрос звучал «Считаете ли Вы себя патриотом России?». В 2013, 2014, 2016 гг. вопрос звучал «Скажите, Вы ощущаете себя патриотом России или нет?».

Раздел 3. Политические эффекты цифровизации

Здесь, вероятно, нужно учитывать то, как граждане России понимают патриотизм. 47% россиян считают, что «патриот — это тот, кто любит свою страну». Второе по популярности определение патриотизма — «деятельность на благо своей страны» (44% респондентов). По мнению примерно трети россиян (34%), патриотизм означает «стремление изменить положение дел в стране и обеспечить ей достойное будущее». В четверку основных определений патриотизма также входит «защита своей страны от обвинений и нападок» (32%). В последние годы также увеличилась доля тех респондентов, кто считает патриотизм «честностью в суждениях о своей стране, какой бы горькой ни была правда» (29%). При этом снизилась доля тех россиян, которые к патриотам относят тех, кто «считает свою страну лучше всех других стран или что у нее нет недостатков»: 8 и 2% соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Что, по-Вашему, значит быть патриотом?
(закрытый вопрос, до трех ответов, % от всех опрошенных)

	2000	2005	2006	2008	2010	2014	2018	2020
Любить свою страну	59	67	69	65	71	72	59	47
Работать и действовать во благо/для процветания страны	35	32	29	34	26	36	38	44
Стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее	24	30	29	36	26	34	39	34
Защищать свою страну от любых нападков и обвинений	25	27	27	26	27	33	29	32
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была	12	18	17	17	18	16	19	29
Считать, что твоя страна — лучше, чем другие страны	17	16	13	16	19	24	12	8
Считать, что у твоей страны нет недостатков	4	4	5	3	5	6	3	2
Другое	3	1	1	1	1	1	3	5
Затрудняюсь ответить	9	3	4	1	2	2	2	3

Источник: ВЦИОМ (Патриотизм. Аналитический обзор, 2020).

Вторая по уровню поддержки ценность, которую разделяет значительное количество россиян, — это здоровье. Во многих социологиче-

ских опросах они чаще оценивают свое здоровье как хорошее или удовлетворительное. Хорошие оценки своему здоровью дают 39% россиян, чаще всего молодежь 18–34 лет (67%), а также люди среднего возраста 35–44 года (53%). 51% россиян оценивают свое здоровье как удовлетворительное, чаще всего в возрасте 45–49 лет и старше — 61%. Считая свое здоровье важной ценностью, они стараются поддерживать его разными путями. Например, за последние три года 44% россиян прошли медицинское обследование.

Другой путь укрепления здоровья — спорт (профессиональный и массовый — «спорт для всех»). Более половины россиян занимаются спортом или физкультурой (56%). Выше доля спортсменов среди молодежи 18–24 лет (71%), но и среди представителей пожилого возраста занимается (скорее физкультурой) каждый второй (50% среди группы 60+). Основная цель тренировок для россиян, которые занимаются спортом, — это поддержка и укрепление здоровья (63%). Чаще этого мнения придерживаются граждане в возрасте 60+ лет (80%). Используют спорт как способ улучшить настроение 12% опрошенных, а для снятия усталости и поддержки работоспособности — 8%.

Третья по значимости общая ценность россиян — их отношение к символам России: флагу, гербу, государственному гимну. Нынешний флаг соответствует современной России, по мнению 75% россиян. Так чаще всего отвечают соотечественники в возрасте от 35 до 44 лет (80%). По мнению 68% россиян, современный герб подходит нашему государству. Такое мнение чаще высказывают россияне в возрасте 35–44 лет (75%) и 25–34 года (73%). Двуглавый орел на гербе России у наших соотечественников ассоциируется с объединением Востока и Запада, Европы и Азии (17%). Что касается других государственных атрибутов, то 63% россиян считают современный гимн подходящим для нашей страны (табл. 3).

Вместе с тем в условиях, когда гимн и флаг Российской Федерации Международный олимпийский комитет не разрешил использовать на Олимпийских играх в Токио, наши зрители положительно оценили в качестве музыкального символа России первый концерт Чайковского.

Россиян также объединяет представление об **идеальном политическом лидере**. Какими качествами он должен обладать? Две трети россиян согласны с тем, что только те, кто от природы наделен лидерскими качествами, могут успешно руководить людьми и организовать рабочий процесс (64%). Такого мнения чаще придерживаются женщины (71%) и люди 45–59 лет и старше 60 лет (71–73%). Напротив, почти

Раздел 3. Политические эффекты цифровизации

треть считает, что руководить может каждый и необходимые для этого качества можно развивать (30%).

Таблица 3

Отношение россиян к гимну

Сейчас гимн России — это музыка гимна времен СССР с новыми словами. По Вашему мнению, какой из предлагаемых вариантов больше всего подошел бы для гимна современной России? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Гимн СССР, музыка и текст	13	4	10	10	17	18
Музыка гимна СССР с новым текстом, т.е. современный российский гимн	63	57	66	66	61	63
Гимн на музыку Глинки, гимн России в 1990–2000 г.	6	8	5	5	6	5
Полностью новый гимн, новые музыка и текст	8	23	8	10	6	5
Другой (запишите)	4	3	5	4	5	3
Затрудняюсь ответить	6	5	6	5	5	6

Источник: ВЦИОМ (Символы страны. Аналитический обзор, 2020).

Важно, что в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, значительная часть населения не заикливается на этнонациональных и религиозных характеристиках лидера. Три четверти россиян (73%) не интересуются религией лидера, каждый десятый поддержит атеиста (9%), а 18% — верующего. Национальность лидера также не имеет значения для 76% сограждан, хотя каждый четвертый предпочел бы лидера своей национальности (24%).

С учетом личных качеств лидера россияне предпочитают спокойного лидера эмоциональному (73% против 7%). Каждый второй респондент отдает предпочтение инновационному лидеру против консервативного лидера (53% против 12%). Строгий лидер больше нравится россиянам, чем мягкий лидер (48% против 10%), то есть «сильная

рука» более востребована. Однако эта ранее сложившаяся тенденция в последнее время ослабевает: согласно недавним опросам, жесткость политического лидера уже не рассматривается его основополагающим качеством для 42% респондентов. Кроме того, для каждого второго россиянина возраст лидера не важен (50%), а 45% предпочли бы зрелого лидера молодому (5%). Есть и гендерные сдвиги: две трети россиян считают, что пол лидера им не важен (66%).

Таким образом, перечисленные ценности, имеющие наибольший рейтинг у российских респондентов, и существенно совпадающие оценки у значительной части населения России создают необходимую идейную основу для сближения, а не противостояния. Общегражданская идентичность со временем может стать приоритетной по отношению к этнонациональной, религиозной и другим типам. Такая идентичность основывается на представлении о России как о нации-цивилизации. Приведенные здесь группы ценностей: отношение к патриотизму, здоровью, государственной символике и идеальному лидеру способствуют усилению центристских, а не центробежных тенденций. Прежние факторы, усилившие сепаратизм в конце 1980-х годов, предшествовавших распаду СССР, и в 1990-е годы, особенно во время чеченской войны, постепенно ослабевают. В современной Российской Федерации значительная часть населения постепенно формирует более однородное мировоззрение, противостоящее сепаратизму.

Список литературы

Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ, 11.06.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (дата обращения: 10.10.2021).

Развитие массового спорта: оценка россиян. Аналитический обзор ВЦИОМ. [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ, 10.10.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvitie-massovogo-sporta-ocenka-rossiyan-> (дата обращения: 10.10.2021).

Символы страны. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ, 20.08.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvoly-strany-> (дата обращения: 10.10.2021).

Vdovichenko. The Use of 'Shared Values' as a Remedy to Combat Separatism. [Электронный ресурс] // 26th World Congress of Political Science // Session "Separatism and Ethnic Conflict: Accommodation in Divided Society". Lisbon, 2021.

Д.А. Гаспарян
НИУ ВШЭ, Москва

Кризис политической культуры в Третьей Республике Армения

Введение

На протяжении последних 30 лет независимости в Республике Армения назревал глубокий политический кризис, который стал наиболее ярко выражен после итогов Второй Арцахской войны. Неопределенность армянского общества, в том числе элит, по отношению к происходящим в стране и регионе процессам свидетельствует о существовании более глубоких проблем, связанных с особенностями развития политической культуры в Армении. Особую роль в данном развитии играет постепенная цифровизация политики, выраженная в активном использовании соцмедиа (Коньков, 2020, с. 47–68), и разгоревшаяся внутривнутриполитическая когнитивная война (Почепцов, 2019), которые требуют надлежащей научной оценки.

Цель данной статьи — охарактеризовать кризисные трансформации политической культуры в Третьей Республике Армения. В рамках данной статьи я постараюсь дать определение политической культуре и связанным с ней понятиям, выявить ее особенности в армянском политическом пространстве, а также дать объяснение сложным социокультурным преобразованиям армянского общества, которые можно охарактеризовать как кризисные. Данный вопрос носит междисциплинарный характер, и лишь после определения ключевых проблемных точек можно будет приступить к более глубоким исследованиям с использованием различных количественных и качественных методов. В этой статье я ограничусь попыткой наметить эти самые точки.

Ключевые понятия

Прежде всего предлагаю обратиться к различным определениям культуры и ментальности, принятым в психологии и социологии. В частности, для нас актуальны понятия субъективной и репрезентативной культур, объяснение которых с опорой на определение иностранных ученых дала специалист по этнопсихологии Т.Г. Стефаненко:

«**Субъективная культура** — это общие для ее носителей представления, идеи и убеждения о созданной людьми части человеческого окружения» (по Г. Триандису. Стефаненко, 2014, с. 23).

Репрезентативная культура «производит идеи, значения и ценности, которые действены в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием» (по Ф. Тенбуруку. Стефаненко, 2014, с. 23–24).

Ментальность — «система образов.., которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» (по Ж. Дюби. Стефаненко, 2014, с. 127).

Из вышеобозначенных определений можно заметить, что все термины близки между собой по смыслу и обозначают систему коллективных представлений, которые воздействуют на поведение человека и определяют его мировоззрение, то есть неразрывно связаны с понятием идентичности. Помещение всех этих понятий в политические рамки и дает нам относительно полное представление о том, что такое политическая культура.

Иными словами, **политическая культура** — это политическая психология, присущая обществу. Она представляет собой различные установки, верования, представления, ценности, набор взглядов и нормативных или оценочных суждений, которые влияют на политические процессы и связаны с политической системой.

Влияние культуры на различные аспекты развития обществ, в частности на политику и экономику, в своих работах отмечали С. Хантингтон и Л. Харрисон. Я буду опираться на небесспорное понятие **культурного капитала**, используемое последним автором, который определил культурный капитал как «совокупность ценностей, верований и установок, ведущих общество к достижению целей Всеобщей декларации прав человека», то есть достижению демократии, социальной справедливости и т.д. (Харрисон, 2019, с. 27). Учитывая, что некоторые из целей сложно назвать универсальными ввиду специфических особенностей развития различных западных цивилизаций, я бы определил в качестве ориентира устойчивое политическое и экономическое развитие. Л. Харрисон выделил 25 факторов, которые определяют уровень культурного капитала и отвечают на вопросы о влиянии культуры на веру людей в возможность повлиять на свою судьбу и о поддержке в обществе «золотого правила» (Харрисон, 2019, с. 51–52). Некоторые из этих факторов будут рассмотрены ниже.

Политическая культура не статична. Она со временем может изменяться, при этом сохраняя свои основные элементы. Во время обычных трансформаций изменяется не набор специфических черт или харак-

терных культурных элементов (например, ценностей), а соотношение данных элементов между собой. Под кризисом же мы будем понимать радикальные изменения в данном соотношении, а также утерю или угрозу утери основных культурных элементов.

Анализ политической культуры в Третьей Республике Армения

На протяжении веков после потери государственности особенностью армянской политической культуры было стремление к национально-культурному единству, которое обеспечивалось во многом благодаря религиозному институту Армянской Апостольской Церкви (Саркисян, Дунамалян, 2020, с. 56–57). После обретения независимости в 1991 г. в Армении сложилась специфическая модель триединства армянского мира, которая включает Республику Армения, Арцах и Диаспору. Можно предположить, что данная модель имеет глубокие корни в мировосприятии армян и является исторической проекцией существовавших в Средневековье связей между Миджнашхаром (арм. «Срединным миром», подразумевавшим ядро Армении), Алуанком (средневековым «Восточным краем Армении» или «Глубинной Арменией», которая включала провинции Арцах и Утик) и армянскими этническими сетями за пределами исторической Армении¹.

Армянские политологи Н. Дунамалян и О. Саркисян отмечают, что в XX веке в Армении назревал конфликт между традиционными культурно-цивилизационными и гражданскими ценностями, между понятиями «армянин» (этническим самосознанием) и «гражданин Республики Армения» (гражданским самосознанием) (Саркисян, Дунамалян, 2020, с. 67). По мнению авторов, политика идентичности в Третьей Республике Армения была неактуальной, так как страна является моноэтнической, а национальная и этническая идентичности в стране тождественны (Саркисян, Дунамалян, 2020, с. 54). Тем не менее предлагаем обратить внимание на некоторые нюансы.

1. Несмотря на моноэтничность, армянское общество сложно назвать однородным, если принять во внимание существование субэтнических региональных групп, а также представителей Диаспоры, являющихся гражданами РА. Невзирая на стремление к культурно-конфессиональной консолидации, субэтническая идентичность

¹ *Բնօրինակն Ղ. Հնախօսութիւն աշխարհագրական Հայաստանեայց աշխարհի, հասոյր Ա // Digital Library of Armenian Literature. URL: <https://digilib.aaa.am/book/1486/1791/15170/Հնախօսութիւն%20աշխարհագրական%20Հայաստանեայց%20աշխարհի,%20Ա?term=Միջնաշխարհ&lang=en> (дата обращения: 25.08.2021).*

Идея триединства армянского мира

Стремление к национально-культурному единству

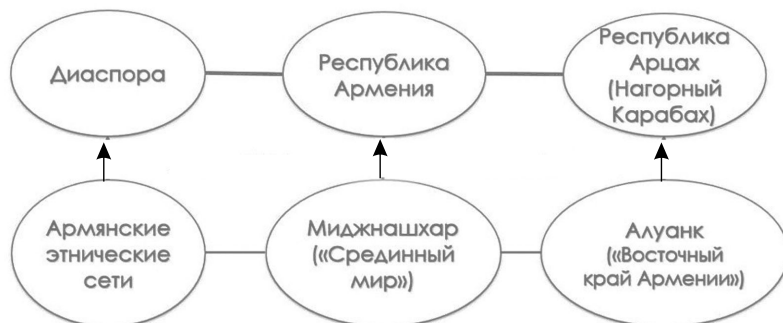

Рис. 1. Историческая проекция модели армянского мира

конкурирует с этнической, что выражается, например, в нечетком определении границ между армянскими диалектами (арм. *barbañ*) и отдельными языками (арм. *lezu*) в бытовом общении.

2. Вопросы гражданской идентичности поднимались армянскими мыслителями и ранее (например, Шаамиром Шаамиряном в «Западне честолюбия», XVIII век) (Погосян, 2014, с. 37–47). Несмотря на то что этноцентризм доминирует, проведение политики, направленной на формирование национально-гражданской идентичности, учитывая различные факторы разделенности армянского общества, все еще остается актуальной задачей.

Особенностью армянской политической культуры являлся протестный потенциал общества¹, его стремление достичь своих политических и гражданских целей правовыми способами, в частности через митинговую активность (Саркисян, Дунамалян, 2020, с. 63). Как отмечают Н. Дунамалян и О. Саркисян, после кровавого подавления протеста 1 марта 2008 г. гражданские движения стали противопоставляться политическим требованиям, поэтому общество стало дистанцироваться от политики. В последующие годы в основе протестов лежали в основном социальные требования. Случившаяся в 2018 г. так называемая «бархатная революция» несла отпечаток социальных протестов (Саркисян, Дунамалян, 2020, с. 63–64).

¹ Галстян А. Трагедия армянского протеста // (Газета.Ru. 21 апреля 2018). URL: https://www.gazeta.ru/comments/2018/04/20_a_11723083.shtml (дата обращения: 25.08.2021).

С приходом к власти Никола Пашиняна протестная активность резко снизилась, а сам премьер-министр начал выходить в прямые эфиры в *Facebook* уже из своего рабочего кабинета. Последующие крупные митинги организовывались теперь в поддержку новоизбранного премьер-министра. Например, 17 августа 2018 года на главной площади Еревана был проведен митинг, приуроченный к 100 дням премьерства Никола Пашиняна. Выступления премьер-министра носили популистский характер. В частности, в своей речи он сравнил площадь Республики с афинской агорой, характеризуя армянскую столицу как новый оплот демократии в регионе. Главные акценты делались на расследовании «дела 1 марта», в котором обвинялся бывший президент Роберт Кочарян, и на борьбе с коррупцией. Примечательно, что среди митингующих были также люди с плакатами, направленными против Католикоса всех армян Гарегина II.

Н. Дунамалян отмечает, что, несмотря на разрушение старой системы общественно-политических отношений, новая не была институционально оформлена. Общество же со своим набором ценностей не претерпело изменений, и патерналистские ожидания населения столкнулись с реальностью, в которой государственный институт принимает на себя лишь роль «арбитра» социальных отношений (Дунамалян, 2019).

Прошедшая осенью 2020 года Вторая Арцахская война стала серьезным вызовом для армянского общества. В Республике Армения после трагических итогов данного этапа конфликта начался глубокий политический кризис, который обнажил все проблемы политической культуры в стране. Расширившийся в течение последних 30 лет идеологический вакуум заполнил как реальное, так и виртуальное пространство, в частности *Facebook*. Властные и оппозиционные группы в качестве основного метода политической борьбы выбрали популизм, однако позиции сторон не опираются на какие-либо идеологические основы. Продвигаемые властью идеи «демократии» или «мандата народа» выражаются в поддержке режима Никола Пашиняна социально малообеспеченными слоями населения, восприимчивыми к популистским лозунгам (Матевосян, 2020).

Армянское общество, согласно типологии Л. Харрисона, можно охарактеризовать как имеющее низкий культурный капитал. В частности, для него характерны фатализм, пассивность, непунктуальность, ориентация на прошлое, внешний локус контроля. За годы независимости произошла деградация образования (Буря на Кавказе), а компетентность армянских элит вызывает сомнение. Место «этического кодекса» начала занимать субкультура кяртгú, проникшая и в полити-

ческую культуру (Евстратов, 2019). Например, с ней часто ассоциировалась Республиканская партия Армении; также можно вспомнить эмоциональную предвыборную речь Никола Пашиняна, в которой он обратился к Роберту Кочаряну в манере «хороших парней»¹. Отмеченный Л. Харрисоном «разрыв между утопическими нормами и реальным поведением» (Харрисон, 2019, с. 32) (например, в религиозном аспекте прослеживается «номинальность христианства»), гибкое отношение к коррупции и нежелание жить по правилам (логика «Если не нарушать, то ничего не достигнешь») — все это в совокупности порождает недоверие как в межличностных отношениях, так и к персонифицированным общественным и политическим институтам страны.

Несмотря на трагические итоги войны и призывы различных политических и общественных организаций, в том числе со стороны Католикоса всех армян Гарегина II, к Никола Пашиняну покинуть свой пост, команде исполняющего обязанности премьер-министра Армении 20 июня снова удалось набрать большинство голосов на парламентских выборах. Это можно объяснить с помощью концепции «рамков» теории социальных движений (Ближний Восток, 2020, с. 19–38). В данном случае она подразумевает формирование правительством Никола Пашиняна для легитимации своей власти новых рамок общественного восприятия через противопоставление элит на «старых» (в частности, «прокочаряновских») и «новых» («пропашиняновских»). Данное восприятие в течение последних лет активно укреплялось посредством символической политики «новых» (например, установление «Дня гражданина» в честь «бархатной революции»), в том числе через пропаганду страха перед приходом «старых». Для этого в общественный дискурс также внедрялся вопрос карабахского происхождения Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна, то есть для политической борьбы использовался региональный субэтнический фактор, который всплывал и всплывает в общественно-политических обсуждениях (Матевосян, 2020). Определенную роль здесь играет и неофеодальное восприятие политического пространства страны, подразумевающее приписывание влиятельным лицам региональных владений: например, город Вагаршапат «принадлежал» печально известному генералу Манвелу Григоряну, Абовян — олигарху Гагику Царукяну, Нагорный Карабах — Роберту Кочаряну и т.д. Тем не менее данное восприятие в последнее время утрачивает свою актуальность.

¹ Ռոբիկ, դու ճկունություն ես, դու տղա չես. Փաշինյանի մարտահրավերը Ռոբերտ Բոչարյանին (Pastinfo.TV. YouTube. 8 июня 2020). URL: https://www.youtube.com/watch?v=Yc5_p78QDto (дата обращения: 28.08.2021).

Заключение

1. Главным последствием Второй Арцахской войны стал кризис национальной и даже этнической идентичностей, что связано с неопределенностью содержания понятия «армянская нация» («конфликт» между гражданственностью и этничностью). Необходимо признать и недооцененность субэтнического фактора разделенности армянского общества, который требует отдельного исследования, в том числе в свете внутривнутриполитических когнитивных войн.

2. Кризис также выражен разломом в формуле триединства Республики Армения—Арцах—Диаспоры. Здесь сказывается и потеря более 70% территорий Арцаха, потенциальная напряженность с западноармянской диаспорой в случае нормализации отношений с Турцией, а также ослабление позиций Армянской Апостольской Церкви, скреплявшей культурно-конфессиональное единство всех элементов.

3. Снижение митинговой активности после выборов 20 июня 2021 года и политическая пассивность в реальном пространстве свидетельствуют о тяжелых психологических последствиях политических потрясений в стране.

4. Некоторые национальные символы и мифы, составляющие часть современной армянской идентичности (например, представление о том, что Армения «переживала и переживет всех своих врагов»), существуют параллельно с реальностью, принятие которой требует от армянского общества трансформации политической культуры. Ориентация на внешние центры, идеи построения демократического государства, выдвижение на первый план социальных вопросов и отодвигание политических на второй (в частности, вопроса Арцаха) демонстрируют, что Армения, как отмечают авторы книги «Буря на Кавказе», «ментально живет не в том регионе, в котором находится географически» (Буря на Кавказе, 2021, с. 113), то есть на Ближнем Востоке, где в условиях сложной геополитической обстановки действуют законы реализма, и необходимо быстрое реагирование на происходящие в регионе процессы.

5. Отсюда вытекает запрос на компетентность политической элиты, а также на новую национальную идеологию, способную мобилизовать не такое уж и однородное общество.

В связи с этим необходимо проведение более глубоких междисциплинарных исследований политической культуры в Армении, а именно изучение культурных феноменов, армянской политической философии, а также проведение новых социологических исследований по обозначенным проблемным вопросам.

Список литературы

Ближний Восток: политика и идентичность / Под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО РАН. М.: Аспект Пресс, 2020. — 336 с.

Бура на Кавказе / Д. Барри, Г.М. Дерлугьян, А.М. Искандарян и др. / Под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. — 128 с.

Галстян А. Трагедия армянского протеста [Электронный ресурс] // Газета.Ру. 2018, 21 апреля. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2018/04/20_a_11723083.shtml (дата обращения: 25.08.2021).

Дунамалян Н. «Система Пашиняна»: диктатура или демократия? [Электронный ресурс] // Евразия. Эксперт. 2019, 7 августа. URL: <https://eurasia.expert/sistema-pashinyana-diktatura-ili-demokratiya/> (дата обращения: 26.08.2021).

Евстратов А. Кярту Армении: «хорошие парни» или гопники? [Электронный ресурс] // Армянский музей Москвы и культуры наций. 2019, 17 сентября. URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/kyartu-subculture> (дата обращения: 22.07.2021).

Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1. С. 47–68.

Матевосян Б. «Восстание элит»: к чему приведет противостояние оппозиции и власти в Армении? [Электронный ресурс] // Евразия. Эксперт. 2020, 18 декабря. URL: <https://eurasia.expert/k-chemu-privedet-protivostoyanie-oppozitsii-i-vlasti-armenii/> (дата обращения: 27.08.2021).

Погосян Г.А. Развитие социологии в Армении // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 37–47.

Почепцов Г. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях. Харьков: Фолио, 2019. — 320 с.

Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 2. С. 53–72.

Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2019. — 286 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учеб. для студентов вузов / Т.Г. Стефаненко. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. — 352 с.

Grant W. Political culture // In The Concise Oxford Dictionary of Politics.: Oxford University Press. 2019. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199207800.001.0001/acref-9780199207800-e-1032> (accessed: 19.09.2021).

Political culture // In Dictionary of the Social Sciences.: Oxford University Press. 2002. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780195123715.001.0001/acref-9780195123715-e-1277> (accessed: 19.09.2021).

Roskin M.G. Political science // Encyclopedia Britannica. 2020, 29 October. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-science> (accessed: 19.09.2021).

Winkler J.R. Political culture // Encyclopedia Britannica. 2020, 13 May. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-culture> (accessed: 19.09.2021).

ԲՐՈՒԻՆԻԱՆ Դ. Հնարավորությունն աշխարհագրական Հայաստանեաց աշխարհի, հասոցը Ա // Digital Library of Armenian Literature. URL: <https://digilib>

aaa.am/book/1486/1791/15170/Հնախօսույթին%20աշխարհագրական%20Հայաստանեայց%20աշխարհի,%20U?term=Միջնաշխարհ&lang=en (дата обращения: 25.08.2021).

Ռոբիկ, դու ոչկնոթուն ես, դու տղա չես. Փաշինյանի մարտահրավերը Ռոբերտ Բոչարյանին [Видеоматериал] // Pastinfo.TV. YouTube. 2020, 8 июня. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Yc5_p78QDto (дата обращения: 28.08.2021).

В.Д. Дмитриева

СПбГУ, Санкт-Петербург

К вопросу о цифровизации религии: пример медиаполитики современного католицизма

Введение

Католицизм, в течение столетий претендовавший на обладание Истиной о политическом благе, не отказывается от миссии распознавания и провозглашения этой истины. Апелляция к общечеловеческим ценностям позволяет церкви инициировать публичные обсуждения по вопросам политического характера (Кондратенко, 2014, с. 268).

В условиях цифровизации Святой Престол вынужден искать новые способы взаимодействия с мирянами. В связи с этим Католическая церковь осваивает медиасферу, которая позволяет использовать каналы коммуникации, сочетающие охват широкой аудитории с личным восприятием транслируемых с их помощью ценностей.

Идейные истоки католической медиаполитики Феномен медиаполитики и медиатизации религии

Медиаполитика — это область политики, возникновение и развитие которой обусловлено фактором медиатизации, т.е. переносом «содержания политической деятельности в символическое пространство массмедиа» (Кириллова, 2015, с. 262), а также новых медиа.

Существует тесная связь между модернизацией информационно-коммуникационной системы и расширением сферы медиаполитики, которая на современном этапе охватывает не только средства массовой коммуникации — печатные и электронные версии газет и журналов,

радиовещание, телевидение и т.д., — но и новые медиа, базирующиеся на принципах интерактивности, индивидуального воздействия и асинхронности.

Подобные медиаплатформы — социальные сети, блогосфера, интернет-СМИ и т.д. — апеллируют скорее к пользователям, чем к аудитории в целом, и обладают широкой пропускной способностью, предполагающей не аналоговый, а цифровой формат, т.е. подвергаются дигитализации, или цифровизации (Брайант, Томпсон, 2004, с. 396–401).

В целом сегодня можно утверждать, что «сообщения, организации и лидеры, которые не представлены в медиа, не существуют в общественном сознании» (Кастельс, 2016, с. 221). Причем соответствие политической персоны фрейму знаменитости упрощает включение исходящих от нее посланий в медиaprостранство (Там же, с. 231).

Медиатизация есть социальная тенденция, затрагивающая различные сферы общественной жизни и предполагающая, что потребляемый людьми медиаконтент влияет на восприятие ими действительности и самих себя и, следовательно, на их поведение (Лиллекер, 2010, с. 166). В связи с этим можно говорить о медиатизации религии.

С одной стороны, выход в виртуальное пространство предоставляет церкви новые каналы продвижения собственного учения. С другой стороны, возникает ряд проблем, включая невозможность осуществления контроля за путями и способами распространения религиозной информации, а также восприятие медиа в качестве сакральной среды (Hjarvard, 2016, p. 9–11).

Историческое измерение церковной медиаполитики

Ответ католицизма на связанные с медиатизацией вызовы носит не сиюминутный характер, а находится в неразрывной связи с историей церкви. Так, первый печатный орган Святого Престола — ежедневная газета *L'Osservatore Romano* — появился в 1861 г., еще в период существования Папской области, но с того времени претерпел ряд изменений, вызванных требованиями каждого из понтификатов (The newspaper...).

Однако именно проведение II Ватиканского собора (1962–1965) стало точкой отсчета для систематизации церковного учения по вопросам, затрагивающим медиасферу, и изменения конфигурации соответствующих институтов. В частности, на соборе был принят декрет *Inter Mirifica*, который указывает на право и долг Католической церкви применять технические изобретения для проповеди Евангелия.

В указанном документе на гражданскую власть возлагается обязанность посредством законотворческой деятельности и исполнения

правовых актов поддерживать свободу информации и одновременно «поощрять» религию. Рекомендуются увеличивать число школ, факультетов и институтов, в которых медиаобразование согласуется с социальным учением церкви.

Среди выдвинутых инициатив стоит также отметить учреждение Всемирного дня социальных коммуникаций и создание центральных и локальных структур для реализации декрета, предполагающих участие мирян — специалистов в области медиа (Документы..., 2004, с. 61–72).

Динамика развития медиаполитики современного католицизма

Понтификат Иоанна Павла II (1978–2005)

Со времен Иоанна Павла II сформировались основные контуры актуальной католической медиаполитики, направленной на продвижение социально-политической доктрины церкви.

Войтыла акцентировал внимание на работе пресс-службы Святого Престола, приведя ее в соответствие с требованиями развивавшихся средств коммуникации. Понтификом были трансформированы способы ведения «диалога с общественным мнением», о чем свидетельствует учреждение оперативной информационной службы, занимавшейся выпуском ежедневных новостных бюллетеней (Вейгель, 2001, с. 151–152).

В 1988 г. Иоанном Павлом II был создан Папский совет по социальным коммуникациям. Данный орган отвечал за то, чтобы газеты и периодические издания, фильмы и радио- или телепередачи все больше проникались «христианским духом» (John Paul II. Apostolic...).

Советом была издана пастырская инструкция 1992 г. *Aetatis Novae*, посвященная применению выработанных во второй половине XX в. принципов и идей к новым реалиям, при которых вхождение медиа в повседневную жизнь людей оказывает влияние на восприятие ими окружающего мира, усиливая или ослабляя роль традиционных ориентиров, к числу которых принадлежит религия.

В *Aetatis Novae* средства социальной коммуникации позиционируются в качестве инструментов евангелизации, достижения солидарности общества и становления целостной человеческой личности. Образование в сфере медиа представлено как неотъемлемая часть обучения служителей церкви, на которых возлагается ответственность за разработку пастырского плана, включающего коммуникационные стратегии, варьирующиеся в зависимости от конкретной медиасреды.

Построение данного плана состоит из двух этапов: 1) исследование — проведение SWOT-анализа, а также оценка потребностей верующих, ре-

визия составных элементов общения с паствой и инвентаризация имеющихся ресурсов; 2) проектирование — определение цели и выработка приоритетных направлений деятельности (*Aetatis Novae...*).

В 1990 г. Иоанн Павел II констатировал формирование «компьютерной культуры», облегчающей общение между людьми и предоставляющей мгновенный доступ к большому количеству информации, включая церковные учение и традиции, а в 2002 г. провозгласил глобальную сеть форумом для проповеди Евангелия (John Paul II. *Messages...*).

Обобщенная характеристика медиаполитики понтификата Войтылы была представлена в работе Папского совета по социальным коммуникациям «Церковь и Интернет», 2002 г. Документ утверждает, что объявление Благой вести современным людям требует учета характеристик сформировавшей их мировосприятия медийной культуры.

Для эффективного общения с паствой, прежде всего с молодежью, необходимо использовать новые технологии и понимать принципы функционирования Всемирной сети, которая имеет отношение ко многим видам религиозной деятельности: евангелизации, миссионерской работе, пастырскому консультированию и проч. (*Pontifical Council...*).

Понтификат Бенедикта XVI (2005–2013)

Бенедикт XVI продолжил выстраивание католической медиаполитики. В энциклике 2009 г. *Caritas in Veritate* понтифик отметил, что в настоящее время коммуникативная деятельность во многом опосредуется медиа, которые прочно вошли в повседневную жизнь многих людей и, следовательно, не могут рассматриваться исключительно как технические устройства, обладающие нейтральной природой.

Средства коммуникации навязывают человеку определенные модели мышления и поведения, влияя на то, как люди постигают самих себя и окружающий мир. Следовательно, медиа должны быть проанализированы с точки зрения воздействия, которое они оказывают как на отдельных членов социума, так и на общество в целом: исходя из экономического расчета, политических или идеологических мотивов.

Смысл и цели работы средств социальной коммуникации нужно искать в «антропологическом фундаменте», опираясь на их способность к гуманизации общества, осуществляемой посредством трансляции образа личности и общего блага, отражающего универсальные ценности: истину, свободу, справедливость, достоинство личности и единство человеческой семьи (Бенедикт XVI, 2009, с. 101–102).

В папских посланиях на Всемирный день социальных коммуникаций Ратцингер подробно исследовал возможности и угрозы, связанные

с развитием медиа. Глава Католической церкви очертил область пастырской деятельности в сфере цифровых коммуникаций.

Священникам следует использовать аудиовизуальные ресурсы — изображения, видео, анимационные материалы, блоги, веб-сайты, — которые могут открыть широкие возможности для евангелизации и катехизации, придавая динамизм христианскому вероучению. В связи с этим образование представителей духовенства должно включать приобретение необходимых для работы с медиапродукцией компетенций.

В свою очередь, стирание дихотомии между производителями и потребителями информации способствовало утверждению нового понимания общения, предполагающего наличие обратной связи. Это открыло мирянам возможность утверждения Евангелия в интернет-пространстве. Папа обратился к молодым людям с призывом наполнить свои профайлы христианскими ценностями.

Понтифик почеркнул, что виртуальный контакт, предполагающий столкновение с такими проблемами, как чрезмерное погружение в медиареальность и создание искусственных цифровых профилей, не может и не должен занимать место непосредственного человеческого общения.

При этом Бенедикт XVI первым из наместников Святого Престола поднял вопрос о развитии социальных сетей, образующих новую «агору» — открытую публичную площадку, на которой люди делятся информацией, идеями и мнениями, тем самым устанавливая узы единства и формируя сообщества (Benedict XVI. Messages...).

Ратцингер стал первым папой, у которого появились электронная почта и страница в социальной сети. *E-mail* был создан в 2005 г., что способствовало как упрощению контакта с верующими, так и предотвращению деятельности неофициальных электронных адресов (Впервые...).

В 2012 г. папа зарегистрировался в *Twitter*. Предполагалось, что простота формата и скорость передачи сообщений позволит быстро реагировать на вопросы паствы, которые принимались под хештегом *askpontifex* (Папа Римский...). Были также проведены конференции «Цифровые свидетели», 2010 г. и «От притч до *Twitter*», 2012 г.

В целом при Бенедикте XVI феномен медиатизации религии нашел свое воплощение в «медиаевангелизации», т.е. в использовании функционала современных средств коммуникации, в том числе социальных сетей, в целях провозглашения Благой вести (Клименко, 2015, с. 24–29).

Медиаполитика папы Франциска

Ключевым событием для актуального развития католической медиаполитики стала ликвидация нынешним понтификом Папского совета по социальным коммуникациям, обусловленная требованиями

цифровизации и созданием единой информационной системы Святого Престола.

Данный процесс начался в 2015 г. с публикации *Motu Proprio*, в котором было объявлено об учреждении новой дикастерии Римской курии — Секретариата по коммуникациям Ватикана. Он объединил работу таких организаций, как радио, телецентр, интернет- и фотосервис, издательский дом и типография Ватикана, газета *L'Osservatore Romano* и пресс-служба Святого Престола (Dicastery...).

В конце 2017 г. Франциском был запущен очередной виток реформ медиа. Обновленная коммуникационная система приобрела трехчастную структуру, включающую: 1) *Vatican News* — новостной контент; 2) *Vatican Media* — мультимедийную продукцию и средства передачи от документальных фильмов до онлайн-трансляций церемоний с участием папы; 3) *Radio Vaticana Italia* — радиовещание (Welcome...).

Сегодня позиционирование Бергольо как папы XXI в. достигается также за счет личного присутствия в пространстве новых медиа, что позволяет снизить риск искажения и сведения до второстепенных частных миссии церкви при ее освещении различными средствами коммуникации (Папа Римский Франциск, 2014, с. 28).

Наместник Святого Престола не зарегистрирован в *Facebook* и не имеет собственного адреса электронной почты, однако использует *Instagram*, где по состоянию на начало октября 2021 г. на него подписано 8,3 млн человек. У папы также есть профайл в *Twitter*, насчитывающий 18,8 млн читателей для англоязычного аккаунта в тот же период времени.

В этом контексте стоит обратиться к термину «твитпломатия», который означает использование возможностей *Twitter* с целью установления прототипа дипломатических отношений в указанной социальной сети. В рамках твитпломатии позицию страны или ее лидера можно определить, к примеру, на основании наличия или отсутствия подписки на определенную учетную запись (Горреальба, 2015, с. 156–159).

Следовательно, важным элементом деятельности главы Католической церкви в социальных сетях можно назвать намеренную демонстрацию собственной политической и идеологической нейтральности, выражающуюся в том, что Франциск не подписан ни на одного пользователя *Instagram*, а в *Twitter* читает только папские страницы на других языках.

Тем не менее политическая тематика прослеживается в твитах наместника Святого Престола в периоды международных кризисов, связанных с угрозой развязывания вооруженных конфликтов и притеснениями религиозных меньшинств.

В ситуации, когда светские власти оказываются неспособны к мирному урегулированию противоречий, использование новых медиа по-

зволяет понтифику позиционировать себя в качестве защитника интересов наиболее уязвимых категорий населения, особенно в тех странах, которые католицизм считает важными для своей моральной легитимности. Так, в июне 2014 г. Франциск более двадцати раз написал в *Twitter* о геноциде Исламским государством христиан Ирака (Genovese, 2019, p. 7–13).

В целом актуальная медиаполитика Святого Престола нацелена на выстраивание образа церкви, которая непосредственно участвует в решении общественных проблем, а не только предоставляет этические ориентиры для деятельности в частном и публичном пространствах.

Заключение

В современном мире наблюдается рост влияния медиа, формирующих у людей представления о явлениях, которые находятся вне пределов видимости и возможности критического осмысления, но составляют общественный интерес. Возникает особая область политики — медиаполитика, отличающаяся перенесением политического процесса в медиaproстранство.

Медиатизации — параллельной репрезентации в физической и медиареальности — подвергается также религия. Более того, в настоящее время медиатизация происходит в рамках цифровизации, характеризующейся заменой аналогового формата медиа на цифровой.

Обозначенные процессы заставляют церковь реагировать на запросы медиасреды. При этом своей систематизацией католическая медиаполитика во многом обязана работе II Ватиканского собора, результатом которой стал декрет *Inter Mirifica*, указывающий на право и долг привлекать технические изобретения для проповеди Евангелия.

На современном этапе медиаполитика Святого Престола претерпела ряд трансформаций, вызванных различием подходов глав церкви к ее реализации. Так, Иоанн Павел II придал медиа статус инструмента евангелизации. В целях продвижения католической (политической) доктрины им был учрежден Папский совет по социальным коммуникациям.

В период понтификата Бенедикта XVI ключевым пунктом выстраивания медиаполитики католицизма стало не столько формирование позитивного имиджа церкви и папы, сколько теоретическая проработка основных аспектов деятельности Святого Престола в медиaproстранстве.

Несмотря на запуск Бенедиктом XVI ряда медиапроектов и создание собственного адреса электронной почты и аккаунта в *Twitter*, ак-

тивность папы Франциска в социальных сетях утвердила в общественном сознании мнение о том, что именно он стал первым главой церкви, распространяющим сообщения при помощи медиаплатформ.

Новые медиа позволяют папе выступать в роли сторонника мирного урегулирования международных конфликтов и защитника религиозных меньшинств. Франциском была также проведена реформа коммуникационной системы Ватикана, в результате которой удалось сочетать цифровизацию, личное присутствие в медиaprостранстве и распределение ответственности за информационное обеспечение Святого Престола между *Vatican News*, *Vatican Media* и *Radio Vaticana Italia*.

Список литературы

Бенедикт XVI. Энциклика *Caritas in Veritate*. М.: НО Издательство Францисканцев, 2009. — 112 с.

Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2004. — 432 с.

Вейгель Дж. Свидетель надежды. Иоанн Павел II. Кн. 2. М.: Изд-во АСТ, 2001. — 672 с.

Впервые у Папы Римского появился адрес электронной почты [Электронный ресурс] // РИА Новости: Религия. 2005. 22 апреля. URL: <https://ria.ru/20050422/39725069.html> (дата обращения: 10.10.2021).

Документы II Ватиканского Собора. 3-е изд. М.: Паолине, 2004. — 712 с.

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 с.

Кириллова Н.Б. Медиадиалогия. М.: Академический проект, 2015. — 424 с.

Клименко Д.А. Образ Ватикана в СМИ в период понтификата Бенедикта XVI. М.: Международный издательский институт «Этносоциум», 2015. — 272 с.

Кондратенко С.Е. Католицизм в условиях глобального кризиса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 3. С. 267–277.

Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2010. — 300 с.

Папа Римский написал свой первый твит [Электронный ресурс] // РБК: Общество. 2012. 12 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/society/12/12/2012/570400dd9a7947fcbd4437fa> (дата обращения: 10.10.2021).

Папа Римский Франциск. Апостольское обращение *Evangelii gaudium* о возвещении Евангелия в современном мире. М.: НО Издательство Францисканцев, 2014. — 184 с.

Торреальба А.А. Твитпломатия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 152–166.

Aetatis Novae. Pastoral instruction [Электронный ресурс] // The Holy See. URL: https://w2.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/pccs/documents/rc_pr_pccs_doc_22021992_aetatis_en.html (accessed: 10.10.2021).

Benedict XVI. Messages World Communications Days [Электронный ресурс] // The Holy See. URL: <https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/messages/communications.index.html> (accessed: 10.10.2021).

Dicastery for Communication [Электронный ресурс] // The Holy See. URL: http://www.vatican.va/roman_curia/segreteria/segreteria-comunicazione/documents/segreteria-per-comunicazione_profilo_en.html (accessed: 10.10.2021).

Genovese F. Politics @Pontifex: International Crises and Political Patterns of Papal Tweets // PS: Political Science & Politics. 2019. Vol. 52. №1. P. 7–13.

Hjarvard S. Mediatization and the changing authority of religion // Media, Culture & Society. 2016. Vol. 38(1). P. 8–17.

John Paul II. Apostolic constitution Pastor Bonus [Электронный ресурс] // The Holy See. URL: https://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/apost_constitutions/documents/hf_jp-ii_apc_19880628_pastor-bonus-index.html (accessed: 10.10.2021).

John Paul II. Messages World Communication Days [Электронный ресурс] // The Holy See. URL: <https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/messages/communications.index.html> (accessed: 10.10.2021).

Pontifical Council for Social Communications. The Church and Internet [Электронный ресурс] // The Holy See. URL: http://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/pccs/documents/rc_pc_pccs_doc_20020228_church-internet_en.html (accessed: 10.10.2021).

The newspaper [Электронный ресурс] // L'Osservatore Romano. URL: <https://www.osservatoreromano.va/en/pages/the-newspaper.html> (accessed: 10.10.2021).

Welcome to our Newsletter [Электронный ресурс] // Vatican News: Vatican. 2017, 19 December. URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2017-12/newsletter.html> (accessed: 10.10.2021).

О.А. Игнатьева

СПбГУ, Санкт-Петербург

Легитимация власти посредством цифровых платформ

Первая четверть XXI в. ознаменовалась бурным ростом информационно-коммуникационных технологий, обновление и новации которых ускоряются с каждым годом. Речь идет теперь уже не только о Всемирной паутине (Интернет), которая превратила весь мир в глобальную деревню, но и об искусственном интеллекте, алгоритмическом управлении на основе больших данных, участии населения в решении региональных проблем при помощи цифровых платформ, системах цифрового контроля и умных городах. Политическая власть все больше и больше осознает необходимость новых технологий в управлении и использует их как внутри, так и за пределами своих национальных границ.

Целью данной статьи является анализ легитимации власти с использованием цифровых платформ, что является инновационным подходом в сфере исследований по легитимности и легитимации политической власти. Для достижения данной цели использованы общенаучные методы анализа и синтеза, классификации и систематизации. Работа носит теоретический характер с привлечением отдельных кейсов из сферы платформенного взаимодействия.

Прежде чем приступить к анализу легитимации власти посредством цифровых платформ, необходимо разделить понятия «легитимность» и «легитимация». Легитимность относится скорее к восприятию результата политико-управленческого продукта, в то время как легитимация представляет собой процесс обретения доверия политиками, согласия с их результатами деятельности со стороны населения национального государства. «Тот факт, что большинство голосов устанавливает легитимность правительства, действительно был общепризнан как процедура, отражающая суть демократии. Такое определение легитимности поначалу казалось естественным, поскольку оно означало окончательный разрыв с прежним порядком вещей, при котором меньшинство диктовало свой закон» (Rosanvallon, 2011, p. 1).

В данном разделе статьи будет проанализирована легитимность решений, принимаемых в рамках функционирования цифровых платформ. В качестве модели для оценки легитимности будет использована таксономия, предложенная американским политологом Вивьен Шмидт (Schmidt, 2013). Согласно данной модели, легитимность решений, принимаемых на цифровых платформах, можно разделить на легитимность входа, легитимность пропускной способности и легитимность выхода, что напоминает анализ политического процесса по типу черного ящика (Easton, 1990, p. 38).

Легитимность входа относится к наличию мажоритарного участия в процессе принятия решения, к одобрению со стороны населения принимаемых собственниками платформы решений, отражению интересов пользователей в данных решениях, т.е. на входе ставится вопрос о том, насколько легитимны лица, владеющие платформой, поддержано ли их участие в процессе принятия решения гражданами. Легитимность пропускной способности относится к характеристике процесса принятия решения ответственными лицами, к прозрачности этого процесса, подотчетности собственников платформы и эффективности принимаемых решений. И наконец, легитимность выхода характеризуется качеством принимаемых решений, отражением в них результатов, ожидаемых населением, которое так или иначе связано с платформой. По мнению В. Шмидт, «Политика выхода и участие на входе могут

включать в себя взаимодополняемость и компромиссы, где меньшее качество в одном может быть компенсировано большим качеством в другом» (Schmidt, 2013, p. 3). Однако низкая легитимность на входе или выходе не может быть компенсирована высокой легитимностью пропускной способности (Haggart, Keller, 2021, p. 6).

В отношении легитимности решений, принимаемых региональными платформами в Российской Федерации, необходимо отметить, что они имеют довольно высокую легитимность входа и выхода. Конечно, решения в ходе платформенного взаимодействия с населением принимаются чиновниками, но представительный орган власти, который оказывает непосредственное влияние на бюрократический аппарат, формируется путем всенародного голосования. Представители власти на уровне региона участвуют в принятии решений по вопросам, которые волнуют населения, однако проблематика взаимодействия на таких платформах сильно деполитизирована, о чем пойдет речь в соответствующем разделе данной статьи. Процесс принятия решений на цифровых платформах региональных проблем непрозрачен для простого пользователя. Но согласно данным, полученным в ходе исследования по гранту № 20-011-31361 РФФИ и АНО ЭИСИ «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации», алгоритм рассмотрения заявок от населения носит нейтральный характер без применения элементов наджинга и других способов манипулирования поведением пользователей (Игнатъева, 2020, с. 469).

Расширение участия населения в вопросах государственного управления посредством создания специализированных цифровых платформ служит важным инструментом легитимации власти. «Официальные цифровые платформы предлагаются субъектами власти с целью вовлечения граждан в управление и оказываются инструментом организации участия. В частности, речь может идти о формировании условий активности граждан, принимающих участие в управлении городом с использованием цифровых платформ на примере работы платформы «Активный гражданин»» (Шиповалова, 2020, с. 15).

Государственная власть в России привлекает граждан к обсуждению важных проблем городского (городов федерального значения) и регионального уровней. Возможность обратиться напрямую к чиновнику в режиме онлайн служит важным инструментом для увеличения доверия к региональной власти. Однако обсуждаемые вопросы на данных платформах редко можно назвать остро политическими. В основном они касаются проблем коммунального хозяйства, строительства, дорог, здравоохранения и социальной сферы (Быков, 2021, с. 192–193).

Подобная практика создания цифровых платформ для коммуникации городских властей с населением не нова. В наиболее крупных городах мира существуют тоже городские коммуникационные платформы, позволяющие обсуждать жителям этих городов общие насущные проблемы. Речь идет о таких платформах, как *TalkLondon* (Лондон, Великобритания, <https://www.london.gov.uk/talk-london/>); интернет-порталы Барселоны, Испания (<https://www.decidim.barcelona/>), Рейкьявика, Исландия (<https://www.betrireykjavik.is/>), реализованные в рамках европейского проекта D-CENT (<https://dcentproject.eu/>).

В России существует четыре типа цифровых платформ, позволяющих гражданам коммуницировать с властью: платформы (разделы сайтов, страницы) обращений граждан, порталы городских (региональных) проблем, порталы оценки инициатив и порталы/платформы общественного участия (Барышкин и др., 2021, с. 26–27).

Платформы (часто в виде сайтов или веб-страниц) обращений граждан в органы власти и органы местного самоуправления, созданные в соответствии с Федеральным законом № 59-ФЗ, существуют во многих регионах РФ. Обычно они имеют схожую структуру и алгоритм работы по типу «вопрос-ответ», установленную федеральным законодательством. Они являются упрощенным способом цифрового взаимодействия губернатора или главы муниципального образования с проживающим на подведомственной территории населением.

Порталы городских (региональных) проблем также построены по типу «вопрос-ответ» и позволяют гражданам общаться с представителями власти по местным проблемам. Ход рассмотрения запроса можно отслеживать на странице соответствующей платформы. Интернет-порталы городских (региональных) проблем фактически являются развитием цифровых платформ для работы с обращениями граждан. В качестве примера можно назвать цифровую платформу региональных проблем «Наш Санкт-Петербург» (Санкт-Петербург, <https://gorod.gov.spb.ru/>). Результаты рассмотрения проблемы чиновниками можно оценить там же или отправить вопрос на повторное рассмотрение.

Порталы оценки инициатив являются порталами для оценки и обсуждения инициатив региональных органов власти. Здесь с необходимостью возникает пример платформы «Активный гражданин» (Москва, <https://ag.mos.ru/>), которая фактически позволяет легитимировать решения Правительства г. Москвы в области нововведений по улучшению функционирования столичной инфраструктуры. Алгоритмы данной платформы содержат элементы геймификации, позволяют проводить голосование граждан, получать статусы и ценные подарки за активное участие в оценке инициатив (Сморгунов, 2018, с. 94).

Порталы/платформы общественного участия не просто являются платформами для обсуждения инициатив региональной администрации, как в случае с порталами оценки инициатив, но позволяют заинтересованным гражданам предлагать свои идеи и проекты по улучшению, например, городской среды. Обычно население, зарегистрированное на платформе, заранее информируют о теме, которая будет обсуждаться в ближайшее время. Когда обсуждение открывается, каждый имеет возможность высказать свою идею. Процесс регулируется модератором, который старается «подогреть» дискуссию и облегчить производство идей, задавая наводящие вопросы участникам. Платформы общественного участия пока не получили широкого распространения в России. Одним из немногих примеров является проект «Город идей» (Москва, <https://crowd.mos.ru/>).

Для активизации участия граждан на всех вышеупомянутых видах платформ (кроме платформы первого типа) создается возможность для выхода в социальные сети, где платформа имеет одноименную группу и позволяет гражданам обсуждать важные региональные проблемы. Это особенно важно в тех случаях, когда аффордансы платформы не предусматривают свободную коммуникацию пользователей (Сморгунов и др., 2021, с. 159–162). «Наиболее популярной в регионах России (если исключить порталы обращения граждан по 59-ФЗ) является концепция порталов городских (региональных) проблем. Это хорошо коррелирует с популярной парадигмой сервисного государства, в которой на первый план выдвигается сервисная функция государства» (Барышкин и др., с. 27). В развитие этого подхода в настоящее время Министерством цифрового развития РФ и АНО «Диалог» реализуется проект по внедрению типовой «Платформы обратной связи» в регионах на основе федерального решения «Центр управления регионом».

Таким образом, политическая власть в России на уровне регионов широко использует достижения эпохи цифровизации, создавая соответствующие электронные сферы, которые делают возможным широкое участие населения в решении городских и региональных проблем. Однако тематика обсуждений проблем на данных платформах носит скорее деполитизированный характер.

В эпоху цифровизации политическая власть начинает широко использовать достижения в сфере информационно-коммуникационных технологий. В данной статье мы остановились лишь на одном аспекте применения цифровых технологий властью — использование цифровых платформ глобального и национального уровней. Рассматривая легитимность решений и контента данных платформ, можно утверждать, что платформы регионального уровня коммуникации населения влас-

ти обладают большей легитимностью, чем глобальные платформы, от существования которых выигрывает государственная власть, но собственниками которых являются транснациональные корпорации. Легитимация власти на уровне национального государства достигается за счет привлечения к решению проблем широких слоев населения, однако тематика данных проблем в России носит деполитизированный характер. На глобальном уровне власти национальных государств апеллируют к интересам и ценностям своего населения, продвигая их посредством расширения сферы влияния платформенных корпораций. Данное исследование задает направления анализа цифровой легитимации, которые могут быть углублены заинтересованными исследователями, работающими в данной сфере.

Список литературы

Rosanvallon P. Democratic legitimacy: Impartiality, Reflexivity, Proximity. New Jersey: Princeton University Press, 2011. — 227 p.

Schmidt V. A. Democracy and legitimacy in the European Union revisited: Input, output and “throughput” // *Political Studies*. 2013. Vol. 61. № 1. P. 2–22. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00962.x>.

Easton D. The analysis of Political Structure. New York: Routledge, 1990. — 336 p.

Haggart B., Keller C.I. Democratic legitimacy in global platform governance // *Telecommunication Policy*. 2021. Vol. 45. P. 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2021.102152>.

Игнатьева О.А. Цифровая управленческая ментальность: партисипаторное управление vs. Биополитика // *Политэкс. Политическая экспертиза*. 2020. Т. 16. № 4. С. 462–473. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.403>.

Шиповалова Л.В. Власть, общество, эксперты — трансформация связей в эпоху цифровых технологий // *Государство и граждане в электронной среде*. Вып. 4: Труды XXIII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2020, Санкт-Петербург, 17 — 20 июня 2020 г. Сб. научных статей. СПб.: Университет ИТМО, 2020. С. 11–19. DOI: 10.17586/2541-979X-4-11-19.

Быков И.А. Деполитизация социально значимых проблем в цифровых платформах государственного управления // *Медиа в современном мире*. 60-е Петербургские чтения: Сб. материалов международного научного форума. В 2 т. СПб., 2021. С. 192–193.

Барышкин А. Г., Быков И. А., Игнатьева О. А., Кондратенко К. С. Городские коммуникационные платформы: критический анализ управленческой технологии // *Управленческое консультирование*. 2021. № 1. С. 20–31.

Сморгунов Л. Блокчейн как институт процедурной справедливости // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 5. С. 88–89. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.08.

Сморгунов Л. В., Игнатьева О. А., Быков И. А., Кондратенко К. С., Барышкин А. Г. Публичная коммуникация граждан и органов государственной власти: формирование суждений на цифровых платформах // Вестн. Пермского ун-та. Политология. 2021. Т. 15. № 2. С. 156–172.

Е.А. Исаева

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль

Отсутствие эффективных каналов диалога государства с молодежью в регионах России как глобальный вызов в сфере молодежной политики*

Эффективность диалоговых площадок напрямую зависит от доверия участников и населения к их работе, от реальной возможности членом влияния на процесс принятия властных решений (Исаева, 2013, с. 40).

Одними из первых структур-посредников для коммуникации граждан и власти в России стали Общественные палаты и общественные советы, экспертные общественные комиссии и другие общественные органы. Представители молодежи, как правило, тоже входят в составы данных структур, но скорее это исключение из правил, особенно в случае, когда подобные площадки невелики по численности.

Несмотря на то что последние создавались, когда Интернет не был столь масштабной сетью, коммуникативные технологии вывели в настоящее время на новый виток развития все общественно-политические взаимодействия. И это не может и не должно остаться незамеченным уже много лет действующими диалоговыми площадками власти и общества как на федеральном, так и региональном уровне. Диджитализация процессов формирования и деятельности общественных советов — это естественный вызов времени. В противном случае есть риск «отрыва» созданных общественных структур от реального взаимодействия с населением, живущим на территории, а соответственно, есть угроза снижения доверия к функционирующим в «старом» формате механизмам межсекторного диалога. Распространение неформальных, незареги-

* Статья написана в рамках исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ (научный проект № 21-011-31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России»).

стрированных форм гражданской активности также требует адаптации многих ранее закрепленных институтов по взаимодействию с властью, поддержки властью гражданской активности (Исаева, 2016, с. 182).

С цифровизацией работы общественных советов напрямую связан аспект открытости работы диалоговой площадки. Сразу оговоримся, что очень небольшое число регионов нормативно закрепило обязанность общественных советов размещать информацию о своей деятельности в сети Интернет, а тем более готовить ежегодные публичные доклады (Исаева, 2020, с. 90). Единицы из них предусмотрели возможность внешней оценки эффективности работы. К сожалению, это касается и молодежных диалоговых структур.

Одной из целей молодежной политики в России, определенной в ФЗ от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», является создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества. Одним из каналов участия выступает совокупность диалоговых площадок, создаваемых для молодежи, как на федеральном, так и региональном уровне. К числу наиболее распространенных формализованных институций относятся молодежные парламенты (молодежные палаты), молодежные правительства, молодежные советы при органах исполнительной власти субъектов России.

Если говорить о каналах вовлечения молодежи, создания диалога с молодежными сообществами, что так необходимо для построения открытой системы гражданского общества (Соколов, 2015, с. 113), то важными показателями являются, на наш взгляд: охват молодежи через формализованные каналы, частота коммуникаций, возможность использования канала для трансляции смыслов одной стороной и получения обратного сигнала от другой, наличие барьеров для диалога.

Одним из наиболее распространенных механизмов вовлечения молодежи в процесс социально-экономического развития региона, создания целостной системы отбора, подготовки и приобщения социально активных молодых людей к управленческой деятельности, повышения их правовой и политической культуры является молодежное правительство. Оно может создаваться как постоянно действующий совещательный орган при главе региона, как, например, в Вологодской, Кемеровской областях, при правительстве субъекта, как, например, в Ленинградской, Нижегородской областях. Также возможен вариант, когда молодежное правительство является консультативным органом одновременно при главе и правительстве, как в Чеченской Республике. В ЯНАО Председателем Молодежного правительства является сам губернатор автономного округа.

В каких-то регионах, например в Смоленской области, НАО, подобный орган может носить название Молодежного совета (Смоленская область) или молодежной администрации (НАО), а также молодежного экспертного совета (Молодежное правительство дублеров) (Красноярский край), но из содержания нормативных актов понятно, что функционал данных постоянно действующих совещательных органов аналогичен молодежному правительству.

Нормативные акты регионов, регламентирующие формирование и деятельность молодежных правительств, по содержанию очень схожи. Есть некоторые отличия, например, в плане требуемого возраста кандидатов: от 14 до 35 лет (Ульяновская область, Кемеровская область — Кузбасс, Чувашская Республика), от 16 до 35 лет (Сахалинская область), от 20 до 30 лет (Костромская область), от 18 до 25 (Новгородская область), от 18 до 30 лет включительно (Брянская, Кировская, Смоленская, Нижегородская, Новосибирская области, Алтайский край, Республика Хакасия, Чеченская Республика), от 18 до 35 лет включительно (Амурская, Астраханская, Ленинградская, Владимирская области). Есть примеры установления разного возраста для членов молодежного правительства, например, в НАО возрастные рамки от 18 до 30 лет не распространяются на председателя, заместителя председателя и секретаря.

Региональная нормативная база зачастую не устанавливает четкой численности членов молодежного правительства, увязывая ее с количеством созданных в субъекте профильных министерств, департаментов, либо отдает на откуп субъекту, имеющему полномочия на итоговое согласование победителей конкурса. Но есть субъекты, изначально определившие предельное число будущих членов молодежного правительства либо через указание четкой цифры, либо ее предельного значения: 14 членов (ЯНАО), не более 15 человек (Ленинградская область), 15 человек (Омская, Новгородская области), не более 19 человек (Вологодская область), 20 членов (Владимирская область, Ставропольский край), не более 20 членов (Орловская область), не более 25 человек (Магаданская область), 21 человек (Алтайский край), не более 30 человек (Смоленская область), 35 человек (Тамбовская область), не более 40 человек (Хабаровский край).

Из статистики охвата молодежным правительством активной молодежи напрашивается вывод скорее о точечной, не массовой работе диалоговой площадки с молодым населением региона. Причем члены и кандидаты в члены молодежных правительств — уже изначально мотивированные, активные, скорее успешные в той или иной сфере молодые люди. В Нижегородской области для вовлечения большего числа молодежи создан Совет по делам молодежи при молодежном прави-

тельстве. Он работает как открытая площадка коммуникации молодежных министров с молодежью в целях обеспечения их участия в управлении государственными и общественными делами через проведение консультаций, предварительного обсуждения инициатив и проектов, отнесенных к компетенции министерств, а также осуществления общественного контроля за эффективностью деятельности молодежного правительства. Совет не имеет фиксированного членства. К участию в заседаниях Совета приглашаются граждане в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Данную практику расширения молодежного охвата можно оценить как положительную.

Как правило, нормативные акты закрепляют определенные схожие требования и ограничения к кандидатам в члены молодежного правительства. Практически повсеместным является требование о постоянном проживании на территории субъекта, наличие опыта создания и реализации социальных проектов. Но есть и специфические требования, к примеру, подключение учетной записи в АИС «Молодежь России» (Свердловская, Владимирская области), обучение на момент конкурса в образовательных организациях высшего образования либо членство в детских или молодежных общественных организациях и объединениях (Костромская область); обучение в образовательных организациях или работа в организациях, зарегистрированных на территории субъекта, или регистрация в качестве индивидуального предпринимателя на территории региона (Магаданская область); в Нижегородской области не могут быть кандидатами представители законодательных органов государственной власти и местного самоуправления, а также консультативно-совещательных органов при законодательных органах государственной власти и местного самоуправления; в Свердловской области — участниками конкурса не могут являться лица, замещавшие должности членов Молодежного правительства более двух сроков полномочий Молодежного правительства, а также лица, являющиеся депутатами Молодежного парламента Свердловской области или членами Молодежной избирательной комиссии Свердловской области.

Срок полномочий молодежного правительства, как правило, в регионах составляет два года, но есть исключения, к примеру, в Орловской области — три года, Кемеровской области — Кузбассе — один год.

Заседания молодежных правительств, как правило, предусмотрены к проведению не реже 1 раза в квартал, но есть регионы, в частности, Ульяновская область, Республика Хакасия, где подобные заседания должны проводиться ежемесячно, и регионы, в частности Красноярский край, где заседания молодежного органа должны проводиться не реже двух раз в год.

Есть примеры нормативного ограничения по количеству сроков участия, в частности, в Свердловской, Смоленской, Вологодской областях одно и то же лицо не может занимать должность члена Молодежного правительства более двух сроков.

В целях создания условий для включения молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь и содействия формированию осознанной и активной гражданской позиции у молодежи уже по линии законодательных органов, по примеру Общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и Палате молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в регионах создаются молодежные парламенты. По сравнению с молодежными правительствами данные площадки уже, как правило, более многочисленные: 100 членов (Республика Татарстан), 70 членов (Республика Саха (Якутия), 61 член (Нижегородская область), 60 членов (Удмуртская Республика), 55 членов (Вологодская область), 52 члена (Тверская область), 50 членов (Белгородская, Самарская области, Ставропольский край), 45 членов (Брянская область), 40 человек (Волгоградская область), 38 членов (Иркутская область), 36 членов (Амурская область), 35 членов (Республика Башкортостан), 34 члена (Республика Марий Эл, Липецкая область), 30 членов (Оренбургская, Сахалинская, Томская области, Республика Коми), 26 членов (Республика Тыва), 25 членов (Республика Хакасия), 24 члена (Севастополь), 23 члена (Республика Алтай) и др.

По возрастному критерию для членов молодежных парламентов отличий от рамок, установленных в нормативной базе о молодежных правительствах регионов, практически нет: 18–35 лет (Белгородская, Брянская, Волгоградская, Московская, Сахалинская, Томская, Тверская области, Республики Хакасия, Тыва, Коми, Адыгея и др.); 18–30 лет (Иркутская, Нижегородская области, Республики Крым, Татарстан и др.); 18–31 год (Удмуртская Республика и др.); 18–32 года (Камчатский край и др.); 14–30 лет (Республики Саха (Якутия) и др.); 14–35 лет (Алтайский край, Республика Марий Эл и др.); 16–30 лет (Воронежская область, Республика Башкортостан и др.); 16–35 лет (Оренбургская, Амурская, Волгоградская области, Республика Алтай и др.).

По срокам полномочий молодежные правительства и молодежные парламенты также не имеют особых расхождений. Формируются молодежные парламенты на 2 года в Белгородской, Московской, Сахалинской областях, Республиках Алтай, Крым, Удмуртской Республике, Севастополе; на 2,5 года в Брянской области; на 3 года в Иркутской, Томской областях, Республиках Башкортостан, Алтай; на 5 лет в Респу-

блике Адыгея, Липецкой области. В ряде регионов молодежный Парламент создается на срок полномочий законодательного органа власти субъекта, например, в Алтайском крае, Волгоградской, Воронежской областях, Республиках Хакасия, Тыва, Коми, Татарстан, ХМАО и др.

Сессии Молодежного Парламента созываются по мере необходимости, но не реже одного раза в полгода (Алтайский, Камчатский края, Вологодская область), два раза в год (Республики Хакасия, Тыва, Ставропольский край, Амурская, Тверская области), четыре раза в год (Республики Башкортостан, Крым, Адыгея, Саха (Якутия), Брянская, Иркутская, Московская, Томская, Липецкая, Нижегородская области), не реже трех раз в год (ХМАО), не реже 1 раза в 4 месяца (Сахалинская область), по мере необходимости (Республика Коми).

Буквально в единичных субъектах есть опыт создания тематических молодежных советов при органах власти. В качестве выявленных примеров можно отметить Молодежный общественный совет при департаменте культуры Воронежской области; молодежный совет Департамента спорта города Москвы и др.

Все представленные выше площадки: молодежные правительства, молодежные парламенты, молодежные советы при органах власти в субъектах России специфичны по сути тем, что изначально ориентированы на вовлечение малого количества уже успешной, интеллектуально подкованной, активной молодежи. И при хорошо поставленной работе данные институции способны дать ожидаемый от них позитивный социальный эффект для коммуникации. Но проблема в том, что, кроме упомянутых и охарактеризованных выше, в регионах нет иных нормативно закрепленных каналов взаимодействия с молодежью, которые могли бы вовлечь в системную коммуникацию широкие и разные по взглядам, интересам слои школьников, студентов, работающей молодежи и др. (Сергеев, 2018, с. 200).

Отсутствие стабильных, разнообразных, в том числе формализованных, каналов коммуникации органов власти с молодежью региона, дающих возможность услышать, почувствовать настроения молодых людей, серьезным образом влияет, на наш взгляд, на возможность реализации управленческих процессов (Фролов, 2017, с. 151), выработки правильного вектора мероприятий молодежной политики. Даже созданные молодежные правительства, молодежные парламенты, молодежные советы в тех регионах, где они работают, точно не являются достаточным каналом для коммуникации с молодежью. Формализованные каналы вовлекают в диалог с властью скорее лояльную молодежь, оставляя за бортом тех, чье мнение, отношение к принимаемым политическим, экономическим, социальным решениям органами власти порой доволь-

но критично. Создание площадок и каналов, позволяющих работать с такой молодежью в регионе, является обязательным элементом реализации молодежной политики (Головин, 2016, с. 21), ставящей целью формирование системы нравственных и смысловых ориентиров.

Список литературы

Головин Ю. А. Государственное управление развитием гражданской активности молодежи (по опыту Ярославской области) // Youth World Politic. 2016. № 1. С. 20–23.

Исаева Е.А. Нормативно закрепленные диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности // Власть. 2013. № 8. С. 039–041.

Исаева, Е.А., Палагичева А.В. Современные тенденции развития диалоговых механизмов власти и общества на территории субъектов РФ // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 6. С. 179–186.

Исаева Е. А., Соколов А.В. Факторы политической демобилизации граждан в протестном движении // PolitBook. 2020. № 1. С. 80–100.

Сергеев А. К., Гнатюк М.А., Гнатюк К.Ю. Молодежный парламент как форма реализации региональной молодежной политики: опыт Самарской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 199–204.

Соколов А. В., Исаева Е.А. Гражданское общество в региональном измерении // Власть. 2015. № 1. С. 113–117.

Фролов А. А., Палагичева А.В. Роль государства в управлении гражданской активностью (по результатам исследования, проведенного в Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3. № 2(10). С. 149–154.

И.Н. Королев

Е.К. Зуева

В.А. Чабанюк

ОГУ им. И.С. Тургенева, Орел

Участие граждан Российской Федерации в управлении регионом с помощью цифровых технологий: опыт, проблемы и перспективы

В настоящее время тема цифровизации политики особенно актуальна, так как государство постепенно внедряет различные технологии участия граждан в процессе управления на региональном и федеральном уровнях. В ближайшем будущем граждане получат возможность

онлайн-голосования на региональных выборах, тем самым непосредственно влияя на состав органов представительной и исполнительной власти.

Процессом цифровизации является улучшение существующих процессов путем внедрения информационных технологий, оптимизации и реинжиниринга, а также анализа данных для принятия решений (Государство как платформа, 2019).

Как отмечает российский исследователь А.Е. Коньков, начальным этапом государственной политики в цифровой сфере можно считать становление механизмов электронного правительства в 2000-е годы и предоставление государственных услуг дистанционно (Коньков, 2020). Однако особое внимание к ней было спровоцировано дискуссиями вокруг начальных усилий по суверенизации персональных данных россиян и предотвращению их неправомерного использования, которые начали становиться предметом государственного регулирования по мере развития социальных сетей и распространения мобильных приложений.

Основная работа по формированию электронного правительства была начата с момента принятия государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011– 2020 годы)», и все регионы и муниципалитеты начали постепенный переход на межведомственное взаимодействие по оказанию государственных услуг в электронном виде. Также ряд региональных и ведомственных программ оказали влияние на уровень использования информационно-коммуникационных технологий.

Цифровая трансформация позволит повысить качество и доступность для максимально эффективного процесса управления регионом. Целью цифровой трансформации является переход государственного управления к новой системе, построенной на основе цифровых технологий и анализа больших данных (Государственное управление..., 2019).

Цифровая стратегия государства и поддержка стратегического планирования на всех уровнях госуправления — важные факторы конкурентоспособности этого государства и его эффективности во внутренних и внешних действиях.

К основным инструментам цифрового управления на данный момент относятся информационные платформы, такие как: «Госуслуги», «Центр управления регионом», система дистанционного электронного голосования (ДЭГ).

До конца 2021 года во всех регионах заработает цифровая платформа обратной связи (ПОС) «Госуслуги. Решаем вместе». Платформа

была создана по поручению президента России в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национального проекта «Цифровая экономика». Пилотный проект по ее внедрению начался в 2019 году с участием Министерства цифрового развития и девяти регионов. Платформа обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе» отслеживает работу с обращениями граждан и позволяет оперативно решать различные вопросы. Также с ее помощью можно проводить онлайн-опросы и общественные обсуждения по социально значимым для населения темам. Органы власти могут вести на ней государственные социальные сети и отслеживать жалобы жителей в мессенджерах.

В 2020 году платформа использовалась в федеральных органах исполнительной власти. Так, на Едином портале «Госуслуги» были размещены сервисы, позволяющие гражданам сообщить о трудностях с вакцинацией от COVID-19 и проблемах с вызовом скорой медицинской помощи в условиях пандемии. На платформе также был размещен сервис Министерства просвещения для получения обратной связи от родителей учащихся младших классов по организации горячего питания в школах.

С декабря 2020 года по поручению президента во всех субъектах РФ были созданы Центры управления регионами (ЦУР), единые пункты мониторинга и обработки поступающих от жителей жалоб в разных сферах жизни региона. Кроме того, на основе поступающих в ЦУР данных формируют аналитические материалы, характеризующие социально-экономическую ситуацию в области, и вырабатывают предложения по дальнейшему развитию региона. Порядок предоставления субсидий из федерального бюджета, а также формулировка целей и условий реализации ЦУР были утверждены правительством РФ в правилах года.

Центры управления регионами координируют работу по мониторингу и обработке всех видов обращений и сообщений, поступающих в органы и организации (по любым каналам), а также публикуемых в социальных сетях, мессенджерах и других средствах электронной массовой коммуникации (ЭМК); обеспечивают оперативное реагирование на обращения, предоставление дополнительной информации в целях территориального и стратегического планирования развития регионов.

Нужно отметить, что считаются обращения не только граждан РФ (в том числе проживающих за пределами территории страны), но и иностранцев и лиц без гражданства, а также юридических лиц любых организационно-правовых форм вне зависимости от места их государственной регистрации.

В сентябре российские избиратели выбирали депутатов Государственной Думы РФ, а также региональные и муниципальные орга-

ны власти. По решению Центральной избирательной комиссии РФ ЭГ проводилось в Москве и Севастополе, Нижегородской, Ярославской, Курской, Мурманской и Ростовской областях.

Принять участие в дистанционном электронном голосовании мог гражданин РФ, обладающий активным избирательным правом, зарегистрированный по месту жительства на территории одного из семи субъектов Федерации. Проголосовать можно было как за федеральный список кандидатов на выборах в Госдуму РФ, так и за одномандатников. Все участники ДЭГ должны быть зарегистрированы на Едином портале государственных услуг с подтвержденной учетной записью в этой системе.

Дистанционное электронное голосование проводилось с применением специального программного обеспечения без бумажного бюллетеня. Для участия избирателю не нужно было находиться в дни выборов на территории своего избирательного участка. Проголосовать можно при помощи компьютера или телефона.

На современном этапе практика участия граждан РФ в управлении регионом с помощью цифровых технологий сталкивается с множеством проблем. Одной из них является нехватка специалистов в данной сфере. Безусловно, политика — специфичная область, в том числе для применения в ней цифровых технологий. По этой причине мы наблюдаем острую нехватку специалистов, способных совмещать политическое знание и навыки в области электронных систем. Данную проблему пытаются решить ведущие ВУЗы России. Например, в СПбГУ существует магистерская программа «Политика и современные информационные технологии», в МГУ — «Искусственный интеллект и цифровые технологии в современной политике». Однако данные программы стали реализовываться недавно, поэтому процесс создания кадрового резерва в области цифрового управления еще впереди.

Другой большой проблемой является непонимание гражданами технологий управления регионом с помощью цифровых систем. Можно выделить ее две основные причины: недостаточное распространение информации о современных технологиях управления регионом и особенности восприятия цифровой сферы гражданами пожилого возраста. Первая причина заключается в том, что многие граждане не проинформированы о возможности управления регионом с помощью цифровых технологий. Например, с сервисом «Госуслуги» многие знакомы как с площадкой для предоставления в электронной форме государственных и муниципальных услуг, но ограниченное количество лю-

дей знают и доверяют возможности оставить жалобу или предложение с помощью данной системы.

Другая причина заключается в том, что лица пожилого возраста недостаточно владеют инструментами цифровой среды, поэтому не могут в полной мере воспользоваться цифровыми методами управления регионом. В совокупности вышеперечисленные факторы приводят к низкому уровню использования электронных инструментов управления регионом.

Другой серьезной проблемой является уязвимость цифровой среды для хакерских атак, что становится большим вызовом для обеспечения безопасности использования таких методов. Так, Секретарь Совбеза РФ Николай Патрушев отметил, что в течение трехдневного голосования на систему ДЭГ было совершено около 900 хакерских атак (Секретарь Совбеза РФ., 2021). В этом году деструктивное действие на избирательный процесс было не допущено, однако данная статистика показывает, что электронное голосование может подвергаться мощному негативному воздействию, которое в случае успеха применения может значительно помешать процессу голосования. Данная проблема касается и других направлений применения цифровых технологий в политике.

В рамках прошедшей избирательной кампании одной из главных тем для обсуждения стали возможные фальсификации результатов дистанционного электронного голосования. Несмотря на то что технология должна позволять публиковать результаты практически мгновенно, само по себе это не является достаточным доказательством фальсификации. ДЭГ — новая технология, которая проходит этап тестирования. Однако в дальнейшем затруднение в объявлении результатов электронного голосования может стать причиной снижения легитимности избирательного процесса в России.

Стоит отметить, что данная форма гражданского участия имеет большие перспективы. Возможность построения в России «электронной демократии» может существенно сказаться на устройстве всей российской политической системы, интегрировать органы власти и гражданское общество, сформировать положительный образ власти.

Важным преимуществом применения цифровых технологий в качестве возможности участия граждан в управлении регионом является повышение легитимности государственной власти. Политическая сила, которая показывает открытость предложениям и дает возможность населению непосредственно влиять на важные решения, постепенно повышает уровень доверия к себе.

Как отмечали Г. Алмонд и С. Верба: «Гражданин — в отличие от подданного — является активным участником политического процесса на “входе” — того процесса, посредством которого принимаются политические решения» (Алмонд, 2014). Цифровые технологии могут значительно упростить процесс участия граждан в жизни региона и государства, что может стать одной из предпосылок становления гражданской культуры.

Большие перспективы имеет дистанционное электронное голосование. Несложно предсказать, что следующий созыв Государственной Думы будет избран при использовании технологии ДЭГ во всех регионах России. При этом уже сейчас мы можем наблюдать значительную разницу результатов при использовании традиционных методов голосования и при использовании технологии дистанционного электронного голосования.

Развитие таких сервисов, как «Госуслуги» и «Центр управления регионом», может стать предпосылкой к формированию полноценного электронного правительства Российской Федерации. В дальнейшем при наличии успеха данного органа электронные правительства будут создаваться на уровне регионов. Они могут представлять собой, что важно, единые региональные системы по сбору и обработке жалоб и предложений, актуальных проблем региона, предоставления полного спектра электронных государственных услуг и сервисов онлайн-голосования по важным вопросам региона. Пока мы можем наблюдать разделение или дублирование таких функций разными сервисами.

Список литературы

Алмонд Г.А. Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти странах // Г. А. Алмонд, С. Верба; [пер. с англ. Е. Генделя; Фонд «Либеральная миссия»]. М.: Мысль, 2014. — 499 с.

Государственное управление и человеческий капитал [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2019. 22 апреля. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-04-22/5_7563_id02.html (дата обращения: 03.10.2021).

Государство как платформа: Люди и технологии / Под ред. М.С. Шклярук. М.: РАНХиГС, 2019. — 111 с.

Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47–68.

Секретарь Совбеза РФ Николай Патрушев рассказал о кибератаках на систему электронного голосования в ходе выборной кампании. [Электронный ресурс] // Первый канал. 2021. 29 сентября. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-09-29/413871-sekretar_sovbeza_rf_nikolay_patrushev_rasskazal_o_kiberatakah_na_sistemu_elektronnogo_golosovaniya_v_hode_vybornoy_kampanii (дата обращения: 03.10.2021).

Политическое доверие как фактор эффективного публичного управления

Современный этап развития институтов публичного управления в контексте развития инструментов и технологий публичных коммуникаций делает акцент на том, что «в условиях перемещения в информационно-коммуникационную среду значительной части повседневных практик именно социальные сети становятся основой публичных коммуникаций системы государственного и муниципального управления» (Зотов, Бабинцев, Шаповал, Губанов, 2017, с. 64). В это же время данный тезис позволяет судить о смещении акцентов с традиционных форм публичного управления в сторону цифровых сервисов и развитие данных форм на практике: «новые цифровые платформы государственного управления обеспечивают совместное производство государственной политики с такими базовыми нормами, которые делают участие граждан открытым, справедливым и разумным» (Сморгунов, 2020, с. 15).

С одной стороны, эволюция публичного управления в сторону цифрового публичного управления позволяет рассуждать о более эффективных методах и технологиях управления, но, с другой стороны, появляется проблема доверия, которая из классического представления переходит в категорию «цифрового доверия»: «...люди по-разному относятся к цифровому миру: некоторые доверяют ему полностью и пользуются всеми информационными ресурсами; другие относятся к нему слишком настороженно; третьи не имеют базовых навыков использования цифровых технологий» (Веселов, 2020, с. 136).

Таким образом, изучение различных аспектов политической коммуникации в контексте публичного управления все чаще заставляет обратить свой взор на такую категорию, как «доверие».

Категорию «доверие» чаще всего рассматривают в следующих аспектах:

- 1) доверие к институтам;
- 2) доверие к персоналиям;
- 3) социально-психологические аспекты доверия и т.д. (Seligman, 2000; Noteboom, 2002; Sztompka, 1999).

Одно из первых исследований в России было направлено на изучение доверия граждан к деятельности государственных служащих: «В работе обоснована концепция построения системы индексов (включая интегральный и многопараметрический), отражающих уровень доверия граждан к деятельности государственных служащих. Интегральный индекс доверия рассчитан как среднее арифметическое индекса обобщенного доверия и индекса меры личного доверия. В основу принципиально нового — многопараметрического — индекса положены результаты исследований ряда известных социологов (Э. Гидденса, Ф. Фукуямы, П. Штомпки и др.)» (Мерсиянова, Якимец, Пахомова, 2011, с. 98).

В дальнейшем тема «доверия» и «политического доверия» нашла активное продолжение в работах российских исследователей (Александрова, 2017; Завершинский, 2012; Левшин, 2016; Петелин, Потапов, 2013; Терин, 2018; Чернов, 2021).

Но более сложная производная категория «медиадоверие» только сейчас начинает получать должное внимание со стороны исследователей в современных исследованиях политической коммуникации (Lee, 2010; Meyer, 2002; Tsfati, Ariely, 2014).

У отечественных исследователей категория «медиадоверие» также находит отражение в исследованиях.

«Вопрос доверия и его формирования в настоящее время является важным компонентом в изучении развития общества. Именно доверие является одним из необходимых связывающих звеньев между обществом и его институтами. Кризис доверия к ним в любом обществе негативно повлияет на их успешное функционирование. И восстановление высокого уровня доверия, поиск истоков конфликта и предупреждение его возникновения должно являться продуманной стратегией развития общественной жизни. Углубление концепции доверия позволило выделить уровни доверия и его типологию, охарактеризовать функции и механизмы формирования. Важным аспектом является характеристика доверия как базовой установки индивида» (Фетюков А. В.);

«Одной из основных функций массмедиа является передача информации. При этом доверие к информации является значимым фактором любой коммуникации. Однако доверие к информации не существует само по себе, а находится в определенной взаимосвязи с “ближайшим” доверием, то есть доверием к ее источникам» (Купрейченко, Шляхова, 2013, с. 191).

Так автор работы попытался определить основные категории эффективности для оценки реализации информационной функции органов государственной власти в период противодействия пандемии в России

(2020–2021 гг.): охват, восприятие и доверие¹. Это позволит оценить то, насколько успешно органы власти распространяли информацию, и то, как к ней относилось население, влияло ли это на их поведение.

■ Изучая *охват* аудитории по интересующим вопросам, используя автоматизированные сервисы (например, «Медиалогия»), можно сделать вывод о том, что информирование через медиа осуществлялось достаточно эффективно или неэффективно.

13 марта 2021 года был запущен специальный раздел на сайте Министерства здравоохранения, посвященный оперативному информированию о коронавирусе. На ресурсе представлены ответы на самые частые вопросы, приведена статистика по каждому региону. Также есть раздел с новостями. По данным *SimilarWeb*, в апреле этот раздел посетило более 7,5 млн пользователей, позднее его популярность упала до 1 млн ежемесячных посетителей, однако это все еще внушительная цифра. Стоит отметить, что схожий по содержанию отдельный сайт создало Правительство России совместно с Министерством здравоохранения и Роспотребнадзором (<https://стопкоронавирус.рф/>). Согласно исследованию АНО «Национальные проекты», в апреле 2020 года 36% опрошенных узнавали информацию о коронавирусе именно на этом сайте (Исследование показало отношение россиян...). Еще одним *digital*-проектом по информированию граждан стал раздел на портале «Госуслуги», запущенный совместно с Минкомсвязью. Сервис давал информацию о том, относится ли конкретный пользователь к группе риска, стоит ли ему сдавать тест при наличии определенных симптомов и где это можно сделать. Помимо сайта и интегрированного сервиса, специалисты министерства приняли участие в разработке приложения для борьбы с коронавирусом «Здоровье.ру». Еще одним *digital*-решением Минздрава стал чат-бот, который позволил круглосуточно получать ответы на частые вопросы о коронавирусе. Как нам кажется, шаги Министерства здравоохранения в этой области положительно сказались на позиционировании органа: были заметны оперативность подачи информации, попытка ее максимально широкого распространения, а также удачная адаптация научных рекомендаций для обычного россиянина в виде инфографики и коротких текстов.

По результатам анализа с помощью сервиса «Медиалогия» можно говорить о том, что Минздрав с начала пандемии массово увеличил свое присутствие в СМИ. В апреле 2020 года Минздрав упоминается в главной роли в 14 221 материале от ТОП-100 СМИ с суммарным

¹ Кузьмин А.Е., Сотников Е.О. Трансформация государственных коммуникаций в период пандемии COVID-19 (материалы исследования не опубликованы).

охватом 266,2 млн человек, в то время как в апреле 2019 года таких сообщений было всего 4877 с охватом 117 млн человек. Охват материалов о Министерстве здравоохранения в контексте коронавируса достиг 215,6 млн человек. Комментарии и рекомендации Министерства здравоохранения фигурировали в телевизионных новостях. Например, на «Первом» канале в апреле Минздрав упоминался 60 раз, а по «России-1» — 63. Таким образом, можно сделать вывод о том, что информирование через медиа осуществлялось достаточно эффективно. По полярности в контексте борьбы с пандемией Роспотребнадзор явно обходит Министерство здравоохранения по уровню присутствия в СМИ. Если Минздрав в главной роли в данном контексте упоминается 10 812 раз, то Роспотребнадзор 23 771 раз, при том что соотношение негативных сообщений к позитивным у Минздрава 79 к 254, а у Роспотребнадзора 86 к 510.

Результаты исследования, проведенного специалистами ФГБНУ «Научно-исследовательский институт комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний», говорят о том, что информационное обеспечение по вопросам коронавируса 81,1% опрошенных считают эффективным (Кутумова О.Ю., Бабенко А.И., Пухова Э.П., Бабенко Е.А., 2020). Говоря об источниках информации, удельный вес радио и телевидения в информировании населения составил 22,8%, официальных сообщений — Минздрава 20,1, официальных сообщений Роспотребнадзора — 17, информации из Интернета — 16%. Учитывая то, что в телевизионных новостях регулярно упоминались и использовались в качестве источника сообщения Минздрава и сотрудников ведомства, можно говорить о том, что Министерство здравоохранения играло главную роль в информировании населения. На похожие выводы наводят результаты исследования ВЦИОМ, согласно которому 86% опрошенных считают, что информации о коронавирусе достаточно (Россияне: информации о коронавирусе достаточно). Согласно исследованию Института современных медиа, 88% опрошенных знают, что делать при заражении коронавирусом, что также свидетельствует о высоком уровне распространения информации о пандемии (Влияние пандемии на здоровье и отношение к медицине).

■ Изучая *восприятие* через анализ социологических исследований, мы пришли к выводу, что есть прямая корреляция между уровнем осведомленности о болезни и опасением; коммуникация с интернет-пользователями была менее эффективна, чем с аудиторией классических медиа.

Одно из первых социологических исследований на тему коронавируса было проведено в марте 2020 года агентством «Михайлов и пар-

тнеры» (Проект «Мы считаем»: «Коронавирус — мифы и легенды»). Согласно этому исследованию, 30% граждан считают, что коронавирус менее опасен, чем о нем говорится, а отказаться посещать массовые мероприятия согласны всего 49% опрошенных. 50% россиян, согласно исследованию «Общественного мнения», вообще не опасаются заболеть (Опрос показал отношение россиян к коронавирусу). Таким образом, можно говорить о том, что изначально население весьма скептически относилось к пандемии и ее угрозам. Конечно, коммуникационной задачей Министерства здравоохранения являлось изменение восприятия пандемии гражданами.

Уже в апреле стали заметны некоторые результаты коммуникационного воздействия. Согласно исследованию *Gallup International* (Треть россиян считают чрезмерными ограничения в связи с коронавирусом), 76% россиян стали соблюдать режим самоизоляции (конечно, отчасти это связано с административными мерами), а 89% стали регулярно мыть руки (в марте этот показатель был равен 63%). Согласно этому же исследованию, 56% населения считают, что инфекция коронавируса несет реальную и серьезную угрозу, а 44% опрошенных считают введенные ограничительные меры оправданными, а 27% даже считают актуальными на тот момент меры недостаточными. Важно отметить, что если непосредственное соблюдение режима самоизоляции может быть детерминировано штрафами и другими превентивными мерами, то мнение людей насчет того, является ли этот режим необходимым, напрямую зависит от коммуникаций. Данные исследования *Online Market Intelligence (OMI)* и центра социального проектирования «Платформа» говорят о том, что за месяц действия обязательной самоизоляции ее оправданность стало поддерживать на 15% меньше россиян (Режим самоизоляции стали поддерживать менее половины россиян).

Майское исследование Фонда «Общественное мнение» говорит о том, что 52% опрошенных, получающих информацию преимущественно из Интернета, опасаются коронавируса, что на 7% ниже, чем население в целом (Коронавирус: опасения и игнорирование болезни). Среди ТВ-ориентированных людей этот процент равен 65. На схожие выводы также наталкивает исследование Научно-исследовательского института комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний, о котором мы говорили ранее. Согласно этому исследованию, 58,3% молодежи отрицают вероятность заражения, а 20% не воспринимают к действию меры профилактики. Исследователи также говорят о том, что 48,4% молодежи не имеют полной информированности об опасности коронавируса.

Осенью 2020 года результаты коммуникационной работы стали еще заметнее. В июне 63% опрошенных социологическим антикризисным центром понимали необходимость принятых запретов (Опрос: большинство россиян понимают роль ограничительных мер в период пандемии), в сентябре уже 74% россиян поддерживали ограничительные меры (Отношение к ограничительным мерам), введенные правительством, а октябрьское исследование ВЦИОМ говорит о том, что 74% россиян опасаются коронавируса (Россияне рассказали о своем отношении к коронавирусу).

Важным для понимания общей картины является летнее исследование ФОМа (Коронавирус: опасения и игнорирование болезни), в котором отражена взаимосвязь между определенными характеристиками граждан и их отношением к пандемии. В среднем в июне 2020 года боялись заболеть только 60% россиян. Из тех, кто боится заболеть «опасливые», 56% потребляют информацию из ТВ и классических медиа, в группе людей, которые игнорируют опасность «беззаботные», преобладает способ потребления информации из Интернета. Среди «опасливых» за информацией о коронавирусе следит 71%, а среди «беззаботных» — 48%. Важно отметить, что группа «опасливых» на две трети состоит из женщин.

■ Можно сделать следующие выводы о *доверии к информации*: потенциал роста доверия лежит в успешном коммуникационном воздействии на молодежь, прежде всего в интернет-пространстве; предпосылкой для недоверия официальной информации о пандемии является неосведомленность об опасности болезни; сложности на пути формирования доверия во многом связаны с отсутствием независимого восприятия ведомств, плотной ассоциации со всей системой власти. Увеличение среднего доверия к официальной информации возможно благодаря работе с молодежью, есть необходимость разработки специальных коммуникаций и месседжей для молодежной аудитории.

Исследование ФОМ (Восприятие пандемии в группах по полу и возрасту) говорит о том, что уровень доверия официальной информации о коронавирусе напрямую связан с возрастом — чем старше человек, тем с большей вероятностью он доверяет информации о ситуации с пандемией. В целом 46% опрошенных доверяют официальной информации, а в группе 18–30-летних этот показатель равен всего 29%. Проведенный в рамках работы опрос также показывает, что молодежь не доверяет официальной информации о коронавирусе: 74% респондентов от 18 до 25 лет считают, что информация о количестве заражен-

ных и умерших занижалась, а на вопрос «Доверяете ли вы официальной информации о коронавирусе?» лишь те же 30% респондентов ответили «Доверяю» или «Скорее доверяю».

Во многом такая картина связана с разными источниками информации у этих групп. Лишь 29% опрошенных, которые следят за событиями в Интернете, доверяют официальной информации. Среди сторонников классических СМИ этот показатель равен 60%. Можно сделать вывод о том, что в Интернете, месте, где официальная повестка лишь одна из нескольких возможных, власти не смогли наладить доверительные отношения с аудиторией. Важным корреляционным параметром для недоверия официальной информации стало убеждение в преувеличенной опасности коронавируса. Среди всех, кто не доверяет официальной информации, 62% не боятся заболеть.

Таким образом, подводя предварительные итоги исследования, можно сформулировать следующие рекомендации, которые потенциально могут увеличить медиадобверие и влияние официальной информации в период кризисов, связанных с темой здравоохранения.

1. Необходимо разрабатывать специальные коммуникационные стратегии для мужчин и молодежи.
2. Потенциал роста может лежать в улучшении формы передачи официальной информации: поиске новых механизмов, адаптации языка медиа.
3. Потенциально эффективным решением может быть коммуникационное дистанцирование вертикали политической власти и ведомства. В случае с Министерством здравоохранения РФ в период пандемии эффективным способом было построение позиционирования Минздрава вокруг врачей, героически спасающих жизни в «красной зоне».
4. Необходимо проводить масштабную работу с блогерами и лидерами мнений, это позволит вовлечь молодежь в важную деятельность и повысит доверие к ведомству.
5. Официальная информация должна быть последовательна. В случае кризисов сокрытие информации не только вредит уровню доверия в долгосрочной перспективе и приводит к человеческим жертвам, но и не имеет никакого смысла.

Список литературы

Александрова Ю.А. Политическое доверие как управленческий ресурс в системе общественно-политических отношений современной России // Правовая культура. 2017. № 3 (30). С. 50–57.

Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе [Электронный ресурс] // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 129–143. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/19554/1/129-143.pdf> (дата обращения: 17.09.2021).

Влияние пандемии на здоровье и отношение к медицине [Электронный ресурс] // Институт Современных Медиа [сайт]. URL: https://doc-tv.ru/upload/vote_doctor.pdf (дата обращения: 04.05.2021).

Восприятие пандемии в группах по полу и возрасту [Электронный ресурс] // к-ФОМ [сайт]. URL: <https://media.fom.ru/fom-static/20200608%20Ф-4%20Пожилые%20и%20молодые%20%282%29.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

Завершинский К.Ф. «Политическое доверие» как символический источник социальных изменений в политических сетях // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 3. С. 62–75.

Зотов В.В., Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А., Губанов А.В. Российское пространство публичных коммуникаций: основные причины разрывов // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 6. С. 61–76.

Исследование показало отношение россиян к режиму самоизоляции [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20200416/1570123664.html> (дата обращения: 04.05.2021).

Коронавирус: опасения и игнорирование болезни [Электронный ресурс] // к-ФОМ [сайт]. URL: [https://media.fom.ru/fom-static/20200608%20Ф-2%20Опасения%20и%20игнорирование%20коронавируса%20\(6\).pdf](https://media.fom.ru/fom-static/20200608%20Ф-2%20Опасения%20и%20игнорирование%20коронавируса%20(6).pdf) (дата обращения: 05.05.2021).

Купрейченко А.Б., Шляховая Е.В. Медиадобверие как интегрированный социально-психологический феномен // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 191–196.

Кутумова О.Ю., Бабенко А.И., Пухова Э.П., Бабенко Е.А. Информированность населения о профилактике коронавирусной инфекции // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. №3. С. 100–117.

Левшин С.В. Ценности доверия и политические ориентации российского общества в свете исследовательского проекта «WORLD VALUES SURVEY» // Система ценностей современного общества. 2016. № 44. С. 215–219.

Мерсяннова И.В., Якимец В.Н., Пахомова Е.И. Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 98–119.

Опрос: большинство россиян понимают роль ограничительных мер в период пандемии [Электронный ресурс] // ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8735839> (дата обращения: 04.05.2021).

Отношение к ограничительным мерам [Электронный ресурс] // к-ФОМ [сайт]. URL: <https://covid19.fom.ru/post/otnoshenie-k-ogranichitelnyim-meram> (дата обращения: 04.05.2021).

Петелин О.А. Доверие как алгоритм политических практик в российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11-1. С. 132–136.

Потанов В.В. Социально-политическое доверие: теоретико-методологические основы // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 2 (56). С. 79–81.

Проект «Мы считаем»: «Коронавирус — мифы и легенды» [Электронный ресурс] // Михайлов и Партнеры [сайт]. URL: <https://drive.google.com/file/d/1vI080z8x65wc3zO13rQ6gTmS84NqnP-G/> (дата обращения: 04.05.2021).

Режим самоизоляции стали поддерживать менее половины россиян [Электронный ресурс] РБК [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/05/2020/5eb171d09a794703e3329d46> (дата обращения: 04.05.2021).

Россияне: информации о коронавирусе достаточно [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/rossiyane-informaczii-o-koronaviruse-dostatochno> (дата обращения: 04.05.2021).

Россияне рассказали о своем отношении к коронавирусу [Электронный ресурс] // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1070144/2020-10-06/tri-chetverti-rossiian-zaiavili-o-strakhe-zarazitsia-koronavirusom> (дата обращения: 04.05.2021).

Сморгунов Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // Южнороссийский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 6–19.

Терин Д.Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 90–109.

Треть россиян считают чрезмерными ограничения в связи с коронавирусом [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/04/2020/5ea863599a794749aa07be3f> (дата обращения: 04.05.2021).

Фетюков А.В. Подходы к изучению доверия в современной науке: основные теоретические направления и взгляды [Электронный ресурс] // <http://povauit.ru/public/p1914> (дата обращения: 17.09.2021).

Чернов А.С. Социально-политическая активность молодежи: от доверия власти к сотрудничеству // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 186–194.

Lee T. Why they don't trust the media: An examination of factors predicting trust // American Behavioral Scientist. 2010.

Meyer T. Media Democracy: How the Media Colonize Politics. Cambridge, 2002.

Noteboom B. Trust: forms, foundations, functions, failures and figures. Cheltenham: Edward Elgar, 2002.

Seligman A. Trust and Civil Society, in: Trust and Civil Society, eds. F. Tonkiss, A. Passey, N. Fenton, L.C. Hems. London: Springer, 2000. P. 12–30.

Sztompka P. Trust: a sociological theory. Cambridge: Cambridge university press, 1999. — 214 p.

Tsfati Y., Ariely G. Individual and contextual correlates of trust in media across 44 countries // Communication Research. 2014. Vol. 41. № 6.

А.М. Кузьмина
СПбГУ, Санкт-Петербург

Медиакоммуникационные практики вовлечения граждан в процессы цифрового публичного управления

Онтологические аспекты исследования государственного управления определяют необходимость выявления в научном политологическом знании факторов репрезентации «публичности» управления в цифровой среде. На наш взгляд, подобная репрезентация качества «публичности» административной системы возможна в большей степени посредством исследования цифровых информационно-коммуникационных процессов в пространстве массмедиа, в которые включены акторы публичной сферы, решая общие задачи государства и общества. В данном случае публичное управление обоснованно рассматривается как деятельность определенных акторов и групп, взаимодействующих для достижения публичных целей. Мы убеждены, что индикатором публичности управления выступают цифровые коммуникационные практики, в которые вовлекаются граждане в медиaprостранстве, формируемый в рамках такой коммуникации медиадискурс. Цифровые коммуникации активизируют гражданский интерес и гражданское участие в процессах *public administration*, подкрепляют принятие административных решений обратной связью публичных запросов общества, агрегации общественных нужд, гражданского контроля. Такие практики легитимизируют цифровое публичное управление. Однако такая легитимация возможна, если граждане вовлечены в коммуникационные процессы. В этой связи вектором формирования и реализации в государстве публичной политики и публичного управления в целом выступают цифровые коммуникации, в которые вовлечены граждане для непосредственного участия в публичных делах. И от степени вовлеченности в подобную коммуникацию граждан будет зависеть и качественная сторона публичности управления.

В широком смысле публичное управление нами представляется как сознательная деятельность в сфере отношений между государством и обществом по поводу распределения властных полномочий для решения социально-политических задач, имеющих ключевое значение для жизнеобеспечения граждан на определенной территории и агрегированных с учетом интересов и потребностей граждан. В данной трактовке

мы отходим от детерминации публичного управления как «государственного» с присущей ему автономизацией государства как единственного субъекта публичного управления, реализующего властные полномочия через обособленные институты (политические, бюрократические). В такой модели публичности управления, на наш взгляд, достаточно распространены энтропийные процессы, влияющие на общий характер процессов управляемости. Неконтролируемая энтропия проявляется как следствие того, что, воспроизводя определенную форму властного управления над обществом, политическим и бюрократическим институтам необходимо контролировать любые рефлексии в управляемых общественных подсистемах и реагировать на них. В этом случае избежать энтропийных процессов можно, только если государственный, бюрократический аппарат будет равновелик управляемой подсистеме. Но как утверждает В.Э. Смирнов, «подобного Левиафана общество попросту не в состоянии содержать» (Смирнов, 2013, с. 20).

Определяя «публичность» управления через призму деятельности институтов гражданского общества, когда это «общество», по смыслу западноевропейской практики, автономно от государственной власти и занимается выявлением потребностей и нужд граждан в вопросах жизнеобеспечения и социальной проблематики, мы также можем обнаружить в данной детерминации перспективы энтропийных процессов, которые будут влиять на качественную сторону «публичности» управления. Управляемость при такой трактовке публичного управления обеспечивается реализацией субъектности общества, гражданской самоорганизации в целях поддержания и совершенствования качества жизнеобеспечения граждан на определенной территории, общего социального порядка. Неопределенность результата при таком институциональном оформлении системы публичного управления прослеживается в том, что во многом существует разобщенность представителей гражданского общества, выражающаяся в отсутствии четкого формулирования коллективных потребностей и интересов, во всеобщей атомизации гражданского общества и, следовательно, низкого уровня гражданской активности большинства его членов. Для нивелирования энтропии в системе публичного управления необходимо, чтобы деятельность государственных и политических институтов опиралась на удовлетворение общественных интересов и потребностей, чтобы институциональная среда, в которой происходят публичные взаимодействия субъектов и объектов управления, обеспечивала обратную связь между субъектами управления и социумом с целью артикуляции и агрегирования общественных потребностей и интересов, оценки уров-

ны их удовлетворенности. Подобная институциональная среда должна способствовать желанию и потенциалу граждан включаться в процессы публичного управления, реализовывать их субъектность в системе публичного управления. По нашему мнению, подобная институциональная среда может сформироваться только цифровым способом. В частности, институциональные рамки цифрового пространства, в котором происходили бы коммуникационные практики по поводу формирования и реализации публичного управления, определяются, считаем, возможностями, прежде всего, медийной системы и возможностями цифрового инвентаря, который можно использовать в рамках медиакоммуникации.

Очевидно, что основу снижения глобальной неопределенности управляемости в системе публичного управления априори составляют различные способы взаимодействия акторов публичного управления публичной сферы, носящие коммуникационный характер. Именно коммуникации, если перефразировать Л.Н. Тимофееву, становятся «формой, способом и атрибуцией» (Тимофеева, 2009, с. 41) конструирования публичного управления. Но любое совместное действие, репрезентующее публичное управление, предполагает наличие субъекта управления и управляемого объекта, даже если речь идет о самоорганизации институциональных структур гражданского общества по вопросам социального значения. Поэтому важно определить основополагающую сущность властных отношений в системе публичного управления через призму коммуникационных процессов. А дальше выяснить, как подобное качество властных отношений может операционально проявляться в медиакоммуникациях.

В постструктуралистской¹ концепции М. Фуко термин «власть» предполагает отношения между партнерами. Однако М. Фуко отличает отношения власти от отношений коммуникации, понимая последние как отношения, передающие информацию через язык, знаковую систему или некоторую другую символическую среду. Развивая научную позицию М. Фуко относительно власти и коммуникации, можно привести в качестве примера трактовку власти по Ю. Хабермасу, который утверждает: «Мы можем различать власть, рождающуюся в процессе

¹ Прежде всего, идеи постструктурализма развивали Жак Деррида, Мишель Фуко («Археология знания», «Генеология власти»). Как пишут М. Моррис и П. Пэгтон в исследовании «Мишель Фуко: Власть, истина, стратегия», начиная с 1970 г. Фуко стал одновременно исследовать как «малые или локальные формы власти, — власти, находящейся на нижних пределах своего проявления, когда она касается тела индивидов», так и «великие аппараты», глобальные формы «господства», осуществляющие свое господство посредством институализированного дискурса».

коммуникации, и административно применяемую власть. В деятельности по поводу публичного управления встречаются и прекращаются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимности власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической ответственности, а с другой — такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять коммуникациями» (Хабермас, 1992, с. 33–34). «Человек коммуникативный» как новый общественно-исторический субъект выводит решение социально-политических проблем из сферы государственно-политических отношений в сферу социально-политических взаимодействий (Шевченко, 2009, с. 81), что еще раз доказывает, что, выстраивая рамки публичного управления, нельзя рассматривать отдельно только административную систему или только периферийную систему гражданского общества. В отечественной практике, например, существует достаточно весомая проблема, что вместо свободного диалога между государством и гражданским обществом наблюдается усиление бюрократизации, происходит одностороннее административное принятие публичных решений.

В своем классическом описании современных свобод Б. Констант следующим образом охарактеризовал политические права граждан: «Наконец, это право каждого влиять на осуществление правления либо путем назначения всех или некоторых чиновников, либо посредством представительства, петиций, запросов, которые власть в той или иной мере принуждена учитывать» (Констант, 2008, с. 317). Понимание власти через процессы коммуникационных интеракций можно найти и в одной из самых известных теорий власти — коммуникативной парадигме структуралиста Н. Лумана, который понимает власть как средство коммуникации. По мнению Н. Лумана, «власть есть управляемая кодом коммуникация» (Луман, 2001, с. 29). Он отмечает, что преимущество теории коммуникации в сравнении со старыми теориями власти состоит в том, что «она понимает феномен власти на основе различия между кодом и процессом коммуникации и поэтому не склонна приписывать власть как некое качество или способность никому из партнеров властных отношений» (Луман, 2001, с. 29). Таким образом, процесс коммуникации способствует тому, что не отношения власти, а возможность взаимопонимания в диалоге становится наиболее значимой (Стризое, 1999, с. 302) при попытке определения властных отношений как таковых. Если рассматривать коммуникативный аспект властных отношений, то помимо воздействия властного субъекта на иного актора публичной сферы между ними происходит взаимодействие, которое

эффективно только тогда, когда властвующий имеет с подвластными взаимопонимание, которое способствует конструктивному диалогу, приводящему к консенсусу¹. «Успешная коммуникация (по мнению Т.М. Дридзе) предстает не только в виде механизма социального взаимодействия, не только в качестве процесса и деятельности, но в виде смыслового контакта», — пишет в своей статье А.В. Шевченко (Шевченко, 2009, с. 74). Таким образом, смысловой контакт достигается лишь тогда, «когда взаимная ситуационная идентификация партнеров по общению приводит к совмещению в их сознании «смысловых фокусов» (коммуникативных доминант) порождаемого и интерпретируемого текста. С другой стороны, на способность людей договариваться оказывает влияние и общая заинтересованность акторов публичной сферы участвовать в публичном взаимодействии, то есть необходима вовлеченность в коммуникационный процесс. Кроме того, упоминаемые нами ранее технологические средства и инвентарь медиасреды (прежде всего, таких медиа площадок, как социальные сети) также оказывают влияние на характер коммуникационного процесса, и при грамотном применении цифрового инвентаря на медиаплощадках можно прийти к необходимому положительному результату такой вовлеченности.

Рассмотрим в прикладном плане примеры медиакоммуникационных практик вовлечения граждан в процессы публичного управления, примеры того, как можно повысить гражданскую вовлеченность в цифровые медиакоммуникации по решению вопросов общественной значимости. Подобные практики разберем на примере медиакоммуникационной активности институциональных структур гражданского общества, к которым относим некоммерческие организации (далее по тексту — НКО).

Сектор негосударственных некоммерческих организаций играет важную роль в общественном развитии. На некоммерческие организации возложены достаточно весомые задачи: повышения качества жизни населения конкретного региона или муниципалитета, мобилизации общественных ресурсов для решения социально значимых вопросов, проработки и реализации социальной политики в целом, благодаря

¹ Непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия. Особое место в политической коммуникации занимает обмен информацией между правителями и управляемыми с целью добиться их согласия. Любой правитель стремится добиться согласия с его решениями, а любой управляемый старается выразить свои нужды и добиться, чтобы о них узнали. Согласие между двумя сторонами может создаться только с помощью коммуникации (Ирхин Ю.В. Культура и характер политической коммуникации в обществе. Политические коммуникации в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития / Под общ.ред. Л.Н. Тимофеевой, Е.В. Лобзы. — 123 с.).

использованию механизмов активизации гражданского участия и формированию условий и предпосылок общественного контроля. Стоит также отметить и ключевую роль некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг и все большего возрастания спроса на них со стороны населения регионов и муниципалитетов.

Однако на современном этапе возникает серьезная проблема неэффективного включения некоммерческими организациями в процессы коммуникации акторов публичной сферы (граждан, инвесторов, представителей органов государственной власти) в рамках реализации публичного управления.

Проводя анализ информационных ресурсов организаций некоммерческого сектора, прежде всего социальных сетей, мы отмечаем практически одностороннюю коммуникацию, когда некоммерческая организация создает страничку в социальных медиа только лишь для информирования о своей деятельности, но не получая никакой обратной связи взамен. НКО не вовлекают граждан, население, административный аппарат в коммуникацию, а соответственно, не заинтересовывают их активно включаться в общественно полезную деятельность, не продвигают ценность своей работы для большинства граждан региона или муниципалитета.

В этой связи нами было проведено кабинетное исследование информационных ресурсов НКО г. Перми в сети Интернет на предмет количества используемых НКО современных каналов коммуникации; возможности коммуницировать с НКО не только через социальные сети, но и через официальный сайт; степени вовлеченности акторов публичной сферы в медиакоммуникацию (преимущественно в социальных сетях), которое определяется, прежде всего, количеством подписчиков, просмотрами информационных сообщений, активностью участников сообщества в выставлении лайков и представлении комментариев, формировании и распространении пользовательского контента.

Стоит отметить, что из 2182 социально ориентированных некоммерческих организаций, которые вошли в исследовательскую выборку, так как зарегистрированы на информационном портале Министерства юстиции Российской Федерации (<http://unro.minjust.ru>), только 708 организаций освещают свою деятельность через официальный сайт в сети Интернет (это 32% организаций). Также в рамках проведенного первичного отбора из этих 708 организаций только 455 НКО ведут свои социальные сети (64% организаций), при этом количество таких социальных сетей варьируется от одной до четырех (в разных конфигурациях: *Instagram, Facebook, Twitter, YouTube*, «Одноклассники», «ВКонтакте»).

Стоит отметить, что 296 организаций не имеют своего сайта, а коммуницируют с акторами публичной сферы через социальные сети. Таким образом, получается, что из 2182 организаций НКО 755 организаций используют социальные медиа (34% организаций). В этой связи необходимо рассмотреть и проанализировать содержательную сторону коммуникации НКО со своими благополучателями, особенно в социальных сетях, где больше возможностей вовлечения аудитории в активную деятельность НКО и реализацию публичного управления и преобладает двусторонний формат общения.

Мы выявили, что самая используемая социальная сеть НКО г. Перми — это «ВКонтакте»: 94% организаций используют данный медиаканал, 13% организаций используют *Instagram* и 18% организаций используют *Facebook*. Есть и те организации, кто использует для своего продвижения *YouTube* (4% организаций), *Twitter* (0,1% организаций), «Одноклассники» (3% организаций), но таких крайне мало.

В этой связи определим характеристику степени вовлеченности целевых групп в сообществах и проведем анализ 161 странички НКО в социальных сетях (прежде всего, «ВКонтакте» и *Instagram*) по данной характеристике. Стоит отметить, что нами проранжированы сообщества НКО в социальных сетях по трем уровням обеспечения вовлеченности целевой аудитории в коммуникацию — высокому, среднему, низкому. Этот анализ проводился для подтверждения гипотезы, что НКО г. Перми в большинстве случаев не вовлекают аудиторию в свою коммуникацию и неактивно используют потенциал социальных медиа. Выборка 161 ресурса репрезентативна генеральной совокупности 755 организаций по параметру использования видов социальных медиа, именно «ВКонтакте» и *Instagram*, как не только самых популярных, но и обеспечивающих возможность эмоционального вовлечения аудитории в общение в комьюнити, используя при этом вербальные и визуальные инструменты медиакоммуникации, инструменты генерирования пользовательского контента (конкурсы, марафоны, отзывы, создание тематического сообщения).

Далее представим характеристику степени вовлеченности аудитории в сообществах некоммерческих организаций г. Перми, которые были выявлены нами в рамках компаративного анализа социальных сетей организаций некоммерческого сектора (Kuzmina, Kuzmin, 2021, р. 104–107). Безусловно, количественные показатели, определяющие параметры уровня вовлеченности, выявлены нами с учетом территориального признака деятельности НКО и могут различаться в других субъектах Российской Федерации.

Для высокой степени вовлеченности населения г. Перми в коммуникацию с некоммерческими организациями в социальных сетях характерны:

1. Системность размещения информации, когда нет больших перерывов в размещении постов и информация для реципиентов всегда актуальна. Такая характеристика оценивается по дате последнего поста.
2. Достаточно большой охват аудитории сообщества в социальной сети. Оценивается характеристика по количеству подписчиков. Для высокой степени вовлеченности в коммуникацию с НКО г. Перми количество подписчиков должно быть не менее 1000 человек.
3. Высокие показатели количества просмотров постов, значительно превышающие количество подписчиков.
4. Более 20–30 лайков постов в сообществе.
5. Наличие комментариев, репостов.
6. Наличие перехода с социальной сети на официальный сайт НКО.
7. Привлечение и использование в сообществе пользовательского контента.
8. Наличие горизонтальных связей в сообществе, нетворкинг.

Для вовлеченности населения г. Перми в коммуникацию с организациями некоммерческого сектора в рамках среднего уровня характерны:

1. Системность размещения информации, бывают пропуски в размещении постов, и информация для реципиентов не всегда актуальна. Такая характеристика оценивается по дате последнего поста.
2. Средний охват аудитории сообщества. Оценивается характеристика по количеству подписчиков. Для средней степени вовлеченности в коммуникацию с НКО г. Перми количество подписчиков должно быть до 800 человек.
3. Средние показатели количества просмотров постов значительно ниже количества подписчиков.
4. До 10 лайков постов в сообществе.
5. Отсутствие комментариев, репостов либо наличие комментариев или наличие репостов в сообществе.
6. Наличие перехода из социальной сети на официальный сайт НКО.
7. Отсутствие привлечения и использования в сообществе пользовательского контента.
8. Отсутствие горизонтальных связей в сообществе, нетворкинга.

Низкая степень вовлеченности участников сообщества НКО г. Перми в социальных сетях характеризуется следующим:

1. Отсутствие системности размещения информации, большие пропуски в размещении постов, и информация для реципиентов не всегда актуальна. Такая характеристика оценивается по дате последнего поста.

2. Маленький охват аудитории сообщества. Оценивается характеристика по количеству подписчиков. Для низкой степени вовлеченности в коммуникацию с НКО г. Перми количество подписчиков должно быть до 200 человек.

3. Низкие показатели количества просмотров постов, значительно ниже количества подписчиков.

4. До 1–2 лайков постов в сообществе.

5. Отсутствие комментариев, репостов в сообществе.

6. Отсутствие перехода из социальной сети на официальный сайт НКО.

7. Отсутствие привлечения и использования в сообществе пользовательского контента.

8. Отсутствие горизонтальных связей в сообществе, нетворкинга.

При ранжировании организаций некоммерческого сектора г. Перми мы приходим к выводу, что на данный момент еще сохраняется низкий уровень вовлеченности целевых групп НКО и других в социальных сетях. Организации только информируют общественность (и не всегда системно) о результатах своей деятельности, не получая при этом поддержки или не обеспечивая никакой эмоциональной связи с участниками комьюнити, не стимулируя при этом создание пользовательского контента. Безусловно, многие организации достаточно активно вовлекают свою аудиторию в коммуникацию, это свойственно для некоммерческих организаций в сфере образования, спорта, а также для благотворительных организаций и фондов, а также для тех НКО, чья деятельность связана с жилищно-коммунальной сферой (около 41% организаций по выборке). Но в большинстве случаев — а это 59% из 100% организаций — у некоммерческих организаций г. Перми наблюдаются средние и низкие показатели вовлеченности целевой аудитории и других участников публичной сферы (инвесторов, государственных структур) в коммуникацию НКО в социальных сетях.

Таким образом, можно сделать вывод, что потенциал публичного управления раскрывается, прежде всего, в цифровых информационно-коммуникационных системах. Институциональные рамки цифрового пространства, в котором бы происходили коммуникационные практики по поводу формирования и реализации публичного управления, определяются, считаем, возможностями, прежде всего, медийной системы и возможностями цифрового инвентаря, который можно использовать

в рамках медиакоммуникации и оценивать с его помощью уровень гражданской вовлеченности в медиакоммуникационные процессы.

Список литературы

Гуляева М.А. Теоретические основы вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского пед. ун-та. 2016. № 9–10 (113). С.65–69

Констант Б. О свободе у древних в ее сравнении у современных людей: Лекция, произнесенная в Королевском атенеуме. Париж, 1819. Публикуется по изданию: *Constant B. De la liberte chezles Modernes. Ecrits politiques.* Hachette. 1980.

Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 250.

Маленков В.В. Становление гражданственности в постсоветской России: социокультурный и институциональный аспект: Монография / В.В. Маленков. Тюмень: РИЦ ТГАКИИСТ, 2014. — 156 с.

Смирнов В.Н. Гражданственность и гражданское общество: самоорганизация и социальный порядок. Минск: Белорусская наука, 2013. — 290 с.

Стризов А. Л. Политика и общество. Социально-философские аспекты взаимодействия / А. Л. Стризов. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. — 302 с.

Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. 2009. № 5. С. 41–55.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / М. Фуко. М.: Наука, 1992. С. 33–34.

Шевченко А. В. Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» // Полис. 2009. № 5. С. 74–78.

Шевченко А. В. Человек политический против человека информационного // Полис. 2009. № 5. С. 68–84.

Buchholz L. M., Smith R. E. The Role of Consumer Involvement in Determining Cognitive Response to Broadcast Advertising // Journal of Advertising. Vol. 20. Number 1. 1991. P. 7.

Cappella J. N. Conversational involvement: Approaching and avoiding others // Wiemann J.M. & Harrison R.P. (eds.). Nonverbal interaction. Newbury Park, CA. Sage, 1983. P. 113–148.

Cegala D. Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence // Communication Education. 1981. № 30. P. 110–121.

Kuzmina A.M., Kuzmin A.E. Engaging the audience of non-profit organizations in communication in social networks in modern marketing practice // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS. 2021. С. 104–107.

Kuzmina A.M., Kuzmin A.E. Increasing the level of internet trust of citizens to public authorities // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021. 2021. С. 122–125.

Peter L. The Cognitive Processes Mediating Acceptance of Advertising // Journal of Marketing Research. 1973. № 10. P. 53–62.

К.М. Макаренко
ВолГУ, Волгоград

Трансформация публичного пространства протеста в современной России: влияние вынужденной цифровизации*

Публичные пространства традиционно являлись местом проведения коллективных действий: ритуального, развлекательного, а позднее и протестного характера. Стоит оговориться, что публичные пространства в данной работе понимаются как пространства политические, в которых может реализовываться диалог, дискуссия, политика в коммуникативном понимании: площади, скверы, улицы, гайд-парки и т.д.

Мы солидарны с позицией профессора социологии, урбаниста Шарон Зукин, которая выделяла определяющие критерии публичного пространства: 1) общественное управление пространством; 2) свободный доступ для всех; 3) приоритет общественных, а не индивидуальных интересов (Zukin, 1995, p. 32–38). Таким образом, наличие публичного пространства является обязательным условием реализации протестного коллективного действия. Однако, стоит заметить, что и пространства, и протесты претерпевают значимые изменения, что приводит к реконфигурации принципов и формированию новых практик осуществления протестных коллективных действий.

Внимания заслуживает трактовка отношений общественных пространств (в рамках статьи общественные пространства синонимичны публичным пространствам. — *Прим. авт.*) и публичных протестов Сета М. Лоу. Так, автор пишет, что протест может реализовываться в общественных пространствах в трех формах:

- 1) «явный протест», предполагающий наличие народных демонстраций и практик присвоения пространств «маргинальными и отвергаемыми обществом социальными группами»;
- 2) «скрытый протест», обусловленный символической борьбой за репрезентацию застроенной среды;
- 3) «ритуальный протест», предполагающий проведение мероприятий, на время которых меняется структура и преобладающие значения общественных пространств (Лоу, 2021, с. 240).

* Статья написана в рамках исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ (научный проект № 21-011-32222).

Безусловно, фокус нашего внимания направлен на изучение взаимодействия «явного протеста» и публичного пространства. Так, Лоу отмечает, что «явный протест», демонстрирующий крайнюю активность и несущий угрозу государству, встретится с закрытием (и возможной перепланировкой) общественных пространств и усилением охраны территорий (Лоу, 2021, с. 241).

Однако перепланировка территорий не является безусловным фактом решения проблемы. Так, в рамках дискуссии «Пространство протеста: площади и улицы как политическая сцена» в 2012 году философ Александр Филиппов отмечал, что публичное пространство само по себе является ресурсом, а перспектива переустройств пространств не приводит к искомым целям: «...при желании Манежную можно опять превратить в место протеста против чего угодно. Главное, что сюда может набраться масса, и эта масса под стенами Кремля будет иметь значение. Это значит, что не существует простых способов пространство сделать снова непригодным для того, для чего оно было сделано пригодным однажды» (Фанайлова, 2012). При этом и закрытие публичных пространств не приводит к уменьшению протестной активности, так как она находит выражение в других формах и других видах пространства, в том числе и в виртуальном.

Происходит ли заявленная в теме трансформация публичных пространств протеста в современной России? С учетом того, что трансформация подразумевает качественное изменение характеристик, в нашем случае, публичного пространства, приводящее к появлению новых форм протестных взаимодействий, мы можем зафиксировать наличие двух тенденций:

- 1) движение в сторону от столиц к центрам регионов;
- 2) «уход» части практик в цифровую сферу.

Так, политолог К. Рогов отмечает, что доля столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) в общем объеме протестующих в РФ на акциях протеста 23 и 31 января составляла 25 и 35%, что существенно отличается от протестной волны 2011–2012 годов, когда Москва и Санкт-Петербург аккумулировали не менее 75% протестующих по стране (Рогов, 2021). В этой связи происходит политизация региональных обывателей и, как следствие, публичных пространств, которые становятся местами «сопряжения» коллективных интересов. Данная тенденция, прежде всего, проявляется в увеличении количества региональных акций, выходящих затем на федеральный уровень и формирующих протестную повестку (например, протесты в Архангельской области против строи-

тельства мусорного полигона на с. Шиес, хабаровские протесты против ареста экс-губернатора С. Фургала, протесты против разработки месторождения на горе Куштау и т.д.).

Частичный «уход» ряда протестных практик в онлайн является следствием увеличения роли Интернета в жизни людей. Медиаактивизм как форма создания дополнительной реальности (отличной от реальности, транслируемой через федеральные СМИ) становится одной из приоритетных задач оппозиции в условиях сокращения публичных пространств для выражения альтернативной позиции по поводу вопросов политики и государственного управления. Адекватным видится определение политического медиаактивизма, предложенное коллективом авторов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Бронниковым И.А., Горбачевым М.В., Кононенко О.С., Тимирчевым И.К., которые предлагают определять исследуемое понятие как «форму коллективного участия граждан в общественно значимых процессах с помощью использования релевантных ресурсов социальных медиа» (Медиаактивизм и .., 2021, с. 49).

Интерес вызывает схема протестной мобилизации, осуществляемой посредством социальных онлайн-сетей, предложенная в диссертации С.В. Докуки. Так, выделяется пять этапов протестной мобилизации:

- 1) включение активистов и умеренно активных интернет-пользователей в использование социальных онлайн-сетей и усвоение ими основных принципов интернет-взаимодействия. Формирование у группы «клипового мышления»;
- 2) получение и распространение активными интернет-пользователями информации, в том числе и ангажированной;
- 3) формирование различных групп в онлайн-пространстве, где происходит обсуждение политической ситуации;
- 4) определение критериев деления на «мы-они» и формирование мотивационных установок участников, идентифицирующих себя с «мы»;
- 5) поддержание активности в социальных онлайн-сетях, в том числе и после проведения протестных акций (Докука, 2014, с. 25).

Автор подробно раскрывает принцип формирования идентичности с протестным сообществом, однако, как нам кажется, упускается из вида этап активного мобилизационного призыва к конкретным действиям, формирование протестных лозунгов и т.д. Протестные настроения должны конвертироваться в различные формы протестной активности

или прямые формы протестной деятельности, в условиях отсутствия которых будет происходить естественный процесс демобилизации.

Цифровизация в период пандемии Covid-19 стала вынужденной, в первую очередь, для представителей оппозиции, которые на волне роста общественного недовольства столкнулись с весомыми ограничениями на проявление форм коллективного недовольства. В то время как мобилизация посредством использования Интернета стала обыденной практикой, использование виртуального пространства для полноценной замены митинговой активности не состоялось. Связано это не только с невозможностью полного перенесения коллективных форм проявления политики в Интернет, но и с реакцией власти на виртуальную активность. Соколов А.В. отмечает, что мировая практика стратегий противодействия протестам в Интернете имеет и национальные особенности, которые в случае с РФ выражаются в использовании двух методов: игнорирования и/или законодательного регулирования (Соколов, 2018, с. 264). При этом если второй метод становится стимулом для ответной реакции со стороны протестующих, то первый — подтачивает основы мобилизации протестного сообщества, так как «сообщение» (как основополагающая цель любого митинга) просто не доходит до адресата.

Очевидными минусами цифровизации становятся перспективы контроля властными субъектами виртуального пространства. А.В. Палагичева характеризует подобную деятельность как использование инструментов демобилизации (процесс отстранения активных социальных групп от политической деятельности), связанных, в первую очередь, с управлением политическим контентом (Палагичева, 2020, с. 14).

Потенциальные плюсы «вынужденной» цифровизации определяются феноменом «политического конденсата», описанного как «механизм возникновения новых акторов публичной политики, основанных на сетевых принципах организации», т.е. постепенное «вызревание» публичных акторов в *online*-среде (что является следствием закрытости от появления новых лиц в *offline*-пространстве) с последующей их институционализацией в *offline* под давлением мобилизованной *online*-общественности (Рябченко, Гнедаш, 2014, с. 98).

Список литературы

Докука С.В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2014. — 26 с.

Лоу С.М. *Пласа*: политика общественного пространства и культуры / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2016. — 352 с.

Медиаактивизм и гражданская мобилизация: генезис и тенденции / И.А. Бронников, М.В. Горбачев, О.С. Кононенко, И.К. Тимирчев // Вестн. Мос. гос. обл. ун-та. 2021. № 1. С. 44–60. — DOI 10.18384/2224-0209-2021-1-1061.

Палагичева А.В. Политическая демобилизация в протесте по сохранению сквера у Театра Драмы в Екатеринбурге: реакция граждан в социальных сетях. 2020. С. 14–16.

Рогов К., Шукюров А. Протесты 2021 года и протестное десятилетие 2011–2021 гг. Динамика и оценки численности [Электронный ресурс] // Фонд Либеральная Миссия. Серия «Либеральная миссия — экспертиза». URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/protesty-2021-goda-i-protestnoe-desyatiletie-2011-2021-gg-dinamika-i-oczenki-chislennosti> (дата обращения: 03.10.2021).

Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. Online- и offline-социальные сети: к вопросу о математическом обосновании стохастической модели функционирования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. № 10 (3). С. 91–100.

Соколов А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: Дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2018. — 445 с.

Фанайлова Е. Пространство протеста: площади и улицы как политическая сцена // Радио свобода, 04.03.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24529826.html> (дата обращения: 29.09.2021).

Zukin S. The cultures of cities. Oxford: Blackwell, 1995. — 336 p.

Ю.А. Матафонова

Забайкальский государственный университет, Чита

Политическая субъектность регионов Российской Федерации в условиях пандемии: возможности и реализация

Вопрос о политической субъектности регионов Российской Федерации в рамках российского централизованного федерализма является дискуссионным. Актуализирует заявленную проблематику и тот факт, что в зарубежных исследованиях преимущественно не возникает сомнений в обладании субъектами федеративного государства политической субъектностью. Соответственно представленная дилемма касается только отечественного опыта федеративного строительства.

С одной стороны, федеративная организация политико-территориального пространства государства предполагает разграничение полномочий между Центром и субъектами, что, соответственно, де-юре предоставляет регионам политическую субъектность как право принимать соответствующие решения в рамках своей компетенции. С другой

стороны, де-факто возникают определенные трудности в реализации политической субъектности регионами, что позволяет говорить о том, что в условиях российского федерализма политическая субъектность представляет собой в большей степени возможность, нежели реально действующий механизм.

Многие современные исследователи скептически относятся к политической субъектности региональных политических систем в условиях российского федерализма. Анализ научных источников позволил нам выделить два методологических подхода к рассмотрению этой проблемы.

Первый методологический подход представлен в основном трудами зарубежных исследователей, которые не выражают сомнений в наличии и необходимости политической субъектности регионов в рамках федеративного государства. Чаще всего это представители англо-американской политической науки, опирающиеся в своих рассуждениях на опыт классической федерации.

Р. Уоттс, научный сотрудник Института межправительственных отношений, характеризует федерализм как технологию конституционной организации, при которой допускаются действия центральной власти для достижения общих для государства целей и одновременно действия субъектов федерации для сохранения самобытности, причем каждый уровень непосредственно отвечает перед своим собственным электоратом (Watts, 2002).

Профессор Колледжа Лафайет в Пенсильвании, Дж. Кинкэйд, характеризует федеративную государственность как обязательное партнерство между равными сторонами, в котором участвующие стороны сохраняют свою индивидуальную идентичность и целостность, создавая при этом новое образование, обладающее своей собственной идентичностью и целостностью (Kincaid, 2002, p. 4–5).

Такое понимание федерализма напрямую соотносится с положениями теории систем, в соответствии с которыми элементы, входящие в систему, создают новую целостность и новые системные свойства (эффект синергии).

Для англоязычной политологической традиции естественно даже при признании территориального императива рассмотрение уровней управления в федеративном государстве как равнозначных — они не выстраивают властную вертикаль и различают федеральный уровень и уровень штата преимущественно по количеству обслуживаемого населения (избирателей). Поэтому дискуссия о политической субъектности политико-территориальных образований, составляющих федеративное государство, не возникает.

В условиях пандемии зарубежные авторы также отмечают тренд усиления полномочий субъектов. Рассмотрим на примере США как классического типа федеративного государства. Если в СМИ больше склонны расценивать происходившие в условиях пандемии процессы как противостояние между Центром и штатами, то в научной среде как раз наоборот — акцент делают на эффективности самой системы федеративного устройства, которая в условиях пандемии и недостаточных действий центральной власти позволила штатам принять необходимые меры. Так, в «Нью-Йорк таймс» 14 апреля 2020 г. опубликована статья с названием *Is California a Nation-State?*, посвященная факту формирования штатами альянсов по борьбе с коронавирусом, которые якобы не признают главенство полномочий центральной власти в решении данного вопроса.

Поводом для обсуждения стало формирование западного альянса штатов, включающего Калифорнию, Орегон и Вашингтон, а также региональных альянсов из ряда других штатов, заключивших пакты, направленные на координацию действий в условиях распространения коронавирусной инфекции и обмен передовым опытом по поддержанию систем жизнедеятельности штатов в оптимальном состоянии.

«РИА Новости» также прокомментировали эту новость в русле угрозы американской федерации, пролога к проявлению политического сепаратизма и «парада суверенитетов».

Caroline Chang, Scott Moore и *Ali Wyne* указывают, что на национальном уровне Соединенные Штаты действительно плохо справились с этой пандемией. Однако на уровне штатов и на местном уровне присутствуют многочисленные примеры достойной управленческой практики, мужества и лидерства. «По мере того как Вашингтон намечает восстановление Соединенных Штатов после пандемии, федерализм остается решающим сравнительным преимуществом — тем, которое должно играть центральную роль в усилиях по обновлению своей мягкой силы и противодействию попыткам Китая укрепить свою собственную» (*Federalism in the Time of Coronavirus*, 2020).

Таким образом, пандемия вызвала среди исследователей, экспертов и общественности обсуждение вопросов политической субъектности штатов — при этом в политической повестке не выражается сомнение по поводу необходимости принятия решений штатами как субъектами федерации. Несмотря на то что поднимается вопрос о некотором противостоянии штатов и федерального Центра, внимание акцентируется на системных и функциональных преимуществах классической федеративной организации политико-территориального пространства, ко-

торые позволяют нивелировать возникающие проблемы публичного управления за счет принятия решений на уровне субъектов федерации.

Второй методологический подход в большей степени характерен для российских исследователей, исходящих из опыта федеративного строительства нашего государства. Многие из них сомневаются как в наличии, так и в необходимости политической субъектности регионов Российской Федерации. Если сомнения в наличии политической субъектности подкреплены имеющейся «властной вертикалью», то сомнения в необходимости не совсем понятны.

В исследованиях, связанных с региональной политикой и федеративными отношениями в нашем государстве, очень часто самостоятельность принятия решений региональными органами власти ставится под сомнение. Наиболее традиционно в этом плане рассмотрение внутрирегионального управления как естественного продолжения федеральной политики (Хван, 2019, с. 5). При таком ракурсе субъектность выступает как постоянно реализующееся право федерального Центра. С другой стороны, естественно это только для Российской Федерации как для сверхцентрализованной. С точки зрения федеративной теории именно политическая субъектность политико-территориальных единиц, составляющих федеративное государство, позволяет сбалансировать интересы федерации и интересы регионов. Наличие политической субъектности позволяет построить действующую, а не имперскую федерацию.

Согласимся с мнением А. Володина и других исследователей, указывающих на то, что и теоретические основы федеративной теории, и сама федеративная организация политико-территориального пространства предоставляет эту субъектность региону. А. Володин отмечает, что субъект федерации имеет физическое, социальное и политическое измерения и его субъектность выстраивается «по поводу и вокруг тех или иных целей или функций регионального сообщества как целого» (Володин, 2012, с. 123).

А.В. Дахин отмечает, что понятие «политический регион» указывает на территориально выделенную область политического пространства, граница которого сопрягает внутреннее и внешнее поля его активности, а сам регион является субъектом политической деятельности и может претендовать на больший или меньший суверенитет (Дахин, 2016, с. 138).

Такие рассуждения позволяют надеяться на изменение ракурса рассмотрения региона — привлечение к субъектам федерации внимания не только с позиции оценивания региональных политических

режимов и элит, но и с точки реализации основ федерализма и системного подхода к субъекту РФ как системе среднего уровня, естественно зависящую от внешних факторов, но одновременно и обладающую способностью принимать решения, необходимые и оптимальные для регионального развития и регионального сообщества.

Доктор политических наук профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского Н.И. Шестов предлагает дистанцироваться от преимущественно пространственно-географического и административно-территориального рассмотрения региона как объекта исследования и сосредоточить внимание на субъектности. Субъектность как у человека, так у социума есть тогда, когда есть возможность самоопределяться по отношению к окружающему миру и организовывать его «под себя». Для субъектности необходима способность влиять на устойчивость либо неустойчивость происходящих вокруг процессов и формировать собственную оригинальную стратегию и тактику жизненного поведения (Вилков, Шестов, 2014, с. 188).

Таким образом, субъектность подразумевает способность самостоятельных действий. Политическая субъектность напрямую связана с влиянием на политический процесс. Политическая субъектность регионов в рамках федеративного государства зависит от условий разграничения полномочий между федеральным Центром и субъектами.

Мы предлагаем следующим образом операционализировать понятие «субъектность» в рамках исследуемой проблематики.

Политическая субъектность региональных социумов — способность социума влиять на устойчивость либо неустойчивость протекания обозначенных процессов в контексте общего состояния российского политического процесса.

Политическая субъектность региона (субъекта федерации) — способность и возможность политико-территориального образования (в лице органов власти регионального уровня) принимать решения в рамках существующих полномочий (брать на себя ответственность). При этом решения должны соответствовать принципам целесообразности и оптимальности.

Политическая субъектность российских регионов в условиях пандемии — это возможность принимать решения в отношении ограничительных мер в рамках политико-территориального пространства субъекта РФ в соответствии с имеющимися угрозами пандемии (в том числе показателями заболеваемости населения и их динамикой).

Отправной точкой изменения (а как некоторые эксперты отмечают, роста) политической субъектности регионов стало обращение

Президента РФ к гражданам России от 02.04.2020 (Обращение к гражданам России, 02.04.2020) и соответствующий Указ (О мерах по обеспечению..., 02.04.2020), из текста которых следует, что субъектам Российской Федерации была предоставлена возможность самостоятельно определять как уровень опасности, так и комплекс мер по профилактике и борьбе с коронавирусной инфекцией. Из текста обращения Президента РФ также следовало, что субъекты и главы субъектов РФ должны самостоятельно определить конкретный набор профилактических мер, оптимальных именно для их территорий с точки зрения обеспечения как здоровья, безопасности людей, так и устойчивости экономики и ключевой инфраструктуры. Подчеркивалась оптимальность принимаемых мер.

Сам факт предоставления такого рода полномочий в российской научной и экспертной среде получил кардинально противоположные оценки — от положительных до резко негативных.

Владимир Климанов, директор Центра региональной политики РАНХиГС, назвал этот процесс «вынужденной или чрезвычайной федерализацией», которая, с одной стороны, сопровождается «выдачей субъектам дополнительных полномочий по управлению сложившейся ситуацией» (что оценивается в положительном ракурсе в условиях пандемии), с другой — он отмечает наметившееся противостояние между Центром и субъектами и волновое (скачкообразное) принятие решений об ограничительных мерах по стране. В. Климанов высказывает опасения относительно чрезмерного увеличения полномочий регионов. «Вопрос в том, до какой степени могло дойти увеличение полномочий регионов в случае с коронавирусом и необходимостью принятия антикризисных мер. Я вспоминал, были ли случаи после сентября 1998 года, когда возникали межрегиональные барьеры, границы, — и не вспомнил. Сейчас мы столкнулись с ограничениями свободного передвижения между регионами» (Климанов, 2020).

Валерий Коровин, директор Центра геополитических экспертиз, член Общественной палаты РФ, оценивает политическое усиление регионов негативно, по его мнению, оно грозит развалом страны (Коровин, 2020).

Дмитрий Журавлев, генеральный директор Института региональных проблем, также подчеркивает вынужденность передачи субъектам полномочий по антиковидным мерам, но рассматривает эту меру как правильную. Более того, он указывает на невозможность осуществлять эффективное управление этим процессом из Москвы. Сложившуюся ситуацию он идентифицирует как «последствие сложившейся россий-

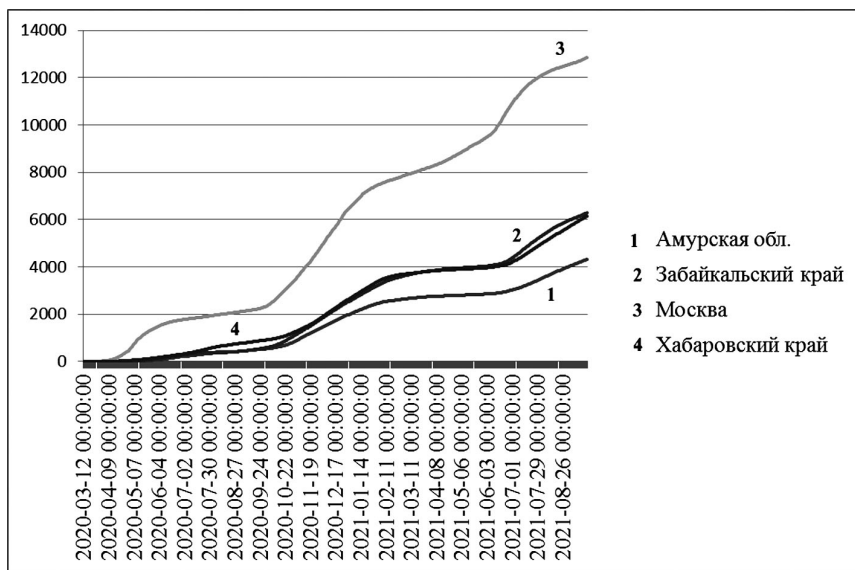

Рис. 1. Общее число заболевших на 100 000 человек

Диаграмма составлена с помощью Yandex DataLens.

ской системы управления, где окончательные решения всегда принимает Москва» (Пандемия привела к...). При этом при передаче полномочий тренд централизованного управления естественно сохраняется.

М.В. Глигич-Золотарева, кандидат юридических наук, сотрудник Аналитического управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, отмечает, что тренд усиления регионов в эпоху коронавируса важен для федеративных государств (Глигич-Золотарева, 2020, с. 145 — 168).

Для выявления трендов реализации политической субъектности и подтверждения (опровержения) гипотезы об инерционности действий региональных органов власти и повторении общероссийского (московского) сценария ограничительных мер рассмотрены первичные данные по четырем субъектам Российской Федерации — Москва и три субъекта в составе ДвФО (Забайкальский край, Амурская область, Хабаровский край) с начала пандемии и до августа 2021 г.

В качестве объективного показателя для сравнения данных по распространению коронавирусной инфекции в указанных субъектах выбран показатель — общее число заболевших на 100 000 жителей (рис. 1).

Раздел 3. Политические эффекты цифровизации

Этот показатель — общее число заражений на 100 тыс. жителей — был соотнесен с принимаемыми органами власти рассматриваемых субъектов РФ ограничительными мерами (мерами по предотвращению распространения коронавирусной инфекции) (табл. 1–3).

Таблица 1

Соотнесение показателя «Количество заболевших на 100 тыс. жителей» с ограничительными мерами в Москве

Дата	Мера	Показатель — общее число заболевших на 100 000 чел.
05.03.2020	Режим повышенной готовности	—
10.03.2020	Запрет массовых мероприятий	0,17 (на 12.03)
21.03.2020	Закрытие школ	1,09
26.03.2020	Начало самоизоляции для пожилых и лиц с хроническими заболеваниями	4,37
28.03.2020	Закрытие магазинов, ресторанов, сферы услуг	6,53
30.03.2020	Начало всеобщей самоизоляции	9,80
13.04.2020	Приостановление деятельности большинства организаций	92,06
16.04.2020	Введение пропускного режима	129,10

Таблица 2

Соотнесение показателя «Количество заболевших на 100 тыс. жителей» с ограничительными мерами в Забайкальском крае

Дата	Мера	Показатель — общее число заболевших на 100 000 чел.
19.03.2020	Режим повышенной готовности	0,09 (1 человек)
31.03.2020	Режим всеобщей самоизоляции	0,09
14.04.2020	Рейды по выявлению нарушителей режима самоизоляции	1,30
02.05.2020	Введение системы цифровых пропусков	14,44

При соотнесении показателя «Количество заболевших на 100 тыс. жителей» с принимаемыми на уровне субъектов РФ антиковидными

мерами мы ограничили хронологические рамки начальным периодом пандемии (период «первой волны») — считаем, что он является наиболее показательным для первоначальной оценки проявления субъектности в силу его непосредственной близости к моменту наделения глав регионов дополнительными полномочиями.

По каждому из рассматриваемых регионов данные соотнесены и синхронизированы.

Таблица 3

Соотнесение показателя «Количество заболевших на 100 тыс. жителей» с ограничительными мерами в Амурской области

Дата	Мера	Показатель — общее число заболевших на 100 000 чел.
23.01.2021	Режим повышенной готовности	
23.03.2021	Приостановлены массовые, публичные мероприятия численностью более 50 человек	0
27.03.2021	Дополнительные ограничения, самоизоляция граждан старше 65 лет, граждан с хроническими заболеваниями (режим всеобщей самоизоляции)	0

Таблица 4

Соотнесение показателя «Количество заболевших на 100 тыс. жителей» с ограничительными мерами в Хабаровском крае

Дата	Мера	Показатель — общее число заболевших на 100 000 чел.
13.02.2021	Режим повышенной готовности	
26.03.2021	Режим всеобщей самоизоляции	0,38
07.04.2021	Смягчение ограничительных мер, исключение из списка приостановивших деятельность некоторых типов организаций с обязательным соблюдением данными организациями условий социального дистанцирования, санитарных норм и проведением дезинфекционных мероприятий	1,2

Раздел 3. Политические эффекты цифровизации

Анализ представленных данных позволил нам сделать следующие выводы.

1. Во всех рассматриваемых субъектах Российской Федерации режим повышенной готовности был введен при минимальном количестве заболевших (или их отсутствии).

2. Показательными с точки зрения оценки политической субъектности являются временные характеристики вводимых ограничений, а именно длительность временного промежутка от введения режима повышенной готовности до начала всеобщей самоизоляции. Практически идентичным по продолжительности является данный период в Москве и Хабаровском крае (6 недель). В Амурской области не вводился режим всеобщей самоизоляции, только ограничительные меры (не были связаны с распространением заболевания среди жителей области, в большей степени объяснялись близостью китайской границы). В Забайкальском крае этот управленческий процесс свершился за более сжатый промежуток времени (13 дней, почти 2 недели).

3. Данные о количестве заболевших (на 100 тыс. чел.) на момент введения основных ограничительных мер позволяют сделать выводы об отсутствии реальных оснований в субъектах ДвФО для введения всеобщей самоизоляции (табл. 5).

Таблица 5

Количество заболевших на 100 тыс. чел. на момент введения всеобщей самоизоляции в субъектах РФ

Субъект РФ	Дата введения основных ограничительных мер	Показатель — общее число заболевших на 100 000 чел.
Москва	30.03.2020	9,8
Забайкальский край	31.03.2020	0,09
Амурская область	27.03.2020	0
Хабаровский край	26.03.2020	0,38

Представленные данные свидетельствуют о том, что решения, связанные с введением всеобщей самоизоляции в Забайкальском крае, Амурской области и Хабаровском крае, не обусловлены количеством заболевших коронавирусной инфекцией на территории регионов.

4. Из рассмотренных субъектов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, возможностью реализовывать самостоятельные решения и тем самым проявлять свою политическую субъектность воспользовался только Хабаровский край. Самостоя-

тельность нашла отражение в снятии ряда ограничительных мер для некоторого типа организаций через 12 дней после введения всеобщей самоизоляции (что нашло отражение в постановлении Правительства Хабаровского края от 7 апреля 2020 г. № 136-пр «О внесении изменений в постановление Правительства Хабаровского края от 26 марта 2020 г. № 97-пр “О мероприятиях по предупреждению и распространению новой коронавирусной инфекции на территории Хабаровского края”»).

В целом представленные данные подтверждают инерционность действий органов региональной власти и практически слепое следование «московскому сценарию». Независимо от количества заболевших губернаторы принимали решения, аналогичные московскому опыту.

В принимаемых решениях присутствует эффект волнообразности — когда в некоторых регионах постепенно, а в некоторых практически сразу — принимались ожидаемые со стороны федерального Центра ограничительные меры (меры, аналогичные тем регионам, где показатели заболеваемости и концентрация населения значительно выше).

На основании выводов экспертов и исследований и анализа опыта реализации предоставленных субъектам РФ полномочий отметим, что возможности роста политической субъектности регионов оказались в большинстве случаев нереализованными. При этом возможность изменения политической субъектности регионов оказалась зажатой между предоставленными полномочиями и традиционным механизмом принятия решений «с оглядкой на Центр». Условия пандемии способствовали включению в политический дискурс вопросов о политической субъектности регионов и обсуждения проблемы возможной децентрализации.

Список литературы

Вилков А.А., Шестов Н.И. Политическая субъектность региональных социумов и элит // *Власть*. 2014. № 6. С. 186–191.

Володин А. О. политической субъектности регионов РФ // *Власть*. 2012. № 6. С. 121–124.

Вызов Трампу: из-за коронавируса в США начался «парад суверенитетов» [Электронный ресурс] // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20200415/1570042472.html> (дата обращения: 19.10.2021).

Глигич-Золотарева М., Лукьянова Н. Эффективность федеративного государства в условиях пандемии коронавируса // *Федерализм*. 2020. Т. 25. № 3 (99). С. 145–168.

Дахин А.В. Политическая регионалистика в России: на пути к устойчивой научной полноте // Политическая наука. 2016. № 2. С. 132–163.

Климанов В. Регионы после пандемии: извлеченные уроки. 26.06.2020 [Электронный ресурс] // Региональные комментарии. URL: <https://regcomment.ru/analytics/regiony-posle-pandemii-izvlechennye-uroki/> (дата обращения: 23.08.2021).

Коровин В. Политическое усиление регионов грозит развалом России [Электронный ресурс] // Завтра. URL: <https://zavtra.ru/blogs/politicheskoe-usilenie-regionov-grozit-razvalom-rossii> (дата обращения: 23.08.2021).

«О внесении изменений в постановление Правительства Хабаровского края от 26 марта 2020 г. № 97-пр “О мероприятиях по предупреждению и распространению новой коронавирусной инфекции на территории Хабаровского края”». Постановление Правительства Хабаровского края от 7 апреля 2020 г. № 136-пр. [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/04/08/habarovsk-post136-reg-dok.html> (дата обращения: 10.09.2021).

«О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025> (дата обращения: 10.09.2021).

Обращение к гражданам России. 02.04.2020 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63133> (дата обращения: 10.09.2021).

Пандемия привела к изменению отношений Центра и регионов [Электронный ресурс] // Экономика сегодня. URL: <https://rueconomics.ru/478996-pandemiya-privela-k-izmeneniyu-otnoshenii-centra-i-regionov-rossii> (дата обращения: 23.08.2021).

Хван И.С. Государственное регулирование развития Дальнего Востока: современные подходы: Монография. Хабаровск: Дальневосточный институт управления — филиал РАНХиГС, 2019. — 164 с.

Federalism in the Time of Coronavirus: A Comparative US Advantage. Despite poor performance at the national level, state and local authorities in the United States have performed admirably. By Caroline Chang, Scott Moore, and Ali Wyne. May 29, 2020. // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/federalism-in-the-time-of-coronavirus-a-comparative-us-advantage/> (accessed: 10.09.2021).

Kincaid J. 2002. Introduction. In Handbook of Federal Countries, ed. Ann L. Griffiths. Montreal and Kingston: McGill-Queen’s University Press. P. 3–13.

Watts R. From Federalism Today, the background paper written for the International Conference on Federalism 2002, Saint Gallen, Switzerland, August 2002 [Электронный ресурс] // Forum of Federation. URL: <http://www.forumfed.org/federalism/introduction-to-federalism/> (accessed: 23.08.2021).

С.С. Морозова
СПбГУ, Санкт-Петербург

Электронное правительство в условиях цифровых трансформаций: проблемы функционирования и перспективы развития*

Новые глобальные вызовы и риски, включая пандемию COVID-19, актуализировали задачу развития цифровых технологий во всех сферах жизни общества. Спектр вопросов, обсуждаемых и освещаемых по данной теме в научной литературе, достаточно широк: от формирования цифровой культуры (Моравчикова, 2018; Захаров и др., 2020; Набок, 2021), развития цифрового образования (Перминова, 2020; Яхонтова, 2020) до трансформации цифровой экономики и бизнеса (Зайченко и др., 2020; Белова, 2021), модернизации системы государственного управления (Зиядин и др., 2020; Щур и др., 2019).

Во многих регионах России за последние годы были инициированы масштабные цифровые трансформации. Так, в Санкт-Петербурге, согласно реализуемой стратегии, к 2024 году будет осуществлено внедрение новейших технологий (искусственный интеллект, робототехника, *big data*, промышленный интеллект и др.) в 11 отраслей: образование, городская среда, государственное управление, культура, строительство, физкультура и спорт, здравоохранение, транспорт и логистика, социальная сфера, туризм, промышленность.

В сфере государственного управления запланированы значительные преобразования, обусловленные необходимостью быстрого принятия решений в условиях неопределенности и высокой скорости изменений. На сегодняшний день существует запрос общества на персонализированные, качественные, оперативные и дистанционные услуги. В данном ключе особое значение приобретает электронное правительство (ЭП).

* Статья написана в рамках исследования, выполненного при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (Конкурс — МК-2021) (проект № МК-3016.2021.2 «Формирование динамической модели оптимизации электронного правительства в Российской Федерации в условиях новых вызовов и рисков»).

Раздел 3. Политические эффекты цифровизации

Согласно исследованию ООН за 2020 год о развитии электронных правительств в мире¹, основными задачами ЭП являются предоставление доступных, надежных, быстрых, персонализированных, безопасных и инклюзивных услуг, а также расширение прав и возможностей граждан с помощью открытых и основанных на широком участии механизмов.

В качестве основной методологии исследования выступает компаративистский подход, который позволит провести сравнительный анализ международных проектов цифровизации в сфере государственного управления, а также выявить отличительные особенности модернизации и проблемы развития электронных правительств в мире.

Для качественного внедрения новых технологий необходимо глубокое преобразование структур и стратегий развития государства, формирование новой культурной и образовательной среды. В уже упомянутом исследовании ООН сформулированы девять ключевых компонентов перехода правительства на цифровые технологии (табл. 1)

Таблица 1

Основные составляющие цифровых преобразований правительства

Сфера преобразования	Мера
Лидерство, мировоззрение	Укрепление трансформационного лидерства, изменение мировоззрения и цифровых возможностей на индивидуальном уровне
Институциональная и нормативная база	Создание комплексной институциональной экосистемы на основе всеобъемлющей (полной) нормативно-правовой базы
Организационная структура и культура	Трансформация организационной структуры и культуры
Системное мышление и интеграция	Содействие системному мышлению и разработке комплексных подходов к предоставлению услуг
Управление данными	Обеспечение стратегического и профессионального управления данными, с целью разработки политики на основе данных и доступа к информации посредством открытых государственных данных

¹ 2020 United Nations E-Government Survey [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/publication/2020-united-nations-e-government-survey> (accessed: 20.09.2021).

Окончание табл. 1

Сфера преобразования	Мера
ИКТ	Развитие инфраструктуры ИКТ, доступности и общедоступности технологий
Ресурсы	Мобилизация ресурсов и согласование приоритетов, планов и бюджетов, в том числе на базе коллабораций между государственным и частным секторами
Потенциал разработчиков мощностей	Укрепление потенциала школ государственного управления и других учреждений
Общественный потенциал	Инклюзивное развитие и преодоление цифрового разрыва

Источник: 2020 United Nations E-Government Survey [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/publication/2020-united-nations-e-government-survey> (accessed: 20.09.2021).

На сегодняшний день лидерами в развитии ЭП являются Дания, Республика Корея и Эстония. В топ-10 стран также вошли Финляндия, Австралия, Швеция, Великобритания, Новая Зеландия, США и Нидерланды¹. Основными критериями оценивания стали адекватность телекоммуникационной инфраструктуры, человеческий потенциал использования ИКТ, доступность онлайн-услуг и контента.

Согласно результатам исследования ООН, в мире наблюдается значительный прогресс в использовании цифровых технологий в государственном управлении. Ряд стран имплементируют усовершенствованные подходы цифровой трансформации, ориентированные на широкое использование данных и повышение уровня электронного участия граждан. Пандемия COVID-19 способствовала оптимизации процессов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде. Более того, пандемия выступила триггером развития цифровизации, вызвав всплеск инициатив, основанных на цифровых решениях и межотраслевых коллаборациях. В табл. 2 выборочно представлена международная практика технологических решений, разработанных преимущественно правительствами в условиях пандемии COVID-19.

¹ 2020 United Nations E-Government Survey [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/publication/2020-united-nations-e-government-survey> (accessed: 20.09.2021).

Цифровые инициативы, направленные на борьбу с пандемией и ее последствиями

Страна	Описание проекта
Аргентина	<i>Civic Space Guardian (CSG) COVID-19</i> — инициатива <i>Directorio Legislativo (CSO)</i> , разработанная с целью мониторинга положений и нормативов, применяемых в области здравоохранения и оказывающих влияние на гражданское пространство в Латинской Америке и Карибском бассейне. Речь идет об этической составляющей ограничений COVID-19. Инициатива направлена на защиту права на доступ к информации, гражданского участия и свободы выражения мнений. http://directorio.cloud/csg/
Австралия	Централизованный источник информации о COVID-19 в Новом Южном Уэльсе, функционирующий на основе использования открытых данных для обеспечения прозрачности, укрепления доверия со стороны населения и содействия эффективному реагированию в условиях кризиса. nsw.gov.au
Бразилия	Открытый доступ к федеральным расходам на портале «прозрачности» Бразилии. Пользователи могут ежедневно проверять бюджет и исполнение расходов федерального правительства, направленных на борьбу с COVID-19. http://www.portaltransparencia.gov.br/programas-e-acoes/acao/21C0-enfrentamento-da-emergencia-de-saude-publica-de-importancia-internacional-decorrente-do-coronavirus
Канада	Баннер на основной странице портала Открытого правительства Канады, перенаправляющий граждан на веб-страницу специализированного Канадского центра по вопросам COVID-19. https://www.canada.ca/en/public-health/services/diseases/2019-novel-coronavirus-infection.html
Китай	Новостная платформа открытых данных, запущенная по инициативе центрального и местного правительств. Чат-бот устраняет дезинформацию, обновляет новости в режиме реального времени и предоставляет научные материалы о вирусах COVID-19 и SARS-COV-2. Запускается и управляется поставщиком цифровых услуг DXY. https://ncov.dxy.cn/ncovh5/view/en_pneumonia
Хорватия	Приложение <i>Andrija</i> — цифровой помощник и онлайн-инструмент самооценки здоровья. «Виртуальный доктор», функционирующий на базе искусственного интеллекта, был разработан хорватскими ИТ-компаниями в сотрудничестве с эпидемиологами. https://andrija.ai

Продолжение табл. 2

Страна	Описание проекта
Эстония	<i>Järva Vald</i> — приложение для взаимодействия с общественностью с целью информирования граждан о действиях, рекомендациях и правилах на национальном и местном уровнях по предотвращению и прекращению распространения коронавирусной инфекции в Эстонии. Данное приложение позволяет не только организовывать виртуальные мероприятия, публиковать вопросы, отзывы, RSS-рассылку, контент социальных сетей, но и моментально отправлять информационные <i>push</i> -уведомления на мобильные устройства пользователей. https://play.google.com/store/apps/details?id=pro.theboard.jarva
Германия	Виртуальный хакатон COVID-19, официально поддерживаемый федеральным правительством и гражданским обществом. https://wirsvirushackathon.org/
Франция	Платформа для выявления общественного мнения относительно пандемии COVID-19 и ее последствий, инициированная более 60 сенаторами парламента в апреле 2020 года. Вопросы распределены по таким тематическим блокам, как здоровье, работа, потребление, солидарность, образование, цифровой мир и демократия, будущее страны и местные инициативы и др. https://lejourdapres.parlement-ouvert.fr/
Норвегия	Специализированный портал о COVID-19. Веб-сайт включает три раздела: национальные меры, вопросы и ответы, семья и дети. На веб-сайте также функционирует вкладка «Что сейчас актуально?», позволяющая наблюдать за трансляциями пресс-конференций. https://www.regjeringen.no/no/tema/koronavirus/id2692388/
Филиппины	Карта маршрутов <i>DOTr</i> , разработанная Департаментом транспорта (<i>DOTr</i>) совместно с <i>Google</i> с целью оказания помощи медицинским работникам и персоналу больниц в поиске оптимальных маршрутов, по которым они могут добраться до соответствующих медицинских учреждений. Департамент также публикует актуальные выпуски, новости, меморандумы, касающиеся мер реагирования на COVID-19. https://www.google.com/maps/d/u/0/viewer?fbclid=IwAR3C-6lpQ09rtE6cx60z7J63z-iNnrxJLeEzEj1jV9nwGzpiV44xKLRqZUk&mid=1gryKdZmJDKVD6ueNfs_qjYuJ3c8tJy2A&ll=14.527758399682092%2C121.00459380000007&z=10
Португалия	Проект <i>EstamosON</i> , что означает «Мы ВКЛЮЧЕНЫ». Проект был создан правительством и состоит из веб-сайта, приложения и кампании в СМИ, консолидирующей информацию о действиях правительства в отношении COVID-19: правила, регулирующие чрезвычайное положение; государственная поддержка компаний; инициативы гражданского общества; руководства для удаленной работы; эпидемиологическая обстановка с возможностью графической визуализации и др. https://covid19estamoson.gov.pt

Раздел 3. Политические эффекты цифровизации

Окончание табл. 2

Страна	Описание проекта
Сингапур	<i>TraceTogether</i> — первое в мире мобильное приложение, позволяющее отслеживать социальные контакты. Приложение было разработано правительством с целью поддержки общенациональных усилий в борьбе с COVID-19. Его имплементация способствовала разработке аналогичных приложений в других странах. https://www.tracetogether.gov.sg/
Испания	Сеть «среди всех» — « <i>Guztion Artean</i> », созданная при содействии правительства Басков для распространения волонтерской деятельности. Данная сеть направлена на поддержку организованной солидарности гражданам уязвимых групп, находящихся на самоизоляции. https://www.euskadi.eus/ante-la-crisis-del-coronavirus-ante-la-crisis-del-coronavirus-guztion-artean-red-de-solidaridad-organizada/web01-a2korona/es/
Великобритания	Камеры, датчики и алгоритмы искусственного интеллекта, измеряющие расстояние между пешеходами с целью контроля над соблюдением социальной дистанции. Изначально были предназначены для управления дорожным движением
США	«Pandemic action network» сеть «совместных действий», направленных на борьбу с COVID-19. Инициировали создание сети крупные всемирно известные организации, такие как Фонд ООН, Фонд CDC, Фонд Мура, Фонд Гейтса, <i>Global Citizen</i> , <i>J&J</i> и многие другие. https://pandemicactionnetwork.org
США	«COVID-19: A Frontline Guide for Local Decision Makers» — руководство для лиц, принимающих решения на местном уровне. Было подготовлено экспертами в вопросах пандемии из ведущих университетов США (Джорджтаунский университет, Университет Джона Хопкинса, Йельский университета, Гарвард и др.). Данное руководство направлено на расширение информирования о рисках и кризисах, устранение дезинформации, активизацию гражданского участия, а также ограничение медицинских, экономических и социальных последствий. https://covid-local.org

Источник: Индивидуальная работа автора; Collecting Open Government Approaches to COVID-19 (Open Government Partnership) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.opengovpartnership.org/collecting-open-government-approaches-to-covid-19/#examples>.

Проведенное исследование позволило выявить несколько тенденций в области развития цифровых технологий, направленных на борьбу с новыми глобальными вызовами.

1. Правительства во всем мире внедрили специализированные порталы открытых данных или разделы на интернет-сайтах ЭП, посвя-

щенные вопросам COVID-19. Ряд правительств запустили приложения для смартфонов, как информационно-новостные, так и интерактивные и навигационные. Основными целями при создании подобных инициатив послужили обеспечение информационной открытости и прозрачности деятельности властей в период пандемии, повышение уровня гражданского участия, оперативное реагирование на чрезвычайные ситуации.

2. Возросло значение межуровневых и межотраслевых коллабораций, кроссрегионального и трансграничного сотрудничества. Особую значимость в данном контексте приобретает кооперация органов государственной власти, бизнеса, гражданского общества, научных школ и технологических компаний с целью осуществления совместных действий, направленных на борьбу с новыми глобальными вызовами и рисками. Практика обмена успешными кейсами эффективных цифровых решений также вышла на новый уровень реализации: инициативы стали носить более масштабный и централизованный характер.

3. Внедрение ограничительных мер в условиях пандемии актуализировало этический вопрос процесса цифровизации: инновационные технологии, с одной стороны, создают значительный потенциал для улучшения качества жизни граждан, с другой стороны, способствуют сокращению объема личной свободы и усилению цифрового контроля. В данном ключе ряд стран инициировали разработку институциональной среды, основанной на новой «цифровой» этике и принципе самоограничения внедрения технологий в личное пространство.

По мере цифрового развития правительства сталкиваются и с другими проблемами: кибербезопасности и конфиденциальности данных, цифрового неравенства, отсутствия адекватной цифровой инфраструктуры, ограниченности ресурсов для реализации масштабных цифровых инициатив и др. С целью оперативного реагирования на возникающие проблемы правительства разрабатывают стратегии цифровой модернизации и трансформации.

Анализ актуальных стратегических инициатив стран-лидеров рейтинга ООН в развитии электронного правительства позволил выявить следующие тренды в области цифровизации ЭП:

- Компьютерная грамотность и информационная культура государственных служащих и населения (Дания, Швеция)
- Повсеместная цифровизация (Эстония)
- Электронный гражданин (Эстония, Швеция)
- Этичный способ цифровизации (Финляндия)
- Безопасность (Финляндия, Швеция, Корея, Великобритания)

- Централизованный многоканальный портал ЭП (Великобритания, Финляндия, Нидерланды)
- Цифровые инновации (Швеция, Китай, Великобритания, Нидерланды)
- Научные коллаборации (Корея, Япония)
- Прочная правовая база (Великобритания, Нидерланды, Япония)
- Межгосударственное сотрудничество (Норвегия, Дания, Исландия, Финляндия и Швеция)
- Межведомственное сотрудничество (Нидерланды, Исландия, Сингапур)
- Инвестиционные стратегии (Австралия, Япония)
- Инклюзивное цифровое правительство (Корея)
- Юзабилити-подход (Китай)

Таким образом, развитая инфраструктура, динамичная отрасль информационных технологий, богатый научно-технический потенциал, прочная законодательная база, привлечение дополнительных инвестиций и укрепление различных форм сотрудничества способствовали динамичному развитию электронного правительства среди стран-лидеров рейтинга ООН.

В заключение необходимо в очередной раз подчеркнуть значение фундаментальной цифровой перестройки всех государственных процессов, смены научной и образовательной парадигм для прорывного развития электронного правительства в Российской Федерации. Не менее важным условием является аккумуляция и имплементация успешных практик цифровых трансформаций.

Список литературы

Белова Л.Г. Шеринговая экономика: бизнес-модель цифровой экономики в период COVID-19 // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 5. С. 87–94.

Зайченко И.М., Горшечникова П.Д., Левина А.И., Дубгорн А.С. Цифровая трансформация бизнеса: подходы и определение [Электронный ресурс] // Экономика и экологический менеджмент. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-biznesa-podhody-i-opredelenie> (дата обращения: 18.10.2021).

Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В. Цифровая культура — исторический этап развития информационной культуры общества // Вестн. ун-та. 2020. № 5. С. 200–205.

Набок О.А. Цифровая культура. Механизмы формирования цифровой культуры // Digital. 2021. № 1. С. 30–39.

Перминова Л.М. Цифровое образование: ожидания, возможности, риски // Педагогика. 2020. № 3. С. 28–37.

Щур А.Л., Федоров А.М., Датьев И.О. Цифровизация в государственном и муниципальном управлении: мировой опыт, проблемы и перспективы использования онлайн-социальных сетей // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. № 9. С. 158–171.

Яхонтова М.В., Арутюнян С.А. Цифровое образование в контексте развития цифровой экономики: технологические возможности и перспективы // Теоретико-методологические и прикладные проблемы о человеке и обществе в условиях цифровой трансформации жизни: Материалы Международной научно-исследовательской конференции. 2020. С. 85–88.

2020 United Nations E-Government Survey [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/publication/2020-united-nations-e-government-survey> (accessed: 20.09.2021).

Collecting Open Government Approaches to COVID-19 (Open Government Partnership) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.opengovpartnership.org/collecting-open-government-approaches-to-covid-19/#examples>.

Moravcikova V. Digital culture and issues of production and reception of digital media // Proceedings of the 15th Annual International Scientific Conference on Marketing Identity — Digital Mirrors. 2018. P. 420–429.

Ziyadin S., Malayev K., Fernández-Plazaola I., Ismail G., & Beyzhanov, A. Digital modernization of the system of public administration: prerogatives and barriers. E3S Web of Conferences 159 (05003). (2020). URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202015905003> (accessed: 18.10.2021).

К.А. Неверов

СПбГУ, Санкт-Петербург

Цифровые платформы на основе открытых данных: рекурсивное понимание цифровой управляемости*

Одним из проявлений тренда цифровизации государственного управления в настоящий момент является концепция и практика «правительство как платформа». В основе концепции лежит допущение, согласно которому одним из путей решения проблем общественно значимого характера является передача баз данных и приложений сов-

* Статья подготовлена в рамках исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: институциональные основания цифровой государственной управляемости»).

местного использования от правительства представителям гражданского общества и бизнеса. На этой базе акторы разрабатывают собственные сервисы, что снижает издержки, повышает время предоставления услуг и позволяет привлекать конечных пользователей — граждан (El Barómetro..., 2020).

Ценности и установки, которые исповедуют создатели платформы, во многом определяют ее дизайн: это может быть как концентрация на предоставлении услуг с доминированием государства, так и фокус на вовлечение граждан в процесс принятия решений и разработку политики (*citizen-centric*). Потребности гражданина, его интересы и видение публичной политики находятся в фокусе подхода, ориентированного на граждан. Партнерский статус граждан и бизнеса крайне важен при данном подходе: государство всячески стремится наладить прочную коммуникацию с другими акторами, последние рассматриваются не как пассивные объекты управляющего воздействия, с которыми осуществляется диалог в вертикальной проекции «начальник—подчиненный». Цифровая трансформация не столько чисто технически, сколько экологически меняет характер государственного управления — взаимодействие между государством и гражданами изменяется под воздействием технологии: если технология по своей сути коллаборативна, то и взаимодействие между акторами (государство—граждане—бизнес) будет носить коллаборативный характер (или будет эффективнее именно при кооперативно-коллаборативной модели взаимодействия, тогда как, к примеру, директивное управление будет менее эффективно). Глубинные принципы технологии *Web 3.0* поощряют участие, таким образом определяя и коллаборативный характер построенного на их основе концепта «правительство как платформа». Открытые данные, так же как и сам принцип открытости, можно рассматривать как способствующие коллаборации инструменты.

В развивающихся странах актуальность внедрения цифровой государственной платформы на основе участия обусловлена задачей включения широких общественных групп, исключенных из процесса принятия решений, а также ограниченных в возможности эффективно получать государственные услуги. Ставка на политику инклюзивности позволяет политически социализировать исключенных, включая представителей групп, составляющих основу общественной пирамиды.

Применяемая здесь в качестве методологической рамки концепция рекурсивности в основе своей содержит рекурсию, которая представляет собой принцип самовоспроизведения, усложнения системы (Зайченко, 2014, с. 10), алгоритмически состоящая в производстве системы посред-

ством нее самой, когда результат предшествующей итерации становится началом нового цикла воспроизводства (Елхова, 2014, с. 212).

В контексте проблемы цифровых платформ, основанных на открытых данных, рекурсивность полезна для понимания цифровых платформ как техносциальных систем, которые непрогнозируемо разрастаются, при этом динамика которых не поддается описанию иными, традиционными средствами моделирования.

Открытая информация также попадает в круговорот рекурсии, так как служит основой для производства новых, более сложных данных, при этом последние также со временем попадают в категорию открытых.

Контекст, в котором происходит трансформация государственной политики в странах Латинской Америки, характеризуется относительно высоким уровнем демократизации и интернетизации среди растущих рынков. Латинская Америка — регион мира с самым высоким уровнем демократизации среди развивающихся рынков (The Economist Intelligence..., 2019, с. 33). Уругвай занимает 15-е место в рейтинге The Economist Democracy Index 2019, Чили — 21-е, Аргентина — 48-е, Бразилия — 52-е, Боливия — 104-е, Венесуэла — 140-е (Democracy Index 2019. A year..., 2019). В рейтинге развития электронного правительства ООН EGDI-2019 Уругвай занимает 26-ю позицию, Чили находится на 34-м месте, Аргентина занимает 32-е место, Бразилия — 54-е, Боливия — 97-е, Венесуэла — 118-е место (E-Government Survey..., 2020).

Если рассматривать страны Латинской Америки в качестве показательного примера региона, в котором как происходят процессы развития и укрепления применения открытых данных при построении цифрового правительства, так и встречаются случаи заметного отставания в развитии инициатив, основанных на открытых данных, то можно выделить следующие группы стран. По данным проводящегося под эгидой Latinoамериканской инициативы открытых данных (*La Iniciativa Latinoamericana por los Datos Abiertos, ILDA*) Регионального барометра открытых данных 2020 года для Латинской Америки и Карибского бассейна (*edición regional del Barómetro de Datos Abiertos 2020 en América Latina y el Caribe*), из исследованных 24 стран ведущими странами региона, использующими открытые данные, являются Уругвай, Аргентина и Колумбия, тогда как в тройку «отстающих» входят Белиз, Гаити и Никарагуа (El Barómetro, 2020). За последние пять лет в регионе стали публиковать больше открытых данных: если в 2016 году доля открытых данных составляла 42,29%, то в 2020 году — 57,96 %.

ILDA дает правительствам стран региона рекомендации, которые можно рассматривать как наиболее существенные проблемы и препят-

ствия, стоящие на пути стран региона более глубокому и качественно-му внедрению открытых данных в процессы политического управления и развития экономики.

1. Правительства должны последовательно и неуклонно инвестировать в команды, которые направляют и внедряют политику открытых данных на всех правительственных уровнях — существует недофинансирование инициатив открытых данных, а также недостаток знаний и человеческого капитала, в особенности квалифицированных специалистов.

2. Правительствам следует учитывать различные аспекты производства и использования данных в государственном и частном секторах, включая нормативные аспекты, касающиеся конфиденциальности, использования данных для общего блага и новых технологий, уделяя особое внимание включению наиболее уязвимых людей в общество, — существует правовой вакуум и правовой нигилизм, особенно в части защиты персональных данных, а также проблема инклюзии исключенных по тем или иным признакам групп населения.

3. Правительства должны удвоить свои усилия по включению частного сектора и гражданского общества в экосистему открытых данных, чтобы продвигать повестку дня и обеспечивать более эффективное и более широкое использование данных для получения выгод для различных групп общества, — бизнес и гражданское общество слабо включены в управление на основе открытых данных, тогда как правительство должно поставить в качестве своей задачи включение этих акторов в процесс управления как партнеров.

4. Правительства должны повышать качество своих данных, уделяя особое внимание гендерным аспектам, а также другим соответствующим переменным таким образом, чтобы охватить всех людей в их обществах, — данные должны быть качественными и разнообразными, отражая жизнь представителей всех общественных групп (Cerei, 2021).

Стоит отметить также уровень развития системы государственного управления и исполнительной власти в регионе. Существенной проблемой для государственного управления в Латинской Америке является коррупция. Уровень коррупции также является существенной характеристикой политической системы (и политической культуры) стран региона и достаточно существенно варьируется. Цифровизация может снизить уровень коррупции, хотя возможны и сценарии, когда будут созданы новые возможности для коррупции (конкурсные процедуры, закупка техники, софта, создание выгодных условий для определенных поставщиков за откат и проч.). Отсутствие прямого контакта с чиновниками при получении услуг бизнесом и гражданами может выступить фактором, способным снизить уровень коррупции.

Регион находится в состоянии стагнации: большая часть правительств стран региона осознает необходимость использования открытых данных, в том числе и в государственном управлении, но в силу обозначенных выше проблем не может качественно и количественно продвинуться дальше по пути развития и внедрения открытых данных в практику государственного управления и администрирования, что мешает эффективно взаимодействовать с бизнесом и гражданским обществом.

В заключение стоит отметить высокий потенциал цифровых платформ, основанных на принципе открытости данных. Рекурсивная управляемость является свойством платформы как социотехнической системы, в которой техника и технология выступает как актер, оказывающий управляющее воздействие на взаимодействие людей, внедряясь в систему управленческой коммуникации как активная сторона, трансформирующая традиционную управляемость, а не в качестве сугубо передающего звена.

Список литературы

Eaves D., Pope R., McGuire B. Government as a Platform: How Policy Makers Should Think about the Foundations of Digital Public Infrastructure. Kennedy School Review. 2018–2019. URL: <https://ksr.hkspublications.org/2020/01/14/government-as-a-platform-how-policy-makers-should-think-about-the-foundations-of-digital-public-infrastructure/> (accessed: 15.06.2020).

Зайченко М.А. Специфика рекурсивного принципа в языке и в музыке // Балтийский гуманитарный журнал. Калининград. 2014. № 2. С. 10 — 12.

Елхова О. И. Фрактальность виртуальной реальности // Вестн. Башкирского ун-та. Философия, социология, культурология и политология. Уфа, 2014. Т. 19. № 1. С. 210 — 214.

El Barómetro de los Datos Abiertos América Latina y el Caribe 2020. URL: https://barometrolac.org/?_year=2020&indicator=ODB (accessed: 11.10.2021).

Cepei J.U. The State of open data in Latin America and the Caribbean. 2021, 6 March. URL: <https://cepei.org/en/documents/datos-abiertos-latam-caribe-2/> (accessed: 11.10.2021).

The Economist Intelligence Unit Democracy Index 2019. URL: <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2019.pdf&mode=wp&campaignid=democracyindex2019> (accessed: 16.01.2021).

Democracy Index 2019. A year of democratic setbacks and popular protest. URL: <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2019.pdf&mode=wp&campaignid=democracyindex2019> (accessed: 16.01.2021).

E-Government Survey 2020. Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. With addendum on COVID-19 Response. URL: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf) (accessed: 16.01.2021).

Эвристический потенциал стратегии Трампа в развитии политической коммуникации

Введение

Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 году, как и его поражение в 2020-м, стали сенсационными событиями и привлекли внимание специалистов по политическим коммуникациям. Трампу удалось грамотно применить электоральные технологии и выстроить необходимую коммуникацию с избирателем. Однако истинную глубину стратегии Трампа можно понять, только если рассматривать ее в связи с фундаментальными экономическими изменениями, которые происходят в сверхсовременном обществе. Практики политиков являются выражением экономических интересов тех групп, которые они в действительности представляют. Реальные действия политиков могут очень сильно отличаться от их деклараций. Здесь уместно обратиться к теории демократического элитизма Лассуэлла, который обосновал неизбежность феномена политической элиты как особого класса в условиях демократического общества. По очевидным причинам представители политической элиты склонны к сотрудничеству с представителями других типов элит — промышленной, медийной, научной. Это явление способствует разрыву между представителями политической элиты и представляемыми ими массами населения. Существование различного рода лобби является формализацией такого сотрудничества. Перечень основных социальных и политических проблем, которые волнуют население, существенно отличается от того, которым озабочены политические элиты. Вопросы неконтролируемой миграции рассматриваются населением как проблема, а политическими элитами как возможность использования дешевой рабочей силы. Вопросы экономического развития рассматриваются населением с позиции поддержания уровня занятости и заработных плат, в то время как экономические и политические элиты могут быть заинтересованы в переносе производства в страны третьего мира для максимизации прибыли.

Указанные обстоятельства способствуют формированию у населения ощущения отчуждения от политического процесса, политики представляются людьми далекими от жизни, их действия могут выз-

вать непонимание и раздражение. Описанный феномен отчуждения формирует электоральную базу для принципиально новой стратегии, опирающейся на нужды и представления населения, которая и будет рассмотрена в настоящем исследовании.

Методологические основы исследования

В оценке политической коммуникации мы отталкиваемся от анализа экономических интересов как основного вектора, задающего направление для всех видов политики. По этой причине главным вопросом представленного теоретического исследования является раскрытие сущности политической коммуникации с населением, выстроенной Д. Трампом, в контексте фундаментальных экономических изменений. Для поиска ответа на этот вопрос были использованы методы теоретического синтеза и реконструкции концепции. С точки зрения гносеологии методологической ориентацией представленного исследования является интерпретативизм. С точки зрения онтологии методологическими ориентациями исследования являются номинализм и конструктивизм. Теоретической основой исследования выступает авторская неомарксистская концепция неокапитализма. В данном исследовании мы отвергаем традиционный взгляд на популизм (Weyland, Madrid, 2019) как сиюминутный, поверхностный, не учитывающий роль фундаментальных социально-экономических изменений в формировании политической коммуникации.

Сверхновая экономика как фактор изменения в политике

Прежде всего необходимо рассмотреть фундаментальные экономические процессы, которые стали средой для реализации коммуникативной стратегии Трампа. Во многих исследованиях можно обнаружить идею о переориентации экономики со сферы производства на потребление. Концепция общества потребления существует уже более сотни лет, и в последние десятилетия она только развивается. Наилучшим образом эта идея выражена в работах Д.В. Иванова, создавшего концепции «глем-капитализма» и «альтер-капитализма» (Ivanov, 2017). В работах Иванова хорошо описаны все симптомы сверхновой экономики, которая от потребления товаров и услуг переходит на преимущественное потребление статусов. С несколько иных позиций сверхновая экономика рассматривается в книге «Критика эстетического капитализма»

(Vöhme, 2017) Гернота Беме, который отмечает все большее значение создания образов и впечатлений в экономике. Однако указанные концепции хорошо перечисляют симптомы сверхновой экономики, но не затрагивают фундаментальные причины ее появления. Далее мы предпримем попытку выявить суть сверхновой экономики и механизмы ее функционирования. Особенностью экономики сверхсовременного общества является ориентация потребителей на символическое потребление. Вещи приобретаются покупателем не потому, что они нужны, и не потому, что старые пришли в негодность, а потому, что приобретенная вещь подчеркивает статус хозяина. Покупатель хочет выглядеть в глазах окружающих модным, богатым, спортивным. Именно желание создать себе такой образ подталкивает потребителя к приобретению вещи. Здесь стоит отметить, что веяния моды, бренды и тренды постоянно меняются. В следующем году приобретенная вещь уже не будет новой, ее денежная и символическая стоимость снизятся. Это порождает феномен сверхновой бедности, поскольку постоянное приобретение престижных вещей слишком обременительно для любого потребителя. В итоге представитель среднего класса постоянно ощущает себя недостаточно финансово обеспеченным, поскольку не может позволить себе статусное потребление. Рассмотренная проблема не является просто временным явлением, а свидетельствует о фундаментальной смене формации. Классического капитализма, который был ориентирован на удовлетворение потребностей человека, больше нет. Новая формация — неокapитализм, она ориентирована на создание у человека потребностей для извлечения прибыли (Pletnev, Ignatjeva, 2019). Статусное потребление становится центром и смыслом экономической жизни.

Изменение формации не могло не повлиять на все сферы общественной жизни. Ориентация людей на статусное потребление способствует распространению потребительства как ценности и ослаблению традиционных ценностей. Неокапиталистические ориентации проникают и в политику. Если в эпоху классического капитализма политик выражал экономические интересы определенной группы, то в эпоху неокapитализма политик имеет символическую стоимость, аналогичную стоимости товара. Избиратель, по сути, голосует за информационный облик политика, который отождествляется с различными позитивными качествами. Экономические интересы становятся вторичны по отношению к образу политика.

Рассмотренные изменения в экономике предопределили изменения в политике. Однако подобная «виртуальная» политика плохо подходит для решения реальных и конкретных проблем населения.

Это обстоятельство создает перспективы для появления политической стратегии принципиально иного типа.

Стратегия Трампа: антагонизм народа и элиты

Политическая элита, как часть элиты, вообще склонна транслировать элитарную повестку и навязывать элитарный дискурс. Если представления политиков основаны на идеологии и ценностях, то население обеспокоено реальными экономическими проблемами. Здесь речь идет не только о феномене сверхновой бедности, но и бедности в традиционном ее понимании — потери рабочих мест, растущей поляризации между бедными и богатыми.

В результате нарратив, который транслируют в информационное пространство политические партии, все больше скатывается к сфере идеологии и демагогии. Ярким примером этого является современная политика демократической партии США. Особенно сильно это проявилось во время протестов движения *BLM*. Многие политики от этой партии сейчас пытаются создать себе образ борцов за права угнетенных. При этом подлинная причина народного недовольства — социально-экономическое неравенство заменяется причинами вымышленными, более удобными для политической элиты.

Другим примером элитарного взгляда на политический дискурс является книга Эммануэля Макрона «Революция» (Macron, 2017), в которой данный тип дискурса выстроен более систематически. Само понятие «демократическая революция» является, очевидно, логически некорректным. В книге Макрона можно найти высокопарные рассуждения о цивилизации, истории, роли Франции в мире. Однако рецептов решения экономических проблем и улучшения жизни потенциальные избиратели в этой книге не обнаружат. Макрон размышляет о примирении локальной и глобальной тенденций, однако с его позиции это примирение означает победу глобального над локальным. Опасения народа относительно наплыва мигрантов и потери рабочих мест в результате глобализации объявляются пустыми страхами. Однако для рядового избирателя подобные страхи все больше становятся фактами повседневной жизни, практикой, которая опровергает либеральную теорию.

Описанные тенденции способствуют тому, что представители политической элиты все больше отрываются от своего избирателя. Представители элиты заявляют о необходимости равенства, борьбе с угнетением, защите ущемленных групп и демократизации. В политическом дискурсе демократической партии США мы можем наблюдать все более

левые тренды, которые проявляются даже в переходе от традиционных либеральных идей к неосоциалистическим. Как отмечает Марк Левин: «В Америке многие марксисты скрывают себя под личиной “прогрессистов”, “демократических социалистов”, “социальных активистов” и “борцов за права сообщества” и так далее, поскольку большинство американцев остаются открыто враждебными по отношению к марксизму» (Levin, 2021, p. 2). Американские политики левых взглядов позиционируют себя именно как бойцов за нужды людей. Однако они остаются глухи к экономическим потребностям населения. Политические взгляды и оценки массового избирателя являются более консервативными и слабо соответствуют взглядам представителей правящего класса.

Очевидный разрыв между политическим дискурсом простого народа и политическим дискурсом элиты используется правыми консерваторами, идеи которых оказываются ближе и понятнее простому народу. По этой причине правых консерваторов Северной Америки и Европы часто обвиняют в популизме, хотя они по сути выполняют основную функцию политика — представление во власти интересов определенных групп населения.

Правый консерватор Дональд Трамп пошел дальше и выстроил свою стратегию политической коммуникации с населением, основываясь на фундаментальных экономических изменениях. Стратегия Трампа по сути игнорирует символический компонент и обращается непосредственно к экономическим и социальным нуждам обширных групп населения. Разумеется, у Трампа есть символический образ в СМИ, однако коммуникативная стратегия Трампа идет в противоположном всему неокapитализму направлении, действуя в парадигме классического капитализма.

Для выстраивания коммуникации с избирателем Трамп использовал *Twitter* и другие каналы, которые были независимы от телевидения, контролируемого представителями политической и финансовой элиты. Стратегия Трампа дала существенные результаты и способствовала росту его популярности. Поток негативных и критических высказываний, который обрушила на Трампа большая часть телеканалов, только способствовал еще большему росту его популярности. Для простого народа он стал своим человеком, который высказывает правильные идеи и за это подвергается нападкам со стороны элиты. Данная стратегия категорически расходилась с привычным подходом кандидата в президенты к выстраиванию своей избирательной кампании. Как отметили Краниш и Фишер, «все, что касается избирательной кампании Трампа на выборах кандидата от Республиканской партии, было сюрреалистично» (Kranish, 2017, p. 309).

Данный тип коммуникации игнорирует традиционные институты взаимодействия с массовой аудиторией и таким образом избегает институциональных фильтров. Политик, следующий традиционным путем, вынужден был бы добиваться расположения средств массовой информации, проходить последовательные этапы партийного отбора, искать одобрения у различного рода экспертов. Сама эта процедура накладывает определенный отпечаток на образ и действия политика, делая его более встроенным в общую политическую систему.

Помимо создания образа борца за защиту экономических интересов избирателей, Трампу удалось грамотно использовать существующие опасения избирателей, которые связаны с религиозными и национальными вопросами. В своих выступлениях Трамп «негативно оценивал иммиграцию, часто употребляя термин “незаконная”, обсуждая потенциальные негативные последствия открытой иммиграционной политики (США. — *Прим. авт.*)» (Alamillo et. al., 2019, p. 5). В обращениях к верующим избирателям Трамп тесно связывал вопросы политики и религии, упоминая евангельские цитаты в его интерпретации — «обещающими благословения для нации за выполнение своей обязанности по защите свободы и справедливости» (Whitehead et. al., 2018, p. 150). Подобные заявления прибавили Трампу не меньше голосов, чем его экономическая программа, поскольку традиционный дискурс американской политической элиты предполагает максимальную толерантность и отказ от какого-либо протекционизма по отношению к собственному населению.

Следует отметить, что понятие «инновационная» стало характеристикой всей президентской кампании и всего президентского правления Трампа. Как отметил Михаэль Волф в своей книге «Огонь и пламя. Внутри Белого дома», «почти никто в администрации Трампа не мог предсказать, как президент отреагирует на определенное событие и будет ли вообще от него реакция» (Wolff, 2018, p. 184).

Новаторской стала и международная политика Трампа. Его основная идея заключалась в отказе от роли мирового гегемона, что должно было привести к высвобождению сил и средств для защиты интересов американского бизнеса и американского населения. Множество экспертов подтверждает, что международная политика Трампа исходила из экономических интересов. В частности, Джон Болтон в своей книге «Комната, где это произошло» (Bolton, 2020) утверждает, что если большую часть американской администрации в отношениях с Китаем волновала растущая экономическая, растущая военная мощь Китая и потенциальное размещение этим государством новых военных баз, Трамп был озабочен прежде всего торговым балансом. Он подходил

к торговому дефициту, как если бы он считал корпоративный баланс: торговый дефицит означал, что мы проигрываем, а торговый профицит означал, что мы выигрываем. Тарифы сократят импорт и увеличат государственные доходы Америки.

Такой подход способствовал выстраиванию более конструктивных и открытых отношений США с другими странами, однако категорически не нравился американской элите, которая готова была потерять скорее деньги, чем почетное звание «мирового гегемона».

В целом стратегия Трампа заключается в возвращении политике ее изначальных функций, борьбе за интересы избирателей и освобождение политики от пустого политиканства.

Заключение

Рассмотренная стратегия Трампа имеет огромный эвристический потенциал, поскольку позволяет определить суть происходящих в мировой политике процессов, отличить важное от второстепенного. Помимо этого, стратегия Трампа может быть результативно применена политиками в любой стране западного типа. Феномен успеха стратегии Трампа доказывает и обосновывает существование неокapитализма и роль аномии в сверхсовременном обществе. Это частный пример проявления фундаментальной общемировой тенденции становления экономики принципиально нового типа, которая предопределяет социальные и экономические процессы в обществе XXI века.

Следует также отметить, что ведущие ученые и преподаватели элитных ВУЗов также являются элитой — научной и занимают определенное место в элите как таковой. Это обстоятельство указывает на то, что политические эксперты и ученые также не свободны от определенных предрассудков, мешающих объективно оценивать политические процессы. Ученые создают теории, чтобы использовать их как исследовательский инструмент. Однако и сама парадигма предопределяет взгляды ученого. Получается обратная ситуация, когда уже ученый становится инструментом парадигмы. Стратегия Трампа в данном случае является хорошим поводом для того, чтобы переоценить господствующие взгляды на популизм как сугубо негативное явление.

Список литературы

- Alamillo R., Haynes C., Madrid R. Gr.* Framing and immigration through the trump era // *Sociology Compass*. 2019. Vol. 13. Iss. 5. P. 1–11.
- Böhme G.* Critique of Aesthetic Capitalism. Mimesis International, 2017. — 104 p.
- Bolton J.* The Room Where It Happened: A White House Memoir. Simon & Schuster, 2020. — 528 p.

Ivanov D. New Configurations of Inequality and Glam-capitalism Structures. In Boatca, M., Komlosy, A., Nolte, H. (Eds.), *Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and Methodological Innovations* (P. 154–171). Routledge, 2017. — 222 p.

Kranish M. *Trump Revealed: The Definitive Biography of the 45th President*. Simon & Schuster India, 2017. — 451 p.

Levin M. R. *American Marxism*. Threshold Editions, 2021. — 320 p.

Macron E. *Revolution*. London, 2017. — 272 p.

Pletnev A.V., Ignatjeva O.A. Neocapitalism as the key to understanding economics and culture in an era of intense ultramodernity // 6th SWS International Scientific Conferences on social sciences 2019. Conference proceedings. 2019. P. 577–582.

Weyland K., Madrid R. L. *When Democracy Trumps Populism: European and Latin American Lessons for the United States*. Cambridge University Press, 2019. — 238 p.

Whitehead A. L., Perry S. L., Baker J. O. *Make America Christian Again: Christian Nationalism and Voting for Donald Trump in the 2016 Presidential Election* // *Sociology of Religion*. 2018. Vol. 79. Iss. 2. P. 147–171.

Wolff M. *Fire and Fury: Inside the Trump White House*. Henry Holt and Co, 2018. — 321 p.

Р.В. Савенков

Воронежский государственный университет, Воронеж,

А.А. Фролов

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖЬЮ ДИАЛОГОВЫХ ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (результаты исследования в Белгородской и Воронежской областях)*

Постановка проблемы

По наблюдениям социологов, в российском обществе сокращается доля сторонников социально-политического статус-кво, увеличивается запрос на перемены и социальную справедливость (Петухов, 2020; Петухов, 2019). В наибольшей мере это касается молодежи, которая ориентирована на изменение политической повестки дня, часто в де-

* Статья написана в рамках исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ (научный проект № 21-011-31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России»).

структивном формате. Результаты опросов показали, что молодежь задумывается о будущем своей страны, но пока имеет мало положительных коннотаций с реальным образом и перспективами России. Тем более что в 2020 году в сравнении с 2019 годом чаще стали звучать требования политических перемен, в центре которых сменяемость власти и честные выборы. Истоки «великой депрессии» молодежи, порождающие в конечном счете конфликтогенный потенциал, состоят не только в том, что, по мнению значительной части студентов, власть не уделяет должного внимания решению молодежных проблем (Комаровский, 2021), но и в главных потребностях молодежи, которыми остаются качественное образование, создающее социальные лифты для карьерного продвижения молодежи, интересная и высокооплачиваемая работа, а также возможности для самореализации и досуга.

Наблюдения социологов и политологов демонстрируют низкий уровень конструктивного политического участия молодежи (Попова, Лагутин, 2019). Молодые люди по сравнению со старшими поколениями менее включены в деятельность политических партий и организаций. Опросы показывают, что около 80% молодых людей не интересуются политическими делами страны и не знают своих политических прав и обязанностей. В то же время молодежь лидирует по масштабам вовлечения в новые формы политического участия, предполагающие более высокий уровень индивидуализации и использования сетевых возможностей Интернета. В условиях общественного запроса на перемены молодежь становится внутренне неоднородным, но непосредственным участником реальной конкурентной борьбы за цели и задачи общественного развития. Социальный статус и политический потенциал молодежи делают ее крайне притягательным потенциальным партнером для любых игроков, борющихся за свои интересы и властные позиции (Комаровский, 2021).

Цели и методы исследования

Цель нашего исследования — определение возможностей укрепления лояльности молодежи путем вовлечения ее в диалоговые институты. Под диалоговыми институтами и площадками мы понимаем институты, в рамках которых происходит вовлечение в коммуникацию власти и общества, создаются условия для такой коммуникации. Гипотеза исследования: основная часть молодежи не вовлечена в функционирование диалоговых механизмов и институтов взаимодействия с властью. В результате в глазах молодежи сформировалось понимание ситуации, в которой от них ничего не зависит, осознание и уверенность

в их неспособности изменить значимые процедуры функционирования власти. Вследствие этого формируется значительное недоверие к власти, снижается лояльность к власти и политической системе в целом. Вовлечение же молодежи в реально работающие диалоговые институты и институты конструктивной активности демонстрирует возможности изменения сложившейся ситуации, решения социально значимых проблем и вследствие этого повышает доверие и лояльность к политической системе. Объект исследования — молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, проживающие в Белгородской и Воронежской областях. Предмет исследования — влияние диалоговых практик на уровень лояльности молодежи.

Опыт исследования политической активности молодежи, оценки ее лояльности заложен в работах российских политологов О.В. Поповой, Я.Ю. Шашковой, В.С. Комаровского и др. (Молодежное..., 2020; Попова, 2019; Роль..., 2019; Комаровский, 2021; Станевич, 2020; Станевич, 2018; Гукова, 2015). Основным методом исследования общественно-политических представлений молодежи стали очные массовые опросы, опросы через Интернет, качественные опросы (фокус-группы), опросы экспертов. На основе эмпирических данных О.В. Попова выделяет пять степеней лояльности: 1) полная поддержка и вовлечение в проекты и действия политического класса; 2) частичная лояльность; 3) равнодушие, концентрация населения на решении своих проблем, уверенность в отсутствии влияния политики на жизнь граждан; 4) умеренная нелояльность, проявляющаяся в легальной общественно-политической активности; 5) проявленная политическая нелояльность, демонстрация серьезного недовольства населения ситуацией в стране (Попова, Лагутин, 2019).

Для достижения цели был использован метод фокус-группового опроса для трех возрастных групп молодежи: 1) 14–17 лет; 2) 18–24 года; 3) 25–35 лет. География проекта включает в себя два административных центра Белгородской и Воронежской областей, различных по численности населения и молодежи: в Воронеже проживает 1058 тыс. чел., в Белгороде — 394 тыс. чел.¹ Изучаемые субъекты Федерации относятся к регионам с отличающейся динамикой социально-экономического развития: Белгородская область — вторая десятка рейтинга по уровню развития, Воронежская — третья десятка². Общими факторами «притя-

¹ Федеральная служба государственной статистики / Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>.

² Рейтинг социально-экономического положения регионов — 2020 // РИА—Рейтинг. 02.06.2020. <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html>.

жения» молодежи является наличие в городе крупных вузов и удаленность от мегаполисов (Москва и Санкт-Петербург).

Общественно-политическая активность молодежи

У изучаемых возрастных групп отличающийся эмоциональный фон и доминирующие проблемы: для группы 14–17 лет характерна тревожность, связанная с предстоящими экзаменами и будущим выбором профессии; группа 18–24 года остро переживает трудности межличностного общения, грубость окружающих и отсутствие взаимного уважения; группа 25–35 лет живет в обстановке дефицита свободного времени и материальных средств, а выполнение профессиональных обязанностей требует от них все больших усилий. Подавляющее большинство опрошенных не задумывается об общественных проблемах, состоянии страны и векторе ее развития. Респонденты признают сохранение стабильности, которая не вселяет в них спокойствия и уверенности в своем будущем. Большинство фиксирует признаки неустойчивости и «угасания» системы, использования архаичных методов управления (навязывание религиозных ритуалов, поддержка казачества и т.п.), применение административных санкций в отношении публичных критиков власти.

Опыт личной общественно-политической активности молодежи включает в себя волонтерскую и благотворительную деятельность, которая требует личного участия и позволяет наблюдать результаты своей помощи. Адресный характер и возможность помогать без посредников — главный мотив общественной активности. Работа в НКО, перевод денег в благотворительные фонды у большинства не вызывает доверия. Респонденты не участвуют в общественно-политических дискуссиях в Интернете, ограничиваясь просмотром мнений и уклоняясь от комментирования. Главной причиной названа деструктивная активность «ботов» — купленных властью блогеров и искусственных комментаторов, — агрессивно защищающих власть. Кроме того, публичные высказывания отслеживаются властью и могут отрицательно повлиять на карьерное будущее авторов комментариев. Такое мнение молодых респондентов сформировано информацией о санкциях в отношении критикующих власть блогеров и комиков. Для всех опрошенных Интернет представляет собой контролируемую и конфликтную среду, а не пространство свободы и разнообразной информации. Респонденты возрастной группы 25–35 лет нуждаются в реализации социальных связей, но не имеют конструктивных дискуссионных площадок в сети Интернет.

Большинство респондентов не верят в свою способность повлиять на улучшение жизни вообще, но могут изменить свое окружение или сделать что-то полезное лично. Условием повышения уверенности в своих силах и вовлечения названы легальность действия, участие большого количества людей (группа 18–35 лет), переход в статус взрослых (группа 14–17 лет). Респонденты против вмешательства власти или старших в их жизнь, навязывания каких-либо проектов: власть должна создавать условия и информировать о возможностях общественного участия, но выбор должен оставаться за молодыми людьми.

Отношение молодежи к власти

Отношение к власти нейтрально-равнодушное, переходящее в отрицательное: российская власть опирается на архаичные подходы, отдалается от мировых трендов (Дарья, 17 лет, Белгород); «серость, нет негатива и нет восхищения» (Елена, 20 лет, Белгород), «недоверие, коррупционность» (Павел, 25 лет, Белгород), «власть далека от своего народа, не видит проблем простых людей» (Артемий, 17 лет, Воронеж). Общее недовольство властью, по мнению респондентов, провоцирует митинги и конфликты. Хотя сами респонденты ориентируются только на легальные форматы диалога с властью, в их суждениях не зафиксировано отрицательного отношения к участникам несанкционированных митингов, так как «эти люди лишь хотят быть услышанными» (Юля, 15 лет, Воронеж). Причиной недоверия к власти является постоянная имитация ее успехов, которых респонденты не видят. Лояльность проявляется только как привычка (условие внутреннего личного спокойствия и отсутствия альтернативы). Некоторые респонденты озвучили двойственное отношение к власти: «президент — профессионал, поддерживаю его решения, но правительство и ГосДума — оторваны от народа» (Миша, 20 лет, Белгород); «президент и народ хотят сблизиться, а чиновники и бюрократы мешают им» (Татьяна, 35 лет, Воронеж).

Респонденты ожидают от власти открытости, коммуникации с народом, принятия его мнения всерьез. Граждане должны обучаться политике с детства, привыкать к взаимодействию с властью, наблюдать ее законопослушное поведение. Вторым важным требованием к власти названа ее ответственность, ее способность исправлять ошибки, наказывать за отступления и преступления. Никаких иллюзий относительно благородных целей власти респонденты не испытывают: власть хочет реализации своих интересов, сохранения существующего положения.

Заключение

Существенных отличий между позициями молодежи Белгородской и Воронежской областей не зафиксировано. Респонденты обоих регионов (всех трех молодежных возрастных групп) демонстрируют преобладающее равнодушие к власти, доминирование нейтрально-негативного отношения к мотивам ее деятельности. Возрастная группа 25–35 лет относительно других групп демонстрирует наибольшую общественно-политическую активность и относительно высокий уровень пассивной лояльности. Поддержка власти не является в молодежной среде одобряемой моделью поведения: большинство респондентов считают публичное проявление лояльности признаком низкой политической культуры, неосведомленности граждан, а также общим отсутствием альтернативы. Ответы респондентов выявили запрос на открытую и ответственную власть, устранение коммуникативных препятствий и повышение доверия к власти.

Основной мотив автономной общественно-политической активности молодежи Белгородской и Воронежской областей связан с личным участием в благотворительных, волонтерских и образовательных проектах, не предусматривающих постоянного взаимодействия с властью. Подавляющее большинство респондентов не имеет опыта участия в диалоговых институтах. Общее недоверие к власти блокирует вовлечение в организованные ею диалоговые практики. Интернет-активизм школьников ограничен субъективными опасениями санкций за критические высказывания в адрес власти, сохранением «цифровых следов» своей дискурсивной активности. Респонденты старше 18 лет участвовали в поддержке интернет-петиций, однако не следили за результатами ее рассмотрения, не верили в эффективность такого воздействия на власть.

По мнению респондентов, перспективными направлениями работы органов власти являются создание оригинального позитивного информационного контента, адаптированного для молодежи, и систематическая работа по повышению доверия и открытости лиц, принимающих решения. Для вовлечения в общественно-политические мероприятия респондентам Белгорода и Воронежа важно достоверно знать о легальности своих действий. Повысить интернет-активность можно обсуждением понятных для каждой возрастной группы проблем и созданием атмосферы эмоциональной безопасности, конструктивности и полезности.

Список литературы

Лукова И.Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2015. №21. С. 156–159.

Комаровский В.С. Образ будущего России глазами молодежи. М.: Аспект Пресс, 2021. — 224 с.

Молодежное политическое лидерство в российских регионах: Монография / Под ред. О.В. Поповой, Я.Ю. Шашковой. СПб.: Скифия-принт, 2020. — 216 с.

Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 123. DOI:10.17976/jpps/2019.05.09.

Петухов Р.В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 108–110. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.08.

Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619.

Роль молодежных организаций в процессе политической социализации российской молодежи: Монография / Под ред. О.В. Поповой, Я.Ю. Шашковой. СПб.: Скифия-принт, 2019. — 245 с.

Станевич А.Ю. Уровень лояльности к власти как составляющая политических настроений // Вестн. Мос. гос. лингв. ун-та. Общественные науки. 2020. Вып. 2. С. 242–256.

Станевич А.Ю. Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности // Вестн. Мос. ун-та. 2018. Сер. 18. Социология и политология. Т. 24. № 4. С. 254–272. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-254-272.

Е.В. Суслов

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

Неоавторитарное прочтение политического как фактор ущемления политической субъектности граждан: цифровой контекст

Следует признать, что одним из доминирующих трендов современной политики является конфликт между авторитаризмом и демократией или, иначе говоря, между странами, которые оказались во власти авторитарных и демократических политических режимов. Во внутренней политике этих стран также присутствует противостояние между властвующими авторитарными политическими режимами и демократической оппозицией. В странах с устоявшимися демократическими порядками в роли оппозиции выступают неоконсервативные силы в лице националистов и правых популистов. Как отмечает

В.М. Кулагин, противостояние между либерализмом и коллективизмом, демократией и авторитаризмом остается коренным фактором, влияющим на центральную парадигму всего мирового взаимодействия и дальнейшее развитие мировой истории (Кулагин, 2009, с. 217).

Невооруженным взглядом заметить этот современный тренд бывает непросто, потому что доминирующими феноменами стали процессы, связанные с глобализацией и цифровой трансформацией, терроризмом и экологическими проблемами, однако конфликт между демократическими и авторитарными режимами в неявной, скрытой форме пронизывает и упомянутые феномены.

Более того, старый, традиционный авторитаризм, господствовавший в условиях преимущественно индустриального общества с переходом к постиндустриальному (информационному) обществу, трансформировался в новый авторитаризм, вобравший в себя как новые, так и старые черты этой формы властвования. Что важно отметить, новый авторитаризм нередко успешно мимикрирует, т.е. приспосабливается под демократические институты так, что бывает почти нераспознаваем не очень взыскательными носителями массового сознания. Поэтому складывающаяся неоавторитарная реальность априори не стимулирует политическую активность граждан. Напротив, она инкорпорирует в образы мыслей и действий простого человека стереотипы политической пассивности и даже политического отторжения, знакомого нам обывательским тезисом: «Ничего изменить нельзя, потому что все решено в верхах». И тем не менее приход новых цифровых технологий с их все-таки ограниченными возможностями манипулирования из-за трудно поддающейся внешнему управлению автономной власти коммуникации¹ создает шанс для преодоления феномена нового авторитаризма.

В рамках настоящей статьи автор ставит своей целью, *во-первых*, определение смысла феномена политического сквозь призму неоавторитарных «окуляров», *во-вторых*, выяснение причин, приведших к реанимации авторитаризма в новом обличье в условиях постиндустриального общества, *в-третьих*, оценку вызовов усиления неоавторитарных политических практик в условиях цифровой трансформации.

В качестве теоретического основания работы автором предпочтению отдается концепция Ги Эрме, характеризующей, как представляется, старый авторитаризм индустриальной эпохи, когда 1) *«режимы этого рода игнорируют установленные законом процедуры замены и мирного смещения их руководителей... прекращение и передача власти в них есть*

¹ Понятие «автономная власть коммуникации» введено в научный оборот М. Кастельсом в работе «Власть коммуникации». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 591 с.

результат насильственной конфронтации, а не институционализации» (Эрме Ги, 2006, с. 213), 2) «не все диктатуры нашего времени установились с помощью государственного переворота... некоторым удастся прийти на смену представительному правительству без чрезмерного попра- ния буквы конституции...» (Эрме Ги, 2006, с. 214), 3) «государственная власть сосредоточена в руках тех индивидов или групп, которые, в первую очередь, озабочены тем, чтобы избавить свою политическую судьбу от рисков конкурентной борьбы, контролировать которую от начала и до конца невозможно...» (Эрме Ги, 2006, с. 214) и, наконец, 4) «авторитар- ные правительства знаменуют собой такой этап в процессе развития, который при благоприятных обстоятельствах переходит в специальную диверсификацию и секуляризацию, на смену которым приходит демокра- тическая форма» (Эрме Ги, 2006, с. 225).

Как было предположительно замечено, упомянутые параметры ха- рактерны для старого авторитаризма индустриальной эпохи, включая нередко его монархическую разновидность, поскольку «она является наиболее распространенной политической формой в мире с незапа- мятных времен» (Эрме Ги, 2006, с. 215). Однако при внимательном рассмотрении в приведенных характеристиках можно обнаружить на- личие специфических черт, что называется на «вырост», которые отра- жаются в новом авторитаризме.

Для прояснения процесса ущемления политической субъектности граждан автором используется идея «о несводимости политического к сфере деятельности государства» (Политическое как проблема, 2009, с. 5), которую сформулировал К. Шмитт в 1927 г. в своей работе «По- нятие политического». В реальности сфера политического в условиях неоавторитаризма сводится к окончательному отождествлению го- сударства и политики. Иначе говоря, политика рассматривается как искусство государственного управления, тогда как государство являет- ся лишь одним из акторов политической системы. Пусть и доминиру- ющим. Отсюда следует, что политика — это удел избранных.

Возвращаясь к концепции Ги Эрме, отметим, что первый условно обозначенный параметр напрямую не отражает новый авторитаризм ин- формационной эпохи, поскольку борьба за сохранение власти является общим местом, однако прежняя «подковерная» борьба за власть меж- ду враждующими группировками теперь получила если не публичный, то вполне открытый характер благодаря социальным сетям. Именно «цифровые сетевые технологии позволяют индивидам и организациям генерировать собственные сообщения и контент и распространять их в киберпространстве, в значительной степени избегая контроля корпо- раций и бюрократических структур» (Кастельс, 2017, с. 10).

Второй параметр авторитаризма сводится к утверждению, что для установления авторитарной власти не обязательно прибегать к насильственным способам, можно такой переход осуществить с использованием вполне демократических процедур. В этом легко можно было убедиться во время голосования за новую редакцию Конституции летом 2020 г., когда цифровые технологии были задействованы вкупе с манипулятивными. В дополнение к систематически используемым административным ресурсам впервые было апробировано «трехдневное» голосование.

Третий тезис, приведенный Ги Эрме для оценки авторитаризма, свидетельствует, прежде всего, о традиционном стремлении авторитарной власти не иметь сильных конкурентов, и эта тенденция имеет в России глубокие исторические корни. Нынешний диапазон средств ущемления политической субъектности граждан значительно расширился. Так, к выборам в Государственную Думу РФ не было допущено значительное количество конкурентоспособных кандидатов на разных этапах избирательного процесса. Поводом становились не доказанные в суде факты иностранного финансирования претендентов на выборные должности, а также участие в деятельности нежелательных организаций и в несанкционированных митингах по призыву оппозиционных лидеров. Выделяя характерные черты нового авторитаризма, российский исследователь А. Глухова отмечает «активное использование судопроизводства и правоприменительной практики в подавлении сопротивления активистов общественных групп (длительное досудебное задержание, большие тюремные сроки, принуждение к выезду из страны)» (Глухова, 2019, с. 61).

И наконец, заключительный тезис, приводимый нами из работы Ги Эрме, утверждает, что авторитарные правительства имеют свойство диверсифицироваться, т.е. воспроизводить новые формы и контент авторитарных практик. Существовавшее еще со времен СССР общество «Знание», продолжительное время пребывавшее в постсоветской России на обочине просветительской и образовательной деятельности, недавно реанимировано под названием Всероссийская общественная организация «Общество Знание». Перезапуск организации состоялся на цифровой платформе и имеет своей целью выполнение функции подконтрольной идеологической организации. Восстановление обновленной структуры случайно совпало с принятием закона о просветительской деятельности.

В этом же ряду авторитарных практик создание детско-юношеского военно-патриотического движения «Юнармия», скопированного с советской военно-спортивной игры «Зарница», однако новый формат организации имеет более идеологизированный характер, направленный на милитаризацию молодежной среды.

Продолжая препарировать авторитарные режимы в их неоавторитарном формате, отметим, что властвующие авторитарные режимы оказывают содействие недемократической оппозиции демократических стран с целью дестабилизации демократических политических порядков. В свое время белорусским политологом В. Силицким это явление было названо авторитарным интернационалом, которое означало концентрацию усилий авторитарных режимов для борьбы с демократическими режимами на международном уровне, а также для подавления демократической оппозиции в странах с устойчивыми авторитарными тенденциями.

Современные неоавторитарные режимы успешно заимствуют опыт своих коллег по удержанию власти. Белорусский авторитарный лидер в этом отношении находится вне конкуренции. Зафиксирована «дружба» А. Лукашенко с авторитарными лидерами М. Каддафи и Уго Чавесом, он готов был предоставить убежище Саддаму Хусейну и Виктору Януковичу. Соображения авторитарной солидарности сопровождались экономическими предпочтениями лично для самого Лукашенко и его ближайшего окружения. Такова была «дружба» с бывшим Президентом Киргизии Курманбеком Бакиевым, который получил убежище в Беларуси. И это лишь одна из ипостасей неоавторитарных политических практик, что обеспечивает ее самосохранение даже в критических ситуациях.

Выстраивание политики и государства в один синонимический ряд заметно сужает сферу политики. Государственно-центрическая парадигма политики выводит за ее пределы большинство граждан, значительную часть институтов и видов общественной деятельности. За скобками, соответственно, оказывается и гражданское общество с его функциями сдержек и противовесов по отношению к государству — Левиафану. Тенденция отождествления политики с государством приводит к тому, что политическая деятельность в глазах общественного мнения предстает в негативном свете и политик превращается в фигуру далеко не самую уважаемую. Чтобы этого не происходило, необходима, *во-первых*, ротация политиков, *во-вторых*, жесткий гражданский контроль за людьми, замещающими государственные должности.

Другим трендом неоавторитарного прочтения феномена политического является публичный отказ политических лидеров от демократических ценностей, что приобрело в последнее время систематический характер. В условиях мощного пропагандистского прессинга происходит дезавуирование, прежде всего, ценностей демократического устройства общества, которое неприемлемо для проимперски настроенной массовой аудитории. Антидемократические кульбиты стали

возможны по причине того, что «главным фактором стало сохранение и даже омоложение авторитарных сил и структур во многих демократизирующихся странах. Бездействуя в период падения диктаторских режимов, эти силы вновь вышли на авансцену политической жизни вследствие поверхностного характера преобразований. Несмотря на свободные выборы, создание новых конституций, возрастающий интерес гражданского общества к политике и началу реформ государственного управления, политическая повседневность была плюралистической лишь по форме» (Глухова, 2019, с. 59).

Может показаться парадоксальным, однако в условиях торжества неоавторитарного политического порядка в дезориентированное сознание фактически инкорпорируются ценности «нового средневековья», напоминающие феодализм, с такими его характеристиками, как местничество, кормления, откупы, сословные привилегии, опричники, новая аристократия, новое дворянство. При этом формально сохраняются демократические институты, которые являют собой дисфункцию социальных институтов. Эти демократические атавизмы служат приданию легитимности существующему политическому режиму и не оставляют никакой возможности для субъектности граждан в сфере политики.

Возможное участие граждан в политической деятельности, несмотря на сохранение процедуры управляемых выборов, превратилось, в сущности, в запретный вид деятельности (обвинение в экстремизме, связь с нежелательными организациями, присвоение статуса иностранного агента). Безобидные «лайки», «дизлайки» и «посты», ставшие индикатором активности граждан в виртуальном пространстве, используются для лишения граждан пассивного избирательного права и заведения уголовных дел.

Поправки в законодательство напрямую ущемляют политическую субъектность граждан, которые и прежде не стремились к этой роли, пребывая в системе координат государственного патернализма и приняв предложенный властями консенсус: «Вы живете своей частной жизнью, но не вмешиваетесь в политику». Политическая пассивность поддерживалась определенным уровнем материального достатка. Теперь же в условиях заметного падения покупательной способности населения согласие сменилось на насаждение страха. Найдена идеологическая опора проводимой политики в виде идеологии «осажденной крепости», которая выступает в качестве ответа на заговор Запада.

Отчуждение от политической субъектности граждан как субстанционального компонента демократии интерпретируется властями навязыва-

нием ее коллективным Западом и к тому же имеющим манипулятивный характер, поскольку победу одерживают популисты, ставшие жертвами «продажных» СМИ. На самом же деле включенные демократические механизмы предполагают периодическую смену власти, что не оставляет шансов для сохранения авторитарных политических режимов.

Отрешенности самих граждан от участия в политической деятельности способствует их убеждение о невозможности реально изменить положение дел в стране. Тому способствует прочно укоренившийся преимущественно патриархальный тип политической культуры, который подталкивает к смирению и традиционной покорности. И это не абстрактное умозаключение. Несостоявшийся депутат Государственной Думы РФ по Марийскому одномандатному избирательному округу Владимир Кожанов удивил избирателей и местные СМИ своим откровением о необходимости кланяться при встрече начальникам, поскольку вся власть от Бога. Однако марийские избиратели отказали ему в доверии, продемонстрировав наличие чувства собственного достоинства.

Атомизация массового сознания, утрата гражданской солидарности и доверия граждан друг к другу на межличностном уровне имеют все же глубинный характер и не позволяют консолидироваться и интегрироваться в подлинно гражданскую нацию.

Таким образом, политическая субъектность граждан в условиях торжества нового авторитаризма лишена функциональной возможности. И более того, лицами, принимающими решения (ЛПР), политическая субъектность граждан признается опасной для сохранения государственности, поскольку противоречит патриархальным представлениям о должном в поведении граждан.

Список литературы

Глухова А.В. Новый авторитаризм в XXI веке: мировые тенденции и российский *case study* // Политика и управление государством: новые вызовы и векторы развития: Сб. статей / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 56–75.

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 591 с.

Кулагин В.М. Соревнование «либерального» и «авторитарного» проектов в контексте глобализации // Современные глобальные проблемы мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 217–238.

Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. М.: Идея-Пресс, 2009. — 224 с.

Эрме Ги. Авторитаризм // Политология: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. СПб.: Питер, 2006. С. 213–231.

К.О. Телин

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

В поисках управляемости: актуальные проблемы оценивания государственных систем*

Еще в начале XVII в. английский философ Фрэнсис Бэкон в работе «Новый Органон» укажет, что *«многочисленным началам и аксиомам наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности, (...) свойственно то же, что бывает и в театрах поэтов, где рассказы, придуманные для сцены, более слажены и красивы и скорее способны удовлетворить желания каждого, нежели правдивые рассказы из истории»* (Бэкон, 1978, с. 27). Бэкон описывал таким образом эпистемологические «идолы театра» (*Idola theatri*), распространенные и в обществе, и в научном мире, — и потому, несмотря на давность лет, его формула в значительной степени сохраняет актуальность до сих пор. И в естественных науках, и в области социально-гуманитарных исследований нередко появляются впечатляющие и даже правдоподобные модели, где эстетический компонент (во всяком случае, предполагаемый авторами и редакторами) превалирует над содержательной логикой; так, Р. Таагепера на вручении премии имени Карла Дойча подчеркивал, что модная сегодня квантификация общественных наук — не то же самое, что создание *«знания, отвечающего критериям научности»* (Таагепера, 2018, с. 14), и даже сверхпопулярные регрессионные модели и статистические методы, безусловно, *«очень нужны, но лишь до тех пор, пока их использование не становится злокачественным»* (Таагепера, 2018, с. 33).

Увы, в современных исследованиях государственного управления, в том числе в крайне актуальном и значимом их аспекте, посвященном оценке деятельности (*performance evaluation*) вовлеченных акторов и структур, наблюдается вполне характерная картина «театрализации» научного знания. В современном академическом дискурсе, регулярно воспроизводимом отечественными и зарубежными работа-

* Статья подготовлена в рамках исследования, реализуемого при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ (научный проект 21-011-32117 «Концептуальная модель оценки управляемости государственных систем: анализ и разработка эмпирического инструментария»).

ми, можно обнаружить применяемые по отношению к государственному управлению концепты «эффективности», «результативности», «стабильности», «управляемости» или «устойчивости» — при том, что подобное мнимое изобилие до сих пор не приводит к выработке консолидированных критериев оценки, конгруэнтных политической повестке и независимым социологическим исследованиям. Более того, значительная часть исследований, претендующих на глубокое рассмотрение существующих практик и теоретических концепций *performance evaluation*, ограничивается абстрактными формулами или общими рассуждениями, не носящими сколь-либо новаторского характера и даже не вполне учитывающими современную степень научной разработанности.

Практическая сторона вопроса тем временем также сталкивается с серьезными проблемами: при том, что вопросы оптимизации инструментов и механизмов государственного управления постоянно находятся в сфере внимания не только национальных правительств, но и международных или транснациональных структур, прикладные оценки или рецепты такого совершенствования то и дело сталкиваются с весьма дискуссионным опытом реализации. Так, ряд авторитетных исследователей долгое время рассматривали опыт «государственной стратегии» Исландии исключительно как «передовой» и «успешный» (Малган, 2011), а правительство страны — как одно из самых эффективных; последствия же банковского кризиса 2008 года журнал *The Economist* назовет «самым большим, относительно размера экономики, коллапсом, с которым сталкивалось какое-либо государство» (The Economist, 2008). Бывший президент Афганистана Ашраф Гани еще в 2008 году совместно с Клэр Локхарт выпустил книгу *Fixing Failed States: A Framework for Rebuilding a Fractured World* — в 2021 году «исправивший» страну руководитель спешно покинул ее, спасаясь от наступавших талибов, чуть более чем за квартал занявших всю территорию государства.

Иными словами, современное государственное управление сталкивается с серьезными вызовами как в области теоретического осмысления, так и в разрезе прикладного принятия решений. Однако даже в нынешнем положении, когда необходимость «радикально переосмыслить подход к государственному управлению» (Всемирный банк, 2017) подчеркивается с завидной регулярностью, в остальном академический и официальный дискурс остается на удивление инертным и не вполне соответствующим степени «радикальности» ревизионистско-

го призыва. Не последнюю роль в сохранении неблагоприятного *status quo* играют следующие факторы.

Во-первых, как и любой дискурс, обсуждение *performance evaluation* в рамках государственного управления связано с определенными процедурными характеристиками (Фуко, 1996), среди которых особого внимания заслуживают взятые вместе «внутренние» процедуры «дисциплины» и «комментария». Существующие новеллы «эффективности» и «устойчивости» за десятилетия обращения к ним обросли достаточным массивом перекрестного цитирования и постоянного использования в библиографическом аппарате. При том что ни в одном документе российского стратегического планирования не определяется «политическая стабильность», она на протяжении последних десятилетий представляет собой, вероятно, главное «плавающее означающее» (*floating signifier*) современной отечественной политики. «Дисциплина» же в данном случае выражается не столько в ограниченном порядке признаваемого «истинным» знания о государственном управлении и его оценке, сколько в нормативной ангажированности соответствующих высказываний, проистекающей напрямую из связи последних с актуальной деятельностью лиц, принимающих государственные решения. Критика существующей разработанности «устойчивости» или «эффективности» неминуемо означает и критику практик, связанных с такой разработанностью; чем менее выражена автономия сообщества, в котором может быть артикулирована такая критика, тем меньше вероятность того, что она будет артикулирована.

Вторым фактором инерции выступает эффективное прагматическое действие речевых актов, связанных с дискурсом «стабильности» или «управляемости». Несмотря на все сложности с консолидированным пониманием используемых «концептов» и их преобразование скорее в элементы агитационной риторики, нежели в значимые с прикладной точки зрения научные конструкции, именно это «превращение» оказывается важным аргументом в поддержании популярности подобного дискурса. При всей неопределенности содержания «стабильность» позитивно воспринимается гражданами, а следовательно, может лежать в основе выигрышных имиджевых стратегий, подчеркивающих вклад определенного лица в «достижение стабильности» или «стабилизацию»; ровно той же эмоциональной, перлокутивной силой обладают репрезентативы¹, основанные на подчерки-

¹ Репрезентатив — тип речевого акта, фиксирующий некое описываемое положение дел как существующее и/или истинное.

вании, к примеру, «устойчивости экономики» или «управляемости страны».

Важно подчеркнуть характерное проявление подобного «прагматического эффекта», заключающееся в том, что провозглашаемые состояния «стабильности» и/или «управляемости» отнюдь не препятствуют одновременному наличию серьезных системных проблем. Так, уже в Послании Президента за 2004 год подчеркивалось, что *«впервые за долгий период Россия стала политически и экономически стабильной страной»* (Послание Президента, 2004), при этом в том же выступлении глава государства указывал, что *«теперь мы вместе должны решить самые насущные для граждан страны проблемы»* (Послание Президента, 2004), что подразумевает, будто бы достижение политической стабильности может предшествовать решению самых (!) насущных проблем, а не следовать за этим решением. «Управляемость» в понимании российского руководства связывается с представлениями об *«одной команде расширенного правительства»* и подчинении регионов указаниям федерального центра – при этом один только опыт Единого дня голосования 2018 года, когда, как минимум, четыре кандидата, поддержанных федеральным центром, неожиданно проиграли губернаторские выборы¹, доказывает некоторую ограниченность контроля за политическим процессом и его неполное соответствие общественным представлениям «о добре и зле».

В 1996 году американский экономист Уильям Нисканен, рассматривая деятельность бюрократии, напишет, что *«если в течение ряда лет растраты совершенно очевидны, но при этом не вызывают политической реакции, то следует допустить, что эти растраты, по-видимому, служат каким-либо другим политическим целям»* (Нисканен, 2004, с. 555). Современное положение в области оценки государственного управления, вероятно, вполне укладывается в эту схему: раз внимание органов публичной власти к довольно ограниченным инструментам оценки «эффективности» и «управляемости» сопровождается неоправданно частым пересмотром и уточнением последних без заметных позитивных сдвигов в общественном мнении и общественной же оценке (табл. 1), то такое внимание обусловлено иными целями, чем декларируемые оптимизация и совершенствование государственного управления.

¹ Светлана Орлова (Владимирская область), Вячеслав Шпорт (Хабаровский край), Виктор Зимин (Республика Хакасия), а также Андрей Тарасенко (врио губернатора Приморского края), результаты выборов с участием которого были отменены.

Параметры институционального доверия (по данным «Левада-центра»)

	Правительство РФ	Региональные органы власти
«Вполне заслуживает доверия» (2013 г.; доля респондентов, %)*	30	32
«Вполне заслуживает доверия» (2016 г.; доля респондентов, %)**	26	23
«Вполне заслуживает доверия» (2019 г.; доля респондентов, %)***	26	31

* Левада-центр (2017) Институциональное доверие. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/> (дата обращения: 28.09.2021).

** Левада-центр (2016) Институциональное доверие. URL: <https://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/> (дата обращения: 28.09.2021).

*** Левада-центр (2019) Институциональное доверие. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/> (дата обращения: 28.09.2021).

Учитывая современные особенности российского федерализма и в целом центр-периферийных отношений (Turovsky, Gaivoronsky, 2017), можно предположить, что существующие (и постоянно модифицируемые) инструменты оценки деятельности органов публичной власти связаны не только с электоральными рейтингами и «речевыми актами» репутационного назначения, но с распределением финансовых средств и дискреционных полномочий. К примеру, репутация «эффективного руководителя» может существенно усилить возможности главы определенного региона — и наоборот, публичные обвинения в недостаточной «эффективности» могут привести к серьезному ограничению субъектности даже на уровне отдельного субъекта федерации. Так, глава Республики Хакасия Валентин Коновалов в первые же дни после избрания столкнулся с масштабной критикой своей деятельности — хотя еще при его предшественнике, не получавшем подобных филиппик в свой адрес, федеральным казначейством впервые в истории РФ в Хакасии было введено внешнее управление региональными финансами.

Подобная ангажированность в публичном освещении деятельности структур публичной власти не может не вызывать беспокойства. Продолжающееся понимание «управляемости как повинности», связанное с идеалами дисциплинарного подчинения и иерархической

упорядоченности, выстроенной строго сверху вниз, не может способствовать достижению социальной консолидации и формированию долгосрочных доверительных отношений внутри сложной коммуникативной матрицы, включающей структуры федерального центра, региональные властные институты и различные формы общественного участия в принятии государственных и политических решений. Переход же к пониманию «управляемости как партнерства», опирающемуся на внимание к согласованности институциональных практик государственной системы и доминирующих образцов политической культуры, вполне способен расширить пространство публичной делиберации оценки государственного управления и поспособствовать выработке новых инструментов такой оценки.

Список литературы

Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. и вступ. Ст. А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. — 576 с.

Всемирный банк (пресс-релиз). Повышение эффективности государственного управления имеет решающее значение для обеспечения справедливого экономического роста в развивающихся странах // Всемирный банк, 2017, 30 января. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2017/01/30/improving-governance-is-key-to-ensuring-equitable-growth-in-developing-countries> (дата обращения: 29.09.2021).

Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. — 472 с.

Нисканен В.А. Пересмотр // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т.4. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 537–560.

Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации (2004). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494>.

Таагенера Р. Две моих мечты. Изложение лекции Рейна Таагенеры, лауреата премии имени Карла Дойча // Политическая наука. 2018. № 1. С.12–39

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. — 448 с.

The Economist Briefing. Cracks in the Crust // The Economist, 2008, December 13. URL: <https://www.economist.com/briefing/2008/12/11/cracks-in-the-crust> (accessed: 01.10.2021).

Turovsky R.F., Gaivoronsky Y. Russia's Regions as Winners and Losers: Political Reasons and Outcomes in the Distribution of Federal Transfers // European Politics and Society. 2017. Vol. 18. No. 4. P. 529–551.

Ж.Т. Тумуров

Забайкальский государственный университет, Чита

Политическая и экономическая трансформация регионов Дальневосточного федерального округа в условиях пандемии

Формирование в 2000 году семи федеральных округов обусловило процесс инвентаризации социально-экономического состояния и новый этап развития страны. Самыми крупными в территориальном плане оказались Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Именно на эти два федеральных округа приходится все основные запасы минерально-сырьевой базы России.

Непосредственное нахождение рядом с бурно развивающимися странами в социально-экономическом, политическом и в плане цифровизации, как Китай, Южная Корея, Япония, позволяет субъектам Дальнего Востока рассчитывать на более глубокое и всестороннее развитие своей территории. Наряду с вышеупомянутыми странами есть и другие государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заинтересованные в сотрудничестве с Россией именно на Дальнем Востоке. Это страны АСЕАН, Сингапур, Китайский Тайвань. Если с Китаем у нашей страны стратегическое партнерство и политический и экономический диалог идет интенсивно, то с Южной Кореей и Японией есть затруднения, связанные с их ориентированием на Соединенные Штаты Америки, а с Японией еще не подписан мирный договор.

Появившаяся два года назад коронавирусная инфекция, получившая статус пандемии, самым серьезным образом затронула все стороны жизнедеятельности человечества. Весь научный мир, политическая и экономическая элита государств мира начали обсуждение по поиску и разработке противоядия этой инфекции. Именно вакцина против коронавируса должна была стать катализатором стабилизации экономического кризиса, затронувшего все страны.

Вся эта ситуация затронула и Дальневосточный регион, где с 2018 г. начался процесс политико-административной и экономической реформ. Одним из первых изменений стало изменение границ Дальневосточного федерального округа путем перехода двух субъектов Республики Бурятия и Забайкальского края, входивших в состав Сибирского федерального округа, в ДВФО. Теперь в федеральный округ входит 11 субъектов Федерации. Также политические изменения при переда-

че произошли и в смене губернатора Забайкальского края, за неделю до подписания указа президент сменил губернатора данного региона. Изменение границ Дальневосточного федерального округа за счет перехода Республики Бурятия и Забайкальского края из Сибирского федерального округа в ноябре 2018 года обусловило начало нового этапа политических и экономических процессов.

Начавшийся политический процесс в Дальневосточном федеральном округе становился катализатором и социально-экономических преобразований. Но первые зарегистрированные с коронавирусной инфекцией в Китае, а затем и в остальных странах–соседах Дальнего Востока заставили на некоторое время заморозить экономические планы по сотрудничеству во внешнеполитическом и внешнеэкономическом направлениях.

Политическое изменение власти в Забайкальском крае перед переходом в Дальневосточный федеральный округ, утверждение новой модели экономического развития субъектов округа, смена столицы федерального округа являются серьезной трансформацией для политической системы управления этой территорией. В этом контексте хочется согласиться с мнением исследователя федерализма и федеративных отношений Ю.А. Матафоновой, что «согласно федеральному законодательству субъекты Федерации обладают определенным статусом и имеют ряд автономных полномочий в рамках принципа взаимоотношения между федеральным центром и субъектом, дающие возможность каждому субъекту Российской Федерации формировать государственные и общественные институты по своему усмотрению». При этом исследователь обращает внимание на то, что субъект Федерации имеет ряд особых факторов, «параметры которого зависят от исторических, географических, национально-культурных и геополитических особенностей» (Матафонова, 2013, с. 48–51). Большие изменения в политической и экономической жизнедеятельности территории не могут проходить безболезненно и без определенных проблем и испытаний.

Пандемия хоть и заставила заморозить ряд проектов на неопределенный период, но не заставила заморозить внутренние реформы. Правительство России после долгих консультаций с научно-техническим сообществом и с бизнес-сообществом Дальнего Востока приняло решение о формировании экономических провинций на территории Дальневосточного федерального округа с учетом профилизации субъектов, входящих в состав округа. Данный процесс оправдан с точки зрения специфики субъекта Федерации. Но все-таки руководству 11 субъектов Федерации не нужно забывать и о развитии непрофильных направлений, которые также могут влиять на развитие территории.

Пандемия внесла свои корректировки в реализацию ряда крупных социально-экономических и политических проектов. Несмотря на пандемию, регионы Дальнего Востока продолжают работу по наращиванию своего потенциала, сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, но прежде всего реализуются внутренние мероприятия. Политическая и экономическая конъюнктура в новых условиях проверяется на прочность и стабильность действий всех субъектов политических и экономических взаимоотношений. Одним из таких мероприятий стало разделение субъектов Дальнего Востока на экономические провинции, условием которого является разделение по профилям жизнедеятельности, где политика цифровизации также играет ключевую роль. В политической системе проводятся процессы по обмену кадрового состава между субъектами, а также стабилизация политических кризисов в ряде субъектов. Трансформационные процессы должны продолжаться, несмотря на испытания и преграды, возникшие в результате пандемии.

Началом формирования провинций должна стать кадровая составляющая, от которой зависит качественная реализация данного процесса. Дальнему Востоку явно не хватает специалистов в IT-технологиях, туризме. В принципе не хватает человеческих ресурсов на такую огромную территорию. При всем природном богатстве, при всей государственной поддержке и серьезном политическом и социально-экономическом вкладе процесс оттока населения в западную часть России продолжается. Вопрос и в самой политической конфигурации. Профильное министерство располагается в Москве, что не позволяет мобильно решать текущие вопросы. Есть нарекания к руководителям субъектов и к их командам.

Сравнительный анализ по социально-экономическому развитию субъектов Дальневосточного федерального округа показывает как успешные регионы, так и аутсайдеры. В целом формирование экономических провинций — это фактически повторение той модели хозяйствования, которая была во времена Советского Союза, когда на территориях Дальнего Востока четко были определены системы хозяйствования, которые успешно реализовывались и функционировали.

Например, недавно вошедшие в федеральный округ Республика Бурятия и Забайкальский край определены как сельскохозяйственные провинции. Исторически эти субъекты были действительно сельскохозяйственные, основой деятельности которых являлось животноводство. Камчатский край и Сахалинская область — это исконно рыбопромышленные территории и туристический кластер Дальнего Востока. Единственное, что объединяет все субъекты Дальнего Востока, — это залежи полезных ископаемых.

Во всех субъектах Дальнего Востока осуществляется политика цифровизации в рамках реализации государственной программы цифровизации, но традиционно регионы имеют разные возможности, как инфраструктурные, так и финансовые. Так, например, кандидаты экономических наук О.И. Ларина и Н.В. Морыженкова при исследовании цифровизации в стране приходят к мысли, что, «развивая процессы цифровизации в государстве, безусловно, следует продумать структуру и составляющие этих процессов. В первую очередь необходима оценка вклада регионов в общие цифровые трансформации. Переход к цифровизации объективно является постепенным и поэтапным, при этом общественные и экономические системы могут эффективно и успешно использовать цифровые технологии при внедрении обозначенных технологий в составляющие их части. Мониторинг проводимых трансформаций на уровне регионов в области цифровизации общественных систем необходим для проведения объективной текущей оценки и построения на ее основе дальнейших планов и их продвижения» (Ларина, Морыженкова, 2021, с. 4–12.)

В Российской Федерации принято достаточное количество нормативно-правовых актов, программ и проектов по цифровизации и цифровой трансформации регионов. При подготовке к реализации федеральных и региональных проектов по цифровизации в Дальневосточном федеральном округе выясняется, что не все субъекты владеют достаточным количеством и качеством инфраструктуры для быстрой и качественной реализации.

Забайкальский край и Республика Бурятия, являясь новичками в Дальневосточном федеральном округе, имеют неустойчивую тенденцию к цифровым системам. Выполняя общие задачи по цифровизации отраслей экономики и социальной сферы, данные регионы сталкиваются с такими же в принципе проблемами, что и остальные субъекты. В первую очередь удаленность населенных пунктов друг от друга, малочисленность муниципальных территорий, следствием чего является нерентабельность реализации ряда проектов. Несмотря на эти проблемы, организации, занимающиеся развитием цифровой инфраструктуры, стараются реализовать все плановые мероприятия. В первую очередь это касается экономической системы, бизнес-системы.

Выше нами говорилось о формировании экономических провинций, и федеральные органы исполнительной власти, создавая эти провинции, должны связать их именно цифровыми системами, если хотят действительно эффективности для субъектов Дальнего Востока. Большие финансовые вливания со стороны крупных государственных

компаний, чью деятельность регулирует государство, должны в первую очередь идти на развитие промышленного сектора. Именно масштабная модернизация промышленности позволит остановить процесс оттока населения и сохранить высококвалифицированных специалистов на местах.

Если крупные компании готовы вложить ресурсы в цифровую трансформацию для своих структур на Дальнем Востоке, то в сложной ситуации оказывается малый и средний бизнес. В данном контексте именно прямое участие государственных органов власти субъектов Федерации является обязательным. Именно региональные власти заинтересованы в стабильном развитии малого и среднего бизнеса, потому что именно они используют напрямую информационно-коммуникационную систему, обеспечивающую доходность местных бюджетов.

В своей статье А.Э. Стрельчук делает вывод, что «основной целью цифровой трансформации является повышение конкурентоспособности и предоставление возможностей для развития компании в условиях экономической нестабильности. Поэтому именно сектор малого и среднего бизнеса, наиболее подверженный рискам, нуждается в переходе на новую, цифровую модель бизнеса» (Стрельчук, 2020, с. 801–803). С этим стоит абсолютно согласиться.

Говоря об общественности, необходимо поднять тематику человеческого ресурса для цифровой трансформации регионов Дальнего Востока, причиной такой необходимости можно назвать серьезную разницу в подготовке специалистов информационно-коммуникационной системы и способность населения пользоваться этими системами. При исследовании цифровых процессов и управления человеческими ресурсами кандидат экономических наук Ю.А. Масалова выявляет следующие проблемы: «Одной из базовых проблем внедрения цифровых технологий можно считать недостаточную профессиональную компетентность, которая может быть сформирована за счет развития важных для цифровой экономики знаний и умений. К ним можно отнести:

- цифровую грамотность, которая предполагает умение работать с информацией, документами, аналитикой, профессиональными программными средствами, умение осуществлять коммуникации в сети Интернет;
- знание ключевых цифровых технологий и бизнес-моделей, характерных для цифровой экономики;
- цифровую культуру как особые умения, позволяющие работать с большим объемом данных, вести поиск и отбирать нужную информацию в потоке данных.

Внедрение инноваций всегда сопровождается определенными рисками, которые важно идентифицировать и учитывать с позиции целесообразности и необходимости внесения тех или иных изменений в организационную реальность. Кроме того, необходимо управлять рисками с целью получения больших эффектов от внедрения (Масалова, 2021, с. 128–135). Население Дальневосточного федерального округа в этом направлении достаточно прогрессирует, понимая необходимость идти вровень с быстроменяющимся технологическим миром. И этому фактору прежде всего помогает быстроразвивающийся наш сосед Китай.

Стратегическое партнерство с экономически развивающимися и развитыми государствами-соседями позволяет субъектам Дальнего Востока компенсировать часть своих рисков из-за различного рода санкций, введенных странами Европейского союза, от которых прежде всего страдают субъекты, граничащие с ними. Субъекты Дальнего Востока в этом контексте оказываются в более выигрышном положении, но все-таки пандемия не позволяет более интенсивно сотрудничать напрямую с внешними партнерами вживую, и именно условия пандемии стали катализатором более глубокой цифровизации всего комплекса экономического сотрудничества, и в этом отношении политическая система регионов тоже устремилась в полном объеме внедрить цифровые технологии в повседневную жизнь и запросить больше финансовых ресурсов в часть ключевых отраслей социально-экономической жизнедеятельности.

Восстановление экономического баланса — это вопрос времени, так как окончательная борьба с пандемией не завершена. Пока идет борьба с этим бедствием, процесс цифровизации в регионах России, в том числе регионах Дальневосточного федерального округа, остается актуальным и реальным. Официальное открытие границ и безопасность от пандемии будут являться основным катализатором к восстановлению и развитию территории Дальнего Востока, при этом в совсем новом свете, а именно технологически прогрессирующем благодаря процессу цифровизации политической и экономической структур.

Список литературы

Калмыкова С. В., Кобышева М. С., Сергеев Д. А. Цифровой комплаенс как фактор развития экономики региона // Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 4. С. 66.

Ларина О. И., Морыженкова Н. В. Цифровое развитие регионов: современное состояние и перспективы // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9. № 2. С. 4–12.

Масалова Ю.А. Современные тенденции в сфере управления человеческими ресурсами // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами: Сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (31 марта — 1 апреля 2020 г.). М., 2020. Ч. 2. С. 24–29.

Масалова Ю.А. Инновации в сфере управления человеческими ресурсами в условиях цифровой экономики // Управление инновациями: вызовы и возможности для отраслей и секторов экономики: Сб. научных статей по итогам III международной научной конференции. Калининград, 2021. С. 128–135.

Матафонова Ю.А. Образование Забайкальского края как способ повышения федеративной устойчивости // Власть. 2013. № 6. С. 048–051.

Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» от 15.04.2014 г. № 313 (ред. от 19.10.2020 г.).

Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16). URL: <https://base.garant.ru/72296050>.

Семенова А.Н. Цифровые технологии в управлении человеческими ресурсами // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 250–252.

Стрельчук А.Э. Особенности цифровой трансформации малого и среднего бизнеса в России // Весенние дни науки: Сб. докладов Международной конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2020. С. 801–803.

Широкова Л. В., Сорокина Г. П., Астафьева И. А. Цифровые технологии как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 2. С. 73–83.

Я.Ю. Шашкова
АлтГУ, Барнаул

Особенности отношения к патриотическому воспитанию старших школьников СФО в условиях информационного общества*

Одним из значимых последствий ускоренно идущих в последнее десятилетие процессов цифровизации стало размывание в массовом сознании границ окружающего мира и государственных границ, что приводит к пересмотру гражданами своих отношений с государствами,

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ №20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

трансформации процессов национальной идентификации. Особенно это касается современных школьников, поколения «цифровых аборигентов» (Prensky, 2001), с раннего детства привыкших к целостности и транснациональности информационного пространства, в каждой точке которого находится большое количество в основном негосударственных коммуникантов.

В этих условиях подростки уже не воспринимают ряд традиционных агентов социализации, в частности, государство, как референтный для себя источник информации, обладающий объемом «символического капитала», достаточным для монополии на «право видения деления социального мира» (Бурдьё, 1993, с. 72). В свою очередь, государство пытается вернуть свои позиции в молодежной среде и воспрепятствовать распространению в ней протестных настроений, в основном за счет усиления патриотического воспитания в образовательных учреждениях. В большей степени это касается школьной системы, которая традиционно выполняла наряду с образовательной воспитательную функцию. В рамках предлагаемой государством концепции патриотического воспитания на базе школ функционируют исторические и военно-исторические музеи, школьники вовлекаются в деятельность РДШ, «Юнармии» и других организаций патриотической и военно-спортивной направленности.

В связи с этим возникает вопрос: а как школьники, глубоко интегрированные в цифровую среду, реагируют на существующую программу патриотического воспитания, согласны/не согласны участвовать в ее реализации?

Исследование, проведенное коллективом кафедры политологии Алтайского государственного университета осенью 2020 г. (было опрошено 2050 учащихся 8–11 классов в 10 регионах Сибирского федерального округа; метод — анкетирование; выборка несвязанная квотная с контролем возраста, класса типа населенного пункта и региона проживания), дало довольно неожиданный ответ на первый вопрос: современные школьники относятся к патриотическому воспитанию по принципу «информационной» толерантности. Подростки рассматривают его как элемент информационного потока, который, как и любая информация, имеет право на существование, но не предполагает обязательного использования.

Такое отношение базируется на убежденности более половины респондентов (61,6%), что «патриотизм — это глубоко личное чувство, и его нельзя навязывать людям / человек сам определяет, что патриотично, а что нет». Данное мнение особенно характерно для регионов

с высокой долей протестных (либеральных или социалистических) настроений (Томская, Омская области, Алтайский край и Республика Хакасия) и Кемеровской области, администрация которой по инерции воспроизводит сформировавшуюся еще при А.Г. Тулееве систему патриотического воспитания на основе опыта советского периода и без учета изменения мировосприятия молодежи, чем вызывает ее соответствующую реакцию.

О необходимости «воспитывать патриотизм в семье и школе, пропагандировать его на телевидении, в кино и в литературе» заявили только 15,2% школьников, и всего 2,1% убеждены, что модель патриотизма должна задаваться государством. Однако каждый пятый учащийся (21,6%) не смог определить свою позицию по этому вопросу (Республика Алтай — 31%, Новосибирская область — 29,5%).

Представление о патриотизме как личном выборе каждого человека укрепляется по мере взросления школьников, в то время как идея необходимости воспитания и пропаганды патриотизма имеет почти одинаковое распространение среди 14–17-летних (8–10 классы) (табл. 1).

С другой стороны, 43,8% школьников отнесли «патриотическое воспитание в школе, институте, в семье» к наиболее эффективным способам формирования патриотических ценностей среди молодежи, 21,9% назвали в качестве такового развитие системы организаций и проведение мероприятий патриотической направленности, 11,3% — обеспечение функционирования патриотических и историко-культурных центров и музеев, 17,5% — увеличение числа «патриотических фильмов, художественной литературы, песен», 9,3% — доли материалов патриотической направленности в СМИ.

В то же время ненамного, но преобладающим оказалось мнение, что патриотические чувства сами возникнут у молодежи по отношению к государству, предпринимающему реальные усилия для заботы о своих гражданах («Улучшение условий жизни населения, создание рабочих мест, повышение зарплаты, предоставление жилья», 44,5%) и «поднятия престижа страны в мире» (29,4%). О том, что «патриотизм не нуждается в целенаправленном формировании», в данном вопросе заявили 14% школьников.

Приверженность системе патриотического воспитания особенно демонстрируют учащиеся из национальных республик СФО, на необходимость же создания условий для саморазвития указывают учащиеся как из экономически благополучных (Красноярский край, Омская и Томская области), так и менее успешных регионов (Республика Хакасия, Алтайский край).

Таблица 1

Корреляция между возрастом и представлением школьников о патриотизме, %

С каким из следующих мнений по поводу патриотизма Вы бы скорее согласились?	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Всего
Патриотизм — это глубоко личное чувство, и его нельзя навязывать людям /человек сам определяет, что патриотично, а что нет	54	56	58	65	69	62
Патриотизм надо воспитывать с детства: в семье, в школе; его необходимо пропагандировать на телевидении, в кино, в литературе	5	16	17	16	12	15
Определять, что патриотично, а что нет, должно государство	5	3	3	2	2	2
Затрудняюсь ответить	36	26	23	18	17	21

Кроме того, значимость последней группы механизмов формирования патриотизма прямо пропорционально меняется по возрастным градациям респондентов, достигая максимума в 17 лет (11 класс), в то время как роль «создания патриотических кружков, организаций, клубов, проведения зарниц, военно-патриотических игр» имеет обратную зависимость (табл. 2). Организация досуга молодежи и функционирование патриотических и историко-культурных центров и музеев более востребованы среди 15–16-летних (10 класс).

Таблица 2

Корреляция между возрастом и способом формирования патриотических ценностей среди молодежи, %

Что, на Ваш взгляд, необходимо делать для формирования патриотических ценностей среди молодежи?	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Всего
Улучшение условий жизни населения (создание рабочих мест, повышение зарплаты, предоставление жилья)	28,6	34,9	40,6	50,6	53,1	44,5
Патриотическое воспитание в школе, институте, в семье	44,6	43,4	41,8	46,4	43,4	43,8
Поднятие престижа страны в мире	10,7	21,4	26,4	36,5	34,3	29,4

Раздел 3. Политические эффекты цифровизации

Окончание табл. 2

Что, на Ваш взгляд, необходимо делать для формирования патриотических ценностей среди молодежи?	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Всего
Создание патриотических кружков, организаций, клубов, проведение зарниц, военно-патриотических игр	37,5	21,7	23,4	21,3	18,9	21,9
Больше патриотических фильмов, художественной литературы, песен	16,1	17,3	16,4	20,2	16,1	17,5
Повысить авторитет армии	14,3	14,5	17,1	16,3	12,1	15,2
Организация досуга молодежи	5,4	13,4	16,9	18,3	11,7	15,2
Патриотические и историко-культурные центры и музеи	5,4	8,8	11,2	14,1	10,5	11,3
Больше тем патриотической направленности в СМИ	7,1	9,0	8,6	10,3	9,8	9,3
Финансирование мероприятий патриотической направленности, людей, занятых в них	7,1	7,5	8,6	10,5	9,3	9,0
Другое	1,8	0,3	0,7	0,7	0,0	0,5
Патриотизм не нуждается в целенаправленном формировании	7,1	10,9	12,9	13,4	20,3	14,0
Затрудняюсь ответить	25,0	23,8	19,1	9,4	11,7	16,0

В качестве наиболее эффективного направления патриотического воспитания школьники всех регионов назвали создание фильмов и литературы патриотической направленности (его посчитали эффективным 67,1% опрошенных). При этом в целом уровень одобрения всех остальных методов также превысило 50% (табл. 3).

Однако анализ распределений оценок эффективности различных методов патриотического воспитания по возрасту показал более сложную картину. Так, осмысление эффективности форм и методов патриотического воспитания в основном начинается с 14 лет, когда учащиеся более активно вовлекаются в различные мероприятия патриотической направленности (среди 13-летних четверть респондентов затруднилась ответить на этот вопрос), а в 17 лет почти все они третью учащихся оценивают как неэффективные. Исключение составляют только литература и фильмы патриотической направленности, чья популярность среди 16–17-летних достигает 71%.

Оценка эффективности направлений формирования патриотизма, %

Направление	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Всего
Деятельность историко-культурных, патриотических клубов и центров	46	59	54	60	55	57
Выставки патриотической направленности	50	54	53	56	55	54
Военно-патриотические вахты и игры	46	55	53	56	50	53
Литература, фильмы патриотической направленности	59	65	63	71	71	67
Фестивали, конкурсы патриотической направленности	50	58	57	62	54	58

В то же время следует отметить, что значительная часть школьников при оценке эффективности направлений патриотического воспитания опиралась скорее на прогнозную модель, чем на собственный опыт. Как показал опрос, 49,7% подростков за последние два года не принимали участия ни в каких мероприятиях патриотической направленности, 40,4% посещали различные музеи, 13,8% — выставки патриотической направленности. Гораздо меньше распространены среди школьников активные и систематические формы участия в патриотической работе — только 15,5% из них принимали участие в военно-спортивных играх, 12% — в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике, 7% приобретали в течение года книги патриотической направленности. В деятельность патриотических клубов и центров оказалось вовлечено всего 8,4% респондентов, причем в Кемеровской и Омской областях — 4,8 и 3,1% соответственно.

Как уже отмечалось выше, более активное вовлечение школьников в систему патриотического воспитания начинается с 14 лет, достигая пика к 17 годам (10–11 класс), что и вызывает ее отторжение в данной возрастной группе (табл. 4).

При этом интересно, что анализ вовлеченности школьников в систему патриотического воспитания в разрезе уровней обучения дает более «сглаженную» картину в силу возрастной неоднородности классов: в 8–9 классах еще не вовлеченные сочетаются с уже участвующими, а в 10–11-м, наоборот, — еще участвующие соседствуют в классах с уже дистанцировавшимися от патриотики.

Таблица 4

Формы участия школьников в патриотических мероприятиях, %

Мероприятие	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет
Посещал музеи	30	38	39	42	43
Участвовал в деятельности патриотических клубов	4	8	8	8	11
Посещал выставки	16	12	14	14	14
Участвовал в фестивалях и конкурсах	4	9	12	13	16
Участвовал в военно-спортивных играх	14	16	16	17	14
Приобретал книги патриотической направленности	4	5	6	8	9
Участвовал в научных исследованиях	5	2	4	3	2
Ни в каких мероприятиях не участвовал	61	53	50	49	46

Учитывая выявленную опросом низкую степень вовлеченности школьников в систему патриотического воспитания, закономерным выступает их отрицательное отношение к введению обязательного патриотического воспитания в школах и вузах — положительно или скорее положительно эту идею оценили 28,8% респондентов, отрицательно или скорее отрицательно — 43,2%, 28% ответили, что им это безразлично.

В целом можно констатировать, что отношение школьников к дискурсу патриотизма, патриотическим акциям и деятельности патриотических организаций носит утилитарный характер и детерминировано прагматизмом значительной части современной молодежи. Поэтому в регионах СФО, особенно в их сельских территориях, наиболее распространенными и востребованными сегодня являются военно-спортивные организации, готовящие юношей к службе в армии и попутно транслирующие в их сознание милитаристскую версию патриотизма. Карьерно ориентированные молодые люди активно вовлекаются в патриотические акции и организации прогосударственной направленности. Школьники же, отождествляющие патриотизм с гражданской ответственностью, обычно дистанцируются от существующей системы патриотического воспитания.

Возможно, более активному и эффективному вовлечению нового поколения в систему патриотического и, шире, гражданского воспита-

ния будут способствовать учет мотивации молодежи и цифровизация данной сферы.

Список литературы

- Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
- Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon (MCB University Press). 2001. Vol. 9. № 5. P. 1–6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>.

Заключение

Сборник материалов конференции включает в себя разнообразные вопросы развития политики, которые либо прямо порождены внедрением цифровых технологий в публичное пространство, либо актуализированы в связи с таким внедрением. В этом отношении, конечно, можно сказать, что цифровизация представляет собой не просто процесс инструментальный, т.е. порождает новые орудия, посредством которых человек увеличивает свои способности, включая даже способность производить ряд умственных операций за счет искусственного интеллекта. Цифровизация создает контекст, в котором изменяется многое в человеке и в человеческих отношениях. Спор о том, не вытесняет ли цифровизация постепенно человека на второстепенные позиции в развитии мира, пока только разгорается. Может быть, правы сторонники оптимистического настроения, которые полагают, что не все цифровизация может, что за человеком все же остается его творческая способность и в познании, и в истории. Но, наверное, нельзя и снисходительно относиться к скептикам и паникерам. А вдруг действительно за антропоцентром станет проглядывать перспектива цифрового господства, силы которого сложно будет обуздать? Правда, и здесь слово «господство» все же скрывает человеческий контекст, перемещение человека из сферы политической в сферу частного удовольствия. Не случайно поэтому тематикой конференции была проблема политического, которое никогда не подчинялось математическому расчету. По крайней мере, на памяти здравого человечества. Хотя математическое является фундаментальной предпосылкой познания вещей (Хайдеггер).

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Материалы Всероссийской научной конференции
Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2021 г.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 24,0.
Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс».
111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15
E-mail: info@aspectpress.ru; <https://aspectpress.ru>
Тел.: 8(495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8(495) 221-89-80

